Глубокоуважаемому Графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву

от автора

Л. А. Кассо

РОССІЯ НА ДУНАѢ

и

ОБРАЗОВАНІЕ БЕССАРАБСКОЙ ОБЛАСТИ.

МОСКВА
1913

«Пров 38»

JX
1555

Академ... Наук СССР

164
37

Посвящается памяти

незабвеннаго учителя

Albert Sorel

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I. Пятилѣтнее занятіе дунайскихъ княжествъ. . .	1—88
Глава II. Мирный конгрессъ 1811 г. въ Журжевѣ . . .	89—117
Глава III. Послѣдняя зимовка въ Валахіи	118—145
Глава IV. Дѣйствительность и грёзы.	146—164
Глава V. Послѣ Бухарестскаго мира.	165—189
Глава VI. На новой окраинѣ	190—230

ГЛАВА I.

Пятилѣтнее занятіе дунайскихъ княжествъ.

Истекшій 1912 годъ перенесъ насъ къ столѣтнимъ воспоминаніямъ объ Отечественной войнѣ и воскресилъ передъ нашими глазами утѣшительную для насъ и бодрящую картину великаго подъема національнаго чувства, объединившаго тогда все русское населеніе противъ общей опасности. Но врядъ ли многіе изъ нашихъ современниковъ внѣ предѣловъ Бессарабіи останавливали свои мысли на столѣтней годовщинѣ Бухарестскаго мира и придавали 1812 году существенное значеніе въ исторіи нашей восточной политики. Большинство нашихъ историковъ усматриваетъ въ этомъ мирѣ Турціи съ Россіей лишь благопріятную для насъ пріостановку военныхъ дѣйствій на югѣ, непосредственно передъ вторженіемъ другого врага съ запада. Нѣкоторые французскіе писатели первой половины XIX вѣка идутъ еще далѣе и, не желая допустить неизбѣжности пораженія Наполеона въ Россіи, приписываютъ его неудачу главнымъ образомъ возвращенію Дунайской арміи въ Россію и невозможности для Турціи, послѣ мира съ нами, помогать Французамъ противъ Россіи [1]).

Своеобразнѣе, однако, точка зрѣнія румынскихъ публицистовъ, которые подчеркиваютъ роковую роль Бухарестскаго мира 1812 г. въ судьбѣ дунайскихъ княжествъ. Присоединеніе къ Россіи лучшей части Молдавіи, какъ они говорятъ [2]), должно было выяснить христіанскимъ подданнымъ султана на Балканскомъ

---

[1]) Ср. Capefigue, Les diplomates européens, II (1845), стр. 86; Juchereau de St. Denis, Révolutions, de Constantinople, I (1819), стр. 244—246.

[2]) ...„Cea mai frumósa jumatate din Moldova", Urechia, Istoria Romanilor, т. IX, стр. 706.

полуостровѣ конечныя цѣли русской освободительной политики [1]), и они повидимому глубоко признательны Наполеону, что онъ, объявленіемъ войны Александру I, отвлекъ наши силы отъ Дуная и цѣной собственной гибели спасъ Молдавію и Валахію отъ полнаго поглощенія Россіею [2]).

Но русскій читатель многочисленныхъ актовъ, относящихся къ этому періоду исторіи XIX вѣка и напечатанныхъ въ сборникахъ французскихъ, румынскихъ и русскихъ, не можетъ примѣнять подобнаго мѣрила къ собственной исторіи, когда онъ вдумывается въ послѣдствія міровыхъ событій и оцѣниваетъ въ настоящее время результаты внѣшней политики Александра I, продолжительность которыхъ предвѣщалъ еще Жозефъ де Местръ [3]) сто лѣтъ назадъ.

Окончательно отнятыя тогда у Турокъ старыя крѣпости, Хотинъ, Бендеры, Измаилъ, стоившія такъ много русской крови, отошли теперь въ область археологіи; Бессарабская губернія постепенно теряетъ теперь свою внѣшнюю обособленность и все болѣе сливается съ остальными частями Россійской Имперіи, давно уже не имѣющими отдѣльной исторіи Но было время, когда территорія, окаймленная Днѣстромъ, Дунаемъ и Прутомъ [4]), оказалась ставкой въ шестилѣтней борьбѣ между Россіей и Турціей и получила такъ сказать міровое значеніе, потому что эта борьба близко соприкасалась съ другими сложными вопросами тогдашней европейской политики.

Наполеонъ, колеблясь между традиціонной дружбою Франціи съ Турціей и новымъ союзомъ съ Россіей, старался одно время щадить интересы той и другой стороны, допуская возможность территоріальныхъ расширеній Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и въ то-же время поддерживая Турцію противъ Россіи. Но послѣдовавшее сближеніе Франціи и Австріи открывало для сей послѣдней державы перспективы такихъ же расширеній

---

[1]) См. Xenopol, Epoca Fanariotilor (1892), стр. 408.

[2]) „En attirant les Russes dans les steppes de leur Empire, Napoléon avait sauvé ces provinces du plus grand péril qu'elles eussent couru jusque là... C'est ainsi que le grand Empereur, que les Principautés avaient tant aimé et qui les avait tant de fois condamnées à mort, était destiné à les arracher lui-même à la mort sans le vouloir et au prix de son propre désastre". Pompiliu Eliade, De l'influence française sur l'esprit public en Roumanie (1898), стр 255.

[3]) „*D'une manière ou d'une autre* le règne d'Alexandre I sera à jamais mémorable". Joseph de Maistre au roi Victor Emmanuel, 25 février 1805 (Oeuvres complètes, IX, стр. 347).

[4]) До 1812 г. слово „Бессарабія" обозначало только южную часть нынѣшней русской губерніи, а остальная территорія входила въ составъ Молдавіи и именовалась съ сей послѣднею общимъ именемъ, вопреки мнѣнію Стрельбицкаго, Владѣнія Турокъ на материкѣ Европы (1879), стр. 7.

насчетъ Турціи или Россіи, смотря по тому, въ чью пользу должна была кончиться война на Дунаѣ. Это осложненіе только ухудшило отношенія Франціи къ Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовало разрыву съ Россіей, тогда какъ враги Наполеона, старый и новый, Англія и Швеція, стараясь примирить Россію съ Турціей, лишали его союзниковъ и изолировали французскую Имперію передъ ея паденіемъ.

Послѣ этого общеевропейская политика временно отошла отъ восточнаго вопроса, и въ 1815 г., когда передѣлывалась карта Европы, Турція не присутствовала на Вѣнскомъ конгрессѣ. Но для наступательнаго движенія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ Бухарестскій миръ означаетъ какъ бы перепутье: дѣйствовать ли по прежнему самостоятельно и единолично въ отношеніи къ Турціи, или искать опоры для нашей восточной политики въ содѣйствіи остальныхъ великихъ державъ, съ которыми Россія связалась въ 1815 году? Замѣтны колебанія Россіи между этими двумя возможностями. Слѣдующая война 1828 г. предпринята была съ согласія Англіи, Австріи и Франціи, и Россія заранѣе отказывалась отъ территоріальныхъ расширеній въ Европейской Турціи. Позже, въ 1833 г., начинается попытка отдѣльныхъ соглашеній между Россіей и Турціей, которыя окончились неблагопріятно для насъ въ 1841 г. Когда же Россія въ 1854 г., помимо Европы, объявила войну Турціи, она натолкнулась на противодѣйствіе Европы и лишилась части территоріи, пріобрѣтенной въ 1812 г; если же вслѣдъ за тѣмъ другая война съ Турціей въ 1877 г. и окончилась для насъ побѣдой, то она вернула Россіи на Дунаѣ лишь границу 1812 г.

Казалось бы, этого уже достаточно, чтобы не обходить молчаніемъ столѣтіе Бухареетскаго мира и остановиться также на предшествовавшихъ ему событіяхъ, чтобы лучше усвоить себѣ созданное имъ и продолжающееся понынѣ положеніе.

I.

Велико было удивленіе нашего посланника въ Константинополѣ, когда онъ узналъ о переходѣ русскаго казачьяго отряда черезъ Днѣстръ у Могилева 11 ноября и о взятіи Хотина 15 ноября 1806 г.. Онъ вполнѣ искренно могъ увѣрять Порту о неожиданности для него этихъ событій, въ которыхъ онъ не усматривалъ еще враждебныхъ дѣйствій противъ

Турціи, на томъ основаніи, что Россія, по его мнѣнію, не могла начать походъ безъ формальнаго объявленія войны[1]).

Однако на самомъ дѣлѣ положеніе рисовалось въ слѣдующемъ видѣ. Русскій ультиматумъ, требующій низложенія молдавскаго и валахскаго господарей Каллимахи и Суцо, былъ полученъ въ Константинополѣ 17 сентября Отвѣтъ Италинскаго съ сообщеніемъ, что султанъ согласился возстановить въ Молдавіи князя Мурузи и въ Валахіи князя Ипсиланти, отправленный изъ Константинополя 6 октября, полученъ былъ въ Петербургѣ 23 октября, а приказъ о переходѣ Днѣстра былъ данъ уже за недѣлю. Вскорѣ послѣ этого Италинскій получилъ отъ управлявшаго тогда Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, написанное въ ноябрѣ 1806 года письмо, въ которомъ ему выражалось именемъ Императора неудовольствіе за то, что онъ ограничился однимъ только формальнымъ удовлетвореніемъ, не потребовавъ другихъ уступокъ отъ Порты[2]). Становилось очевиднымъ, что, для продолжавшагося тѣмъ временемъ занятія придунайскихъ княжествъ русскими войсками, была болѣе глубокая причина, чѣмъ нарушеніе русско-турецкаго соглашенія 1802 г., въ силу котораго Турція обѣщала не смѣщать князей фанаріотовъ безъ согласія нашего правительства.

Россія продолжала наступательное движеніе, начатое въ XVIII вѣкѣ на Востокъ, и противодѣйствіе, которое она встрѣтила со стороны Франціи на берегахъ Босфора, было тѣсно связано съ борьбой Наполеона противъ коалиціи европейскихъ державъ Франція во время революціи не имѣла возможности играть активную роль въ турецкихъ дѣлахъ, но и на Востокѣ, какъ и

---

[1]) Письмо Италинскаго 1 дек. 1806 г. драгоману Порты Ханджерли (нап. у Juchereau de St. Denis, Révolutions de Constantinople, II, стр. 248): „Je prie S. E. le Reis Effendi de croire qu'il n'y a dans ma conduite ni feinte, ni cachoterie.... Je ne saurais non plus regarder comme une hostilité l'entrée de nos troupes à Chotine, d'après la manière dont elle a lieu. D'ailleurs des hostilités annonceraient un état de guerre, et très certainement si ma Cour était dans l'intention de la faire à la Sublime Porte, elle aurait commencé par la lui déclarer."

[2]) „....Vous observerez que Sa Majesté ne croit pouvoir envisager les rapports existants entre la Russie et l'Empire Ottoman comme replacés sur leurs anciennes bases que: 1) lorsque les droits et prérogatives, assurés aux Principautés de Moldavie et de Valachie par les différentes stipulations, seront rétablis dans toute leur force et vigueur et que nommément la derniére de ces provinces sera délivrée des rebelles qui la devastent, par les soins de la Porte, ou bien par les troupes de Sa Majesté et qu'en même temps sa tranquillité et son bien-être à l'avenir seront suffisamment garantis par l'établissement d'une force nationale capable de défendre la province contre les voisins du Danube, 2) lorsque la Porte aura formellement renoncé á l'intention d'entraver sous quelque prétexte que ce soit le passage des bâtiments de guerre et de transport de S. M. par le Bosphore et lorsqu'elle aura renouvelé son traité d'alliance avèc l'Angleterre." Нап. у Ranke, Denkwürdigkeiten v. Hardenberg, V, стр. 416.

въ другихъ областяхъ внѣшней политики, правители конвента и директоріи шли въ большинствѣ случаевъ по путямъ предшествовавшаго режима[1]). Незадолго до революціи министръ иностранныхъ дѣлъ Верженнъ много сдѣлалъ для болѣе тѣснаго сближенія Франціи и Турціи и старался по мѣрѣ силъ воспрепятствовать опасному для Порты соглашенію Австріи и Россіи, клонящемуся, по аналогіи съ раздѣломъ Польши, къ распредѣленію придунайскихъ земель между двумя сосѣдними имперіями[2]).

Во время революціи французскіе дипломатическіе агенты, пользуясь прежнимъ престижемъ представляемой ими страны, старались удержать Турцію отъ вступленія въ антифранцузскую коалицію. Имъ приходилось бороться съ русскимъ вліяніемъ на Босфорѣ, и для этого они старались убѣдить свое правительство въ необходимости учредить постоянныя консульства въ Яссахъ и Бухарестѣ[3]), заводя съ своей стороны сношенія съ вліятельными фанаріотами въ Константинополѣ[4]). Ихъ ненависть къ Россіи заставляла ихъ сообщать иногда въ Парижъ самыя невѣроятныя свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ[5]) Къ области французской фантазіи нужно отнести также мысль, поданную, впрочемъ, грекомъ, состоявшимъ на французской службѣ[6]), и направленную противъ Россіи: предлагалось французскому правительству прибѣгнуть къ распространенію принциповъ французской революціи среди христіанскаго населенія Оттоманской Имперіи для того, чтобы вырвать его изъ сферы вліянія единовѣрной съ нимъ Россіи[7]) и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдить всѣхъ православныхъ бал-

---

[1]) Эта мысль легла въ основу труда Сореля, L'Europe et la Révolution française.

[2]) Характерно въ этомъ отношеніи письмо Іосифа II Екатеринѣ II отъ 12 ноября 1782 года: „.....après avoir bien réflechi sur ce qui peut nous convenir davantage de part et d'autre pour le présent et l'avenir, je pense qu'il n'y a pour la monarchie Autrichienne que les limites suivantes qui puissent lui convenir, savoir la ville de Chotine avec un petit territoire servant de tête pour couvrir la Galicie et la Bucovina, dont on arrangerait les limites, une partie de la Valachie, enclavée par l'Alute et depuis Nicopolis inclusivement, et en remontant le Danube jusqu'à Belgrade, ses deux rives à trois lieues de distance et par conséquent les villes de Viddin, d'Orsowa et de Belgrade.“ Напеч. у Sturdza, Colescu, Vartic, Acte si documente relative la istoria renascerei Romaniei, I, (1900), стр. 392.

[3]) См. Rapport de pluviôse An III au Comité du salut public (1795), нап. въ сборникѣ Hurmuzaki, Documente privitoare la istoria Romanilor. Suppl. I, vol. II, стр. 113.

[4]) См. Донесенія французскаго повѣреннаго въ Константинополѣ Henri отъ 1 сентября 1793 года у Hurmuzaki, Documente. Suppl. I, vol. II, стр. 90 сл.

[5]) Такъ, напр., донесеніе французскаго агента Descorches (бывш. маркиза de Sainte Croix) въ 1794 г. о поголовномъ возстаніи донскихъ казаковъ.

[6]) Вице-консулъ Стамати.

[7]) „Il est vrai que la Russie est parvenue par le secours de prêtres de toutes sectes à rendre la révolution française et même la nation odieuse aux Grecs, tandis qu'elle est adorée par les Turcs. Ce serait donc travailler contre la Russie, que

канскаго полуострова, что ихъ счастье можетъ быть достигнуто только съ помощью Франціи и распространенія ея политическаго катехизиса въ обновленной Турціи[1]). Эта младотурецкая программа оказалась преждевременной, и проектъ остался безъ послѣдствій, хотя тогда уже, въ концѣ XVIII вѣка, у нѣкоторыхъ образованныхъ фанаріотовъ въ Константинополѣ и у нѣкоторыхъ валахскихъ бояръ замѣчается стремленіе искать духовную опору для возрождающагося у нихъ національнаго чувства не на Востокѣ, а скорѣе на Западѣ[2]).

Египетская экспедиція, какъ извѣстно, нарушила традиціонную французскую политику на Востокѣ, вызвавъ опасенія Турціи, которыми съумѣли воспользоваться враги Франціи. Мысль объ этомъ походѣ, противъ которой долго возражали члены Директоріи, стоявшіе за вѣковую дружбу съ Турціею, принадлежала не столько Бонапарту, сколько Таллейрану, мечтавшему тогда о созданіи новыхъ колоніальныхъ владѣній для Франціи и упустившему изъ виду связь между Египтомъ и Турціей. Но, будучи впослѣдствіи министромъ иностранныхъ дѣлъ Перваго Консула, онъ принялся за возстановленіе и оживленіе дипломатическихъ отношеній съ Портой, такъ что миръ между Франціей и Турціей былъ заключенъ окончательно 26 іюня 1802 г.[3]).

Инструкціи, написанныя Таллейраномъ для новоназначеннаго посла въ Константинополѣ, генерала Брюнъ, поручаютъ представителю Франціи разъяснить Турціи, насколько было цѣнно для нея, именно въ это время, доброе расположеніе такого мощнаго государства, какъ Франція[4]). Кромѣ того, министръ обра-

---

d'éclairer les Grecs et d'influer sur leur opinion." Rapport adressé au Comité du salut public, 21 juin 1795, у Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 119.

[1]) „La France ne jouera d'un repos précaire, sa liberte ne sera qu'une fleur éphémère, si elle tolère encore que la plus barbare des puissances européennes, la Russie, conserve la suprematie du despotisme et une prépondérance criminelle au mépris des droits sacrés, dont la défense semble être confiee à la gloire et au grand caractère des Français." Вышеприведенное донесеніе Стамати у Hurmuzaki, стр. 110.

[2]) Любопытно донесеніе французскаго вице-консула въ Яссахъ Parrant отъ 11 іюня 1798 года: „Il est à remarquer que la révolution française, pour la petite portion de ceux des boyards, qui savent raisonner, n'est pas absolument sans charmes; ils aiment qu'on leur en parle, ils ne sauraient s'empêcher de l'approuver en partie, d'en admirer du moins les prodiges, et avec le temps, la jeunesse surtout continuant les études, auxquelles elle commence à se livrer, il n'y a point à douter que les principes français n'exercent ici, comme ailleurs, leur douce et bienveillante influence " Hurmuzaki, suppl. I, vol. II, стр. 183.

[3]) Предварительное соглашеніе было уже достигнуто въ Парижѣ 9 окт. 1801 г.

[4]) „La Porte peut désormais compter sur son appui (Франціи) et faire avec calme et securité le discernement des puissances qui peuvent être intéressées à sa perte ou de la seule qui puisse avoir quelque intérêt à l'en préserver." Инструкція Таллейрана, напечатанная у Driault, La politique extérieure du Premier Consul (1910), стр. 357.

щалъ вниманіе посла на значеніе, которое имѣли въ турецкой политикѣ два крупныхъ вассальныхъ княжества, расположенныхъ на границахъ Турціи и близко соприкасающихся съ внѣшней и внутренней жизнью сей послѣдней. Онъ совѣтовалъ ему внимательно слѣдить за донесеніями бухарестскаго и ясскаго консуловъ и стремиться къ нѣкоторому воздѣйствію на назначеніе князей, чтобы обезпечить французское вліяніе въ Валахіи и Молдавіи, а тѣмъ самымъ упрочить положеніе Франціи въ Константинополѣ [1]).

Рядомъ съ этой политической программой, вполнѣ соотвѣтствовавшей образу дѣйствій французской дипломатіи до революціи, интересно отмѣтить мимоходомъ экономическое значеніе франко-турецкаго сближенія для черноморской торговли. Затишье, наступившее въ Европѣ въ теченіе 1801 г., и упорядоченіе внутренней жизни во Франціи, послѣ брюмерскаго переворота, вызвали у французовъ подъемъ дѣловой жизни и на южномъ побережьѣ, особенно въ Марсели, стремленіе найти доступъ къ рынкамъ Новороссіи. Консульскіе агенты [2]) и французскіе коммерсанты [3]) стали даже въ печати обращать вниманіе на роль правильныхъ морскихъ сообщеній между французскими и русскими портами. Но прочное основаніе къ свободному плаванію по Черному морю тогда же создано было мирнымъ договоромъ между Турціей и Франціей, которымъ воспользовались впослѣдствіи рынки и другихъ державъ. Французское правительство, какъ это видно изъ переписки Таллейрана съ Брюномъ, прекрасно понимало значеніе Чернаго моря, такъ долго недоступнаго Западной Европѣ, а также и рѣкъ, въ него впадающихъ, какъ громадныхъ подъѣздныхъ путей [4]). Франція, такимъ образомъ, содѣйствовала благосостоянію южной Россіи, новой житницы для западныхъ государствъ, сильно тогда пострадавшихъ отъ временнаго оскудѣнія Египта и запрета, установленнаго противъ венгерскаго хлѣба во время австро-

---

[1]) „Rien ne serait propre à nous attirer la confiance des Grecs, comme la nomination d'un prince à la recommandation de l'ambassadeur de France, et rien ne serait capable de donner de la durée à ce genre d'influence comme le choix d'un homme de cette nation qui marquerait par ses talents, son crédit personnel et sa bonne conduite." Инструкція Таллейрана сентября 1802 г.

[2]) Reuilly, Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire. Paris 1806.

[3]) A. de st. Joseph, Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer Noire. Paris 1805.

[4]) „Depuis que la Mer Noire appartient à l'Empire Ottoman, elle est devenue plutôt un obstacle qu'un moyen de communication entre le nord et le midi de l'Europe..... Des fleuves considérables aboutissent à ses rivages: le Danube peut y porter les productions de la plus grande partie de l'Allemagne, le Dniester peut faire suivre à Constantinople les productions territoriales des plus riches provinces de la Pologne." Instructions du 19 oct. 1802 y Driault, I. c., стр. 361.

французскихъ войнъ. Съ тѣхъ поръ, можно сказать, установился правильный экспортъ[1]) нашихъ зерновыхъ продуктовъ по Черному морю, и онъ не прекращался потомъ во время русско-турецкой войны 1806 г., пока не былъ пріостановленъ русскимъ правительствомъ, которое надѣялось путемъ голода принудить Турцію къ миру[2]). Неудачность этой мѣры, нанесшей тогда крупный убытокъ Одессѣ[3]) и другимъ нашимъ портамъ, однако не помѣшала повторить ее еще разъ, въ концѣ XIX вѣка, съ другой цѣлью, но съ такимъ же урономъ для насъ.

Характеръ отношеній Россіи съ Франціей въ самомъ началѣ XIX вѣка быстро смѣнялся. Первый Консулъ раздѣлялъ, повидимому, распространенныя тогда на Западѣ предубѣжденія противъ Россіи[4]), но охотно воспользовался ея выходомъ изъ коалиціи, послѣ занятія Мальты Англичанами въ концѣ 1800 г., и между Павломъ I и Наполеономъ завязалась переписка о возможности общихъ операцій на Востокѣ. Сближеніе не дало конкретныхъ результатовъ, но оно подготовило заключеніе формальнаго договора между Россіей и Франціей, послѣ восшествія Александра I, 8 октября 1801 г. Однако миръ не долго длился; уже въ августѣ 1803 года русскій посолъ покинулъ Парижъ, и Россія стала готовить свое вступленіе въ новую коалицію противъ Франціи, главнымъ образомъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые французскіе историки, изъ за опасенія, что Наполеонъ могъ въ ближайшемъ будущемъ приступить къ осуществленію своихъ замысловъ на Востокѣ.

Таллейранъ, чувствуя всю тяжесть борьбы Франціи одновременно съ Англіей и съ двумя союзными имперіями, совѣтовалъ Наполеону щадить Австрію, чтобы сохранить возможность заключенія съ ней союза, который задуманъ былъ еще въ концѣ царствованія Людовика XV и, по его глубокому убѣжденію, долженъ былъ служить опорой для всей французской политики. Не всѣ совѣты Таллейрана Наполеону за время его министерства были одинаково искренни, но въ письмѣ[5]), которое онъ писалъ Наполеону

---

[1]) См. объ этомъ Sicard, Lettres sur Odessa, 1812.

[2]) Подробности въ изданіи къ столѣтію Одессы: „Одесса 1794—1894“, стр. 176.

[3]) Инициаторъ этой мысли, графъ Ришелье, горько каялся впослѣдствіи: „Il a demandé la révocation de cet ordre, en disant à l'Empereur, que c'était lui (le duc de Richelieu) qui avait tort dans cette affaire, qu'il n'avait fait de sa vie une plus grande faute, et qu'il voudrait que sa main se fût desséchée, lorsqu'il écrivait pour obtenir une mesure aussi funeste.“ J. de Maistre au roi Victor Emmanuel, 22 mai 1811. Oeuvres complètes, XII, 51.

[4]) „Bonaparte (premier consul) voulait reléguer la Russie dans ses forêts“. Mémoires du prince Adam Czartoryski (éd. Mazade) II, 192.

[5]) Оно было уже извѣстно историку Минье; напечатано теперь in extenso у Pierre Bertrand, Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon (1889), стр. 158 сл.

изъ Страсбурга въ октябрѣ 1805 г., послѣ перваго пораженія австрійцевъ, слышится рѣчь дипломата, излагающаго излюбленную точку зрѣнія. Предвидя территоріальныя потери Габсбурговъ въ Германіи, онъ предлагаетъ найти для нихъ возмѣщеніе въ придунайскихъ княжествахъ, чтобы создать преграду противъ наступательнаго движенія Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать между этими двумя державами такія пререканія, которыя отвлекли бы силы Австріи отъ Запада[1]). Таллейранъ предполагалъ, что Турція уже не въ силахъ была поддерживать свою власть сѣвернѣе Дуная[2]) и что она охотно уступила бы Австріи Валахію съ выходомъ къ Черному морю и Молдавію съ пустынными буджакскими или бессарабскими степями[3]), которыя Таллейранъ совѣтовалъ заселить выходцами изъ нѣмецкихъ территорій австрійской монархіи[4]). Кое что изъ плана Таллейрана исполнилось: въ южныхъ уѣздахъ нынѣшней Бессарабской губерніи проѣзжій встрѣчается съ нѣмецкими колоніями, которыя заселены потомками прирейнскихъ и швабскихъ переселенцевъ; и въ 1878 г. дипломаты, опредѣляя размѣръ Добруджи, уступаемой юному румынскому королевству, провели между Дунаемъ и Чернымъ моремъ приблизительно ту линію, которую предлагалъ Таллейранъ[5]). Но если Австрія теперь удалена изъ Герма-

---

[1]) „....L'Autriche reculée vers l'Est et établie dans les provinces, que les Russes convoitent, devient leur ennemie. Elle est alliée à la France contre eux. Elle garantit contre toute attaque de leur part l'empire ottoman et la lie elle-même envers cet empire, dont elle garantit à la France l'intégrité (стр. 120). .... .. Les Turcs ne sont plus à craindre, ils ont tout à craindre eux-mêmes. Mais les Russes les ont remplacés; l'Autriche est encore le principal boulevard que l'Europe ait á leur opposer, et c'est contre eux qu'il faut la fortifier aujourd'hui" (стр. 161).

[2]) ....D'ailleurs la souveraineté de la Porte Ottomane sur la Valachie et la Moldavie n'est plus que nominale. La souveraineté réelle de ces provinces est entre les mains des ennemis de l'Empire, contre lesquels elles ne sont plus une barrière. Elles le soutiendront au contraire entre les mains de l'Autriche, et par le sacrifice d'une souveraineté légale la Porte Ottomane aura acheté sa sûrete et l'espoir d'un long avenir... (стр. 162)".

[3]) „....En échange des Etats Vénitiens, du Tyrol, de ses possessions en Souabe et de ses prétentions sur les états voisins...on lui donne la Valachie et la Moldavie, la Bessarabie et la partie la plus septentrionale de la Bulgarie" (стр. 162).

[4]) „....La Bessarabie et le nord de la Bulgarie sont déserts et les revenus de tous ces territoires montent à peine à 16,000,000. Mais leur étendue est double de ceux auxquels l'Autriche renonce. Leur sol est généralement admirable. Ils produiront de grands revenus dès qu'ils auront des hommes, et ce sera même un avantage pour la maison d'Autriche d'y trouver les rangs clair-semés, puisqu'elle pourra y transporter des colonies d'Allemands laborieux et sur la fidélité desquels elle pourra plus compter, que sur celle des Grecs....." (стр. 171).

[5]) Къ письму Таллейрана приложенъ проектъ договора, въ которомъ § 9 гласитъ: „Sa Majesté l'empereur des Français ne s'oppose pas à ce que immédiatement après la ratification du présent traité S. M. l'empereur d'Allemagne fasse occuper par ses troupes et possède en toute souveraineté et perpétuite la Valachie, la Moldavie, la Bessarabie et la partie de la Bulgarie, au nord d'une ligne tirée du Danube à Mancalia sur la mer Noire...." (стр. 168).

ніи и если ея взоры обращены на Востокъ, то это не по инициативѣ и не въ выгодахъ Франціи, а другой, нѣмецкой, державы.

Наполеонъ не послушался Таллейрана[1]) и при заключеніи пресбургскаго мира съ Австріей не допустилъ даже намековъ на возможность расширенія австрійскихъ владѣній къ востоку[2]). Хотѣлъ ли Наполеонъ беречь Турцію для своихъ личныхъ цѣлей, приблизившись къ ней посредствомъ пріобрѣтенія Далмаціи, или боялся онъ, послѣ Аустерлица, задѣть слишкомъ глубоко Россію, съ которой онъ желалъ поскорѣе заключить миръ? Второе предположеніе вѣроятнѣе, но война все-таки продолжалась, такъ какъ предварительное соглашеніе, подписанное русскимъ представителемъ и Наполеономъ въ Парижѣ 20 іюля 1806 г. (т. н. traité d'Oubril), не было утверждено Александромъ I. Борьба возобновилась съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, и если соглашеніе съ Франціей не было ратифицировано въ Петербургѣ и подписавшій его, Убри, впалъ въ немило́сть, то не только потому, что французская политика въ Германіи не внушала петербургскому кабинету достаточнаго довѣрія, а больше потому, что въ проектѣ этого договора Россія обязывалась охранять status quo на Востокѣ[3]).

Какъ разъ въ это время неопредѣленныя[4]) дотолѣ мечты Александра I, продолжать Екатерининскую политику на Балканскомъ полуостровѣ, приняли болѣе конкретную форму подъ несомнѣннымъ вліяніемъ начертаній князя Чарторыжскаго. Послѣдній, мечтая о возстановленіи Польши сначала подъ русской эгидой[5]), а впослѣдствіи уже подъ французскимъ протекторатомъ, въ докладной запискѣ совѣтовалъ Александру I, еще въ 1804 г., искать для себя возмѣщенія, за эти неизбѣжныя жертвы, въ территоріальныхъ расширеніяхъ за счетъ Турецкой Имперіи и, предвидя вожделѣнія Австріи, которая тоже лишилась бы своихъ польскихъ владѣній, предлагалъ для сей послѣдней значитель-

---

[1]) Который обращался еще разъ къ Наполеону съ тѣмъ же предложеніемъ послѣ Аустерлица. См. Mignet, Notices et Portraits (1854), I, стр. 212.

[2]) См. Петровъ, Война Россіи съ Турціею 1806—1812 гг., I, стр. 39.

[3]) См. объ этомъ Записки Тучкова (изд. Военскаго), стр. 267.

[4]) Бывали дни, когда онъ повидимому отъ нихъ отказывался. См. письмо герцога Брауншвейгскаго отъ 27 февраля 1806 г. королю прусскому (нап. у Ranke, Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers v. Hardenberg. II, 536). „L'Empereur Alexandre me dit: „je garantis l'intégrité de la Porte, le système de l'Imperatrice Catherine sur l'Orient est *entièrement* abandonné. Je suis l'ami de la Porte et je veux la soutenir."

[5]) Этой мысли сочувствовалъ Императоръ Александръ I еще въ 1811 г., когда онъ писалъ 31 января Чарторыжскому: „La puissance, dont j'ai voulu parler et qui veut se charger de la régénération de la Pologne, est la Russie." Нап. у Ch. de Mazade, Alexandre I et Czartoryski, стр. 159.

ныя расширенія на Дунаѣ, въ видѣ Валахіи и Сербіи, тогда какъ Россіи досталась бы одна Молдавія[1]) Но послѣ Аустерлица положеніе измѣнилось: наши отношенія къ Австріи, поспѣшившей заключить отдѣльный миръ съ Наполеономъ, рѣзко ухудшились, и при нашемъ дворѣ велико было раздраженіе противъ бывшей союзницы[2]). Чарторыжскій могъ довольно откровенно подвести итоги неудачной кампаніи, тѣмъ болѣе что онъ всегда осуждалъ активное выступленіе Россіи въ помощь Австріи, направленное противъ Франціи[3]). Въ новой докладной запискѣ, составленной въ началѣ 1806 г., онъ развилъ прежнюю мысль о русскихъ завоеваніяхъ на Востокѣ, на этотъ разъ уже безъ участія Австріи[4]). Онъ исходилъ изъ той мысли, что особое вниманіе, обращенное Наполеономъ на Востокъ, одинаково опасно для Россіи, независимо отъ того, ищетъ ли Наполеонъ только сближенія съ Портой или мечтаетъ онъ о покоренiяхъ на Востокѣ. По мнѣнію князя, лучшей преградой противъ Французовъ можетъ служить образованіе, въ предѣлахъ Турціи, новыхъ христіанскихъ государствъ подъ русскимъ протекторатомъ, но только южнѣе Дуная, который въ проектѣ Чарторыжскаго долженъ послужить границей Россіи, а для этого требуется присоединеніе Молдавіи и Валахіи, призванныхъ слиться окончательно съ русскою территоріей[5]). Записка не ограничивалась одними общими начертаніями: она содержитъ также программу военныхъ дѣй-

---

[1]) „L'Autriche, s'il fallait obtenir son assentiment, pourrait avoir une partie de la Bosnie et de la Valachie, Belgrade, Raguse. La Russie aurait la Moldavie." Mémoires du prince Adam Czartoryski (1887), II, стр. 65.

[2]) Императрица писала своей матери 11 дек. 1805 г. подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ поведенія австрійцевъ послѣ Аустерлица (нап. у Вел. Князя Николая Михайловича, Императрица Елисавета Алексѣевна, II, стр. 176): „Le nom d'Autrichien est et doit être en exécration, non seulement à tout Russe, mais à tout être qui a une âme."

[3]) См. письма Чарторыжскаго Александру I въ мартѣ и апрѣлѣ 1806 г., нап. у Mazade, Alexandre I et Czartoryski, стр. 6 сл., 19 сл.

[4]) О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Австріи мечталъ еще прусскій кабинетъ. См. донесеніе Гольца королю 26 янв. 1806 г. у Jorga, Acte şi Fragmente cu privire la istoria Romînilor, II (1896, стр. 405); въ концѣ 1806 г. Австрія уже требовала отъ Россіи объясненій по поводу занятія княжествъ. См. письмо Таллейрана Наполеону отъ 30 дек. 1806 г., нап. у Bertrand, Lettres inédites de Talleyrand, стр. 290.

[5]) Записка 11 января 1806 г. нап. въ Сборникѣ Им. Р Ист. Общ. т. 82, стр. 254. „Il semble donc que le seul plan convenable à suivre pour la Russie sur un changement futur dans l'empire ottoman serait d'y établir des états separés, jouissant des formes de l'indépendance quant à leur régime intérieur, mais sous la souveraineté de la Russie et sous l'égide de sa protection. On excepterait du nombre de ces états les pays, que la cour impériale croirait à sa convenance de s'approprier entiérement, tels que la Moldavie, la Valachie et la Bessarabie. Outre les ressources de tout genre qu'offriraient ces provinces à la Russie par la nature, la richesse et l'abondance de leurs productions, le Danube, qui les borde dans toute leur étendue, deviendrait une frontiére infiniment plus solide que n'est actuellement le Dniester."

ствій[1]), согласно которой 100,000 армія должна была быть собрана на юго-западной границѣ Россіи, чтобы вторгнуться въ Молдавію и занять придунайскія крѣпости, по усмотрѣнію главнокомандующаго, какъ только Турки своимъ поведеніемъ или даже своею податливостью французскому вліянію вызвали бы такую оккупацію [2])

Планъ этотъ былъ осуществленъ, какъ извѣстно, при преемникѣ смѣлаго князя, баронѣ Будбергѣ, и несомнѣнно съ полнаго одобренія Монарха. Уже раньше, трижды въ теченіе XVIII вѣка, русскія войска побѣдоносно занимали Молдавію, и еще до князей фанаріотовъ, при Кантемирѣ[3]) и при Стефанѣ Воеводѣ[4]), она тяготѣла къ Россіи. Расширеніе Имперіи по направленію къ Карпатамъ и къ Дунаю не могло не казаться естественнымъ, тѣмъ болѣе, что вновь образовавшійся Новороссійскій край подвергался серьезной опасности, вслѣдствіе близости турецкой границы и главнымъ образомъ буджакскихъ кочевниковъ, тревожныхъ сосѣдей для молодой Одессы[5]).

Кромѣ того, открытіе похода противъ Турокъ и предполагаемые быстрые успѣхи нашихъ военныхъ операцій за Днѣстромъ должны были нѣсколько успокоить и удовлетворить общественное мнѣніе въ Россіи: здѣсь искали реванша послѣ Аустерлица, здѣсь довольно открыто[6]) обвиняли въ неудачной кампаніи самаго

---

[1]) См. Замѣчанія Чарторыжскаго отъ 23 февр. 1806 года, тамъ же, стр. 318.

[2]) „Pour être prêt a tout évènement et pouvoir faire la guerre en Turquie avec avantage, on propose les mesures suivantes: rassembler incessamment une armée de 100,000 hommes sur le Dniester. Le général commandant en chef devrait pouvoir agir sans attendre des ordres ultérieurs dans chacun des cas ci-dessous spécifiés, savoir.... c) un rassemblement de troupes turques sur le Danube ou bien un renfort marquant des garnisons de Chotin et des forteresses de la Bessarabie.... d) une preuve convaincante qu'obtiendrait le ministre de Russie à Constantinople, d'un changement de système de la Porte en faveur des Français.“ Зап. Чарторыжскаго, Сборникъ, стр. 258.

[3]) См договоръ 15 апр. 1711 г. (П. С. 3 2347).

[4]) „... .И тебѣ Стефану Воеводѣ быть подъ Нашего Царскаго Величества высокою рукою со всею Молдавскою землею навѣки и не отступно“... Договоръ 29 іюня 1656 г. (П. С. 3. 180)

[5]) Journal de Langeron, Campagne de 1806, нап. у Hurmusaki, Documente, Suppl I, vol. III, стр. 110: „Dans d'autres circonstances cette guerre, quoique très injuste, etait indispensable pour la Russie. Elle ne pouvait laisser aux Turcs les forteresses du Danube, ni la possession de la Bessarabie entre le Danube, le Pruth et le Dniester. Cette province était peuplée de Tartares, qui pouvaient facilement mettre 30,000 hommes à cheval et venir par une incursion rapide et inattendue détruire Odessa et ravager le pays qu'on cherchait alors à peupler et a cultiver... Lorsque le Dniester est gelé, ainsi que le Liman d'Akkermann, ils pouvaient de cette ville arriver à Odessa en quatre ou cinq heures. Sans la possession de la Bessarabie, cette dernière ville n'eut jamais pu acquérir les accroissements prodigieux qu'elle a obtenus depuis par le commerce et eut peut-être cessé d'exister.“

[6]) „L'empereur a été plus vaincu que son armée à Austerlitz. On a eu le courage de lui dire: „Sire, avec votre parade vous perdez vous, la Russie et l'Europe“. J. de Maistre, Note du 15 février 1806, нап. въ его Mémoires politiques et correspondance diplomatique (1858), стр. 214.

Императора[1]), который и не отрицалъ тогдашнихъ своихъ ошибокъ[2]).

Но главнымъ поводомъ къ разрыву между Турціей и Россіей послужила французская политика на Босфорѣ и энергія ея представителя, генерала Себастьяни.

Имя послѣдняго связано съ обороной Дарданеллъ въ 1807 г., когда порывистому корсиканцу удалось преодолѣть оттоманскую инерцію и поднять Турокъ на защиту ихъ столицы противъ англійскаго флота[3]). Подобные успѣхи особенно цѣнны, когда дипломаты лишены возможности опираться на матеріальную поддержку представляемой ими державы и когда удачные результаты должны быть приписаны только убѣдительности или находчивости человѣческаго ума. Такимъ человѣкомъ оказался Себастьяни въ борьбѣ съ Англіей на Востокѣ и въ своихъ попыткахъ произвести давленіе на Порту, когда онъ, отрѣзанный отъ Франціи моремъ, не могъ уже разсчитывать на помощь французскаго флота, уничтоженнаго при Трафальгарѣ. И если одинъ изъ собесѣдниковъ генерала Себастьяни, характеризуя его впослѣдствіи, думалъ вѣроятно умалить значеніе французскаго посла, называя его „простымъ разносчикомъ наполеоновской воли“[4]), то нужно думать, что и въ этихъ словахъ лежитъ немалая похвала для одного изъ тѣхъ вѣрныхъ слугъ, которыхъ Наполеонъ умѣлъ находить и воодушевлять.

Инструкціи, полученныя Себастьяни при его назначеніи въ Константинополь, очень характерны и даютъ ясное понятіе о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ на Востокѣ Наполеономъ. Представитель послѣдняго долженъ былъ убѣдить Порту, что всякая мысль о завоеваніи въ ущербъ Оттоманской Имперіи безусловно оставлена Императоромъ[5]), и что Порта, какъ союзница Наполеона,

---

[1]) Чарторыжскій писалъ въ апрѣлѣ 1806 г. (Mémoires, II, стр. 125): „Si Votre Majesté avait voulu écouter le conseil, qu'on n'a cessé de lui donner, d'abord de ne par aller à l'armée, ensuite de ne pas y rester, on peut mettre en fait que la bataille d'Austerlitz n'aurait pas été donnée, ni perdue, et que si même elle avait été perdue, elle n'aurait pas eu les suites, qu'elle a entraînées après elle.“

[2]) Государь говорилъ впослѣдствіи Ланжерону: „Oublions cette malheureuse bataille d'Austerlitz; nous y avons bien fait des sottises, et moi tout le premier.“ Journal de Langeron, Hurmuzaki. Suppl. I, vol. 3, стр. 317.

[3]) Объ этомъ у Driault, La politique orientale de Napoléon (1904), стр. 80 сл., а также Kallay, Geschichte der Serben, Wien, 1878, стр. 519 сл.

[4]) Иненланти послѣ разговора съ Себастьяни писалъ про него 23 іюля 1806 г. Чарторыжскому: „Son maintien, sa démarche sont plus d'un émissaire que d'un ambassadeur. Point d'esprit, nulle instruction, grivois gascon, véritable casse-cou de la politique, incapable d'une discussion raisonnée: il est propre seulement à être le colporteur des volontés absolues de son maître “ Нап. у Богишича, Разборъ сочиненія А. Попова, стр. 51.

[5]) „Je ne veux point partager l'empire de Constantinople; voulut-on m'en offrir les trois quarts, je n'en veux point. Je veux raffermir et consolider ce grand empire

должна ему помочь въ борьбѣ противъ Англіи и, главнымъ образомъ, противъ Россіи, которая считалась наиболѣе опасной для Франціи. Французскому послу предписывается не пропускать случая, гдѣ можно было повредить престижу русскаго имени въ глазахъ Турціи, и проявлять особую осторожность, а иногда и надменность, въ отношеніяхъ къ русскому посольству, даже послѣ заключенія мира съ Россіей[1]). Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что это анти-русское руководство для французскихъ дипломатовъ въ Турціи пережило Наполеона и примѣнялось почти до самаго конца XIX вѣка во всѣхъ эпизодахъ восточнаго вопроса.

Въ 1806 году враждебныя теченія Франціи и Россіи на берегахъ Босфора сталкивались главнымъ образомъ вокругъ вопроса о замѣщеніи княжескихъ престоловъ Молдавіи и Валахіи, одного изъ самыхъ существенныхъ съ середины XVIII вѣка для тѣхъ державъ, которыя, какъ Англія, Австрія, Россія и Франція, находились въ постоянныхъ и интенсивныхъ сношеніяхъ съ Портой[2]). Послѣ того какъ представители румынскихъ національныхъ родовъ не стали уже допускаться къ вассальнымъ престоламъ Валахіи и Молдавіи, господарская власть въ придунайскихъ княжествахъ передавалась Портой князьямъ, выбираемымъ изъ константинопольскихъ грековъ: назначеніе фанаріотовъ, смѣщеніе ихъ и перемѣщеніе изъ одного княжества въ другое тѣсно связаны были съ общей политикой Порты, потому что обладаніе, хотя бы и временное, обширными и богатыми территоріями не могло не давать вліянія на общій ходъ оттоманской политики, и кромѣ того потому, что эти княжества соприкасались съ сосѣдними державами и находились въ сферѣ вліянія того или другого иностраннаго государства. Понятно, что европейская дипломатія не могла быть равнодушною къ замѣщенію господаріата въ Яссахъ и Бухарестѣ, тѣмъ болѣе, что

---

et m'en servir, tel quel, comme opposition à la Russie." Инструкція для Себастьяни въ письмѣ Наполеона Таллейрану 9 іюня 1806 г., Correspondance de Napoléon, XII, 350.

[1]) „L'étude constante de mon ambassadeur doit être de jeter la défaveur sur la Russie; il doit déprecier ses forces militaires, la bravoure de ses troupes de toutes manières et constamment; vivre avec la légation russe froidement et sans beaucoup d'égards, la traiter plutôt avec hauteur, qu'avec quelque complaisance. Quelles que soient d'ailleurs les relations de la France avec la Russie, la légation française à Constantinople doit toujours vivre froidement avec la légation russe. Au contraire elle doit être bien avec l'Autriche, la Prusse, l'Angleterre, lorsque la paix sera faite." Corresp. de Napoléon, XII, 550

[2]) „Telle est l'influence de ces Principautés", писалъ французскій посланникъ Андреосси 4-го января 1813 г., „que toute la politique de l'Empire Ottoman, et que celle des Puissances étrangères vient presque toujours y échouer." Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, 739.

князья назначались обыкновенно изъ великихъ драгомановъ[1]) Порты, а въ этой должности переводчиковъ при турецкихъ реисъ-эфенди или министрахъ иностранныхъ дѣлъ фанаріоты являлись какъ бы фактическими руководителями внѣшней политики Дивана, близость же отдѣльной фанаріотской семьи къ тому или другому посольству въ Константинополѣ продолжала сказываться и впослѣдствіи, когда членъ этой семьи получалъ грамоту на управленіе Молдавіей или Валахіей.

Въ Константинополѣ готовилась кандидатура князя съ помощью вліянія его родни и не безъ содѣйствія имущественныхъ средствъ, которыя ловкіе и прозорливые греки умѣли во время обнаружить, а также во время скрывать отъ чрезмѣрной турецкой алчности[2]). На берегахъ Босфора господари продолжали поддерживать связи и послѣ вступленія въ княжество; чтобы слѣдить за настроеніями Порты и сохранить расположеніе султана, они не щадили денегъ[3]), опасаясь ежеминутно не столько доносовъ на ихъ управленіе, сколько интригъ своихъ соперниковъ и единовѣрцевъ, которые тѣми же средствами добивались ихъ преемства.

Особенно удачнымъ для Россіи было въ 1802 г. обѣщаніе, данное ей Портой, назначать господарей не менѣе, чѣмъ на семь лѣтъ, и не смѣщать ихъ безъ соглашенія съ нашимъ правительствомъ, послѣ чего воспослѣдовало одновременное назначеніе двухъ господарей, безусловно преданныхъ нашей политикѣ, Александра Мурузи въ Молдавію и Константина Ипсиланти въ Валахію. Французскій представитель не сразу усмотрѣлъ въ этой побѣдѣ нашей дипломатіи особую опасность для французскаго вліянія[4]), но когда черезъ два года на западѣ возобновилась война между Россіей и Франціей, яснѣе обнаружились франкофобскія теченія среди фанаріотовъ, учитывавшихъ успѣхъ англо-русской коалиціи противъ Наполеона и старавшихся помѣшать вновь на-

---

[1]) Предшествующей ступенью былъ драгоманатъ морского вѣдомства, главная функція котораго заключалась въ собираніи податей съ острововъ Архипелага во время плаванія турецкаго флота.

[2]) О замкнутомъ образѣ жизни фанаріотовъ въ Константинополѣ см. Castellan, Lettres sur la Grèce, l'Hellespont et Constantinople (1811), 110.

[3]) „Les Grecs de Constantinople sont ou boyards ou négociants; ceux-ci ne s'occupent que de leur commerce. Les boyards ne possédant aucun immeuble, n'ayant aucune industrie, ne vivent que des ressources qui leur sont offertes par les principautés de Moldavie et de Valachie; tant qu'ils ont eu de l'argent, ils ont eu accès dans les maisons des ministres turcs." Sébastiani à Napoléon, нап. у Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane, II, стр. 315.

[4]) Французскій повѣренный въ дѣлахъ писалъ Талейрану 1 октября 1802 г.: „Le prince Moruzzi vient d'être nommé à l'Hospodarat de Moldavie et il est public qu'il le doit, comme Ipsilanty, à la légation russe, qu'il a comblée de présents. Les Français n'ont en général qu'à se louer de la maison Moruzzi et je vais envoyer complimenter le nouvel hospodar." Hurmuzaki. Documente, Suppl. I, vol. II, 242.

рождающемуся сближенію между Франціей и Турціей[1]). Парижскому правительству сообщается тогда изъ Константинополя, что руководителями антифранцузской политики являются Мурузи и Ипсиланти, а соперники ихъ, князь Суцо, низвергнутый съ Молдавскаго престола и изгнанный изъ Константинополя по иниціативѣ Александра Мурузи, а также и великій драгоманъ Скарлато Каллимахи[2]), считались тѣмъ самымъ поборниками французскаго вліянія и оказывали тайныя услуги представителю Франціи[3]).

Ипсиланти сообщаетъ въ Константинополь сенсаціонныя свѣдѣнія о мнимыхъ пораженіяхъ французовъ на западѣ и о вымышленныхъ статьяхъ пресбургскаго мира, обезпечивающихъ долю Австріи въ раздѣлѣ Турціи; только чтобы склонить Порту въ сторону Россіи[4]). Князь Александръ Мурузи имѣетъ на Босфорѣ въ это время дѣятельнаго и преданнаго представителя[5]) въ лицѣ младшаго своего брата Димитрія Мурузи, получившаго въ 1808 году постъ великаго драгомана, но состоявшаго уже тогда на турецкой службѣ переводчикомъ и успѣвшаго, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, своей благотворительности[6]) и покровительствованію греческимъ школамъ[7]), занять крупное мѣсто среди

---

[1]) Записка французск. мис. 21 іюня 1805 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 313): ....„Quant au rapprochement de la Porte avec la France, les familles Ipsilanty et Moruzzi ne négligent aucun empêchement à y mettre."

[2]) „Je n'entreprendrai point le dénombrement des Grecs, qui votent et militent dans ce moment-ci pour l'anéantissement de la faction anglo-russe. Comment compter les ennemis que lui ont suscités l'injustice et la tyrannie des Moruzzi et des Ipsilanty? De tous leurs antagonistes ceux qui devraient être les plus animés, comme étant les plus justement ulcérés, sont les princes Callimaki. Mr. Charles Callimaki, drogman de la Porte, est d'une droiture et d'une modération exemplaires et, quelqu'indigné qu'il soit de tout ce qui s'est passé à notre égard, malgré son opinion et ses efforts pour la soutenir, il ne veut être que le coryphée de la bonne cause et non le chef d'une intrigue quelconque." Ruffin à Talleyrand 21 juin 1805. Hurmuzaki, Sup. I, vol. II, стр. 310.

[3]) „Le prince Aleco Suzzo, ex-hospodar de Moldavie, supplanté et exilé à Rhodes par les Moruzzi et les Ipsilanty, lequel depuis son retour dans cette capitale sert réellement la mission française par ses communications et ses conseils...." Roux à Talleyrand 10 mars 1806. Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, 326.

[4]) Ipsilanty „prétend que les victoires des Français ne sont pas aussi décisives qu'ils les font; qu'aux articles qu'ils produisent de leur traité avec l'Autriche il faut ajouter des articles secrets par l'un desquels ils s'engagent formellement à donner à l'Autriche la Servie et la Bosnie...." Roux à Talleyrand 10 mars 1806. Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, 326.

[5]) Французскій повѣренный въ дѣлахъ Рюфенъ писалъ въ Парижъ 30 марта 1806 г.: „Il y a des renseignements sûrs que Dimitrako Moruzzi a repris, depuis quelques jours, sa première influence, et que tout le langage, tenu de vive voix et par note au nom de Mr Italinski par Mr. Joseph Fonton, avait été concerté avec ce drogman.... Ce ne sera donc que lorsque nous aurons pu écarter Dimitrako, qu'il nous sera permis d'espérer au moins un juste équilibre dans le Ministère...." (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 335—336).

[6]) Греки дали ему прозвище *Εὐεργέτης*. См. Walsch, Voyage en Turquie (Trad. Vilman, 1828, стр. 214).

[7]) См. Chassiotis, L'instruction publique chez les Grecs (1881), стр. 32, 41; Zallony, Fanarioti (1909), стр. 136.

христіанскаго населенія столицы[1]). Въ началѣ 1806 года онъ составляетъ для оттоманскаго правительства докладную записку, гдѣ совѣтуетъ ему искать опору у Россіи и Англіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ маскировать эту политику внѣшними проявленіями тѣсной дружбы съ Франціей[2]) Онъ даже предлагаетъ, чтобы владѣтельные князья, черезъ французскихъ консуловъ въ Бухарестѣ и въ Яссахъ, содѣйствовали введенію въ заблужденіе Наполеона[3]) Но этотъ планъ былъ доставленъ во французское посольство, и съ тѣхъ поръ[4]) борьба между фанаріотами, за которыми стояли великія державы, только усилилась.

Себастьяни, пріѣхавшій въ Константинополь 9 августа 1806 г., засталъ ее въ самомъ разгарѣ: инструкціи, для него составленныя, указывали ему, между прочимъ, на задачу противодѣйствія русскому вліянію въ княжествахъ[5]) и перечисляли ему семьи фанаріотовъ, Суцо, Каллимахи, Ханджерли, на которыя должна была опираться французская дипломатія, какъ на ярыхъ противниковъ господарей руссофиловъ[6]). Однако Себастьяни, проѣздомъ въ Бухарестѣ, разговаривая съ княземъ Ипсиланти и рисуя передъ нимъ съ большою увѣренностью планы Наполеона на Востокѣ, старался привлечь его на сторону Франціи и совѣтовалъ ему даже создать армію изъ валаховъ, для которой нашлись бы, какъ и для турецкаго войска, французскіе инструкторы въ предстоящей войнѣ противъ Россіи[7]). Но прибывши на берега Бос-

[1]) Для него было создано особое званіе примата греческой націи. См. Pertusier, La Valachie, la Moldavie et l'influence politique des Grecs du Fanal. Paris, 1822, стр. 64.

[2]) Перехваченная записка Дмитрія Мурузи нап. у Hurmuzaki, Suppl I, vol. II, 324. „La Sublime Porte doit incessamment renouveler son alliance avec l'Angleterre, comme elle vient de faire avec la Russie.... Cependant il est essentiel dans cet instant qu'elle ait l'air de cultiver l'amitié des Français ..“

[3]) Рюфенъ писалъ Таллейрану 11 февр. 1806 г (Suppl. I, vol. III, p. 47): „Mr. Franchini m'a mis en possession du texte turc de deux memoires remis à la Porte par Dimitrako Moruzzi, frère de l'hospodar de Moldavie. Ce sont des chefs-d'oeuvre d'audace et de perfidie Il engage le Divan à faire de grandes démonstrations d'amitié à la France, mais sans se livrer jamais a une dangereuse confiance en elle. Il dit que son frère et Ipsilanty par le moyen des Français résidants auprès d'eux pourront aider à la déception.“

[4]) См. донесеніе прусскаго посланника 9 мая 1806 г. у Jorga, Acte si fragmente, II, стр. 408.

[5]) Инструкціи 21 іюня 1806 г.: „Le but des négociations, droit être... de faire reprendre à la Porte l'empire absolu sur la Moldavie et la Valachie.“ Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 340.

[6]) „Des Grecs fidèles, tels que les Sutzo, les Callimaki, les Ingherly et leurs amis doivent être incessamment recommandés à la bienveillance du Grand Seigneur. Des Grecs perfides et secrètement séditieux, tels que les Moruzzi et les Ipsilanty, doivent être un objet perpétuel de crainte, de défiance et de sévérité pour la Porte.“ Hurmuzaki, тамъ же, стр. 340.

[7]) Разговоръ Себастьяни съ Ипсиланти въ письмѣ послѣдняго Чарторыжскому отъ 22 іюля 1806 г. (напр. у Богишича, Разборъ сочиненія И. Попова, „Россія и Сербія“, стр. 55): „Pourquoi n'avez vous point d'armée? Il faut que la

фора, Себастьяни познакомился лучше съ дѣйствительнымъ положеніемъ партіи [1]) и очень энергично вліялъ на низверженіе не только Ипсиланти, но и Мурузи, хотя послѣдній еще долго старался поддерживать сношенія съ французскою партіей [2])

Черезъ три недѣли послѣ пріѣзда генерала Себастьяни султанъ смѣстилъ обоихъ господарей, назначивъ въ Молдавію драгомана Каллимахи, а въ Валахію Суцо, при чемъ Ханджерли былъ назначенъ великимъ драгоманомъ.

Сообщая своему правительству объ этомъ переворотѣ [3]), генералъ Себастьяни могъ своимъ дѣйствіямъ приписать столь быструю и полную побѣду французскаго вліянія, за которую онъ вскорѣ получилъ изъ Парижа выраженіе благодарности [4]). Въ своихъ же донесеніяхъ онъ объяснялъ Таллейрану, что низложенные князья не только вредили Франціи, не только распространяли оскорбительные для наполеоновской династіи слухи [5]), но угрожали самому существованію оттоманской имперіи, готовя общее возстаніе христіанскихъ жителей или грековъ [6]). Это послѣднее свѣдѣніе въ такой формѣ, можетъ быть, преувеличено, но броженіе среди грековъ замѣчалось, и сами фанаріоты находились, можетъ быть, наканунѣ новой эры: продолжать ли старую, чисто личную политику, или воспользоваться національ-

---

Valachie en ait une de vingt mille hommes bien disciplinés et la Moldavie autant. Ces armees en temps de paix protégeroient le pays et pendant la guerre elles fourniroient les provinces turques. Cette disposition est indispensable parce que l'intention de l'Empereur est que les deux principautés servent de barrière contre la Russie et l'Autriche."

[1]) Благодаря опытному сотруднику Рюфену, проведшему много лѣтъ на Босфорѣ и исполнявшему нѣсколько разъ обязанности посланника, между прочимъ послѣ отъѣзда Брюна, вызваннаго нерасположеніемъ Турціи признать императорскій титулъ Наполеона. См. Zinkeisen, Geschichte des Osman. Reiches, VII, стр. 375 сл.

[2]) Себастьяни 10 окт. 1806 г. жаловался Таллейрану на французскаго консула въ Бухарестѣ: „....Mr. Parant a même quitté son poste pour aller à deux journées de marche visiter le prince Moruzzi qui s'en retournait ici." Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 358.

[3]) „Hier Sélim III a déposé les deux princes de Moldavie et de Valachie ... Vous voyez, Monseigneur, que les insinuations amicales de Sa Majesté ont été suivies et qu'aussitôt que le gouvernement a pu se croire indépendant, il a donné des marques certaines de son amitié et de sa confiance dans l'Empereur des Français." Себастьяни Таллейрану 29 авг. 1806 г. Hurmuzaki, S. I, vol. II, стр. 348.

[4]) Министръ генералу Себастьяни 9 октября 1806 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, 356): „L'empereur a été infiniment satisfait du debut de votre mission et du choix des princes...."

[5]) Себастьяни Таллейрану 21 сент. 1806 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, p. 352): „. .Vous ne sauriez croire quel abominable mensonge ces deux princes ont fait à la Porte contre l'Empereur et sa famille...."

[6]) Донесеніе 30 августа (Hurmuzaki, l. c., p. 349): „... Les princes Ipsilanty et Moruzzi avaient conçu de longue main le projet de faire insurger tous les Grecs de la Turquie d'Europe et de repousser les Turcs en Asie."

ными мечтаніями грековъ, пробудившимися въ началѣ XIX вѣка, чтобы захватить весь Балканскій полуостровъ и создать тамъ новое христіанское государство[1])? Порта, чувствуя опасность, охотно уступила французскимъ требованіямъ и удалила духовнаго главу греческаго народа, константинопольскаго патріарха, и замѣнила его іерархомъ, извѣстнымъ своею преданностью франкофильской партіи[2]). Французскій кабинетъ энергично поддерживалъ своего представителя, предписывая ему обратить вниманіе на молдавскую границу и приготовить ея защиту противъ возможнаго русскаго нашествія[3]). Наполеонъ этимъ не ограничивался: онъ уже раньше посылалъ своего офицера обозрѣвать днѣстровскую линію и собирать свѣдѣнія о численности русской арміи[4]), что, впрочемъ, не помѣшало врагамъ Франціи придать этой поѣздкѣ враждебный для Турціи характеръ[5])

Не взирая на этотъ непосредственный успѣхъ[6]) въ первое же время, Себастьяни предвидѣлъ въ будущемъ невозможность удержать въ подчиненіи Портѣ Молдавію и Валахію; и въ такомъ случаѣ онъ совѣтовалъ отдать эти области Австріи, но только для того, чтобы онѣ не достались Россіи[7]). Эта двоякая возможность повторяется и въ дальнѣйшей политикѣ Наполеона: если неприкосновенность Турціи не можетъ быть проведена Франціей, то придунайскія княжества окажутся приманкой для сближенія съ Австріей противъ насъ. Да и представители франкофобской партіи послѣ удара, нанесеннаго имъ столь неожиданно[8]), не дремали въ Константинополѣ. Англія и Россія могли еще

---

[1]) Ср. Alix, Précis de l'histoire de l'empire ottoman, III (1824), стр. 455.

[2]) См. донесеніе Себастьяни 10 окт. 1806 (Hurmuzaki, 1 c., стр. 356).

[3]) См. письмо министра 9 окт. 1806 г. (Hurmuzaki, 1. c.)

[4]) „....Mr. Falkowski, officier au service de France, qui est chargé.... de se rendre ensuite sur le Niester pour parcourir cette frontière depuis Chokzin jusqu'à la mer... Sa course sur le Niester peut passer pour un voyage de curiosité convenable à un jeune militaire, et comme il est né à Kaminik, qui est trés prés de Chokzin, son voyage peut paraître avoir pour objet de se rapprocher un peu de sa famille....“ (Талейранъ 31 іюля 1806 г. Hurmuzaki, Sup. I, vol II, 346).

[5]) „Le prince Moruzzi avait écrit des horreurs à la Porte sur Mr. Falkowski, qu'il peignait comme un espion qui cherchait à connaître la situation des plans de la Turquie.“ Себастьяни 21 сент. 1806 (Hurmuzaki, 1. c., стр 352).

[6]) Себастьяни 21 сент. 1806 (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, 351). „Jusqu'à présent les vociférations de Mr d'Italinski ont produit peu d'effet: les demandes qu'il a faites ont été rejetées. Les nouveaux princes de Moldavie et de Valachie qu'il voulait faire arrêter,sont partis pour se mettre à la tête de leurs principautés.“

[7]) „Si la France pouvait donner par un traité de paix ou autrement la Valachie et la Moldavie a l'Autriche ou à une autre puissance quelconque, pourvu que ce ne fût pas à la Russie.“ Себастьяни Талейрану 16 октября 1806 г. (Hurmuzaki, 1. c., 359).

[8]) „La déposition des deux princes a été traitée avec un tel secret que Mr. d'Italinski n'en a été instruit que lorsque les nouveaux ont été installés.“ Себастьяни 29-го августа 1806 г. (Hurmuzaki, 1. c., 349).

надѣяться, что успѣхъ французовъ будетъ кратковременен. Близость Димитрія Мурузи къ султану Селиму, крупное имущество его семьи[1]), громадный престижъ его въ глазахъ Порты, который объяснялся глубиною его ума, обаятельностью рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ отважностью характера, все это давало нашему посланнику Италинскому надежду на поворотъ въ замѣщеніи господарскихъ престоловъ, и онъ самъ усиленно работалъ въ этомъ смыслѣ Онъ поставилъ на видъ Портѣ[2]), что неожиданное удаленіе двухъ господарей было въ глазахъ Россіи грубымъ нарушеніемъ соглашенія, достигнутаго въ 1802 году, и требовалъ возвращенія Ипсиланти и Мурузи, подъ угрозой активнаго вмѣшательства Россіи[3]). Себастьяни въ свою очередь энергично поддерживалъ султана противъ Россіи и могъ сообщить своему правительству, что Порта предпочитаетъ войну[4]) отмѣнѣ указа о назначеніи новыхъ господарей Суцо и Каллимахи[5]).

Въ эту критическую минуту 1806 года, наканунѣ шестилѣтней войны между Россіей и Портой, мы видимъ уже нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ суждено участвовать въ заключеніи мира 1812 года: нашего тогдашняго посланника Италинскаго, будущаго уполномоченнаго въ бухарестскихъ переговорахъ; рядомъ съ нимъ переводчика русской миссіи и стараго знатока восточныхъ дѣлъ Іосифа Фонтона, принадлежащаго къ семьѣ, давшей французской дипломатіи цѣлыя поколѣнія переводчиковъ[6]), и перешедшаго недавно на русскую службу[7]), но сохранившаго свои прежнія связи съ Портой, свои имущественные интересы на

---

[1]) Александръ Мурузи до 1802 г. занималъ уже одинъ разъ молдавскій престолъ (1792—1793) и дважды валахскій (1793—1796 и 1799—1801). Если онъ не можетъ быть приравненъ къ брату своему Димитрію, то отнюдь его нельзя считать дюжиннымъ человѣкомъ.

[2]) „La Porte a été indignée du ton menaçant du ministre de Russie, son effroi surpasse encore de beaucoup son indignation.“ Себастьяни 10 окт. 1806 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, 357).

[3]) „Mr. d'Italinski jette feu et flammes contre la Porte; il menace d'une rupture très prompte contre l'Empire Ottoman.... Il veut regarder la déposition des princes comme une violation de la convention de Jassy, et il a donné presqu'une déclaration de guerre.“ Себастьяни 29 августа 1806 года (Hurmuzaki, l. c., 348).

[4]) „Je n'ai pas balancé à les assurer que Sa Majesté ne les abandonnerait jamais ni dans la guerre, ni dans la paix. Mes promesses leur ont donné un peu de courage. Ils ont ordonné que Ismaïlof et Bender soient mises en état de défense.“ Себастьяни 10 окт. 1806 (Hurmuzaki, l. c., 357).

[5]) „Le sultan Selim III doit écrire à l'Empereur de Russie et au roi d'Angleterre pour leur faire sentir que le rétablissement des princes Moruzzi et Ipsilanty serait non seulement contraire à sa dignité, mais qu'il blesserait son indépendance et l'exercice de sa souveraineté.“ Тамъ же.

[6]) Въ 1693 г. встрѣчается уже Фонтонъ, драгоманъ (truchman) французской миссіи въ Константинополѣ. См. Hurmuzaki, Suppl. I, v. I, стр. 914.

[7]) См. Journal des campagnes de Langeron. Hurmuzaki, Suppl. I, vol III, стр 155.

Босфорѣ[1]), а также и нѣкоторое недоброжелательство къ представителямъ французскаго правительства[2]); наконецъ Димитраки Мурузи, какъ его звали не только константинопольскіе греки, но и иностранные послы въ своихъ оффиціальныхъ актахъ, несомнѣнно самаго выдающагося изъ названныхъ лицъ: въ другую эпоху, въ другой странѣ такой человѣкъ съ рѣдкими способностями и рѣдкимъ среди его тогдашнихъ соплеменниковъ образованіемъ занялъ бы первое мѣсто въ государствѣ и оставилъ бы имя въ исторіи. Но нужно вникнуть въ особенности его положенія: состоя на турецкой службѣ въ роли неравноправнаго „рая“, опасаясь ежедневно смѣщенія и опалы, онъ долженъ былъ все время заботиться объ интересахъ своей семьи, которая нуждалась въ русскомъ покровительствѣ для управленія княжествомъ, но лишилась бы престола безвозвратно, если бы княжество было присоединено къ Россіи. Участь этихъ окраинныхъ частей разслабленной Турецкой имперіи зависѣла, до извѣстной степени, отъ соперничества Россіи и Франціи, между которыми предпріимчивому греку приходилось искать равновѣсія. Въ 1806 г. Димитраки старается спасать престолъ своего брата; въ 1812 г онъ озабоченъ собственной кандидатурой на валахскій господаріатъ. Но вмѣсто престола его ждетъ смерть отъ руки турецкаго палача.

Дипломатическая дуэль между Себастьяни и Италинскимъ, которому дѣятельную поддержку оказывалъ представитель Англіи Арбутнотъ, завязалась съ большимъ ожесточеніемъ, и нашъ посланникъ, не уступавшій корсиканцу Себастьяни ни въ находчивости, ни въ горячности, осуществилъ свою угрозу и, покинувъ посольскій дворецъ, переѣхалъ на корабль, готовый къ отплытію изъ Константинополя, требуя срочнаго возстановленія господарей. Порта, не успѣвшая приготовиться къ войнѣ и не имѣвшая денегъ для ея веденія, предпочла уступить Россіи и 15 октября 1806 г. удалила князей Суцо и Каллимахи, чтобы замѣнить ихъ опять князьями Мурузи и Ипсиланти, къ глубокому раздраженію Себастьяни [3]).

---

[1]) См. письмо Толстого Румянцову 9 іюня 1808 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., томъ 89, стр. 552).

[2]) Брюнъ уже писалъ 20 окт. 1803 г.: „Fonton qui nous déteste d'une manière impossible à rendre ..“ (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 288).

[3]) Себастьяни Таллейрану 16 окт. 1806 (Hurmuzaki, Suppl. I, vol II, стр. 359): „Que peuvent les insinuations amicales, les explications franches et les bons conseils (mes seules armes) contre la crainte et la corruption? J'ai fait tête à l'orage longtemps; mais enfin tout a cédé, et la Sublime Porte vient de m'instruire de cet acte de soumission aux volontés de la Russie, le plus honteux qui existe dans les annales de ce empire.“

Сообщая объ этомъ Россіи, спустя нѣсколько дней, диванъ могъ считать опасность войны устраненной, и мы видѣли выше, какъ и самъ Италинскій думалъ, что послѣ этого миръ былъ обезпеченъ. Но выше приведенная, составленная Чарторыжскимъ, записка о занятіи княжествъ Россіей свидѣтельствуетъ, что осуществленіе оккупаціи подготовлялось въ теченіе 1806 года собираніемъ войскъ на Днѣстровской границѣ [1]), и къ концу года въ дипломатическихъ сферахъ Петербурга господствовало убѣжденіе, что Россія не упуститъ случая низложенія господарей и прибавитъ новую страницу къ исторіи своей восточной политики [2])

Едва ли не въ тотъ же день, когда Италинскій получилъ отъ дивана столь полное удовлетвореніе, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Будбергъ, поручилъ [3]) нашему консулу въ Яссахъ, Родофиникину [4]), организовать въ княжествахъ тайную агентуру, необходимую для подготовки предстоящаго похода русскихъ войскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не только предписывалъ ему строжайшій секретъ, но даже поручалъ ему распространять слухи объ искреннемъ расположеніи Россіи къ Туркамъ [4]), а въ нотѣ, обращенной къ иностраннымъ державамъ почти одновременно съ приказаніемъ Михельсону перейти черезъ Днѣстръ [5]), преемникъ Чарторыжскаго перечислялъ основанія, заставлявшія Россію прибѣгнуть къ этой мѣрѣ: кромѣ низложенія господарей приводилось стѣсненіе судоходства на Черномъ морѣ, появленіе турецкихъ войскъ на лѣвомъ берегу Дуная и военныя приготовленія въ смежныхъ съ Россіей крѣпостяхъ.

---

[1]) Прусскій посланникъ Гольцъ королю 26 янв. 1806 (Jorga, Acte si fragmente in privire la istoria Romînilor, II, стр 405: „...aux environs de Bender et de Kamienesk on va former deux camps destinés à réunir, l'un une partie de l'armée russe, qui revient d'Allemagne, et l'autre la grande armée de réserve, qui se forme sur la frontière sous les ordres du général Michelson. Ces deux armées sont destinées à former deux corps d'observation sur les frontières de la Valachie et de la Moldavie, prêts à prendre possession de ces provinces, au premier signal d'attaque et de menace que donnerait la France."

[2]) Прусскій посланникъ Гольцъ писалъ королю 18 ноября 1806 г. изъ С.-Петербурга (Jorga, Acte si fragmente, II, стр. 414: „On s'accorde à croire que les hospodars de la Valachie et de la Moldavie seront incessamment réinstallés dans leur dignité.. Malgre cela on présume, que la Russie ne laissera pas échapper l'occasion de prendre possession de ces deux provinces."

[3]) Отношеніе отъ 16 окт. 1806 нап. у Петрова, Война Россіи съ Турціею, I, стр. 385.

[4]) Уроженецъ Морси; фамилія его была раньше Rudofini.

[5]) Нота отъ 23 октября 1806 г. (нап. въ Сборникѣ Имп. Р. Истор. Общества, т. 89, стр. 127): „Dans ces circonstances Sa Majeste Impériale a senti la nécessité de mettre ses propres frontieres à l'abri de toute insulte, de protéger les peuples, dont elle a promis du consentement de la Porte de conserver les privilèges, et de prevenir et dejouer les projets de ses ennemis; en consequence elle a ordonne à son armee d'occuper les deux provinces de Moldavie et de Valachie.."

Но болѣе существенный поводъ лежалъ въ программѣ Чарторыжскаго, воспроизведенной барономъ Будбергомъ въ запискѣ, составленной для Государя во второй половинѣ 1806 г. [1]) Моментъ считался благопріятнымъ, чтобы занять непосредственно одну часть Турецкой имперіи, а въ другихъ ея областяхъ распространять русское вліяніе въ защиту христіанскаго населенія: но кромѣ того имѣлось въ виду бороться противъ французскаго вмѣшательства въ турецкія дѣла, и нанесеніе удара сему послѣднему баронъ Будбергъ считалъ удачнымъ ходомъ [2]) въ борьбѣ коалиціи съ Наполеономъ Нашъ министръ даже льстилъ себя смѣлой надеждой, что Турція, подъ впечатлѣніемъ русскаго наступленія, предпочтетъ присоединиться къ намъ, чтобы отнять Далмацію у Французовъ; въ противномъ случаѣ русская армія послѣ занятія Бухареста, послѣдовавшаго въ серединѣ декабря, и послѣ взятія послѣднихъ крѣпостей лѣваго берега Дуная развернулась бы вдоль этой рѣки, отъ ея устьевъ до Бѣлграда, гдѣ она соединилась бы съ возставшими Сербами и угрожала бы самому существованію Оттоманской имперіи [3]). Поэтому Михельсону было приказано продолжать наступательное движеніе, пока Порта не откажется отъ сближенія съ французами, не удалитъ французскаго посла изъ Константинополя и не заключитъ союза съ Англіей [4]).

Понятно, что послѣ этого Турціи оставалось только объявить войну Россіи, хотя Михельсонъ въ своемъ возваніи къ турецкимъ пашамъ надѣялся, что миръ съ Турціею не будетъ нарушенъ [5]); формальный актъ состоялся 24 декабря и повидимому вызвалъ среди мусульманской черни Константинополя подъемъ религіознаго чувства, тогда какъ сама Порта относилась къ этой войнѣ не безъ опасеній. Скудость денежныхъ средствъ и недоконченность военныхъ реформъ смущали султана и его мини-

---

[1]) „....Quant à l'influence que l'exécution de ce plan pourra avoir sur les affaires générales, il serait difficile dans ce moment de rien preciser, mais il semble qu'en suscitant des embarras à Bonaparte sur le plus de points possibles, ses forces en seront nécessairement plus partagées, et ceci ne peut tourner qu'à l'avantage commun des puissances alliées." Докладъ Будберга, нап. въ Сборникѣ И. Р. Ист. Общ., т. 82, стр. 493.

[2]) „....Enfin, après avoir représenté à la Porte que son existence ne pourra être que précaire, tant que les Français seront en Dalmatie, on tâchera de l'engager à agir de concert avec nous pour les en expulser." Тамъ же.

[3]) Докладъ Будберга Государю Императору отъ 4 янв. 1807 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т. 88, стр. 3): „....Le corps d'armée du général Michelson se trouvant ainsi disposé sur le Danube, son aile gauche s'appuirait sur les forteresses de la Bessarabie et sur la mer Noire, tandis que par sa droite il se mettrait en relation immédiate avec les Serviens, qui viennent de se rendre maîtres de Belgrade."

[4]) Отношеніе Будберга къ Михельсону отъ 27 окт. 1806 г., нап. у Петрова, I, стр. 381.

[5]) Прокламація, обращенная къ придунайскимъ пашамъ Михельсономъ, въ Военно-Учебномъ Архивѣ. II, № 1345.

стровъ [1]) Но и здѣсь Себастьяни, съ помощью своихъ сторонниковъ, поддерживаетъ и воодушевляетъ Турокъ [2]), распространяя всюду антирусскія чувства и умаляя [3]) на словахъ численность нашей арміи. Въ своей руссофобской агитаціи онъ находилъ могучую поддержку у своего императора, которому начало военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей было особенно желательно, въ то время, когда онъ собирался наносить чувствительные удары нашимъ войскамъ на сѣверѣ Европы [4]). Наполеонъ въ своихъ собственноручныхъ письмахъ султану сообщаетъ ему объ успѣхахъ французскаго оружія [5]) и распоряжается о напечатаніи на турецкомъ языкѣ и о распространеніи среди мусульманскаго населенія бюлетеней великой арміи [6]) Не ограничиваясь этимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ [7]), онъ съ своей стороны обѣщалъ султану не

---

[1]) Себастьяни Таллейрану 12 дек 1806 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 82, стр. 473): „La guerre a été declarée avec solennité Le corps des ulémas, les janissaires et tous les grands de l'empire ont unanimement énoncé a sa hautesse leurs voeux pour repousser l'injuste agression des Russes et venger enfin l'honneur national, tant de fois outragé. L'enthousiasme est grand parmi le peuple... Le ministère seul est timide, froid et presqu'incertain....“

[2]) Себастьяни 17 дек. 1806 г. (Hurmuzaki, Sup. I, vol. II, стр. 369)· „J'espère que les Russes seront trompes sur les mouvements et les revoltes qu'ils se promettaient de la population grecque. Le Patriarche qui a une très grande influence est très bon, et les princes Suzzo, Callimaki et Hanjerly feront tous leurs efforts, non seulement pour la contenir, mais même pour la faire agir dans le sens du gouvernement. Cette guerre sera vraiment populaire de la part des Turcs: la haine contre les Russes est à son comble.“

[3]) Армія, въ которой Себастьяни насчитывалъ въ октябрѣ 90.000 человѣкъ, черезъ мѣсяцъ въ его донесеніяхъ состояла уже изъ 15.000 человѣкъ. См. Hurmuzaki, Sup. I, vol. II, стр. 357, 368.

[4]) „Je reçois en ce moment par un courrier extraordinaire de Jassy la nouvelle que le général russe Michelson y est entré le 11 nov. avec une armée russe et tient bloqués Choczine et Bender. La guerre est déclarée avec la Porte. Cette diversion ne peut que nous être très favorable Faites mettre cela dans les journaux.“ Napoleon au gr. duc de Berg. 7 дек. 1806, Correspondance, XIV, 51. Наполеонъ министру Фуше 31 дек. 1806, нап. у Lecestre, Lettres inédites de Napoleon I (1897), стр. 84: „Vous verrez par les derniers bulletins les grands succés que nous avons obtenus sur les armées russes. Le prétendu traité d'alliance entre la Porte et la Russie est faux: les Turcs sont entrés en Valachie en même temps que les Russes sont entrés en Moldavie. Faites faire des articles datés de Bucharest dans ce sens. Cela est vrai; mais encore faut-il éclairer l'opinion“.

[5]) Napoléon à Sélim III. Écrit en notre château Impérial à Berlin 11 nov. 1806 (Hurmuzaki, l. c., стр. 361): „Le jour même où nos ennemis vous redemandaient la Moldavie et la Valachie en vous parlant de mes dèsastres, je remportais à Jéna une mémorable victoire et je marchais à d'autres triomphes.... Je ne ferai la paix, que lorsque vous serez rentré en possession de vos deux Principautés, par le rétablissement des deux hospodars Callimaki et Al. Sutzo.“

[6]) Napoléon à Cambacérès 11 déc. 1806 (Correspondance de Napoléon, XIV, стр. 79): „Faites traduire tous les bulletins de la Grande Armée pendant cette campagne et la campagne dernière en turc et en arabe et envoyez les à profusion à Constantinople. Faites faire une petite brochure de dix pages, bien faite, que vous soignerez vousmême et que vous intitulerez „Un vieil Ottoman à ses frères“. Ce sera un appel contre les Russes, un tableau de leur politique et du résultat qu'ils veulent obtenir.„

[7]) Наполеонъ Тайллерану съ театра войны 27-го дек. 1806 (Correspondance, XIV, 140): „Les affaires vont ici fort bien. Les Russes sont battus partout. Ils ont

заключать мира съ Пруссіей, пока придунайскія княжества не будутъ возвращены подъ турецкое владычество Убѣждая Порту не пропускать рѣшающаго момента [1]) и раскрывая Портѣ мнимые замыслы Россіи [2]), Наполеонъ поручалъ Себастьяни дѣйствовать на нее ободряюще, избѣгая въ сношеніяхъ съ нею упрековъ въ прежнемъ ея поведеніи [3]), чтобы слишкомъ рѣзкое осужденіе колебаній Порты, за истекшій 1806 годъ, не увеличило свойственной дивану нерѣшительности [4]).

Если планъ занятія придунайскихъ княжествъ нашими войсками былъ составленъ еще задолго до приведенія его въ исполненіе русскимъ правительствомъ, то нужно думать, что нѣкоторую роль въ ускореніи начала кампаніи съ нашей стороны сыграла поѣздка князя Ипсиланти въ Петербургъ осенью 1806 г. Послѣ низложенія своего въ августѣ онъ бѣжалъ изъ Бухареста въ Трансильванію, а оттуда въ Россію, и не возвращался въ Валахію послѣ возстановленія его на престолъ въ октябрѣ того же года. Наоборотъ, молдавскій господарь Мурузи вернулся въ свое княжество и воспользовался вмѣшательствомъ Россіи, но, когда русскія войска перешли черезъ Прутъ, князь ихъ не встрѣчалъ въ Яссахъ: онъ успѣлъ выѣхать въ Фокшаны, предупредивъ немедленно диванъ о нашемъ наступательномъ движеніи [5]), а впослѣдствіи, когда онъ жилъ въ Рущукѣ, онъ доставлялъ такія же свѣдѣнія турецкимъ пашамъ, занимавшимъ крѣпости болгарскаго берега Дуная, чтобы облегчить имъ разработку общаго плана

---

perdu plus de trente pièces de canon.... Écrivez à Constantinople pour donner la nouvelle que le feldmaréchal Kamenski a été trois fois battu."

[1]) Наполеонъ Селиму 1 дек. 1806 (Hurmuzaki, l. c., 366): „Mes armées sont ur la Vistule, et Varsovie est en mon pouvoir. La Pologne prussienne et russe se ève.... pour reconquérir son indépendance. C'est le moment de reconquérir la tienne. Chasse les hospodars rebelles que la plus injuste violence t'a obligé de rétablir.... Remets en place tes vrais serviteurs et les hospodars de ton choix. Si tu as été prudent jusqu'a cette heure, une plus longue condescendance avec la Russie serait faiblesse et perdrait ton Empire".

[2]) „Il n'y a pas un instant à perdre. Vos frontières sont envahies Appelez tous vos fidèles su ets à la défense de ce qu'ils ont de plus cher. Ce sont vos villes, vos mosquées, c'est jusqu'au nom musulman que les Russes voudraient détruire, et les projets de vos ennemis vous forcent à les vaincre " (Наполеонъ Селиму 1 янв. 1807 (Hurmuzaki, l. c., 373).

[3]) „Dans vos communications aves la Porte ne la déprécіez pas, évitez les reproches, cherchez à lui rendre le courage et l'énergie..." Изъ Парижа генералу Себастьяни 6 дек. 1806 (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 367).

[4]) Таллейранъ Себастьяни 11 ноября 1806 (Hurmuzaki, l. c., стр. 362): „La Porte Ottomane n'a fait que ce qu'elle pouvait faire. L'empereur excuse ce que la nécessité lui a prescrit et il veut la retirer de la position, où les ennemis de cette puissance l'ont entraînée, en la trompant. Il veut qu'elle rentre en possession des deux Principautés. Il ne restituera Varsovie et Berlin, s'il doit les restituer, que lorsque la Porte aura recouvré la Moldavie et la Valachie."

[5]) См. письмо Андреоси Наполеону отъ 1 янв. 1807 (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, 371).

противъ нашей арміи. Очевидно Александръ Мурузи, не вѣря въ окончательный успѣхъ нашего оружія, искалъ тогда сближенія съ Франціей. Обратиться съ дружественными предложеніями къ Себастьяни онъ не рѣшался, и не безъ основанія. Онъ предпочелъ войти въ сношенія съ французскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ генераломъ Андреоси, и посланный князя Мурузи, Іаннъ Гика, привезшій интересныя для Наполеона данныя о силахъ нашей молдавской арміи, внушилъ такое довѣріе этому будущему представителю Франціи на Босфорѣ [1]), что Андреоси переслалъ Наполеону письмо молдавскаго господаря, въ которомъ послѣдній обращался къ императору, какъ къ единственному спасителю Оттоманской имперіи [2]). Гикѣ было разрѣшено пріѣхать въ Варшаву, гдѣ находился тогда руководитель французской иностранной политики, Таллейранъ, которому Гика передалъ предложеніе Александра Мурузи образовать для защиты Порты тѣсный союзъ придунайскихъ пашей, фактически самостоятельныхъ и нерѣдко враждебныхъ дивану [3]). Нужно думать, что краснорѣчіе Гики или вкрадчивый тонъ привезенныхъ имъ писемъ Александра Мурузи застигли врасплохъ Таллейрана, котораго никто еще до сихъ поръ не упрекалъ въ наивности, и онъ повѣрилъ желанію молдавскаго князя работать въ пользу французскаго вліянія [4]) въ Константинополѣ, куда Мурузи успѣлъ вернуться, и Таллейранъ сталъ даже расчитывать на его участіе въ руссофобской политикѣ Порты [5]). Но вскорѣ письмо Себастьяни

---

[1]) Князь Мурузи въ письмѣ отъ 15 дек. 1806 (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II 368) генералу Андреоси: „Les qualités éminentes tant politiques que militaires dont Votre Excellence a donné les plus brillantes preuves, m'ayant pénétré d'une juste admiration et inspiré des sentiments de la plus grande confiance pour elle, m'ont fait résoudre dans cette circonstance à lui adresser un placet pour Sa Majesté Impériale, contenant un resumé de faits propres à démontrer mes démarches toujours franches et loyales et qui d'ailleurs je ne les crois pas indignes d'être mis sous les yeux de Sa Majesté."

[2]) Андреоси писалъ Наполеону 7 янв. 1807 г. (Hurmuzaki, l. c, стр. 371) про Александра Мурузи „....Il est dans la ferme persuasion que Votre Majesté seule peut sauver l'Empire Ottoman dans les circonstances critiques, où le mettent les intentions et les mouvements de la Russie."

[3]) См. объ этомъ Hurmuzaki, l. c., стр. 374.

[4]) Таллейранъ князю Мурузи изъ Варшавы 11 янв. 1807 (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 377): „Des préventions s'étaient élevées contre vous. Les événements vous accusaient... Il dépend de Votre Eminence que le passé ne compte plus, que l'avenir fasse tout oublier... Vous êtes placé dans une situation, où les services que vous rendez à la Sublime Porte seront en même temps les plus utiles et les plus honorables pour vous."

[5]) Таллейранъ писалъ Себастьяни 17 янв. 1807: „Quelles que puissent être les vues du prince Moruzzi, s'il se montre dans les rangs de ceux qui se vouent à la défense de l'Empire Ottoman, il faut accepter ses services, lui savoir gré du zèle et de la fidelité qu'il montrera à son souverain". (Тамъ же, стр. 378).

о близости Мурузи къ англійскому посольству[1]) разсѣяло его иллюзіи[2]). Гика былъ арестованъ во Франціи[3]), а Мурузи принужденъ былъ покинуть турецкую столицу[4])

Этотъ характерный эпизодъ въ исторіи фанаріотской политики не долженъ насъ отвлечь отъ поѣздки въ Петербургъ князя Ипсиланти, своимъ бѣгствомъ отрѣзавшаго себѣ путь къ возвращенію на престолъ, а также и къ установленію дружескихъ отношеній съ Франціей. Ипсиланти на берегахъ Невы въ продолжительной аудіенціи убѣждалъ Императора Александра, что моментъ для перехода черезъ границу и занятія княжествъ и даже покоренія Константинополя, былъ самый благопріятный[5]): онъ весьма пространно рисовалъ[6]) ему картину бѣдственнаго состоянія Турціи съ разстроенными финансами, дезорганизованными войсками, большая часть которыхъ состояла изъ разбойничьихъ шаекъ съ мятежными пашами во главѣ, и настаивалъ на легкости вторженія въ Молдавію, вслѣдствіе полной беззащитности придпѣстровскихъ крѣпостей[7]). Вскорѣ послѣ этого разговора, въ срединѣ октября, былъ отправленъ Михельсону приказъ объ открытіи похода. Но естественно, что Ипсиланти, озабоченный направленіемъ русской политики на Востокѣ, имѣлъ также въ виду личные интересы своей семьи: онъ искалъ покровительства у русскаго правительства не только чтобы избавить Валахію отъ проявленія турецкаго ига, но также съ цѣлью упрочить свой престолъ. Вся политика фанаріотовъ стремилась

---

[1]) Себастьяни Таллейрану 24 февр. 1807 г. (Hurmuzaki, l. c., стр. 391): „Le prince Moruzzi vous a bien trompé. Il se trouve ici et sa conduite est horrible. Il est l'agent et le correspondant de M. Arbuthnot."

[2]) Таллейранъ очевидно сомнѣвался еще раньше, когда писалъ Наполеону 8 февр. 1807 г. (Bertrand, Lettres inédites de Talleyrand, стр. 297): „Mr. Jaubert croit le prince Moruzzi toujours d'intelligence avec les Russes, quoique les dehors de sa conduite ne laissent aucune prise sur lui". А 7 марта 1807 (тамъ же, стр. 329) въ письмѣ Наполеону онъ уже разочаровался: „Le prince Moruzzi a essayé de tromper le général Andreossy et nous, en parlant d'une confédération de pachas qu'il formait, et la Porte, en lui parlant de sa liaison avec nous."

[3]) См. Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 522, 523.

[4]) См. объ этомъ le baron de Mériage au Ministère des Affaires Etrangères 14 juil. 1810 y Hurmuzaki Suppl. I, vol. II, стр. 587.

[5]) „Le prince Ipsilanty a eu en arrivant une conférence de deux heures et demie avec l'Empereur. Il lui a démontré, à ce qu'on assure, que le moment était venu de marcher droit à Constantinople et que ce mouvement déciderait du sort même de la Russie." J. de Maistre à Rossi 29 oct. 1806 (Oeuvres complètes, X, 247).

[6]) О роли Ипсиланти въ Петербургѣ см. еще Langeron, Journal des campagnes Hurmuzaki, Suppl. I, vol. III, 109

[7]) Интересное описаніе этихъ крѣпостей и состоянія ихъ гарнизоновъ незадолго до этого даетъ Campenhausen, Bemerkungen über Russland nebst einer kurz gefassten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krim (1807).

къ совмѣщенію [1]) этихъ двухъ альтернативъ: въ докладной запискѣ, представленной еще раньше Чарторыжскому, князь Ипсиланти выражалъ надежду, что послѣ удачной кампаніи оба княжества будутъ соединены подъ его управленіемъ, на что со стороны министра, предложившаго, какъ выше было сказано, безусловное присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи, послѣдовало возраженіе, что несправедливо было бы лишать престола князя Мурузи [2]), также пострадавшаго за Россію

Между тѣмъ слухи о вожделѣніяхъ Ипсиланти проникли до самаго Константинополя, и когда тамъ впослѣдствіи было получено извѣстіе о въѣздѣ Михельсона въ Бухарестъ, оно сопровождалось сенсаціоннымъ и конечно ложнымъ сообщеніемъ о провозглашеніи Ипсиланти молдаво-валахійскимъ царемъ [3]).

II.

Кампанія, предпринятая нашей арміей въ началѣ 1807 года, затянулась дольше, чѣмъ предполагалось съ нашей стороны. Мятежные паши, виддинскій Пасванъ-оглу, Пегливанъ, неистовствовавшій въ Болгаріи, и аянъ рущукскій Мустафа Байрактаръ, домогавшіеся независимости отъ Порты, оказали, паче чаянія, сопротивленіе нашимъ войскамъ [4]), и Михельсону пришлось до Слободзейскаго перемирія тратить все время на осаду придунайскихъ крѣпостей. Такимъ образомъ можно было осуществить только первую половину плана, выработаннаго Чарторыжскимъ, т е. занятіе Молдавіи и Валахіи съ цѣлью окончательнаго овладѣнія ими.

И нужно признать, что условія могли тогда казаться благопріятными для подобнаго расширенія Европейской Россіи: за нѣсколько лѣтъ до этого предполагалось [5]) привлечь къ намъ

---

[1]) Краткій обзоръ даетъ Filitti, Rôle diplomatique des Phanariotes (1901).

[2]) Предложеніе Ипсиланти и замѣчанія, сдѣланныя на поляхъ Чарторыжскимъ, у Богишича, Разборъ сочиненія Попова „Россія и Сербія“, стр. 47.

[3]) Прусскій посланникъ въ Константинополѣ писалъ королю 24 янв. 1807 г. (Jorga, Acte si documente, II, стр. 420) „J'ajoute encore moins de foi à la nouvelle sur laquelle Votre Majesté aura probablement des données plus authentiques de Pétersbourg et de Vienne, que le prince Ipsilanty aurait signalé son retour à Bucharest en se déclarant roi de Valachie, Moldavie et Bessarabie.“

[4]) Ср. Бутурлинъ. Картина войнъ Россіи и Турціи, II (1829), стр. 7.

[5]) Мнѣніе графа А. С. Воронцова по дѣламъ, касающимся Валахіи, представленное Императору 22 февраля 1803 г. (Архивъ кн. Воронцова, XX, 531): „Неустройство, впрочемъ, въ Молдавіи и Валахіи и стѣсненное состояніе жителей можетъ еще иногда послужить и намъ къ нѣкоторому выгодному хозяйственному распоряженію... а именно, не побудитъ ли сіе положеніе Молдавіи и Валахіи многихъ изъ жителей сихъ княжествъ переселиться въ Россію и особливо на пустыя земли между Бугомъ и Днѣстромъ. ..“

въ предѣлы тогдашней Имперіи. для заселенія новоприсоединенныхъ очаковскихъ степей, Молдо-Валаховъ, страдавшихъ подъ управленіемъ господарей, а также и отъ жестокостей турецкаго варварства Не лучше ли было теперь упорядочить вообще бытъ обоихъ княжествъ и дать всѣмъ ихъ обитателямъ спокойствіе и безопасность наравнѣ со всѣми русскими подданными?

Страданія населенія Молдавіи и Валахіи были несомнѣнно тяжелыя и недочеты режима фанаріотовъ въ этихъ княжествахъ давно уже описаны историками, особенно румынскими Рука Турокъ проявлялась тамъ лишь во вредъ населенію: гарнизоны турецкихъ крѣпостей на Днѣстрѣ и на Дунаѣ постоянно грабили сосѣдніе уѣзды, набѣги разбойничьихъ шаекъ баши-бузуковъ наводили ужасъ во всей странѣ, и константинопольскіе поставщики мяса и хлѣба могли безплатно увозить купленные продукты, терроризуя мирныхъ производителей[1]). Но во внутреннія дѣла княжествъ Порта никогда не вмѣшивалась и никогда не стремилась оградить своихъ „рая“ отъ злоупотребленій христіанскихъ князей. Въ сущности дань, уплачиваемая княжествами Портѣ, была ничтожна рядомъ съ тѣми поборами и той системой кормленія, которыми прославились фанаріоты. Временный характеръ ихъ правленія, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, вѣчное опасеніе заслужить немилость дивана мѣшали даже лучшимъ изъ господарей принять полезныя для края мѣры и лѣчить его вѣковыя язвы[2]). А всѣ они пріѣзжали туда съ властью, неограниченной въ Яссахъ или Бухарестѣ, но купленной на Босфорѣ не только униженіями передъ султаномъ и его министрами[3]), но и денежными затратами, которыя нужно было поскорѣе покрыть; всѣ они стремились, передъ неминуемымъ и близкимъ паденіемъ, имущественно обезпечить по мѣрѣ возможности свою семью; всѣхъ сопровождала толпа единородцевъ[4]), служителей, писцовъ, монаховъ, откупщиковъ, судьба которыхъ была тѣсно связана съ даннымъ княземъ и которые слѣдовали его примѣру[5]).

---

[1]) См. Raicevitch, Voyage en Moldavie et en Valachie (1822), стр. 57—59.

[2]) „Ces princes presqu' absolus dans le mal sont entièrement enchaînés dans le bien, qu'ils pourraient par hasard avoir envie de faire.“ Донесеніе французскаго вице-консула въ Яссахъ Паррана 11 іюня 1798 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, 182).

[3]) „Il a à Constantinople autant de maîtres qu'il a à Jassy de sujets. A Constantinople il baise humblement la robe du dernier musulman; à Jassy il fait respectueusement baiser sa main au premier des boyards...“ (Тамъ же). Ср. также Sainean, L'influence orientale sur la langue et la civilisation roumaine, II (1902), стр. 18.

[4]) „....L'hospodar et sa suite de Grecs qu'il emmène avec lui de la capitale ne peuvent avoir du patriotisme pour un pays étranger, ou ils ne viennent que pour accumuler de l'argent ..“ Донесеніе прусскаго консула въ Букарестѣ Марко 13 сент. 1819 (Hurmuzaki, Documente, X, стр. 73).

[5]) „Cette province a un maître étranger qui la pille, qui est obligé de la piller avec un excès d'empressement incroyable; tous les subalternes ont soin de suivre

Тѣ изъ писателей, которые стараются дать апологетику фанаріотской эпохѣ въ княжествахъ, указываютъ, что эти господари познакомили румынъ съ благами греческой культуры [1]), но приходится признать, что ея носители, эти стяжательные клирики, распространившіе вмѣстѣ съ греческимъ языкомъ вліяніе патріархата и греческихъ монастырей, эти услужливые и изобрѣтательные логофеты, примѣнявшіе въ судахъ компиляціи византійскаго права, дорого обошлись выносливому, покорному румынскому населенію, которое легко сдерживалось тогда господарской стражей изъ двухсотъ албанцевъ [2]).

Грекамъ, покинувшимъ вызженные и безводные острова Архипелага, крутые и голые утесы Эпира, обѣтованной землею должны были казаться глубокій черноземъ придунайской равнины и сочная зелень Карпатскихъ вершинъ, и неудивительно, что, когда въ свитѣ господаря встрѣчались стихотворцы, они сравнивали Валахію съ раемъ небеснымъ [3]) Но и иностранные консулы того времени даютъ намъ въ своихъ донесеніяхъ поразительную картину ея природныхъ богатствъ [4]), прибавляя, впрочемъ, что эти блага большей частью лежатъ втуне [5]), такъ какъ Молдаване и Валахи обрабатываютъ свои поля въ обрѣзъ, насколько это нужно для уплаты податей и собственнаго скуднаго прокормленія, опасаясь, что развитіе новыхъ доходовъ на поверхности и въ нѣдрахъ земли можетъ служить поводомъ для введенія новыхъ поборовъ [6]).

Для сравнительно небольшой русской арміи, вступившей въ княжество, продовольствіе [7]) казалось всетаки обезпеченнымъ,

---

leur exemple et le gouvernement n'est autre chose qu'un principe de rapine.. " (Hurmuzaki, Suppl I, vol. II, стр 181).

[1]) Ср. Blancard, Les Mavroyeny, I, стр 12.

[2]) См. Записку Себастьяни 12 іюля 1808 г. у Testa, Recueil de traités, II, стр. 325.

[3]) Такъ напр. Дапонтисъ, секретарь кн. Маврокордато, писалъ (нап. у Legrand, Ephémérides dans I, 1880 въ Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, XIV, стр. *υλγ*).... *κλέος τῆς οἰκουμένης Βλαχία, στολὴ τῆς Εὐρώπης, Βλαχια, οἱ ποταμοι σου χρυσόρροοι, οἱ κάμποι χρυσόγονοι* (стр. *υλε*)... *ὁ ἐν Ἐδέμ παράδεισος μόνος καλήτερος τῆς ἐν Δακιᾳ Βλαχίας.*

[4]) „La nature semble s'être épuisée en dons pour cette terre abandonnée; elle y a enserré ses tresors d'abondace, et l'observateur, qui la parcourt, tout en s'étonnant de ses produits immenses, doit encore s'etonner qu'elle ne produise pas davantage. Elle crie à l'ingratitude, à l'insouciant abandon de ses habitants qui la négligent..." Донесеніе Паррана (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр 180).

[5]) „Les paysans valaques et moldaves ne suffisent point à l'étendue des terres. Ils n'en cultivent que ce qu'il faut pour vivre, payer les impôts et ce qu'ils doivent à leurs boyards ou seigneurs." Le baron de Mériage au Minist. des Aff. Étr. 14 іюля 1811 г. (Hurmuzaki, vol II, Suppl I, стр. 589).

[6]) См. Karaczay, Beiträge zur europäischen Länderkunde. Die Moldau, Wallachey, Bessarabien und Bukowina. Wien, 1818, стр. 37.

[7]) См. однако письмо Михельсона Александру I отъ 25 іюля 1806 г., выражающее опасеніе, что въ Молдавіи не хватитъ ржаного хлѣба. У Петрова, l. c., стр. 388.

и расположеніе жителей всѣхъ классовъ къ Россіи должно было служить ко взаимному благу[1]).

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что тогда все христіанское населеніе Балканскаго полуострова объединялось общей вѣрой, и разницы между національностями не чувствовалось: Греки, Румыны, Славяне чтили одинаково православную Россію, какъ свою покровительницу[2]). Въ это время подъ сѣнью общихъ церковныхъ завѣтовъ было возможно духовное сближеніе и постепенное сліяніе румынскаго населенія съ Россіей, не только одного крестьянства, но и высшаго боярскаго класса. Послѣдній, благодаря русской арміи въ предшествовавшую кампанію конца XVIII вѣка, распозналъ нѣкоторыя внѣшнія блага[3]) западноевропейской культуры, тогда какъ до того времени молдавскіе и валахскіе бояре, въ своей домашней жизни, мало отличались отъ своихъ турецкихъ властителей[4]). Новое прибытіе нашей арміи, съ приверженцами болѣе утонченнаго комфорта, не могло не быть встрѣчено сочувственно и той частью населенія, которая охотно имъ подражала. А если, по отзыву духовныхъ лицъ, случаи развода и стали учащаться въ боярскихъ семьяхъ послѣ постоя нашихъ войскъ[5]), то не слѣдуетъ безусловно вѣрить отзывамъ иностранныхъ консуловъ, которые приписывали увеличеніе пьянства среди крестьянъ придунайскихъ княжествъ долговременному пребыванію тамъ нашихъ военныхъ силъ[6]).

Не мало благопріятныхъ условій представляло такимъ образомъ положеніе дѣлъ въ началѣ 1807 года, когда, за исключеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей, русскія войска занимали всю

---

[1]) „On peut imaginer ce que pourraient être la Moldavie et la Valachie, si elles étaient soumises a un prince puissant et habitées par une nation active et industrieuse; elles seraient le Paradis de l'Europe.“ Langeron, Journal des campagnes. Hurmusaki, Suppl. I, vol. III, стр. 82.

[2]) „Les Russes se sont emparés dans ce pays de tous les esprits .. la religion a ouvert tous les coeurs.. Il est naturel que.. chaque .. Moldave... voie dans chaque Russe un ami naturel, un frère...“ Донесеніе Паррана 11 іюня 1798 (Hurmuzaki, vol. II, s. I, стр. 183).

[3]) Ср. Andreas Wolf, Beitrage zu einer stat. historischen Beschreibung des Fürstenthums Moldau, (1805) I, стр. 262.

[4]) См. напр. объ этомъ въ письмѣ принца де-Линь графу де-Сегюръ 1 дек. 1788 г у Hurmuzaki, Suppl. I, vol III, стр. 77.

[5]) См любопытный разговоръ экзарха Гавріила съ Бантышемъ-Каменскимъ „Путешествія въ Молдавію, Валахію и Сербію“, стр. 146.

[6]) Донесеніе прусскаго консула въ Букарестѣ Крэйхели посланнику въ Константинополѣ 6 января 1822 г.: „Les invasions russes par le moyen des étrangers au service moscovite mirent la haute et moyenne classe dans une quasi connaissance des moeurs de l'Europe; la basse classe en apprit l'usage de l'eau de vie.... La dernière invasion (1806—1812) métamorphosa la Valachie. Quelque bienfaisantes en elles-mêmes qu'aient pu être les vues du Cabinet de St. Pétersbourg, elles ne compenseront jamais les suites de la dépravation des moeurs, occasionnée par son armée.“ (Hurmuzaki, vol. X, стр. 133).

территорію обоихъ княжествъ, призванныхъ служить базой для дальнѣйшихъ операцій. Тревожнымъ моментомъ въ отношеніяхъ къ намъ мѣстнаго населенія могли послужить неизбѣжныя въ военное время столкновенія между войсками и обывателями; въ войнѣ, предшествовавшей Ясскому миру 1792 г., такія столкновенія повторялись довольно часто, по словамъ нашихъ же военачальниковъ [1]), и они конечно могли служить опорой для антирусскихъ теченій въ княжествахъ, а потому понятна великодушная и вмѣстѣ съ тѣмъ дальновидная мысль Александра I, когда онъ напоминалъ Михельсону, что на русскихъ населеніе Молдавіи и Валахіи смотритъ какъ на освободителей, и что отъ русскихъ зависѣло заслужить это прозвище [2]).

Михельсону не удалось, какъ извѣстно, закончить войну, и послѣ него довольно часто смѣщались главнокомандующіе: Меллендорфъ, Прозоровскій, Багратіонъ, Каменскій, Кутузовъ. Очень не долго исполнялъ обязанности главнокомандующаго французъ Ланжеронъ, не успѣвшій сыграть самостоятельную роль, но оставившій обстоятельный и любопытный журналъ этой кампаніи, въ которой онъ участвовалъ съ самаго начала [3]). Его записки, переведенныя теперь на русскій языкъ [4]), даютъ много матеріала для сужденія о продолжительности нашихъ неудачъ въ этой войнѣ, но онѣ тоже даютъ довольно яркое представленіе объ оригинальной личности ихъ автора, который ждетъ еще своего біографа Родился онъ въ древней французской семьѣ [5]) и, подобно многимъ молодымъ аристократамъ, дрался за освобожденіе Америки подъ начальствомъ Рошамбо; вмѣстѣ съ

---

[1]) Герцогъ Армандъ Ришелье, Документы и бумаги. Сборникъ И. Русск. Ист. Общества, т 54, стр. 196· „En général les boyards (de Moldavie), que j'ai vus et avec qui j'ai pu m'entretenir, m'ont paru très éloignés de l'état d'ignorance et de stupidité, auquel les Russes affectent de faire croire qu'ils sont réduits, pour justifier sans doute la hauteur et les mauvais traitements qu'ils leur font essuyer et qu'ils ne semblent mériter en aucune manière."

[2]) „L'attachement que les habitants de la Valachie ont de tout temps manifesté pour les Russes et l'oppression qui les menace..... me sont un sûr garant de ce que mes troupes seront reçues dans ces provinces avec toutes les démonstrations de l'amitié. .. et qu'elles y seront même reçues comme des libérateurs. Pour nourrir et fortifier autant que possible ces dispositions, je vous recommande de particulièrement veiller avec la plus scrupuleuse attention à une stricte et sévère discipline et ne permettre aucun acte arbitraire, ni aucune vexation." Александръ I Михельсону 15 окт. 1806 г., у Петрова, l. c., I, стр. 376.

[3]) Говоря о войнѣ 1806—1812 г., Ланжеронъ пишетъ (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. III, стр. 108): „Je l'ai faite toute entière, j'y ai eu des commandements importants; j'ai même commandé toute l'armée pendant quelques mois, et heureusement pour moi je n'en ai pas été chef assez longtemps, pour me mettre par mes fautes au niveau de mes prédécesseurs et de mes successeurs."

[4]) Нап. въ „Русской Старинѣ", 1907, май и сл.

[5]) Andrault, comte de Langeron, marquis de la Cosse, baron de Cougny et de Sassy.

нимъ онъ эмигрировалъ въ самомъ началѣ революціи и, солдатъ по призванію, онъ искалъ военной службы сначала въ Австріи, а потомъ въ Россіи, сражался противъ Шведовъ и участвовалъ вмѣстѣ со многими другими эмигрантами въ штурмѣ Измаила. Потомъ въ 1793 и 1794 г.г. онъ въ рядахъ австрійской арміи совершалъ походъ во Фландріи противъ Франціи. Впослѣдствіи онъ опять переѣхалъ въ Россію и русской службы уже не покидалъ до смерти, не получивъ отъ правительства Людовика XVIII того ранга, на который давала ему право расчитывать въ королевской арміи его вѣрность бурбонской династіи. Въ 1814 г. онъ былъ во Франціи, но съ русскими знаменами, и корпусъ, которымъ онъ командовалъ, штурмовалъ парижское предмѣстье Монмартръ. Не взирая на то, что вся его жизнь прошла на чужбинѣ, у него остались качества французскаго ума, какъ это особенно замѣтно въ его писаніяхъ; но онъ сохранялъ и французскую заносчивость и французскую сентиментальность. Графъ Ланжеронъ не позволялъ другимъ насмѣшекъ по адресу той Франціи, противъ которой онъ неоднократно воевалъ[1]), и наканунѣ взятія Парижа, глядя издали на родной городъ, онъ проливалъ слезы, вспоминая прожитые тамъ годы шумной молодости[2]).

Немедленно, вслѣдъ за формальнымъ объявленіемъ войны со стороны Турціи, у Наполеона возникаетъ, не легко осуществимая, мысль[3]) превратить оттоманскія войска въ правое крыло великой арміи, сражающейся на сѣверо-западѣ противъ Россіи. Наполеонъ обѣщаетъ маршалу Мармону въ Далмаціи прислать ему 25.000 человѣкъ, которые могли бы двинуться на востокъ и застичь русскую армію въ малой Валахіи; Таллейранъ же въ Варшавѣ предлагаетъ императору заключить съ Турціею наступательный союзъ

---

1) Въ разговорѣ съ Ланжерономъ кн. Потемкинъ, возмущаясь событіями Французской революціи, сказалъ ему: „Ваши соотечественники—сумасброды. Моихъ конюховъ было бы достаточно, чтобы съ ними справиться.“ На это Ланжеронъ возразилъ: „Я не думаю, что вы этого достигнете со всей вашей арміей.“ См. Castera, Histoire de Catherine II, томъ III, стр. 319 (1809).

2) См. Михайловскій-Данилевскій. Александръ I и его сподвижники, III, № 44.

3) Бертье писалъ Мармону 29 января 1807 (Correspondance de Napoléon, XIV, 324): „L'empereur n'est pas très éloigné de vous envoyer 25.000 hommes sur Widdin et alors vous rentreriez dans le système de la Grande Armée, puisque vous en ferez l'extrême droite; et 25.000 Français qui soutiendraient 60 000 Turcs obligeraient les Russes non pas à laisser 30.000 hommes, comme ils l'ont fait, mais à y envoyer une armée du double, ce qui serait une grande diversion pour la Grande Armée de l'empereur.... L'empereur regarde comme l'événement le plus heureux dans notre position celui de la déclaration de guerre de la Turquie à la Russie, car déja des recrues destinées pour l'armée, qui nous est opposée, ont été envoyées à l'armée de Michelson....“

и подкрѣпить его отправленіемъ французскаго отряда изъ Польщи[1]) въ юго-западный край съ тѣмъ, чтобы съ помощью польскаго возстанія, которое предполагалось вызвать тогда на Волыни и въ Подоліи, французскія войска могли на Днѣстрѣ оказаться въ тылу русской арміи[2]). Но этимъ, болѣе чѣмъ фантастическимъ, планамъ[3]) не суждено было осуществиться; объ нихъ только усиленно сообщалось[4]) султану Селиму, чтобы поддержать его воинственное настроеніе противъ Россіи Съ этою же цѣлью посылаются французскіе офицеры и военные инженеры на Дунай: Ламаръ въ Систово, Бутенъ[5]) въ Силистрію, Сорбье въ лагерь великаго визиря: они должны сообщать свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій Наполеону[6]), помогать своими совѣтами турецкимъ военачальникамъ и поддерживать престижъ французскаго имени[7]) среди магометанъ. Но главный обсерваціонный пунктъ поручается барону Меріажу въ Виддинѣ, гдѣ онъ долженъ пропускать и снабжать дипломатическими свѣдѣніями французскихъ курьеровъ, ѣдущихъ въ Константинополь изъ гланой императорской квартиры и изъ Далмаціи. Въ Виддинѣ, куда Меріажъ прибываетъ въ концѣ февраля, уже нѣтъ всемогущаго паши Пасванъ-оглу, мечтавшаго, какъ и многіе изъ его собратьевъ, о полной независимости и опасавшагося даже слишкомъ рѣшительныхъ турецкихъ побѣдъ, способныхъ подкрѣпить пошатнувшуюся власть султана[8]). Преемникъ Пасванъ-оглу въ свою очередь принимаетъ Меріажа какъ союзника[9]), и послѣдній составляетъ Туркамъ планъ наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу Дуная, которыя явились серьез-

---

[1]) Письмо 7 марта 1807 г. изъ Варшавы. Bertrand, Lettres inédites de Talleyrand (1889), стр. 328.

[2]) „La Porte verrait avec plaisir des troupes françaises en Valachie et Moldavie, si elles y arrivaient par la Pologne...“ Письмо Таллейрана 8 марта 1807, Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon, éd. par Bertrand (1889), стр. 333.

[3]) Ср. Handelsman, Napoléon et la Pologne (1909), стр. 111—117.

[4]) „Il y a longtemps que Mr. Sébastiani dit à la Porte que les armées russes étaient totalement détruites, que de fortes colonnes françaises avaient avancé tout près du Dniester...“ Инструкціи британскаго правительства адмиралу Кэвэлеръ 21 янв. 1807.

[5]) О немъ см. Souvenirs du baron Paulin, стр. 96.

[6]) „Il est bon que des officiers français parcourent les differentes provinces de la Turquie. Ils feront connaître tout le bien que l'Empereur veut au grand Seigneur; cela servira à exalter les têtes, et vous obtiendrez des renseignements utiles, que vous me transmettrez“. Correspondance de Napoléon, XIV, 324.

[7]) См. письма Наполеона 29 янв. и 10 февр. 1807 г. (Correspondance de Napoléon, XIV, стр. 324, 369).

[8]) Таллейранъ писалъ Наполеону изъ Варшавы 8 февр. 1807 г: „Mr. Jaubert doute que Passwann Oglou se prête volontiers à l'établissement d'un officier français à Widdin. Cet homme est ombrageux et craint toujours de voir épier ses démarches. Mr. Jaubert l'a vu avec peine; d'abord il s'y refusait. Les Français, disait-il, sont trop amis de la Porte pour être les miens...“ Bertrand l. c. p. 296—297.

[9]) Письмо Таллейрана отъ 14 марта 1807. Тамъ же, стр 352.

ной угрозой для отряда Милорадовича и могли, по мнѣнію названнаго французскаго офицера, окончиться полнымъ уничтоженіемъ нашихъ силъ, если Турки не остановились бы на полъ пути[1]).

И во время военныхъ дѣйствій вліяніе фанаріотовъ даетъ себя чувствовать: Мурузи, не взирая на ихъ оттѣсненіе франкофильскимъ теченіемъ, находятся въ перепискѣ съ турецкимъ главнокомандующимъ и, если вѣрить донесеніямъ Себастьяни, склоняютъ рущукскаго пашу Мустафу Байрактара къ нѣкоторому бездѣйствію[2]), такъ что Меріажу приходится всячески поощрять энергію этого будущаго диктатора[3]), какъ и другихъ мало подвижныхъ придунайскихъ пашей[4]).

Но за то среди Грековъ приверженцы Франціи поддерживаютъ воинственный духъ Турокъ и помогаютъ неутомимому Себастьяни. Послѣ объявленія войны Турція назначила новыхъ господарей; въ Валахіи возстановленъ Суцо[5]), но онъ Дуная не переходилъ, оставаясь нѣкоторое время въ Систовѣ, откуда онъ переписывался съ Таллейраномъ, призывая въ княжество французскія войска[6]). Въ Молдавіи сначала былъ назначенъ драгоманъ Порты Ханджерли, также приверженецъ Франціи[7]), и лишь въ августѣ 1807 года былъ номинально возстановленъ на молдавскомъ престолѣ Каллимахи[8]). Но оккупація княжествъ русскими лишала ихъ правителей фактической власти и позволяла имъ пользоваться свободнымъ временемъ для завѣренія въ своей преданности Франціи[9]), обращаясь къ Таллейрану и его замѣстителю[10]).

---

[1]) Объ этомъ у Boppe, Mission de l'adjudant-commandant Mériage à Widdin въ Annales de l'école des sciences politiques 1886, стр. 280.

[2]) Донесеніе Себастьяни Таллейрану 28 апрѣля 1807: „Les Moruzzi sont l'âme de toutes les intrigues qui se font ici contre la France. Mr. Meriage écrit de Widdin que leurs infractions ont corrompu Mustapha Bayractar....“ (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 415).

[3]) „Tandis que ses armées (Наполеона) triomphantes au Nord dispersent les ennemis, vous seul les avez arrêtées sur le Danube. Vous allez reconquerir la Valachie et la Moldavie et malgré leurs artifices, les Russes, vaincus par la gloire de vos armées, fuiront bientôt aussi de la Crimée.“ (Письмо Меріажа у Hurmuzaki, l. c., стр. 433).

[4]) Наполеонъ Таллейрану 3 апрѣля 1807 (Correspondance de Napoléon, XV, стр. 16 сл.): „Ecrivez à l'officier que j'ai à Widdin, Mr. Mériage, qu'il assure l'aga de ma protection et lui offre armes, poudre et tout ce dont je puis disposer; que je ne lui demande que d'être fidèle à la Porte et de marcher franchement contre l'ennemi commun “

[5]) Донесеніе Себастьяни 24 дек. 1806 (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 370).

[6]) Письмо Таллейрана Наполеону 4 апр. 1807 у Bertrand, стр. 403.

[7]) Донесеніе Себастьяни 22 марта 1807 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 406).

[8]) Письмо Каллимахи Таллейрану 24 августа 1807 г. (Hurmuzaki, l. c., p. 450).

[9]) Письмо князя Суцо Наполеону 19 сент. 1807 (Hurmuzaki, стр. 461): „...que Sa Majesté me permette de lui offrir mes hommages et mes félicitations respectueuses et de me recommander de nouveau à ses bontés paternelles dans ce moment, où son sublime génie va fixer les destinées de l'Empire du Croissant.“

[10]) Письмо Суцо графу Шампаньи 22 ноября 1807 г. (Hurmuzaki, стр. 461).

Наполеонъ, никогда не брезгавшій общественнымъ мнѣніемъ, слѣдитъ за свѣдѣніями, которыя появляются въ парижскихъ и италіанскихъ газетахъ о кампаніи на Дунаѣ, и въ письмахъ министру полиціи Фуше и пасынку своему Евгенію онъ возмущается извѣстіями, почерпнутыми изъ англійской прессы [1]), когда они раздуваютъ успѣхи нашего оружія [2]): онъ тогда распоряжается о доставленіи редакторамъ полныхъ донесеній съ театра войны [3]) и предписываетъ издателямъ парижскихъ органовъ составленіе благопріятныхъ для Турціи статей, которыя расчитаны на читателей въ Константинополѣ [4]). А когда Наполеонъ непосредственно обращается къ султану, онъ, подчеркивая собственные успѣхи [5]), вмѣстѣ съ тѣмъ завѣряетъ своего союзника, что онъ не заключитъ мира безъ участія Турціи и не вступитъ ни въ какіе переговоры съ Россіею, если Порта не будетъ возстановлена въ своихъ правахъ на Дунаѣ [6]).

Попытка установленія мира весною 1807 г. обнаружилась однако съ другой стороны, благодаря усиліямъ Англіи и въ пользу Турціи. Англіи во что бы то ни стало нужно было вернуть Австрію въ коалицію противъ Наполеона, а для этого прежде всего сблизить опять Австрію съ Россіею. Для вѣнскаго двора занятіе княжествъ нашими войсками было событіемъ тревожнымъ, хотя онъ и ограничился отсылкой въ Петербургъ довольно

---

[1]) Наполеонъ Фуше 28 марта 1807 (Correspondance, XIV, стр. 695): „Vous devriez bien prier le journal de l'Empire de ne point donner des nouvelles ridicules sur la Russie, comme celles qui sont dans son numéro du 17 mars. On a une grande rage de copier tout ce que les Anglais veulent faire accroire sur cette puissance."

[2]) „Le journal de Paris donne des nouvelles de Bucharest qui sont fausses. Faites les démentir. Ismail n'est pas pris. Hormis Choczine il n'est point vrai que les Russes soient en Bessarabie. Ils n'occupent en Valachie que Bucharest, mais les Turcs sont tout autour." (Тамъ же).

[3]) См. письма Наполеона ген. Лемаруа 26 мая и принцу Евгенію 28 мая 1807 г. (Correspondance de Napoléon, XV, стр. 337, 349).

[4]) „Vous pouvez hardiment taxer de faux les bruits que l'on fait courir sur les prétendus succès des Russes... Il faut beaucoup exalter les Turcs, car ils lisent nos gazettes, et cela fait parmi eux un bon effet... Il faut que nos journaux ne parlent des relations et des rapports mensongers des Russes, que pour les contredire; causez en avec les rédacteurs." Наполеонъ министру Фуше 28 мая 1807 г. (Corresp., XV, стр. 345).

[5]) Наполеонъ Селиму 3 апр. 1807 г. (Correspondance, XV, стр. 17): „J'ai battu les Russes dans une grande bataille, je leur ai pris 75 canons, 16 drapeaux et un grand nombre de prisonniers.... Confie-moi tes besoins, je suis assez puissant et assez intéressé à tes succès, tant par amitié que par politique, pour n'avoir rien à te refuser." Такъ же 10 февр. 1807 г. (Correspondance, XIV, стр. 369).

[6]) „J'ai déclaré que je ne traiterai point sans mes alliés, parmi lesquels la Porte tient le premier rang" (Наполеонъ 26 апр. 1807, Corresp., XV, стр. 187). „Ici on m'a proposé la paix... j'ai répondu qu'il fallait qu'une indépendance absolue fût assurée à la Porte et que tous les traités, qui lui avaient été arrachés, pendant que la France sommeillait, fussent révoqués (Наполеонъ Селиму, Corresp., XV, стр. 17).

безцвѣтной ноты [1]) по этому поводу. Но внимательные наблюдатели замѣчали неудовольствіе Австріи, и французскому послу въ Вѣнѣ Андреоси казалось, что начатыя вооруженія направлены не противъ Франціи, а клонятся къ вмѣшательству на Востокѣ [2]).

Если для австро-французскаго сближенія, о которомъ мечталъ Таллейранъ[3]), еще не наступилъ часъ, то вѣнскій кабинетъ, не желая порывать съ Россіей, не могъ быть, однако, совершенно равнодушнымъ зрителемъ русско-турецкой войны. Вѣрнымъ выразителемъ тогдашняго настроенія въ Вѣнѣ можно считать эрцгерцога Карла, который говорилъ, что побѣды Французовъ и Русскихъ одинаково не желательны [4]): первыя могли вести къ полному порабощенію Австріи, вторыя навсегда преградили бы ей путь къ расширенію на счетъ Оттоманской имперіи. И понятно, что англійскому послу въ Вѣнѣ Эдеру нужно было прежде всего успокоить Австрію и убѣдить ее, что мы не помышляли о серьезномъ расширеніи территоріи[5]). Содѣйствовать ему въ этой задачѣ долженъ былъ присланный въ декабрѣ 1806 г. изъ Петербурга въ Вѣну, съ особымъ порученіемъ, полковникъ русской службы, корсиканецъ, графъ Поццо ди Борго, котораго въ теченіе десяти лѣтъ можно встрѣтить въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ, въ Россіи[6]), въ Константинополѣ, вездѣ, гдѣ ведется или готовится борьба съ Наполеономъ, и по мѣрѣ того какъ Россія или Австрія сближаются съ Наполеономъ, графъ Поццо долженъ покидать столицы этихъ государствъ и искать убѣжища въ Великобританіи, среди непримиримыхъ враговъ французскаго императора. Россіи же корсиканскій изгнан-

---

[1]) Письмо Таллейрана 30 дек. 1806 г. Наполеону: „Le Cabinet de Vienne ne paraît pas montrer un grand intérêt aux affaires du Levant, quoique Mr. de Stadion ait assuré, que le Cabinet avait fait remettre à celui de St. Pétersbourg des notes très fortes sur l'occupation de la Moldavie, notes dont eux-mêmes n'attendent aucun effet (Bertrand, Lettres inédites, стр. 290).

[2]) Письмо Таллейрана 4 апрѣля 1807 г.. тамъ же, стр. 409.

[3]) Однако Наполеонъ уже тогда еще разсчитывалъ на сближеніе съ Австріей противъ Россіи. Въ письмѣ, написанномъ по его приказанію маршаломъ Бертье Мармону 29 янв. 1807 г. (Correspondance, XIV), говорится: „Jusqu'à cette heure nous paraissons toujours assez bien avec l'Autriche, qui paraît comprendre qu'elle a beaucoup à gagner avec la France et à perdre avec les Russes. Les Autrichiens craignent les Français, mais ils craignent aussi les Russes. Il paraît qu'ils ont vu d'un mauvais oeil l'occupation de la Valachie et de la Moldavie."

[4]) „Le général Andreossy reproche à l'archiduc Charles de se réjouir également des pertes des Russes et des pertes des Français, qu'il regarde les uns et les autres comme les plus cruels ennemis de l'Autriche". Письмо Таллейрана 7 марта 1807 г. Наполеону (Bertrand, l. c., стр. 328).

[5]) См. Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reiches VII, стр. 423.

[6]) Первое появленіе Поццо въ Петербургѣ внушило нѣкоторое недовѣріе. Чичагову, охарактеризовавшему его какъ „un aventurier, venu de je ne sais où, intéressé pour je ne sais qui". Александръ I въ письмѣ 7 марта 1806 г. возражалъ, называя его „un homme auquel, tout ce qui le connaît rend justice" (приводится у Шильдера, Александръ I, т. II, стр. 351).

никъ служитъ на столько, на сколько онъ можетъ нанести ударъ своему великому земляку и ускорить его паденіе: рѣдкимъ зрѣлищемъ является это перенесеніе на міровую сцену домашней вражды двухъ близкихъ семей Поццо и Бонапарта, для которыхъ воспоминанія о юношеской дружбѣ[1]) и сосѣдскихъ отношеніяхъ въ родномъ Аячіо увеличиваютъ только взаимное озлобленіе

Въ началѣ апрѣля Поццо ди Борго получаетъ отъ нашего министерства порученіе выѣхать изъ Вѣны въ Константинополь для переговоровъ о мирѣ, подготовленныхъ до извѣстной степени Эдеромъ въ Вѣнѣ. Требованія Россіи были нѣсколько убавлены съ тѣхъ поръ, какъ англійскій адмиралъ, проникшій въ Босфоръ, потребовалъ въ своемъ ультиматумѣ 20 февраля 1807 г. спокойнаго обладанія княжествами для Россіи[2]) Послѣ неудачи англійскаго флота въ проливахъ Англія искала сближенія съ Турціей[3]), какъ всегда, противъ Наполеона и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣла на прекращеніе войны между Россіей и Турціей, какъ на желательное усиленіе боевой способности антифранцузской коалиціи. Миръ казался тогда возможнымъ безъ территоріальныхъ жертвъ со стороны Турціи; по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ баронъ Будбергъ увѣрялъ прусскаго посланника, что Россія дорожитъ только признаніемъ своего протектората надъ балканскими христіанами[4]) и въ инструкціяхъ, привезенныхъ въ началѣ іюня графомъ Поццо на рейдъ передъ Тенедосомъ, гдѣ стояла эскадра адмирала Сенявина, сохраненіе княжествъ не было поставлено какъ conditio sine qua non для мира съ Турціей[5]).

И намъ миръ могъ казаться тогда желательнымъ: для нашихъ неудачъ въ кампаніи противъ Французовъ на сѣверо-западѣ мы не находили противовѣса въ результатахъ, достигнутыхъ въ княжествахъ, и окончательное завоеваніе лѣваго берега Дуная могло казаться еще сомнительнымъ въ концѣ весны 1807 г.:

---

[1]) „Qui n'aimerait à suivre, aux bords de l'océan et dans le creux du rocher, les courses vagabondes de ces deux enfants, destinés, l'un à être le maître de la moitié du monde et l'autre à remplacer l'esclave romain, qui criait au triomphateur: souviens-toi que tu es un homme." Ouvarof, Stein et Pozzo di Borgo (1847), стр. 15.

[2]) См. Garden, Histoire générale des traités de paix, XIV, стр. 17.

[3]) Ср. Driault, Politique orientale de Napoléon, стр. 221.

[4]) „Nous ferons demain la paix avec la Porte, si elle veut se décider à remplir les traités, et il ne nous en faudra pas davantage, pour retirer nos troupes de la Moldavie et la Valachie." Приводится въ письмѣ Гольца королю отъ 25 марта 1807 г. (напеч. у Jorga, Acte şi Fragmente II, стр. 621).

[5]) Впослѣдствіи турецкій Reis Effendi говорилъ Себастьяни: „Un négociateur russe, M. Pozzo di Borgo, est venu nous offrir de la part de sa cour l'évacuation des deux provinces avec la promesse de ne plus s'immiscer dans leur administration; nous avons tout refusé." Въ донесеніи Себастьяни отъ 10 окт. 1807 г., нап. у Testa, Recueil des traités de la Porte ottomane II, стр. 306.

Измаилъ и Браиловъ не были еще взяты нами, и турецкія войска, не взирая на анархію, царящую среди нихъ, могли еще въ концѣ мая угрожать нашествіемъ въ Валахію и вторженіемъ въ ея столицу, когда Милорадовичъ получилъ золотую саблю за спасеніе Бухареста[1]). Наша 50.000 армія[2]) уже не въ состояніи была во всемъ своемъ составѣ принимать участіе въ бояхъ; развивались уже болѣзни, сдѣлавшія впослѣдствіи столь значительныя опустошенія въ ея рядахъ, и наши солдаты страдали отъ неровностей и рѣзкихъ перемѣнъ климата придунайской весны[3]). Сколько нужно было еще усилій и жертвъ, чтобы отбросить окончательно Турокъ изъ Молдавіи и Валахіи и обезвредить себя отъ гарнизоновъ, занимавшихъ крѣпости праваго берега Дуная? И не послужило ли бы нѣкоторымъ облегченіемъ въ неудачной борьбѣ съ Франціей прекращеніе военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ?

Почти наканунѣ пріѣзда Поццо, 31 мая, былъ низложенъ Селимъ, вѣрный другъ Франціи, но русскій эмиссаръ встрѣтился тамъ съ другимъ корсиканцемъ, съ генераломъ Себастьяни[4]), и антагонизмъ этихъ двухъ единоплеменниковъ опять совпадаетъ съ борьбой двухъ политическихъ системъ Французскій посланникъ, во время предупрежденный княземъ Суцо, убѣдилъ диванъ не только не вступать въ переговоры съ Поццо, но и не принимать его. Такимъ образомъ исчезла всякая надежда на выгодный для Порты миръ, когда было получено въ Константинополѣ неожиданное извѣстіе о встрѣчѣ двухъ Императоровъ въ Тильзитѣ и о новомъ союзѣ Франціи и Россіи, который сразу видоизмѣнялъ международныя отношенія Турціи и какъ бы придавалъ новую окраску всему восточному вопросу.

---

[1]) Характерно въ этомъ отношеніи письмо Кочубея герцогу Ришелье отъ 22 іюня 1807: „.... On n'a rien fait contre les Turcs, contre ces bonnes gens que tout le monde peut battre, ... on n'a profité ni de leur faiblesse, ni de leurs divisions, ni de la révolution même, qui a fait descendre le sultan de son trône... on a ruiné et dépouillé des provinces chrétiennes qui, dit-on, devront nous revenir .. Je désire sincèrement que le cours du Danube nous serve de frontière, mais c'est un événement qui, à ce que je crois, n'est pas du tout certain." Сборникъ Русск. Ист. Общества, т. 54, стр. 260.

[2]) Объ этой цифрѣ см. А. И. Петровъ, Вліяніе турецкихъ войнъ на развитіе русскаго военнаго искусства, II (1894), стр. 172.

[3]) Ср. Записки генерала Сергѣя Алексѣевича Тучкова (изд. Военскаго 1908), стр. 279—281.

[4]) Имъ суждено было еще разъ встрѣтиться въ роли антагонистовъ, въ 1830 г., когда Поццо ди Борго, нашъ тогдашній посолъ въ Парижѣ и старшина дипломатическаго корпуса, не хотѣлъ признавать совершившагося переворота въ пользу Луи-Филиппа, узнавши, что въ первомъ кабинетѣ новаго режима портфель иностранныхъ дѣлъ предоставлялся маршалу Себастьяни. Ср. по этому поводу Mémoires de la Comtesse de Boigne III (1907), стр. 385 и 427.

III.

Извѣстіе о тильзитскомъ перемиріи могло быть неожиданностью въ Константинополѣ, и посланный Портою въ главную квартиру Наполеона паша узналъ о немъ только по дорогѣ въ Варшаву, но для свиты Александра I, послѣ сраженія подъ Фридландомъ, прекращеніе военныхъ дѣйствій казалось неизбѣжнымъ. Самыя близкія къ Государю лица настаивали на невозможности продолжать войну[1]). Тотчасъ же послѣ подписанія предварительныхъ условій и наканунѣ первой встрѣчи съ Александромъ Наполеонъ распорядился объ отправленіи курьера въ Константинополь для извѣщенія падишаха, что Русскіе вынудили его пріостановить кампанію и, вспомнивъ повидимому прежнее обѣщаніе не заключать мира безъ прямаго участія Турціи, французскій императоръ обѣщалъ падишаху соблюсти интересы послѣдняго при заключеніи окончательнаго договора съ Россіею[2]).

Двѣ статьи Тильзитскаго трактата 7 іюля 1807 г., какъ извѣстно, касались турецко-русскихъ отношеній: по 22-й Россія обязывалась вывести свои войска изъ княжествъ съ тѣмъ, чтобы турецкія войска до подтвержденія мира не имѣли доступа въ княжества[3]), а въ слѣдующей русскій Императоръ соглашался на посредничество Франціи для заключенія окончательнаго мира между нашимъ кабинетомъ и диваномъ[4]).

Въ дополненіе къ послѣднему состоялось 9-го іюля соглашеніе Императоровъ[5]) о немедленномъ отправленіи на Дунай русскаго и французскаго офицеровъ, которые должны были сообщить Михельсону[6]) и великому визирю о содержаніи вышеприведенныхъ

---

[1]) Великій князь Константинъ Павловичъ говорилъ Государю: „Sire, si vous ne voulez pas faire la paix avec la France, donnez un pistolet bien chargé à chacun de vos soldats et commandez leur de se brûler la cervelle; vous obtiendrez le même résultat que celui que vous offrira une nouvelle et dernière bataille...“ У Мартенса, Собраніе трактатовъ и конвенціи, XIII, 296.

[2]) Письмо Наполеона Таллейрану 24 іюня 1807 г. (Correspondance de Napoléon XV, 457)

[3]) Art XXII: „Les troupes russes se retireront des provinces de la Valachie et de la Moldavie, mais les dites provinces ne pourront être occupées par les troupes de Sa Hautesse, jusqu'à l'échange des ratifications du futur traité de paix entre la Russie et la Porte. Мартенсъ, XIII, 493.

[4]) Art. XXIII· „S. M. l'Empereur de toutes les Russies a accepté la médiation de S. M. l'empereur des Français, roi d'Italie, à l'effet de négocier et conclure une paix avantageuse et honorable aux deux Empires. Les plénipotentiaires respectifs se rendront dans le lieu, dont les deux intéressés conviendront, pour y ouvrir et suivre les négociations.“

[5]) Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т. 89, стр. 68; Correspondance de Napoléon, XV, стр. 501.

[6]) Письмо 28 іюня 1807 у Петрова, Война Россіи и Турціи I, стр. 409.

статей съ тѣмъ, чтобы было заключено перемиріе между двумя арміями, если только Турція въ свою очередь соглашалась воспользоваться добрыми услугами Франціи.

Но въ депешахъ Таллейрана, отправленныхъ визирю и генералу Себастьяни, не упоминалось о добавочномъ и тайномъ соглашеніи Императоровъ и о результатѣ ихъ продолжительныхъ бесѣдъ по восточнымъ дѣламъ. Этимъ оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ они предвидѣли нежеланіе Турціи заключить перемиріе или впослѣдствіи миръ, и на этотъ случай „Франція обязывается дѣйствовать за одно съ Россіею противъ Отоманской Порты, и обѣ договаривающіяся стороны условятся, чтобы изъять изъ подъ турецкаго ига и притѣсненія всѣ провинціи европейской Турціи, за исключеніемъ Румеліи и Константинополя“ [1]). Это соглашеніе стало извѣстно Турціи лишь впослѣдствіи и конечно не безъ содѣйствія Англіи[2]), которой нужно было во что бы то ни стало убѣдить Турцію въ вѣроломствѣ Наполеона и извлечь ее изъ сферы французскаго вліянія. На самомъ дѣлѣ этотъ негласный[3]) актъ 7 іюля означалъ какъ бы крупную перемѣну въ французской политикѣ на Востокѣ. Франція не только обѣщала свое содѣйствіе противъ слабой союзницы, но заявляла о своемъ желаніи участвовать въ раздѣлѣ турецкихъ владѣній.

Нужно ли считать доказаннымъ серьезное желаніе Наполеона расшириться на счетъ Порты въ Европѣ, даже внѣ предѣловъ послѣдней? Историки много писали о такъ называемыхъ „восточныхъ грезахъ“ Наполеона, но одинъ изъ новѣйшихъ[4]) отрицаетъ искренность этихъ мечтаній, весьма убѣдительно доказывая, что Наполеону нужно было прежде всего привлечь къ себѣ Россію, создать франко-русскій союзъ для окончательнаго подавленія австрійскаго противодѣйствія, а лучшаго средства, какъ обѣщать Россіи территоріальныя пріобрѣтенія на Балканскомъ полуостровѣ для

---

[1]) Ст. 8 напечатана впервые у Fournier, Napoléon I, Leipzick et Prague (1888) II, стр. 250—52.

[2]) См. письмо англійскаго посланника Эдэра турецкому Реисъ эфенди 11 окт. 1808 г. (Adair, Negociations of the peace of the Dardanelles I, p. 37). „The secret of the engagements, made at Tilsitt, was communicated to your government, and the Sublime Port was then enable to see this article, which Bonaparte pretended to have extorted with so much difficulty from Russia, instead of being a stipulation to prevent the dismemberment of your provinces, was in fact an arrangement to regulate the manner of taking possession of them.“ См. также Wurm, Diplomatische Geschichte des orientalischen Frage (1858), стр. 160.

[3]) Art. 9: „Le présent traité restera secret et ne pourra être rendu public ni communiqué à aucun cabinet par l'une des parties contractantes, sans le consentement de l'autre“ (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 60 сл.).

[4]) Driault, La politique orientale de Napoléon, стр. 396.

удаленія ея изъ коалиціи, онъ, какъ ему казалось, и придумать не могѣ.

Но въ глубинѣ души Наполеонъ вовсе не желаетъ уничтоженія и даже умаленія Турецкой имперіи, которую онъ бережетъ какъ полезную опору на тотъ день, когда онъ разойдется съ Россіей, когда для него цѣлесообразно будетъ опять отвлекать часть нашихъ силъ отъ театра франко-русской войны.

А пока онъ всячески старается успокоить Турцію еще въ самомъ Тильзитѣ. Хотя онъ непріязненно пораженъ низверженіемъ Селима и восшествіемъ Мустафы, о которомъ ему долго не посылаютъ оффиціальнаго сообщенія, хотя онъ охотно подчеркиваетъ неуваженіе къ нему дивана по случаю удаленія французскихъ солдатъ изъ Босніи, онъ однако предписываетъ своему посланнику всячески успокоить Порту относительно послѣдствій заключеннаго мира, который долженъ возвратить Портѣ прежнее обладаніе Молдавіей и Валахіей[1]). Изъ Тильзита Наполеонъ посылаетъ еще одного офицера въ Турцію: баронъ Полэнъ ѣдетъ къ великому визирю въ Силистрію по приказанію Наполеона, повидимому, только для того, чтобы разъяснить турецкимъ офицерамъ нѣкоторыя подробности сраженія подъ Эйлау, однако, на самомъ дѣлѣ ему поручено всячески ободрить и подкрѣпить соотвѣтствующими указаніями армію Челеби паши[2]). И нужно думать, что и другой французскій офицеръ, Гильмино, отправленный изъ Тильзита на Дунай, чтобы подготовить перемиріе и подписать заключительный актъ, какъ представитель посредствующей державы, былъ вѣренъ своимъ инструкціямъ, когда онъ всячески поддерживалъ претензіи Турокъ, стараясь однако при этомъ щадить наше самолюбіе[3]).

Эта временная двойственность положенія Наполеона наблюдается еще лучше въ перепискѣ его съ генераломъ Савари,

---

[1]) Napoléon à Talleyrand 9 іюля 1807 г.: „...Les Turcs n'auraient pas résisté à la Russie, si je ne les avais pas protégés. Je reste encore ami de la Porte, mais je suis redevenu ami de la Russie. Il faut donc toujours chercher des moyens de conciliation, en évitant désormais tous ceux d'irritation et d'exaspération."

[2]) Souvenirs du général baron Paulin (1895), стр. 83: „...L'Empereur me fit ensuite appeler dans son cabinet et de vive voix compléta mes instructions dans un entretien où il développa sa pensée sur la valeur des deux armées en présence et sur le moment opportun, que je devais saisir pour arrêter les hostilités dans l'intérêt de la France. La portée de ces mots „dans l'intérêt de la France" se compléta par ceux-ci: „Faites vous bien venir des Turcs. Il faut cajoler ces gens-là, il faut les cajoler."

[3]) Письмо его Таллейрану отъ 16 августа 1807 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 449): „...Tout en ménageant les Russes dans les choses et dans les formes, j'avais chaudement soutenu les Turcs dans toutes leurs prétentions justes."—Письмо 24 августа (Hurmuzaki, стр. 452): „...Obligé de soutenir la Porte Ottomane, tout en ménageant entièrement la Russie, mon rôle devenait très difficile."

посланнымъ въ Петербургъ послѣ Тильзита, а впослѣдствіи и съ посломъ Коленкуромъ. Осенью 1807 г. Наполеонъ повидимому не желалъ еще, чтобы вопросъ о княжествахъ былъ поставленъ на первую очередь, и онъ предписывалъ Савари становиться на почву тѣхъ статей трактата, которыя были оглашены и которыя содержали въ себѣ обязанность для Россіи очистить Молдавію и Валахію, и если онъ вмѣнялъ въ обязанность идти на встрѣчу желаніямъ новой союзницы [1]), то онъ одновременно указывалъ ему необходимость симулировать полное незнаніе дальнѣйшихъ плановъ французскаго кабинета до прибытія въ Парижъ русскаго посла графа Толстого [2]), которому нашъ кабинетъ долженъ былъ дать инструкціи для заключенія мира съ представителемъ Порты во Франціи Мугибомъ-эффенди. Какъ слѣдовало ожидать, Александръ въ своихъ разговорахъ съ Савари первый упомянулъ объ обѣщанныхъ ему, во время тильзитскихъ свиданій, княжествахъ и увѣрялъ французскаго посла, что мысль объ этомъ расширеніи русскихъ владѣній принадлежала не ему, а Наполеону [3]).

Въ инструкціяхъ же, составленныхъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ для уѣзжающаго въ Россію Коленкура [4]), предвидѣлся двоякаго рода исходъ: исполненіе 23 статей тильзитскаго мира и возстановленіе status quo на Балканскомъ полуостровѣ или, наоборотъ, расширеніе Русской Имперіи насчетъ турецкой съ предоставленіемъ Франціи территоріальнаго эквивалента въ предѣлахъ Прусскаго королевства. Но Коленкуру предписывается отдавать предпочтеніе первому исходу, такъ какъ коренная мысль Наполеона сохранить за Турціею неприкосновенность ея территоріи [5]).

---

[1]) „.. Quant aux affaires de la Porte, je sens la nécessité de terminer quelque chose, et je suis prêt à m'entendre la-dessus avec la Russie. Mais cette affaire est bien intéressante pour moi....“ Napoléon au général Savary 1 ноября 1807 г. Correspondance de Napoléon, XVI, стр. 157.

[2]) „Quant aux affaires de Turquie. c'est une chose qui demande bien des combinaisons, sur laquelle il faut marcher bien doucement. Elle est trop compliquée pour que vous puissiez connaître nos intentions. J'attends pour tout cela Mr. de Tolstoy...“ Письмо 14 октября 1807 г. Correspondance de Napoléon, XVI, стр. 104.

[3]) „Je ne pensai pas aux provinces du Danube, c'est votre empereur, qui en recevant la nouvelle de la chute de Sélim, s'est écrié à Tilsitt· „on ne peut rien faire avec ces barbares; la Providence me dégage envers eux; arrangeons nous à leurs dépens.“ Разговоры Государя съ Савари у Шильдера, Русская Старина 1890, I, стр. 161, прим. 1.—„Je fus dès lors persuadé qu'il ne demanderait pas mieux que de ne pouvoir pas faire la paix avec la Porte“, писалъ про Государя Савари въ своихъ мемуарахъ, Mémoires du duc de Rovigo III (1829), стр. 153.

[4]) 13 ноября 1807 г. Нап. въ Сборникѣ И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 736 сл.

[5]) „Ce que l'Empereur préférerait à tout serait, que les Turcs puissent rester en possession de la Valachie et de la Moldavie. Cependant le désir de ménager le cabinet de St. Pétersbourg et de s'attacher de plus en plus l'empereur Alexandre, ne l'éloigne pas de lui abandonner ces deux provinces, moyennant une juste compensation à prendre dans les provinces, prussiennes...“ И Коленкуръ по прибытіи въ

Тѣмъ не менѣе Александръ I съ Коленкуромъ опять возобновилъ разговоръ о томъ, что было сказано въ Тильзитѣ, не только объ одностороннемъ расширеніи Россіи, но и распредѣленіи всего полуострова между обоими императорами, на что Коленкуръ справедливо возразилъ, что доля, предназначенная Россіи, была уже фактически въ ея рукахъ, тогда какъ для участія Франціи въ раздѣлѣ Турціи Наполеону пришлось бы еще вести сложную и продолжительную войну съ войсками падишаха, и что такимъ образомъ Россія оказалась бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ея союзница[1]). Впрочемъ, довѣрчивый Коленкуръ полагалъ, что лично Александръ не дорожилъ пріобрѣтеніемъ Дунайскихъ княжествъ[2]), но что онъ настаивалъ на этомъ только для успокоенія общественнаго мнѣнія въ Россіи, недовольнаго союзомъ съ Франціей и разрывомъ съ Англіей![3])

Между тѣмъ въ валахскомъ мѣстечкѣ Слободзеѣ 12 августа было подписано, согласно желанію, высказанному въ Тильзитскомъ трактатѣ, перемиріе между русскимъ представителемъ Лашкаревымъ и Галибъ-эффенди, при непосредственномъ участіи представителя Франціи, полковника Гильмино. Кромѣ немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, обѣимъ арміямъ давался 35-дневный срокъ, чтобы очистить княжества, при чемъ Турки сохраняли право держать въ занимаемыхъ ими еще на лѣвомъ берегу Дуная крѣпостяхъ незначительные гарнизоны, и до заключенія окончательнаго мира они обязывались не переходить Дуная[4]).

Однако вскорѣ послѣ перемирія, когда русскія войска только что собирались отступать, турецкіе отряды начали вторгаться, для разбоя, въ Валахію, и на этомъ основаніи перемиріе, ратифицированное Мейендорфомъ, временнымъ преемникомъ умершаго Михельсона, не получило верховной санкціи въ Петербургѣ.

Петербургъ стоялъ на почвѣ своихъ инструкцій, когда онъ говорилъ 22 декабря Государю: „La stricte exécution du traité de Tilsitt est ce que l'Empereur (Napoléon) peut désirer le plus.“ Нап. въ Сборн. И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 743.

[1]) См. аудіенцію Коленкура 22 дек. 1807 г., нап. у Grand duc Nicolas Mikhailowitch, Relations diplomatiques de la Russie et de la France, I, стр. 8.

[2]) Коленкуръ Наполеону 29 дек. 1807 г. (Relations diplomatiques, I, стр. 30): „...L'empereur Alexandre personnellement n'a aucune vue d'agrandissement, mais pour légitimer aux yeux de son peuple ou plutôt des grands et de l'armée son alliance avec la France et la déclaration de guerre à l'Angleterre, il faut qu'il puisse montrer, qu'il en est résulté un avantage.“

[3]) „On a beaucoup d'amour-propre dans ce pays-ci. On répète tant à l'Empereur (Alexandre) que c'est faiblesse de ne pas garder ce qui est à sa convenance, quand la France dispose des trônes... qu'il commence à en être piqué.“ Коленкуръ Шампаньи 15 февр. 1808 г. Relations diplomatiques, I, стр. 121.

[4]) Art. 3 de la Convention d'armistice de Slobodzeia 12 avril 1807 г. (нап. въ Сборникѣ И. Р. Ист. Общ., 83, стр. 93 сл.).

Слободзейскія условія были для насъ очевидно не выгодны[1]), и вполнѣ понятна опала тѣхъ изъ нашихъ представителей, которые допустили ихъ принятіе[2]). Очищая княжества до достиженія мира съ Турціею, Россія сразу ставила себя въ худшее положеніе и, такъ сказать, лишалась реальнаго основанія, чтобы требовать присоединенія этихъ территорій, тогда какъ теперь Турки, по довольно откровенному признанію нашего новаго министра иностранныхъ дѣлъ Румянцова, своими нарушеніями давали русскому кабинету неожиданную возможность исправить ошибку его уполномоченныхъ[3]).

Но за то французскіе агенты въ Турціи, все надѣясь еще, что перемиріе вступитъ въ силу, напоминали русскимъ военачальникамъ объ истеченіи предусмотрѣннаго въ Слободзеѣ срока для нашего отступленія, которое теперь пріостановилось[4]), и Себастьяни изъ Константинополя высказывался по поводу этого замедленія съ нашей стороны довольно безцеремонно въ письмѣ къ фельдмаршалу Прозоровскому, нашему новому главнокомандующему[5]).

Не безинтересно указать еще на одинъ эпизодъ, свидѣтельствующій о французскомъ туркофильствѣ, которое тамъ на востокѣ не было еще поколеблено новой и пожалуй мнимой дружбой Франціи и Россіи. Подъ сѣнью французскаго посредничества, на засѣданіяхъ въ Слободзеѣ присутствовалъ, безъ всякихъ полномочій, французскій вице-консулъ въ Бухарестѣ Леду, который, пользуясь природной наблюдательностью[6]) и вполнѣ владѣя русскимъ языкомъ, позволявшимъ ему слѣдить за частными разговорами нашихъ генераловъ, которые не подозрѣвали въ немъ этого знанія, сообщалъ Туркамъ полезныя для нихъ свѣдѣнія.

---

[1]) Обиднымъ могъ особенно казаться слѣдующій пунктъ ст. 3 перемирія: „Les troupes russes laisseront dans les pays et forteresses, qui doivent être évacuées par elles, tous les effets, canons et munitions, qui s'y trouvaient avant l'occupation."

[2]) Баронъ Мейендорфъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а Лашкареву было разрѣшено уѣхать въ деревню.

[3]) Въ разговорѣ съ Савари: „Le seul beau côté que nous pouvions présenter à la nation était celui-là (присоединеніе Молдавіи и Валахіи), et vous venez nous l'enlever." Донесеніе Савари отъ 15 ноября 1807 г. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 83, стр. 220 сл.

[4]) Гильмино пріѣзжалъ изъ Рущука въ Бухарестъ торопить бар. Мейендорфа. См. объ этомъ донесеніе прусскаго агента Зенфъ фонъ Пильзаха 13 сент. 1807 г. королю (у Jorga, Acte şi fragmente II, стр. 429).

[5]) „..Revenir sur un armistice aussi authentique, c'était même blesser la Cour de France, qui y avait pris part..." Письмо 8 ноября 1807 въ Сборникѣ Ист. Общ. 89, стр. 264.

[6]) Ланжеронъ въ своихъ мемуарахъ рекомендуетъ его слѣдующимъ образомъ: „C'était un intriguant astucieux, peu délicat sur les moyens de réussir dans ses projets, ennemi acharné des Russes, quoiqu'il eût été élevé à Moscou, où son père était confiseur." Journal des campagnes, Hurmuzaki, Suppl. I, vol. III, стр. 146.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи неоднократно придется встрѣчаться съ фигурой этого скромнаго, но неутомимаго французскаго дипломата; она тѣсно связана, какъ и имя вышеупомянутаго Галибъ-эффенди, съ исторіей Бухарестскаго трактата. Но еще задолго до 1812 года Леду работаетъ въ пользу Турціи и противъ Россіи: вскорѣ послѣ русской оккупаціи онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ тѣми изъ валахскихъ бояръ, которые не чувствуютъ тяготѣнія къ Россіи, и когда образуются тамъ двѣ партіи, одна руссофильская съ Ваарламомъ во главѣ, а другая, руководимая Константиномъ Филипеско, то Леду находитъ возможнымъ, благодаря женскимъ внѣпартійнымъ вліяніямъ въ семьѣ послѣдняго, назначить письмоводителемъ при генералѣ Милорадовичѣ одного изъ агентовъ французскаго консульства[1]). Нелегко было намъ при такихъ условіяхъ хранить наши военныя и дипломатическія тайны.

Статья 2-я слободзейскаго перемирія предвидѣла, что обѣими сторонами будетъ избрано мѣсто для переговоровъ объ окончательномъ трактатѣ и такимъ оказался Парижъ, куда въ октябрѣ мѣсяцѣ, для непосредственныхъ сношеній съ турецкими представителями, пріѣхалъ нашъ новый посланникъ графъ Толстой, генералъ съ боевымъ прошлымъ, впервые призванный къ рѣшенію дипломатическихъ вопросовъ, къ которымъ онъ чувствовалъ также мало расположенія[2]), какъ и къ Французскому государству, вступившему тогда въ союзъ съ нами[3]). Характерны инструкціи[4]), съ которыми онъ пріѣзжалъ въ Парижъ, потому что въ нихъ отражаются отличительныя черты нашей восточной политики, стремившейся одновременно освободить балканскихъ христіанъ и превратить ихъ въ русско-подданныхъ. Толстому Императоромъ Александромъ прежде всего предписывается выжидательное положеніе и запрещается излагать условія, на которыхъ Россія согласилась бы покончить съ турецкимъ вопросомъ, а лишь постепенно, по мѣрѣ того какъ выяснилось бы настроеніе императора-посредника, Толстой долженъ былъ формулировать предложенія, яко бы отъ него лично исходящія, объ уступкѣ Россіи Молдо-Валахіи, а если это встрѣтило бы проти-

---

[1]) Ср. Eliade Pompiliu, De l'influence française sur l'esprit public en Roumanie (1898), стр. 253.

[2]) Наполеонъ цѣнилъ въ немъ военнаго человѣка; онъ писалъ Коленкуру 2 февр. 1808 г.: „Je traite très bien Tolstoy, mais je ne lui parle pas d'affaires, il n'y entend rien et n'y est pas propre. Tolstoy est un général de division..." (Нап у Vandal, Napoléon et Alexandre I, стр. 550).

[3]) Ср. Шильдеръ, Русская Старина 1890, I, стр. 193—199.

[4]) Отъ 14 сент. 1807. Нап. въ Сборн. Ист. Общ. 89, срт. 106 сл.

ворѣчія со стороны Франціи, то по крайней мѣрѣ приднѣстровскихъ крѣпостей и Измаила, т. е. нынѣшней Бессарабіи. Въ худшемъ случаѣ Государь допускалъ заключеніе мира и безъ территоріальнаго расширенія, лишь съ подтвержденіемъ русскаго протектората надъ княжествами и повтореніемъ гатти-шерифа 1802 года[1])

Но велико было удивленіе[2]) Толстого, вскорѣ послѣ пріѣзда его, когда онъ узналъ, что въ Петербургѣ Русскій Императоръ, въ разговорѣ съ Савари, съ самаго начала заговорилъ объ уступкѣ княжествъ, какъ о необходимомъ исходѣ войны, вызванной, по словамъ Александра I Толстому, поведеніемъ Турціи, а не корыстными замыслами Россіи[3]). Это сразу придало миссіи Толстого болѣе опредѣленную окраску, но, конечно, не ускорило достиженія цѣли.

Въ одной изъ первыхъ же аудіенцій Наполеонъ замѣтилъ Толстому, что Франція предпочла бы точное исполненіе тильзитскаго мира всякому умаленію турецкой территоріи, прибавивъ, однако, что удержаніе Франціею занятой ею тогда прусской Силезіи могло бы служить основаніемъ для нарушенія ст. 22-й Тильзитскаго мира въ пользу Россіи[4]). Толстой возражалъ, настаивая[5]) на возвращеніи Силезіи прусскому двору и отрицая всякое соотношеніе между завоеваніями на счетъ Турціи и дальнѣйшимъ сокращеніемъ объема Прусскаго королевства[6]). Но противъ защиты прусскихъ интересовъ со стороны Россіи французскій кабинетъ могъ въ Парижѣ[7]) и въ Петербургѣ отвѣтить, что Турція являлась до послѣдняго времени для Наполеона такою же союзницей, какъ Пруссія для Россіи, и что умаленіе первой

---

[1]) Тамъ же, стр. 108.

[2]) Письмо Румянцову 26 окт. у Шильдера, l. c., стр. 187.

[3]) „...J'ai cru devoir me borner, pendant trop longtemps peut-être, à opposer la modération et le désintéressement les plus purs à une série de provocations. Mais enfin, lorsque le danger augmenta au point qu'il fallut de toute nécessité prévenir les projets hostiles de la Porte,.. il ne me fut plus permis de balancer et mes troupes eurent ordre de passer le Dniester... Il ne vous sera pas difficile de prouver que c'est la Porte elle-même, qui la première a donné lieu à la rupture de bonne harmonie entre les deux Empires." (Инструкція Александра I Толстому, Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т. 89, стр. 107).

[4]) Депеша Толстого 7 ноября 1807 г (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 178), 11 и 14 января 1808 г. (тамъ же, стр. 338 и 353).

[5]) См. письмо Наполеона ген. Савари 7 ноября 1807 г. Correspondance de Napoléon, XVI, стр. 172.

[6]) Такъ же выражался Государь въ разговорѣ съ Савари. См. депеша Савари 6 дек. 1807 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 83, стр. 243).

[7]) Толстой Румянцову 10 янв. 1808 г. (Сборникъ И Р. Ист. Общ., 89, стр. 326): „Mr. de Champagny m'objecta, que les services que la Porte avait rendus à la France dans la dernière guerre en détournant vers elle une partie considérable de nos forces, avaient été trop réels pour que l'Empereur Napoléon pût les oublier entièrement et sacrifier cette puissance".

было бы такимъ же нарушеніемъ дружбы, какъ отнятіе Силезіи [1]).

Толстой такъ горячо отстаивалъ интересы Гогенцолерновъ, что Наполеонъ въ одну изъ бесѣдъ съ нимъ сказалъ ему воистину пророческія слова: „Напрасно вы такъ заботитесь о Прусскомъ королѣ; вы увидите, что онъ еще васъ непріятно удивитъ“ [2]). Но Толстой чувствовалъ такую вражду противъ Фридландскаго побѣдителя, что какъ бы забывалъ о происшедшей въ Тильзитѣ видимой перемѣнѣ русской политики и, вмѣсто того, чтобы укрѣплять нововозникшую франко-русскую дружбу, заботился слишкомъ откровенно объ интересахъ Австріи, такъ что Румянцову пришлось даже напомнить ему о необходимости не забывать оффиціальнаго союза съ Франціею [3]).

Положеніе Австріи на самомъ дѣлѣ было черезвычайно затруднительно въ это время: Франція искала дружбы съ Россіей, чтобы направить всѣ свои силы противъ Австріи, и потому неудивительно, что въ инструкціяхъ Толстому Александръ обѣщалъ Наполеону, по окончаніи войны съ Турціей, поддержку противъ Австріи [4]): она оказалась, какъ извѣстно, довольно незначительной въ кампаніи 1809 г., но болѣе опасными для Австріи являлись планы раздѣла Турецкой имперіи между Франціей и Россіей безъ участія Вѣнскаго двора [5]). Тогдашній австрійскій представитель въ Парижѣ Меттернихъ всячески старался узнать отъ Толстого, въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ послѣ обмѣна взглядовъ на берегахъ Нѣмана; и онъ, конечно, вліялъ на Толстого, и безъ того уже настроеннаго противъ Франціи. Не нужно упускать изъ виду, кромѣ того, назначеніе въ это время совѣтникомъ посольства въ Парижѣ молодого Нессельроде, который еще болѣе, чѣмъ Толстой, подвергался обаянію старой дружбы Габс-

---

[1]) Коленкуръ говорилъ Александру: „Toutes les raisons que V. M. allègue pour tenir à la Prusse, mon maître pouvait s'en faire des motifs pour tenir à la Turquie. La position des deux puissances est la même sous le rapport d'honneur auquel V. M. semble attacher tant de prix.“ Депеша 22 дек. 1807 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 743).

[2]) Шильдеръ, „Русская Старина“, 1890 г., I, стр. 175.

[3]) Шильдеръ, тамъ же, стр. 203.

[4]) „Vous pouvez rappeler souvent que si la paix dégageait cet emploi de mes troupes, je pourrai donner tout de suite à cette armée une direction fort avantageuse aux intérêts de l'Empereur Napoléon; je la placerai alors dans mes Etats de manière à tenir en échec les forces de la maison d'Autriche...“ (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 89, стр 106).

[5]) „L'ambassadeur d'Autriche nourrit les plus vives inquiétudes sur le sort de la Porte Ottomane... Il envisage le partage de cet empire comme une conséquence inévitable de la rupture de la négociation avec l'Angleterre, et il me paraît craindre infiniment que sa Cour ne soit point appelée à y prendre part“. Толстой Румянцову 13 янв. 1808 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 381).

бурговъ съ нами[1]); здѣсь можно найти зародыши близости Меттерниха и Нессельроде, двухъ будущихъ канцлеровъ, и ниже придется еще указать, какъ пагубно было для нашей восточной политики австрофильство втораго изъ нихъ, когда дѣятельность его развернулась на болѣе широкомъ поприщѣ

Между тѣмъ къ концу 1807 г. Румянцовъ твердо вѣрилъ въ заключеніе мира и, посылая Толстому соотвѣтствующія полномочія, заранѣе поздравлялъ его съ достиженіемъ нашей давнишней цѣли[2]), т. е съ пріобрѣтеніемъ части Турецкихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ до этого еще[3]) подавалъ Толстому мысль утверждать, что въ силу самаго Тильзитскаго мира Бессарабія, по крайней мѣрѣ, должна была остаться за Россіей, потому что ст.22 трактата упоминала только объ очищеніи Молдавіи и Валахіи. Въ разговорахъ между Толстымъ и Шампаньи, преемникомъ Таллейрана, этотъ вопросъ вызвалъ разногласіе: французскій министръ считалъ упоминаніе о Бессарабіи совершенно случайнымъ, тогда какъ Толстой полагалъ, что Россія должна была воспользоваться этимъ пробѣломъ[4]). Здѣсь впервые въ дипломатическихъ переговорахъ обособляется эта „узкая полоса земли“[5]), какъ выражался Румянцовъ, и слово „Бессарабія“ примѣняется впервые расширительно, т. е. не только къ южнымъ Буджакскимъ степямъ, но и къ восточной Молдавіи, лежащей между Прутомъ и Днѣстромъ. Кто знаетъ, если бы Толстой вспомнилъ вторую часть своей инструкціи[6]) и не настаивалъ на предоставленіи намъ всей Молдавіи и Валахіи, Наполеонъ можетъ быть рѣшился бы вырвать эту минимальную жертву[7]) у

[1]) Объ отношеніяхъ Меттерниха и Толстого см. Metternich, Papiere, II, стр. 168 сл.

[2]) Румянцовъ Толстому 26 ноября 1807 г. (Шильдеръ, „Русская Старина“ 1890 г., I, стр 192).

[3]) „Il n'échappera pas à un ministre aussi éclaire que l'est Mr. de Champagny, que dans cet article (ст. 22 Тильзитскаго договора) il n'est pas question de la Bessarabie, dans laquelle par conséquent nos troupes doivent rester.“ Румянцовъ Толстому 6 ноября 1807 г. (Сборникъ И. Р. Ист Общ., 89. стр. 220).

[4]) Толстой передавалъ свой разговоръ съ Шампаньи: „ ..En lui parlant de l'évacuation de la Moldavie et de la Valachie, je lui ai cependant fait entendre clairement que je n'y comprenais pas la Bessarabie... Il chercha cependant à me prouver le contraire et allégua que, si le traité ne nommait pas la Bessarabie, cette omission ne pouvait provenir que d'un mésentendu. A cela je lui objectai, qu'il était bien permis qu'il y eût aussi une fois un mésentendu en notre faveur“. Толстой Румянцову 3 янв. 1808 г. (Сборн И. Р Ист. Общ., 89, стр. 335).

[5]) „...Cette étroite lisière de pays, qui, ne formant pas province, porte le nom de Bessarabie...“ (Румянцовъ Толстому 26 ноября 1807 г. Тамъ же, стр. 260).

[6]) На случай невозможности получить оба княжества Александръ писалъ: „Voici ce qui me conviendrait le mieux: 1) tout le pays compris sous la dénomination de Bessarabie avec les forteresses de Bender, Akkermann, Kilia, Ismail, 2) la forteresse de Hottin...“ (Сборн. И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 107).

[7]) Въ проектѣ конвенціи, составленномъ Толстымъ, по оставшимся его бумагамъ, ст. 3 гласила: „S. M. l'Empereur des Français consent à ce que S. M. l'Empe-

Турціи, и Россія получила бы пятью годами раньше на правомъ берегу Днѣстра и на лѣвомъ берегу Дуная то, что далъ ей, послѣ продолжительной войны, Бухарестскій миръ 1812 г.?

Но Толстой не старался [1]) придать переговорамъ благопріятный характеръ и не шелъ даже на встрѣчу турецкому представителю [2]), который не прочь былъ обмѣняться съ нимъ взглядами. Онъ не вѣрилъ въ искренность Наполеона, не скрывалъ этого [3]) и просилъ о скорѣйшемъ отозваніи изъ Парижа.

Поведеніе его было вообще странное: съ маршалами Наполеона онъ велъ себя вызывающе и посѣщалъ исключительно оппозиціонные салоны. Но если въ немъ было не особенно много дипломатическаго такта, то нельзя ему отказать въ рѣдкой прозорливости: онъ зимой и весной 1808 г., а также и наканунѣ своего отъѣзда изъ Парижа, убѣждалъ Румянцова не вѣрить въ расположеніе Наполеона, доказывая, что перенесеніе мирныхъ переговоровъ въ Парижъ и возбужденіе вопроса о Силезіи имѣли цѣлью только оттянуть исполненіе негласныхъ обѣщаній, данныхъ въ Тильзитѣ, и сохранить возможность вернуться къ прежней близости къ Турціи, а впослѣдствіи и къ открытой враждѣ къ Россіи [4]). Нужно признать, что эти депеши Толстого къ Румянцову подтверждаются разговоромъ Наполеона съ Таллейраномъ передъ отъѣздомъ въ Эрфуртъ, въ которомъ императоръ признавалъ съ

---

reur de toutes les Russies continue de faire occuper la province de Bessarabie et la conserver pour être réunie à l'empire russe... comme une compensation légitime des frais occasionnés par l'occupation des Principautés". (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 357).

[1]) „Je ne me suis point relâché vis-à-vis de Mr. de Champagny sur l'acquisition de la Moldavie et de la Valachie, et j'ai terminé ma dernière conférence en lui déclarant positivement que je n'étais autorisé à conclure la paix avec la Turquie qu'à condition qu'elle nous cédât ces deux provinces". Толстой Румянцову 15 янв. 1808 г. (Сборникъ И Р. Ист. Общ., 89, стр. 356).

[2]) Первый разъ онъ бесѣдовалъ съ Мугибомъ въ присутствіи Шампаньи 23 янв. 1808 г.

[3]) Толстой 26 января 1808 г. писалъ Румянцову (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 89, стр 390): „Après tant de preuves irrévocables des vraies dispositions de l'Empereur Napoléon, je ne saurais comprendre ce qui motive la confiance que Votre Excellence continue à placer dans ses sentiments envers la Russie".

[4]) „Tout me prouve en lui (Napoléon) un désir bien prononcé de traîner ces affaires en longueur. Dans cette intention il nous a suggéré l'idée d'acquérir la Moldavie et la Valachie, il l'a saisie avec empressement lorsque S. M. l'énonça, et nous a promis verbalement de la favoriser tout en stipulant dans le traité l'évacuation ... Le projet d'acquérir ces provinces devait naturellement augmenter les difficultés d'une paix avec la Turquie et en retarder la conclusion. Il fourni à Napoléon le prétexte de ne pas évacuer les Etats prussiens, et loin d'être fidèle à ses promesses il s'en écarte tout-à-fait lorsqu'il s'agit d'en venir à l'application, en proposant un échange dont jamais il ne fut question entre les deux souverains". Толстой Румянцову 16 февр. 1808 г. (Сборн. И. Р. Ист. Общ , 89, стр. 436).

рѣдкою откровенностью, что ему удалось выиграть много времени по восточнымъ дѣламъ[1]).

Не взирая, однако, на желаніе Наполеона, въ разгарѣ испанскихъ событій, отложить роковыя для Турціи послѣдствія Тильзитскаго мира, вліяніе Франціи на Босфорѣ повидимому шло на убыль Поводомъ къ взаимному раздраженію послужили, между прочимъ, нѣкоторые мелкіе факты, какъ, напр., запоздалое извѣщеніе о восшествіи на престолъ Мустафы, или незначительные инциденты въ Босніи или въ Мореѣ, задѣвшіе самолюбіе Наполеона[2]). Но болѣе глубокая причина, а именно: самое заключеніе мира безъ извѣщенія Турціи и посредничество Франціи, которое заранѣе казалось предложеннымъ въ одностороннемъ интересѣ Россіи,—тревожила Порту, и не безъ основанія[3]). Себастьяни всячески старался успокоить оттоманскихъ сановниковъ, когда они довольно открыто высказали свое недовѣріе къ Наполеону, и это недовѣріе росло по мѣрѣ того, какъ проходило время, а русская оккупація турецкихъ территорій не только продолжалась и послѣ перемирія, но новыя русскія войска прибывали въ княжества. Въ диванѣ замѣчалось теченіе въ пользу непосредственныхъ переговоровъ съ Россіею; фельдмаршалъ Прозоровскій въ январѣ 1808 года даже вступилъ въ предварительныя сношенія съ турецкимъ главнокомандующимъ, и такое отстраненіе французскаго вмѣшательства казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Александръ I[4]) въ Петербургѣ заявлялъ Коленкуру (подъ вліяніемъ толстовскихъ донесеній[5]), а можетъ быть для того, чтобы улучшить условія мира въ Парижѣ) о своей готовности обойтись безъ услугъ Франціи и получить непосредственно отъ Турціи возмѣщеніе за военныя дѣйствія на Дунаѣ.

Понятно, что Себастьяни употреблялъ всю свою энергію, чтобы бороться противъ этого тревожнаго настроенія константинопольскаго правительства, которому онъ неоднократно и такъ убѣ-

---

[1]) Наполеонъ говорилъ Таллейрану: „Eh bien, vous avez lu toute la correspondance de Russie, comment trouvez-vous que j'ai manoeuvré avec l'empereur Alexandre?"... Et alors il repassa, en s'y délectant, tout ce qu'il avait dit et écrit depuis un an. „...Je ne veux pas être engagé d'une manière précise avec la Russie pour ce qui concerne les affaires du Levant" Mémoires de Talleyrand, I, стр. 408.

[2]) Наполеонъ Шампаньи 16 сент. и 23 окт. 1807 г. и 28 мая 1808 г. (Correspondance de Napoléon, XVI, стр. 40, 133 et XVII, стр. 252).

[3]) См. Донесенія Себастьяни 9 августа 1807 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 446), 10 окт. 1807 г. (Testa, Recuel des traités de la Porte Ottomane, II, стр. 306).

[4]) См. Донесеніе Коленкура Шампаньи 25 февр. 1808 г. (Relations diplomatiques, I, стр. 164).

[5]) Толстой Румянцову 9 іюня и 21 іюня 1808 г. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., 89, стр. 552, 566.

дительно обѣщалъ поддержку Франціи въ войнѣ противъ Россіи Парижскій кабинетъ[1]) поручилъ ему напомнить Турціи, что Франція по прежнему стоитъ на стражѣ оттоманскихъ интересовъ, что слободзейское перемиріе имѣло въ виду пользу султана[2]), и что въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій стотысячная французская армія на Вислѣ могла представить бо̀льшую опасность для Россіи, чѣмъ незначительные турецкіе отряды между Балканами и Дунаемъ[3]) Но обаяніе французскаго имени исчезало: представитель франко-русской партіи Суцо былъ изгнанъ изъ Константинополя [4]), и Себастьяни, не будучи въ состояніи бороться съ возрастающей враждебностью, получилъ отъ Наполеона замѣчаніе за недостатокъ энергіи[5]). Особенно волновали Турокъ проникшіе въ совѣтъ дивана слухи о рѣшенномъ яко-бы между Франціей и Россіей раздѣлѣ Оттоманской имперіи. Французскій министръ, стараясь имъ противодѣйствовать, писалъ въ Константинополь, что южнѣе Дуная территорія Порты останется безусловно неприкосновенной[6]). Но фантастическія сообщенія не прекращались: съ Дуная приходило извѣстіе, что тамъ съ согласія Франціи готовилось дакійское царство для великаго князя Константина Павловича[7]), и подобные сенсаціонные разсказы тревожили понятнымъ образомъ не только турецкую дипломатію, но и прусскую, которая съ тягостнымъ нетерпѣніемъ ждала очищенія придунайскихъ княжествъ, чтобы получить обратно Силезію[8]).

Себастьяни, обезкураженный и разстроенный домашнимъ горемъ, просился обратно въ Парижъ, но по дорогѣ, проѣзжая черезъ Балканы и Дунай, онъ помогъ еще Турціи и, встрѣтясь

---

[1]) Отношеніе Наполеона къ графу Шампаньи 12 янв. 1808 г. (Correspondance de Napoléon, XVI, стр. 288) и 4 сентября 1807 г. (Correspondance, XVI, стр. 8).

[2]) Отношеніе Наполеона къ Шампаньи 16 сент. 1808 г. (Correspondance, XVI, стр. 40).

[3]) См. письмо Шампаньи къ ген. Себастьяни 3 апр. 1808 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 506).

[4]) См. письма Себастьяни 18 ноября 1807 г. и 10 дек. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 483)

[5]) Наполеонъ писалъ Шампаньи 16 сент. 1807 г. (Correspondance, XVI, стр. 40): „Vous ferez connaître à Mr. Sébastiani que je suis fâché qu'il n'ait pas répondu la-dessus avec force aux Turcs".

[6]) См. отношеніе министра къ повѣренному въ дѣлахъ Латуръ-Мобуръ 2 ноября 1807 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. III, стр. 1807).

[7]) Прусскій консулъ въ Бухарестѣ писалъ 3 ноября 1807 г (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 433). „Depuis quelque temps il s'était répandu ici le bruit que la Transylvanie allait être cédée par la maison d'Autriche et jointe à la Moldavie et à la Valachie sous le nom de royaume de Dacie pour appartenir au grand duc Constantin de Russie".

[8]) См. письмо прусскаго короля къ посланнику Шладенъ 16 марта 1808 г. (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 435).

съ турецкими военачальниками, давалъ имъ стратегическія указанія, совѣтуя избѣгать открытыхъ сраженій съ русскими и отвлекать наши силы безконечной осадой придунайскихъ крѣпостей Этою тактикой Турки сумѣли воспользоваться въ теченіе дальнѣйшей кампаніи и парализовали наши попытки перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ[1])

IV.

Въ настоящій очеркъ не входитъ, разумѣется, подробное изъясненіе тѣхъ соображеній, которыя вызвали въ Наполеонѣ желаніе встрѣтиться съ нашимъ Государемъ, а также перечисленіе послѣдствій Эрфуртскаго свиданія для общеевропейской политики. Какъ извѣстно, не была достигнута главная цѣль Наполеона, т. е. содѣйствіе Россіи для предъявленія австрійскому императору совмѣстнаго требованія о разоруженіи. Эта неудача должна быть приписана двойной игрѣ Таллейрана, который, не будучи уже министромъ, былъ допущенъ въ Эрфуртѣ по роковой ошибкѣ Наполеона и сыгралъ тамъ за спиной оффиціальнаго французскаго дипломата негласную роль[2]): убѣдивъ заранѣе австрійскій кабинетъ противодѣйствовать требованіямъ Франціи, онъ въ Эрфуртѣ воспользовался нерѣшимостью Александра, чтобъ отсовѣтовать ему идти рука объ руку съ Франціей противъ Австріи.

Александръ же возлагалъ на новое свиданіе съ Наполеономъ твердую надежду, что придунайскія княжества будутъ признаны за нимъ окончательно, вмѣсто неопредѣленнаго обѣщанія о французскомъ посредничествѣ, даннаго ему въ Тильзитѣ.

Насколько онъ лѣтомъ 1808 г. страстно желалъ достиженія этой мечты, въ которой укрѣпляло его мнѣніе близкихъ ему людей, какъ, напр , герцога Ришелье[3]), видно изъ писемъ его матери, старавшейся удержать его отъ болѣе тѣснаго сближенія съ Франціей и предсказавшей ему еще до Эрфурта, что онъ не получитъ отъ Наполеона безусловнаго согласія на такое реальное уменьшеніе турецкихъ владѣній[4]).

---

[1]) См. Langeron, Journal des campagnes faites au service de la Russie (Hurmuzaki, vol. I, Suppl III, стр. 153).

[2]) „Il y a en France deux partis qu'on pourrait appeler le parti Bonaparte et le parti Talleyrand....", писалъ де Местръ 11 февраля 1808 г., Oeuvres complètes, XI, стр. 59.

[3]) Nouvelles et on dit de St. Pétersbourg, 29 янв. 1808 г., сообщаемыя Коленкуромъ въ Relations diplomatiques, V, стр. 6: „Mr. de Richelieu est arrivé de Crimée... il parle beaucoup de la Valachie et de la Moldavie, et presse l'Empereur de garder ces provinces".

[4]) Императрица писала 25 августа 1808 г („Русская Старина", апрѣль 1899 г.): „La volonté de Bonaparte a paralysé nos opérations contre les Turcs; nous

Предчувствіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны оказалось небезосновательнымъ. Наполеонъ, уѣзжая въ Эрфуртъ, признавался своему мало надежному, какъ оказалось, собесѣднику, Таллейрану[1]), что онъ хотѣлъ только успокоить Александра, а въ остальномъ сохранить за собою свободу дѣйствій. Выговаривая себѣ въ Эрфуртѣ упорядоченіе испанскихъ дѣлъ по своему усмотрѣнію и устанавливая заранѣе сохраненіе новоприобрѣтенныхъ территорій, какъ conditio sine qua non для мира съ Англіею, Наполеонъ не могъ въ свою очередь воспротивиться тому, чтобъ и Россія въ будущемъ договорѣ съ Англіею помѣстила статью, признающую за нами наши новѣйшія завоеванія: Финляндію, Молдавію и Валахію[2]). Но относительно дунайскихъ княжествъ Александръ этимъ не хотѣлъ ограничиться и потребовалъ, чтобы отдѣльная статья считала эти провинціи составными частями Россійской Имперіи. Предложенная тогда съ французской стороны редакція, гласящая, что Наполеонъ не будетъ противиться рѣшенію, которое Россія приметъ относительно княжествъ[3]), показалась Александру слишкомъ незначительной[4]) и онъ провелъ другую, по которой императоръ Наполеонъ признавалъ состоявшимся завоеваніе Молдавіи и Валахіи и границы Россіи перенесенными до Дуная[5]). Но слѣдующая статья, составленная при участіи Таллейрана[6]), умѣвшаго одновременно служить и измѣнять своему императору, значительно умаляла силу[7]) предыдущей: „Франція отказывается отъ своего посредничества, и уполномоченные обѣихъ державъ согласятся относительно образа дѣйствій, котораго они будутъ

---

ne sommes ni en paix, ni en guerre, et cependant l'état supporte toutes les dépenses de la guerre, et je prévois que si Bonaparte a des succès dans ses entreprises, il ne consentira jamais à l'acquisition de la Moldavie et de la Valachie".

[1]) „Préparez-moi une convention qui contente l'empereur Alexandre", говорилъ Наполеонъ Таллейрану, „qui soit surtout dirigée contre l'Angleterre et dans laquelle je sois bien à mon aise sur le reste". Mémoires de Talleyrand, I, стр. 408.

[2]) По параграфу 5 конвенціи Наполеонъ обязывался „à regarder comme condition absolue de la paix avec l'Angleterre qu'elle reconnaîtrait la Finlande, la Valachie et la Moldavie comme faisant partie de l'empire de Russie".

[3]) Параграфъ VI по проекту Таллейрана (Mémoires de Talleyrand, I, 410): „Sa Majesté Napoléon ne s'opposera point en tant que cela le concerne à ce qu'elles (Молдавія и Валахія) soient réunies à l'empire russe".

[4]) Ср. A. Vandal, Napoléon et Alexandre, I, стр. 479 сл

[5]) Пар. VIII окончательнаго текста (у Мартенса, Собраніе трактатовъ, XIV, стр. 70). „....S. M. l'Empereur Napoléon reconnait la dite réunion et les limites de l'Empire russe de ce côté portées jusqu'au Danube".

[6]) См. его мемуары, тамъ же.

[7]) Параграфъ IX „...La France renonce à sa médiation. Les plénipotentiaires ou agents des deux puissances s'entendront sur le langage à tenir afin de ne pas compromettre l'amitié exisistante entre la France et la Porte.... ." (Мартенсъ, тамъ же).

придерживаться, чтобы не нарушить существующую между Портой и Франціей дружбу".

Въ этихъ послѣднихъ, довольно туманныхъ, словахъ проглядывало желаніе Наполеона не облегчать Россіи достиженія завѣтной мысли, предоставивъ окончательный исходъ успѣхамъ военныхъ дѣйствій со стороны Россіи или Порты, и во всякомъ случаѣ твердое намѣреніе оставаться въ мирныхъ и даже близкихъ отношеніяхъ съ Турціею. Если Наполеонъ имѣлъ основаніе по вышеуказаннымъ соображеніямъ не быть вполнѣ удовлетвореннымъ результатами свиданія, то и Александръ уѣзжалъ оттуда съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. Не рѣшившись самъ обострить свои отношенія изъ за Австріи, онъ встрѣтился съ приблизительно такимъ же расположеніемъ Наполеона, который, не взирая на новыя и демонстративныя проявленія франко-русской дружбы, былъ далекъ отъ мысли порвать съ Турціей, старой союзницей. И это нежеланіе проглядывало также въ § 11 Эрфуртской конвенціи, провозгласившемъ неприкосновенность Турецкой имперіи, за выдѣломъ вышеназванныхъ княжествъ[1]), послѣ того какъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ Франціи и Россіи чуть ли не первое мѣсто занимаетъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи и о распредѣленіи всего Востока между двумя императорами.

Въ бесѣдахъ Государя и Румянцова съ Коленкуромъ въ теченіе первой половины 1808 г.[2]), въ широкихъ и скорѣе сказочныхъ планахъ будущихъ территоріальныхъ расширеній, карта Востока передѣлывается по двумъ планамъ: одинъ, менѣе обширный, признавалъ за Россіею кромѣ Молдавіи, Бессарабіи и Валахіи, которыя Александръ I считалъ уже своими и помимо раздѣла Турціи[3]), еще Болгарію, а Сербія превращалась въ самостоятельное государство; по другому, болѣе обширному плану, Европейская Турція переставала существовать, весь Балканскій полуостровъ дѣлился между Франціей и Россіей, а послѣдняя обязывалась ва это помогать союзницѣ своимъ флотомъ[4]) противъ морскихъ силъ Англіи и проложить такимъ образомъ для

---

[1]) „Les hautes parties contractantes s'engagent d'ailleurs à maintenir l'intégrité des autres possessions de l'Empire Ottoman, ne voulant ni faire elles-mêmes, ni souffrir qu'il soit fait aucune entreprise contre aucune partie de cet Empire".

[2]) См. Relations diplomatiques, I, стр. 191—217.

[3]) „Je ne manquerai jamais de prétexte pour les avoir", говорилъ онъ Коленкуру. См. письмо 20 февр. 1808 г., Relations diplomatiques, I, стр. 331.

[4]) Румянцовъ говорилъ Коленкуру (Tatistchef, Alexandre I et Napoléon, стр. 353): „L'Empereur mettra sûrement ses flottes à la disposition de l'empereur Napoléon".

Франціи путь къ покоренію Индіи[1]), о которомъ мечталъ юный Бонапартъ въ 1797 г

О прочности и устойчивости этихъ мечтаній какъ будто свидѣтельствуетъ извѣстное письмо Наполеона къ Александру отъ 2-го февраля 1808 г.[2]), гдѣ въ широкихъ штрихахъ рисуется будущее величіе двухъ союзныхъ имперій послѣ раздѣла Турціи и разгрома англійскаго могущества, а детальное распредѣленіе предоставляется самимъ императорамъ, ихъ личнымъ переговорамъ, къ которымъ Наполеонъ такъ стремился до Эрфурта[3]). Можетъ быть именно это желаніе непосредственнаго общенія съ Александромъ для упроченія собственнаго положенія въ Европѣ и вызвало у Наполеона въ письмѣ 2 февраля столь яркое повтореніе Тильзитскихъ начертаній по разрѣшенію восточнаго вопроса. Французскіе историки, восторгаясь краснорѣчіемъ Наполеона и пылкостью его фантазій, не всѣ[4]) однако вѣрятъ въ его искренность и расположены думать, что онъ, раскрывая для русской политики столь заманчивые горизонты, стремился скорѣе привязать ее къ себѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ разрушить Турецкую имперію.

Послѣдняя всегда была необходимымъ моментомъ въ политическихъ комбинаціяхъ Наполеона,—такъ говорятъ историки первой трети XIX вѣка, бывшіе очевидцами этихъ событій или даже служившіе въ тогдашней французской дипломатіи, какъ напр. Биньонъ[5]), который считаетъ главнымъ поводомъ къ разрыву между нами и Франціей въ 1812 году нежеланіе Наполеона отдать участь Турціи въ наши руки[6]).

Да и самъ Наполеонъ во время невольныхъ досуговъ, наступившихъ послѣ его паденія, подтверждалъ свою основную мысль, что онъ всегда нуждался въ существованіи Турціи, даже при тѣсномъ франко-русскомъ союзѣ[7]). Узникъ св. Елены могъ задавать себѣ и другой вопросъ, тѣсно связанный съ предыдущимъ: удалось-ли ему, Наполеону, убѣдить Александра въ

---

[1]) Наполеонъ Коленкуру 2 февраля 1808 г. (Lecestre, Lettres inédites de Napoléon, I, стр. 144): „Dites à Romanzof et à l'Empereur que je ne suis pas loin de penser à une expédition dans les Indes... que je sais bien que pour arriver à ce résultat, il faut partager l'empire turc...."

[2]) Correspondance de Napoléon, XVI, стр. 586.

[3]) Наполеонъ Коленкуру 31 мая 1808 г. (Lecestre, Lettres inédites de Napoléon, I, стр. 197): „...C'est une question d'une solution très difficile et c'est pour cela que je voulais essayer de s'arranger dans une conférence... Le fond de la grande question est toujours là: qui aura Constantinople?"

[4]) См Vandal, тамъ же.

[5]) Подробности его жизни у Mignet, Souvenirs d'un diplomate (1864).

[6]) Bignon, Histoire de France sous Napoléon, т. XI, (1845), стр. 83.

[7]) Mémorial de Sainte Hélène, II, (10—12 марта 1816), стр. 325.

собственной готовности открыть для Россіи столь широкій просторъ на Востокѣ? Въ разговорахъ съ Русскимъ Государемъ Наполеонъ чувствовалъ всю обворожительность его ума и блескъ его фантазіи, но впослѣдствіи, вспоминая, напр., нѣкоторыя бесѣды, гдѣ за преимущества наслѣдственной монархіи заступался онъ, счастливецъ судьбы, противъ аргументаціи самодержавнаго царя, Наполеонъ колебался въ сужденіяхъ о своемъ современникѣ и былъ готовъ отнести его къ идеологамъ искуснымъ или скорѣе искуственнымъ [1]). Если бы Наполеону были извѣстны письма Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [2]) и къ сестрѣ своей Екатеринѣ Павловнѣ [3]), недавнее опубликованіе которыхъ произвело должное впечатлѣніе на французскихъ историковъ [4]), онъ узналъ бы болѣе опредѣленно, что Александръ послѣ Эрфурта не расчитывалъ на вѣрность своего союзника и тогда уже готовился къ испытанію 1812 года, предсказанному ему заблаговременно Чарторыжскимъ [5])

Но если препятствіемъ къ раздѣлу Турціи служило въ глазахъ Наполеона то значеніе, которое Порта могла еще имѣть въ общеевропейской политикѣ, не взирая на упадокъ военныхъ силъ и на внутреннія распри Оттоманской имперіи, онъ не могъ тоже упустить изъ виду вожделѣній Австріи. Хотя онъ въ теченіе всего 1808 г. сближается съ Россіею противъ Габсбургской монархіи, но вовсе не для того, чтобы окончательно принизить государство, съ которымъ онъ всегда считался на континентѣ, а лишь для того, чтобы помѣшать ему стать во главѣ новой коалиціи и предотвратить войну [6]).

Вѣнскій кабинетъ однако имѣлъ неосторожность объявить ему войну въ слѣдующемъ же году; но и тогда уже мысль о взаимномъ сближеніи съ Австріей въ отдаленномъ будущемъ,

---

[1]) Mémorial, тамъ же, стр. 324.

[2]) Нап. у Мартенса, Собраніе трактатовъ, XIV, стр. 62—63.

[3]) „Bonaparté (sic!) prétend que je ne suis qu'un sot. Rira bien qui rira le dernier, et moi je mets tout mon espoir en Dieu". Тамъ же, XIII, стр. 306.

[4]) См. Frédéric Masson, Jadis et aujourd'hui (1909), стр. 152.

[5]) Записка Чарторыжскаго отъ 26 іюня 1808 г. нап. въ Сборникѣ И. Р. Истор. Общ., VI, стр. 381: „.....Il faut se préparer à de grands dèsastres qui, malgré toute la prévoyance qu'on mettra dans sa conduite, ne pourront être évités".

[6]) Это видно изъ писемъ Наполеона 10 августа 1808 г. (Correspondance, XVII, стр. 506): „Il n'y a en réalité rien à craindre de l'Autriche, puisque le cas arrivant je fais cause commune avec la Russie et que cette puissance courrait à sa perte"; 23 августа 1808 г. (тамъ же, стр. 540): „L'Autriche arme, mais elle arme par peur; nos relations sont au mieux avec cette puissance, mais enfin elle arme, et j'ai commencé par lui demander des explications assez vives. Je suis sûr de la Russie... ce qui m'empêche de craindre l'Autriche..." Въ такомъ же смыслѣ письмо отъ 10 сентября (XVII, стр. 587).

любимая мысль Таллейрана, предложившаго въ 1805 г. компенсаціи для Австріи на Востокѣ, врядъ ли была совсѣмъ чужда Наполеону, тогда какъ чрезмѣрное расширеніе Россіи на счетъ Турціи способно было отодвинуть осуществленіе этой мысли на неопредѣленное время.

Во всякомъ случаѣ Таллейранъ, и безъ упоминанія императора, въ самомъ началѣ 1808 г. рѣшился познакомить Меттерниха съ обмѣномъ мыслей Петербургскаго и Парижскаго кабинетовъ въ области восточныхъ грезъ Онъ разрисовалъ ихъ, пожалуй, болѣе законченными, чѣмъ онѣ представлялись на самомъ дѣлѣ, и назвалъ покореніе Турціи завѣтною мечтой Александра, вѣроятно для того, чтобы выяснить объемъ тѣхъ требованій, которыя Австрія предъявила бы въ день раздѣла владѣній падишаха. Австрійскій посолъ Меттернихъ въ Парижѣ, выслушавъ Таллейрана, считавшаго требованіемъ справедливости пріобрѣтеніе Австріею Босніи и Болгаріи, передалъ своему министру Стадіону содержаніе этого разговора[1]), прибавивъ отъ себя, что Австрія, защищая до послѣдней минуты неприкосновенность Турціи, не должна однако устраниться отъ разверстанія турецкихъ земель[2]). Въ томъ же смыслѣ былъ составленъ отвѣтъ Стадіона Меттерниху съ нѣкоторыми добавленіями: Австрія не прочь была пріобрѣсти еще Сербію, которой она съ 1806 г. оказывала нѣкоторую помощь въ борьбѣ съ Турками[3]), и гдѣ съ тѣхъ поръ велась австрійская агитація противъ Россіи[4]), и кромѣ того—Малую Валахію и Хотинскій округъ, согласно плану, выработанному еще при Іосифѣ II[5]).

Но знаменательно, что и Наполеонъ въ разговорѣ съ Меттернихомъ приблизительно въ тоже время упоминалъ вскользь о возможности раздѣла Оттоманскихъ владѣній между Франціей

---

[1]) Переданнаго Меттернихомъ, Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, II, стр. 145 сл.

[2]) Письмо Меттерниха къ графу Стадіону 18 янв. 1808 г. (тамъ же, стр. 149): „. .Nous ne pouvons sauver la Turquie, il faut donc aider à la partager et tâcher d'en avoir le plus grand lot possible". И самъ Меттернихъ, нѣкоторое время спустя получивъ отвѣтъ изъ Вѣны, говорилъ Таллейрану (депеша 26 февраля 1808 г. гр. Стадіону, тамъ же, II, стр. 164). „....On soutiendra la Porte aussi longtemps que l'on pourra, on sera du partage quand il sera impossible de l'arrêter. .."

[3]) См. Дубровинъ, Русскій Вѣстникъ, іюль 1863 г., стр. 156; Kallay, Geschichte der Serben von den ältesten Zeiten bis 1815 г. (1878), стр. 510.

[4]) См. Нилъ Поповъ, Россія и Сербія, I, стр. 71—73.

[5]) Стадіонъ Меттерниху 1 февр. 1808 г. (нап. у Beer, Die orientalische Politik Oesterreichs, стр. 779 сл.): „...Il (Talleyrand) nous assigne le cours du Danube, la Bosnie, la Bulgarie, en oubliant la Serbie qui, située entre ces deux provinces, ne pourra cependant qu'entrer dans notre lot. Nous y ajoutons deux objets de convenance pour nous, quoique peu considérables dans la totalité du partage, savoir: la Raya de Chotzin et une frontière avancée dans la Valachie".

и Россіей, жалуясь при этомъ на чрезмѣрность доли, выговоренной Александромъ I, и намекая довольно ясно, что онъ предпочелъ бы имѣть дѣло въ данномъ случаѣ съ Австріей, за которой онъ тутъ же признавалъ правильныя, съ точки зрѣнія географіи, и вообще справедливыя притязанія на долину Дуная [1]). Это говорилось одновременно съ отсылкой инструкцій Коленкуру, гдѣ Россіи была обѣщана не только Валахія, но и Болгарія!

Вскорѣ же послѣ Эрфурта Австрія, желавшая насколько возможно обезсилить значеніе свиданія и достигшая этого благодаря вмѣшательству Таллейрана, всячески старалась задобрить Петербургскій кабинетъ и конечно стремилась въ его глазахъ отодвинуть далеко назадъ всякія мечты о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, могущихъ идти въ разрѣзъ съ русскими планами. Достойный противникъ Наполеона и будущій побѣдитель подъ Асперномъ, эрцгерцогъ Карлъ заявлялъ въ Вѣнѣ графу Толстому, возвращавшемуся въ Россію, что для императора Франца расширеніе русской границы до Дуная безразлично, лишь бы это скорѣе дало возможность обратить все вниманіе на событія, готовящіяся въ центральной Европѣ [2]).

Понятно, что всѣ эти переговоры и даже отдѣльные разговоры объ участи Оттоманской имперіи доходили до свѣдѣнія Порты, тревожили ее и конечно колебали ея довѣріе къ Франціи, возбудившей вопросъ о раздѣлѣ, хотя бы и безъ серьезныхъ намѣреній. Прошло, очевидно, то время, когда французскія газеты по указаніямъ свыше сообщали о турецкихъ побѣдахъ и умаляли успѣхи нашей арміи. Наоборотъ, парижской и даже западно-европейской прессѣ было приказано упоминать почаще о длящейся оккупаціи Молдавіи и Валахіи русскою арміею, какъ о прочномъ результатѣ франко-русской дружбы [3]). Это дѣлалось, впрочемъ, только напоказъ для Россіи, а на самомъ дѣлѣ французская дипломатія

---

[1]) Разговоръ происходилъ 22 янв. 1808 г. (нап. у Меттерниха, Nachgelassene Papiere, II, стр. 155): „...Vous ne pouvez voir non plus cet agrandissement (со стороны Россіи) d'un oeil indifférent, et je vois que ce qui doit essentiellement nous réunir très étroitement c'est le partage de la Turquie..... Quelle que soit la part qui puisse vous échoir, vous aurez un bien puissant intérêt à avoir les mains dans l'affaire, et il faut que vous les ayez. Vous avez des prétentions tout-à-fait justes et géogra- phiques (et ce sont les seules qui comptent) sur le cours du Danube".

[2]) „Prenez les Principautés, arrondissez-vous, mais terminez, pour que vous puissiez reporter votre grande influence et vos forces vers le centre de l'Europe". Донесеніе кн. Куракина 7 ноября 1808 г. нап. въ Сборникѣ И. Р. Ист. Общ., т. 84, стр. 763.

[3]) Письмо Наполеона къ Шампаньи 30 янв. 1808 г. нап. у Fournier, Napoléon, II (1905), стр. 373: „Il faut aussi faire insérer fréquemment dans ces journaux des nouvelles de Jassy, de Boukarest et même de Constantinople, qui fassent légèrement

старалась попрежнему успокоить Турцію, опасаясь, по полученнымъ изъ Константинополя свѣдѣніямъ. что окончательная потеря двухъ княжествъ могла вызвать вспышку національнаго фанатизма у Турокъ[1]) и довести диктатора Мустафу-Байрактара до разрыва съ Франціей[2])

Но довѣріе къ Наполеону пало на Босфорѣ еще больше послѣ эрфуртскаго соглашенія[3]), тайна котораго не могла быть соблюдена, и въ перепискѣ французскаго министра Шампаньи съ преемникомъ генерала Себастьяни Латуръ-Мобуръ замѣтна постоянная забота сводить на минимумъ обѣщанія, данныя Франціей Александру Онъ совѣтуетъ французскому представителю, если это окажется необходимымъ, убѣдить Турцію въ ненужности для нея дунайскихъ княжествъ и въ невозможности получить ихъ обратно Латуръ-Мобуръ однако, по полученнымъ инструкціямъ, не долженъ особенно настаивать на этомъ, чтобъ окончательно не испортить пошатнувшіяся уже турецко-французскія отношенія, и если турецкій диванъ обнаружитъ непоколебимую притязательность на эти двѣ провинціи, которыя новый султанъ Мустафа засталъ уже въ рукахъ Россіи, то дальнѣйшее слѣдуетъ предоставить находчивости русской дипломатіи или скорѣе краснорѣчію русскаго оружія[4])

Здѣсь Шампаньи улавливаетъ несомнѣнно основную мысль Наполеона по восточнымъ дѣламъ и ее послѣдовательно развиваетъ Латуръ-Мобуръ въ своей пылкой, достойной его предшественника Себастьяни рѣчи, обращенной къ дивану, когда онъ убѣждаетъ Порту не чуждаться Франціи, хотя бы послѣдняя и сошлась повидимому съ Россіей, когда онъ предостерегаетъ турецкихъ министровъ отъ тайнаго ихъ желанія заключить отдѣль-

---

connaître que les Russes occupent toujours les deux provinces au grand déplaisir des Turcs". Въ томъ же смыслѣ письмо Наполеона отъ 26 апрѣля 1808 г. (Correspondance. XVII, стр. 50).

[1]) „... Combien peu les Turcs sont disposés à cette cession, dont la crainte semble réveiller en eux cet antique fanatisme, qui a fait autrefois leur gloire et leur puissance..." Шампаньи Коленкуру 21 мая 1808 г. (Въ Сборникѣ И. Р. Ист. Общ., т. 88, стр. 595).

[2]) „...Je pense que la proposition d'abandonner les deux provinces aux Russes serait le signal de la rupture". Латуръ-Мобуръ графу Шампаньи 25 августа 1808 г. (нап у Hurmuzaki, Suppl I, vol. II, стр. 520).

[3]) Пар. XIV гласилъ: „La présente convention sera tenue secrète au moins pendant l'espace de dix années."

[4]) Отношеніе Шампаньи къ Латуръ-Мобуру 2 ноября 1808 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 525): „. Je vous repète que vous ne devez entrer en matière sur cette cession avec les ministres turcs qu'autant que vous ne compromettrez par là en aucune manière les intérêts de la France; qu'il vaut au contraire beaucoup mieux se montrer entièrement opposé à cette cession. C'est l'affaire des Russes de persuader les Turcs".

ный миръ съ Россіею и съ Англіею безъ участія Франціи и грозитъ гнѣвомъ Наполеона, если Турція станетъ въ ряды безсильныхъ враговъ французскаго императора[1]).

Но возстановить такимъ путемъ прежнюю близость съ Турціею уже затруднительно. Лучшимъ доказательствомъ возрастающаго недовѣрія[2]) къ Франціи со стороны Порты въ теченіе 1808 г. могутъ служить два факта изъ сферъ фанаріотскаго міра, гдѣ обыкновенно отражалось преобладающее теченіе оттоманской политики въ данный моментъ: въ началѣ года казненъ великій драгоманъ Алеко Суцо, преемникъ Ханджерли и, какъ онъ, сторонникъ франкофильской политики, изъ за которой онъ и пострадалъ[3]), а къ концу 1808 г. назначенъ[4]) на его мѣсто Димитраки Мурузи, виднѣйшій представитель англо-русской партіи[5]).

Послѣдній, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ, пережилъ опалу послѣ французскихъ побѣдъ въ Пруссіи передъ Тильзитомъ, но энергія его характера, прочныя связи съ турецкими сановниками, имущественное вліяніе его семьи и можетъ быть личное его знакомство съ Байрактаромъ позволили ему вернуться въ Константинополь. Тамъ его ловкость воспользовалась возрастающимъ раздраженіемъ Турокъ противъ Франціи, чтобы получить верховную должность въ драгоманствѣ, гдѣ онъ оставался до смерти, считаясь въ глазахъ французскаго кабинета самымъ опаснымъ врагомъ на Босфорѣ и на Дунаѣ[6]). Такимъ образомъ Себастьяни глубоко ошибался, когда, уѣзжая изъ Константинополя, докладывалъ Наполеону, что вліяніе Англіи на турецкія дѣла уничтожено навсегда[7]).

---

[1]) Нап. у Шильдера, Исторія Александра I. Т. 2. Прил. X.

[2]) „..Les Turcs perdent par degrés la confiance qu'ils avaient en nous", писалъ Латуръ-Мобуръ 29 окт. 1808 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II). „...Ils sont persuadés qu'on exigera d'eux le sacrifice de leurs provinces, et ils ne considèrent cet évènement que comme le prélude de leur destruction".

[3]) Племянникъ казненнаго Суцо Михаилъ Мано писалъ Наполеону вскорѣ послѣ этого, 5-го февраля 1808 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 496 сл.): „...trancher publiquement la tête à un homme sous forme de justice parce qu'on le soupçonne attaché à l'Auguste Empereur des Français, ce n'est pas respecter la dignité impériale, c'est braver Napoléon le Grand".

[4]) Объ этомъ подробное письмо къ Таллейрану отъ Меріажа изъ Виддина, гдѣ послѣдній провелъ большую часть 1808 г. Hurmuzaki, Suppl. I, vol II, стр. 533; 31 дек. 1808 г.

[5]) См. Донесеніе Латуръ-Мобура 25 ноября 1808 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр. 529).

[6]) „...Morousi, qui avec les richesses dont ils sont encore les possesseurs, se sont faits des protecteurs et qui portent jusqu'à l'exagération la haine de la France". Докладная Записка Себастьяни 12 іюля 1808 г. нап. у Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane, II, стр. 315).

[7]) Подлинныя его слова въ его докладѣ 18 іюля 1808 г. нап у Sturdza, Colescu Vartic, Acte şi documente relative la istoria Renascerei Romaniei, I (1900), стр. 899.

Почти одновременно лондонскій кабинетъ послалъ туда новаго представителя, сэра Эдера, бывшаго до того времени посломъ въ Вѣнѣ, и поручилъ ему заключить прямое соглашеніе съ Турціей послѣ двухлѣтнихъ враждебныхъ отношеній. Англійскій дипломатъ достигъ этой цѣли въ слѣдующемъ году, но онъ задалъ себѣ и другую задачу, а именно, примиреніе Россіи и Турціи помимо участія Франціи, чтобы увеличить еще охлажденіе между Портою и Наполеономъ съ одной стороны, а съ другой освободить Россію отъ восточныхъ заботъ, могущихъ отвлекать ея вниманіе отъ западно-европейскихъ дѣлъ[1]). Для веденія переговоровъ съ Россіей Эдеръ, еще передъ отъѣздомъ изъ Лондона, въ письмѣ къ австрійскому министру Стадіону, съ которымъ онъ сошелся въ Вѣнѣ, указывалъ на Поццо ди Борго какъ на желательнаго уполномоченнаго[2]) съ нашей стороны, пріѣзжавшаго уже за годъ до этого съ подобной же миссіей.

Три года спустя, въ 1811 г., мы застанемъ Поццо въ англійскомъ посольствѣ, гдѣ онъ слѣдитъ за русско-турецкими отношеніями и направляетъ ихъ противъ Наполеона. Но въ 1808 г было слишкомъ поздно и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ рано для Россіи, чтобы пользоваться открыто услугами самаго заклятаго изъ враговъ Наполеона, хотя онъ уже тогда предупреждалъ Александра о непрочности французской дружбы[3]). Именно эта дружба стѣсняла нашу дипломатію, и графъ Поццо, который до Тильзита успѣлъ заслужить довѣріе нашего двора, былъ тогда временно уволенъ отъ русской службы[4]).

---

[1]) „...La Russie.... doit aussi être assez convaincue de la mauvaise foi de Bonaparte sur tout ce qui regarde l'exécution du traité de Tilsitt. . Je me propose donc (bien qu'elle le mérite si peu) de disposer les Turcs (si la chose est possible) à signer la paix séparément avec la Russie, sans attendre le consentement de la France". Письмо Эдера Стадіону 26 іюня 1808 г., нап. у Adair, Négotiations for the peace of the Dardanelles, I, (1845), стр. 8. Въ такомъ же смыслѣ письмо къ Джорджу Кэннингу 23 мая 1808 г. у Wurm, Diplomatische Geschichte der orient. Frage, стр. 160 сл.

[2]) „La Russie désirerait-elle s'expliquer avec nous? On pourrait m'envoyer Pozzo; nous nous entendons, nous avons même discuté à fond toute cette question turque et tout ce qui restait du système européen, le jour avant mon départ de Vienne". Тамъ же.

[3]) On assure que Pozzo di Borgo a rédigé et remis à l'empereur un mémoire pour engager la Russie à s'entendre avec l'Autriche pour les arrangements de Turquie et que l'Autriche lui garantirait à ce prix la possession de la Valachie et de la Moldavie". Донесеніе Коленкура Наполену 8 іюня 1808 г. (Gr. Duc Nicolas Mikhailowitch, Relations diplomatiques, II, стр. 181).

[4]) Черезъ два года Александръ I говорилъ про него Коленкуру: „C'est un intrigant, dont on a pu se servir pendant la guerre, mais depuis Tilsitt j'ai congédié tous ceux de cette espèce, voulant m'en tenir strictement à l'alliance et ne voulant aucune espèce de rapports avec l'Angleterre". Депеша Коленкура 29 августа 1810 г. (нап въ Relations diplomatiques, V, стр. 117).

Тѣмъ не менѣе Эдеръ по дорогѣ въ Турцію, проѣздомъ въ Гибралтаръ[1]), продолжалъ съ цѣпкостью, свойственною Англичанамъ, развивать свою мысль въ перепискѣ съ министерствомъ; онъ хотѣлъ связать Турцію съ англійскими интересами, и для такого сближенія онъ былъ готовъ обѣщать ей то, что французскій конвентъ[2]) тоже когда то обѣщалъ Турціи въ 1793 г. и что было достигнуто при другомъ Наполеонѣ, а именно, содѣйствіе англійскаго флота для похода по Черному морю и взятія Севастополя. Эта угроза по адресу Россіи должна была, по мнѣнію Эдера, склонить насъ къ миру съ Англіей и одновременно съ Турціей[3]). Но англійская средиземная эскадра не въ силахъ оказалась тогда предпринять такую экспедицію, и англійскому послу по пріѣздѣ въ Константинополь пришлось ограничиться на первое время одной лишь заботой о заключеніи трактата съ Турціей.

Положеніе Россіи въ восточномъ вопросѣ оставалось такимъ образомъ безъ перемѣнъ въ теченіе разсматриваемаго года. Англія не могла еще вывести Россію изъ орбиты французской политики, а Франція не производила нужнаго давленія на Турцію, чтобы убѣдить ее въ необходимости признать за Россіею окончательное завоеваніе Молдо-Валахіи. Такимъ образомъ только отъ одной Россіи зависѣло всецѣло рѣшеніе этого вопроса или мирнымъ путемъ, или съ помощью оружія. За послѣднее стоялъ Румянцовъ, когда писалъ Государю: „Безъ военныхъ дѣйствій мы не достигнемъ этого присоединенія; для этого нужно перейти Дунай. Было бы важною политической ошибкой не воспользоваться бѣдствіями Константинополя“[4]).

Моментъ былъ на самомъ дѣлѣ благопріятный для наступательныхъ дѣйствій, безъ которыхъ трудно расчитывать на прочныя покоренія: приходится завоевателю фактически занимать въ чужомъ государствѣ территорію много больше, чѣмъ та, которую онъ рѣшилъ присоединить къ своимъ владѣніямъ. Вѣдь въ предыдущихъ войнахъ Россіи и Турціи, когда наша граница была отодвинута только до Днѣстра, наши арміи заходили на правый берегъ Дуная.

---

[1]) Ср. его письмо къ Джорджу Кэннингу 13 іюля 1808 г. (Adair, Negotiations, I, стр. 10).

[2]) Ср. A. Sorel, L'Europe et la Révolution française, III. стр. 526.

[3]) Сэръ Эдеръ, чтобъ заключить скорѣе трактатъ съ Портой, рисовалъ перспективу еще болѣе ранняго примиренія между Англіей и Россіею. См. его письма Ваагидъ-Эфенди дек. 1808 г. у Adair, Negotiations, I, стр. 93.

[4]) Письмо 15 декабря 1808 г. нап. у Петрова, Война Россіи и Турціи, II, стр. 164.

И судьба намъ улыбалась въ 1808 г. не только по общимъ причинамъ, зависѣвшимъ отъ состоянія турецкой арміи и отъ ея почти дѣтской тактики[1]), но и потому, что Байрактаръ стягивалъ большую часть войскъ къ Константинополю, гдѣ онъ не чуствовалъ себя въ безопасности, а впослѣдствіи низложеніе султана Мустафы IV и военные бунты, сопровождавшіе восшествіе Махмуда II и убійство Байрактара, еще уменьшили оборонительную силу Турціи.

Однако на Дунаѣ обѣ арміи бездѣйствовали, хотя срокъ пріостановки военныхъ операцій, установленный въ Слободзеѣ, истекъ уже 31 марта, а на лѣвомъ берегу крѣпости Измаилъ, Браиловъ и Журжево оставались еще въ турецкихъ рукахъ. Численность русскихъ войскъ, около 70,000 человѣкъ, была достаточна для открытія новой кампаніи, но самыя условія послѣдней, необходимость большаго обоза и громаднаго количества скота, запрягаемаго въ аарбы, наконецъ прокормленіе людей и животныхъ, заставляли готовиться къ походу задолго до его начала. Эти причины объясняютъ нашу медлительность въ 1808 г. не меньше, чѣмъ преклонный возрастъ и дряхлость князя Прозоровскаго. Старый фельдмаршалъ много заботился о здоровьѣ нашихъ солдатъ, которые страдали лихорадками и не переносили рѣзкаго перехода отъ знойныхъ дней къ холоднымъ ночамъ. Гигіеническія мѣропріятія обходились въ большія суммы, и на соотвѣтствующія замѣчанія изъ Петербурга князь Прозоровскій отвѣчалъ, что здоровье русскаго солдата дороже серебрянаго рубля. Но самыми тревожными являлись затрудненія въ продовольствіи нашихъ войскъ: оно обставлено было такъ неправильно, что, не взирая на баснословное богатство этого края, намъ приходилось уже въ 1808 г. выписывать изъ Россіи не только рожь, сравнительно рѣдкую на Дунаѣ, но и часть овса[2]).

Грабежи оккупаціонной арміи все учащаются; объ этомъ сообщаютъ не только наши иноземные недоброжелатели[3]), но и наши военачальники. „Бессарабія, пишетъ фельдмаршалъ, нашими войсками въ совершенную степь превращается“[4]), и онъ выражаетъ опасеніе, что ожидаемый нами выигрышъ будетъ обезцѣненъ нашими же руками[5]). Между тѣмъ

[1]) См объ этомъ у очевидца, Valentini, Traité de la guerre contre les Turcs (1830), стр 88 сл.

[2]) См. Труды бессарабской архивной комиссіи, III, стр. 494.

[3]) Какъ напр. Себастьяни въ вышеприведенной запискѣ у Testa, II, стр 325.

[4]) Письмо Прозоровскаго къ подольскому губернатору 28 янв. 1808 г., нап. въ Трудахъ бессарабской архивной комиссіи, I, стр. 333.

[5]) „Есть ли бы граница Россійская была простерта до рѣки Дуная, то полезно ли будетъ для Государя Императора, когда въ сихъ земляхъ опустошить

недовольство населенія начинаетъ проявляться, и французскій консулъ Леду вмѣстѣ съ своимъ австрійскимъ собратомъ, соединясь на чужбинѣ въ общей ненависти къ Россіи, искусственно увеличиваютъ въ княжествахъ число французскихъ и австрійскихъ подданныхъ, чтобы создавать непріятности нашимъ военнымъ властямъ, уже считавшимъ Молдавію и Валахію составной частью Россійской Имперіи[1])

Такое положеніе вещей не могло не волновать общественнаго мнѣнія въ Россіи[2]), которое свыклось съ перемѣной внѣшней политики послѣ Тильзита и расчитывало по крайней мѣрѣ на быстрое присоединеніе княжествъ, какъ на непосредственный результатъ французской дружбы вслѣдъ за тяжелыми испытаніями 1805—1807 гг. Проявленіе нѣкотораго разочарованія не могло ускользнуть отъ самого Монарха, который въ свою очередь сталъ испытывать недовѣріе не только къ окружающимъ его, но и къ самому себѣ. Объ этомъ тягостномъ состояніи свидѣтельствуютъ многіе изъ современниковъ, какъ напр. генералъ С. А. Тучковъ[3]), французскій посолъ Коленкуръ[4]), не взирая на то, что онъ, по мнѣнію Наполеона, слишкомъ явно поддавался обаянію личности Александра I, и наконецъ Савойскій графъ Жозефъ де Местръ[5]), выдѣлявшійся тогда изъ иностранцевъ, поселившихся у насъ, своею искреннею любовью къ Россіи[6]), гдѣ онъ искалъ не выгоды для себя[7]), а лишь

поселенія. Есть ли же земли сіи попрежнему обратятся къ Портѣ Оттоманской, то чрезъ сіе не малая составится претензія Порты къ Россіи... А народы здѣсь обитающіе никогда уже не будутъ усердствовать къ россійскимъ интересамъ..." Тамъ же. стр. 334.

[1]) Труды бессарабской архивной комиссіи, III, стр. 477.

[2]) Коленкуръ писалъ еще въ февралѣ 1808 г Наполеону (Relations diplomatiques, II, стр. 161): „L'espèce d'incertitude où l'on est sur les affaires de Turquie, met la société en défiance. L'acquisition des provinces a été donnée, comme une chose si positive, qu'on la regarde comme une propriété acquise, dans le public au moins. S'il faut les évacuer, on croira perdre une province russe".

[3]) Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова, стр. 282.

[4]) Онъ писалъ Наполеону 27 апрѣля 1808 г. (Relations diplomatiques, II, стр. 105): „L'empereur me parla ensuite de son armée, du mauvais esprit et du peu de moyens de la noblesse en général, du peu d'hommes capables que renfermait le pays, de la difficulté d'y opérer le bien, tel qu'il était dans son coeur".

[5]) Онъ писалъ 8 окт. 1808 г. графу Блакасъ про Александра I: „Il est vaincu intérieurement, il n'a plus de foi ni en lui-même, ni dans sa nation". Нап. у E. Daudet, J. de Maistre et Blacas (1908), стр. 89. Еще болѣе рѣзко въ его Mémoires politiques et correspondance diplomatique (1850), стр. 322.

[6]) Уѣзжая изъ Петербурга, онъ писалъ Головкину 31 августа 1815 г.: „Après un long sejour dans ce pays les bontés que j'y ai éprouvées m'ont en quelque sorte naturalisé de manière que je prends un extrême intérêt à ce qui concerne la Russie. Les étrangers lui ont fait bien du mal, lui ont vendu des poisons, l'ont calomniée, séduite ou insultée. Je voudrais bien faire tout le contraire selon mon pouvoir, et je suis persuadé qu'on pourrait lui dire de fort bonnes choses par écrit, avec respect et amour". (Lettres et opuscules, I, (1851), стр. 273.

[7]) Онъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія поступить на русскую

опоры для своего монарха, Сардинскаго короля, изгнаннаго изъ Италіи наполеоновскимъ владычествомъ.

Когда выяснилось послѣ Эрфурта, что Россія уже не могла расчитывать на достиженіе своей цѣли съ помощью французскаго посредничества, время года было слишкомъ позднее, чтобы готовиться къ новой кампаніи послѣ продолжительнаго перерыва военныхъ дѣйствій, созданнаго слободзейскимъ перемиріемъ, а на зимній походъ, на правомъ берегу Дуная, Прозоровскій не могъ рѣшиться, пока еще держались турецкія крѣпости на лѣвомъ берегу. Петербургскій кабинетъ предпочелъ использовать осень для мирныхъ переговоровъ съ Турціей непосредственно, безъ участія Франціи. Инструкціи, полученныя Прозоровскимъ[1]), содержали, разумѣется, извѣстное уже требованіе о русской границѣ на Дунаѣ и кромѣ того о признаніи зависимости Грузіи, Имеретіи и Мингреліи отъ Россійской державы; что же касается Сербіи, то кабинетъ подъ вліяніемъ донесеній самого Прозоровскаго, получавшаго свѣдѣнія отъ нашего агента въ Бѣлградѣ Родофиникина[2]), отдавалъ предпочтеніе совмѣстному протекторату Россіи и Турціи[3]) надъ этой страной и не считалъ возможнымъ, въ виду большаго разстоянія до сей послѣдней, настаивать на простомъ присоединеніи, какъ надѣялась русская партія въ Бѣлградѣ. Несомнѣнно, что главнымъ пунктомъ въ предстоящихъ переговорахъ было присоединеніе лѣваго берега Дуная, а покореніе праваго казалось тогда уже вопросомъ болѣе отдаленнаго будущаго. Сами же Сербы предчувствовали возможность уступокъ со стороны Россіи по сербскимъ дѣламъ и стали искать противъ турецкихъ звѣрствъ защиты Франціи[4]) и даже Австріи[5])

Оттоманскихъ делегатовъ ожидали въ Яссахъ къ концу 1808 г. для начала переговоровъ русскіе генералы Милорадовичъ и Гартингъ и первоприсутствующій въ Молдо-Валахійскихъ диванахъ сенаторъ Кушниковъ. Во главѣ Турецкой миссіи стояли реисъ-эффенди Галибъ и теперь съ нимъ неразлучный

службу. См. de Margerie, Le comte Joseph de Maistre avec des documents inédits (1883), стр. 102.

[1]) Александръ I Прозоровскому 19 дек 1808 г. (нап. у Петрова, Война Россіи съ Турціей, II, стр. 545).

[2]) См. объ этомъ у Дубровина, „Русскій Вѣстникъ“, 1863 г., августъ, стр. 537, сл. 541.

[3]) См. отношеніе Салтыкова къ Прозоровскому 1 февр. 1809 г у Богишича, Разборъ книги Попова, стр 201.

[4]) См. разговоръ серба Вученича съ Меріажомъ въ письмѣ послѣдняго изъ Вѣны къ графу Шампаньи 19 окт 1809 г., нап. у Boppe, Documents inédits sur les relations de la Serbie avec Napoléon, Belgrade (1888).

[5]) О переговорахъ австрійскаго генерала Симбшенъ съ Сербами въ 1810 г. см. V. Krones, Archiv für oester. Geschichte, томъ LXXVI, вып. I.

Димитраки Мурузи, оставившій при Портѣ, въ качествѣ замѣстителя, своего брата Панаіотаки, бывшаго до тѣхъ поръ драгоманомъ во флотѣ[1]). По дорогѣ изъ Виддина въ Бухарестъ турецкая миссія встрѣтилась въ Краіовѣ съ французскимъ офицеромъ Меріажемъ, о которомъ рѣчь была выше Онъ уже не пользовался прежнимъ престижемъ въ глазахъ турецкихъ пашей и предпочиталъ быть подальше отъ нихъ на лѣвомъ берегу Миссія его заканчивалась порученіемъ, полученнымъ изъ Парижа, слѣдить за переговорами, которые открывались въ Яссахъ[2]), но до этого онъ успѣлъ еще подробно описать въ донесеніи французскому кабинету характерный разговоръ, который онъ имѣлъ съ Димитраки Мурузи, до встрѣчи послѣдняго съ русскими делегатами[3])

Драгоманъ Порты обнаружилъ прежде всего искреннюю, повидимому, тревогу за дальнѣйшую участь Оттоманской имперіи и постарался узнать, насколько были основательны слухи о рѣшеніи Наполеона предоставить по крайней мѣрѣ Европейскую Турцію смѣлымъ замысламъ Александра I. Это дало случай Меріажу удостовѣрить, съ своей стороны, что старая дружба Франціи и султана не была поколеблена франко-русскимъ союзомъ, и какъ доказательство этому утвержденію французскій офицеръ привелъ довольно оригинальный аргументъ: онъ увѣрялъ драгомана Порты, что если Русскіе до этихъ поръ официально не объявляли о присоединеніи княжествъ къ Россійской Имперіи, то это было изъ опасенія раздражить Францію, а въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ нашимъ планамъ нужно было усмотрѣть, по мнѣнію Меріажа, проявленіе особаго расположенія Наполеона къ дивану[4]). Но Мурузи имѣлъ въ виду и другой вопросъ въ своей бесѣдѣ. Онъ хотѣлъ черезъ Меріажа передать въ Парижъ выраженіе своей преданности французской политикѣ и разсѣять предубѣжденія французскаго кабинета противъ семьи Мурузи, основанныя главнымъ образомъ на донесеніяхъ Себастьяни и Латуръ-

---

[1]) См. депеша Латуръ-Мобура къ Шампаньи 19 дек. 1808 г., нап. у Hurmuzaki, Suppl. II, vol. 1, стр. 531.

[2]) См. Hurmuzaki, тамъ же, стр. 544.

[3]) Объ этомъ донесеніе Меріажа отъ 10 февраля 1810 г. у Hurmuzaki, тамъ же, стр. 539 сл. и у Boppe, Mission de l'adjudant-commandant Mériage à Widdin, Annales de l'Ecole des sciences politiques, 1886 г., стр. 290.

[4]) „Depuis deux ans trois révolutions ont bouleversé cet Empire; qui a retenu les armées russes? Pourquoi les Russes n'ont-ils pas déclaré les pays conquis provinces de leur Empire, comme ils l'ont fait immédiatement pour la Finlande suédoise? Croyez-vous que ce soit la terreur des armées turques et ne reconnaissez-vous pas la protection de Sa Majesté?" Hurmuzaki, тамъ же, стр. 541.

Мобура[1]): онъ нѣсколько разъ повторялъ о своемъ уваженіи къ личности Наполеона и глубоко сожалѣлъ, что императоръ не разрѣшилъ ему пріѣхать въ Парижъ послѣ Тильзита, чтобы опровергнуть клевету, разсѣянную противъ его родни. Отрицая свое участіе въ состоявшемся тогда сближеніи между Англіей и Портой[2]), онъ торжественно обѣщалъ помогать по мѣрѣ силъ французскому вліянію на турецкія дѣла Среди восточнаго многословія, среди искусственнаго негодованія и нѣсколько поддѣльной лести у Мурузи выдѣляется одна откровенная мысль, въ которой высказывается все политическое credo фанаріотовъ, тяготѣвшихъ къ той или иной европейской державѣ лишь настолько, насколько этого требовалъ ихъ личный интересъ, тѣсно связанный съ существованіемъ Оттоманской имперіи: драгоманъ выражаетъ надежду, что Молдавія и Валахія сохранятъ положеніе, которое они имѣли до войны 1806 г., и прибавляетъ, что присоединеніе ихъ къ Россіи было бы тяжкимъ ударомъ не только для него, но и для всѣхъ константинопольскихъ Грековъ[3]).

Понятно, что при такомъ настроеніи Мурузи не могъ повліять на турецкихъ представителей и настроить ихъ къ уступчивости, тѣмъ болѣе что съ русской стороны признаніе придунайской границы со всѣми островами, примыкающими къ лѣвому берегу, и съ устьями рѣки до средины Георгіевскаго гирла[4]) считалось conditio sine qua non въ инструкціи, полученной Милорадовичемъ, Кушниковымъ и Гартингомъ отъ князя Прозоровскаго[5]), верховнаго уполномоченнаго, успѣвшаго составить проектъ раздѣленія княжествъ на четыре русскія губерніи: первая должна была образоваться изъ Бессарабіи, вторая изъ Молдавіи и третья и четвертая изъ Валахіи[6])

Турецкіе делегаты не спѣшили и доѣхали лишь къ началу февраля 1809 г. въ Яссы, гдѣ Мурузи засталъ стараго знакомаго по Константинополю[7]), Фонтона, безъ участія котораго переговоры съ

---

[1]) Въ вышеприведенной депешѣ Латуръ-Мобуръ писалъ 19 дек. 1809 г.: „La faveur des Moruzzi, ennemis declarés du nom français, est une insulte pour la France".

[2]) Опроверженіе этого можно найти въ донесеніи Латуръ-Мобура 16 янв. 1810 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр. 550).

[3]) „Il fit valoir... son dévouement à la Porte, le préjudice que lui porterait, ainsi qu'à tous les princes grecs, l'envahissement des deux principautés par les Russes, enfin le désir que sa famille avait toujours manifesté d'être agréable à la France". Донесеніе Меріажа 14 іюля 1811 г. у Hurmuzaki, стр. 587.

[4]) См. Петровъ, II, стр. 177 сл.

[5]) Нап. у Петрова, тамъ же, стр. 557.

[6]) Замѣчанія кн. Прозоровскаго на Записку Родофиникина, „Русскій Вѣстникъ", 1863 г., августъ, стр. 570.

[7]) Про драгомановъ иностранныхъ посольствъ въ Константинополѣ Ланжеронъ пишетъ: „Ces dragomans adorent Constantinople et les Turcs, dont ils tien-

Турками были у насъ тогда не мыслимы, но котораго тѣмъ не менѣе въ нашемъ лагерѣ нѣсколько чуждались, можетъ быть потому, что онъ былъ близокъ почти со всѣми турецкими сановниками и считалъ Босфоръ своею отчизной. Въ Яссахъ оказался также и неизмѣнный Леду, который успѣвалъ бывать вездѣ и узнавать все, что могло служить коварнымъ цѣлямъ[1]) французской дипломатіи.

Но еще другая держава стремилась имѣть тамъ своего представителя и способствовать окончательному прекращенію войны между Турціей и Россіей, это была Англія въ лицѣ своего Константинопольскаго посланника сэра Эдера, заключившаго въ первые дни 1809 г трактатъ съ Турціей, въ которомъ, кромѣ льготъ для англійской торговли и обѣщанія субсидій для Порты, содержалась еще негласная статья. По этой статьѣ Великобританія обязывалась, въ случаѣ заключенія мира между нею и Россіей, содѣйствовать въ свою очередь прекращенію войны между Россіей и Турціей на условіяхъ, выгодныхъ для сей послѣдней[2]). Почти одновременно Эдеръ пытался узнать, черезъ Вѣнскій дипломатическій корпусъ и черезъ представителя Неаполитанскаго короля въ Петербургѣ маркиза Сьерра Капріола, какія были бы крайнія условія для заключенія мира съ нашей стороны и согласился ли бы Русскій кабинетъ на присутствіе англійскаго представителя въ Яссахъ. Вмѣсто отвѣта Прозоровскому было поручено сообщить въ Константинополь, что появленіе въ Яссахъ англичанина прервало бы немедленно переговоры, и кромѣ того было предложено Портѣ немедленно выслать смѣлаго англичанина изъ Константинополя[3]). Попытка Эдера оказалась неудачной, и чтобы не потерять довѣрія Порты онъ долженъ былъ для вида поддерживать и даже поощрять замыслы, направленные къ морской демонстраціи въ Черномъ морѣ[4]). Но въ душѣ упор-

---

nent toute leur existence... Ces gens là perdraient, si l'on chassait les Turcs de l'Europe..." (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. III, стр. 73).

[1]) „Un jeune comte Pouchkin... employé alors près du prince Prozorowsky, eut l'adresse de se procurer les instructions et le chiffre de Mr. Ledoulx. On y vit clairement toute la perfidie du cabinet français à notre égard et son désir de nous entraîner de nouveau dans une guerre continue et interminable" (Ланжеронъ, тамъ же, стр. 156).

[2]) Дарданельскій миръ 5 янв. 1809 г., негласная ст. 4 (у Noradoughian, Recueil d'actes internationaux de l'empire ottoman, II, 1900 г., стр. 85): „Si le gouvernement britannique faisait la paix avec la Russie avant le gouvernement ottoman, le roi l'Angleterre promet d'employer ses bons offices auprès d'elle en vue d'obtenir aussi pour la Turquie une paix honorable et avantageuse, assurant l'intégrité du territoire de l'Empire".

[3]) Изложеніе въ донесеніяхъ Эдера (Adair, Negotiations for the peace of the Dardanelles, I, стр. 157, 165, 341 сл.).

[4]) Донесеніе 25 марта (I, стр. 163): „.. A meeting with the principal ministers

ный англичанинъ не разставался съ мыслію разъединить Россію и Францію; появленіе англо-турецкаго флота передъ Севастополемъ должно было, по его мнѣнію, только ускорить сближеніе Англіи и Россіи для прекращенія русско-турецкой войны[1]). До своего ухода онъ продолжалъ внушать дивану недовѣріе къ Франціи[2]) и въ поискахъ за врагами Наполеона онъ даже останавливался на мысли объ англо-турецко-австрійскомъ договорѣ, который бы далъ Австріи нѣкоторое удовлетвореніе[3]). Но, какъ извѣстно, съ 1809 года начинается сближеніе Австріи и Франціи, такъ что до 1812 г. Англія остается на материкѣ безъ союзниковъ, одна противъ ненавистной и опасной Французской имперіи. Мысль Эдера, имѣвшая реальное основаніе[4]), въ 1809 г. была преждевременна. Онъ надѣялся, что Турціи удастся заключить миръ безъ чрезвычайныхъ территоріальныхъ жертвъ[5]), а съ другой стороны Россіи нельзя было послѣ двухлѣтняго занятія княжествъ отойти за свои старыя границы. Лишь въ 1812 г. былъ найденъ компромиссъ, который облегчалъ заключеніе Бухарестскаго трактата, и Англіи на этотъ разъ черезъ преемника Эдера на Босфорѣ удалось сыграть нѣкоторую роль, какъ ниже будетъ указано, въ одномъ изъ эпизодовъ нашей восточной политики

Весною же 1809 г намъ нужно было вернуться къ мощи оружія, чтобы выйти изъ столь неопредѣленнаго положенія; 21 марта русскимъ главнокомандующимъ было объявлено о прекращеніи давно уже просроченнаго перемирія, и онъ сталъ готовиться къ новой кампаніи. Указанія, полученныя на этотъ счетъ изъ Петербурга, въ теченіе весны предписывали наступательное движеніе до самой столицы Оттоманской имперіи. Александръ I писалъ князю Прозоровскому 10 мая 1809 г.: „Взять Браиловъ, когда взять его уже необходимо нужно, и маскиро-

took place, accordingly, yesterday. Here it was resolved upon to attack Sebastopolis and in short to carry on offensive operations vigorously against Russia in the Black Sea, provided a British naval force would cooperate to them".

[1]) Онъ писалъ Кэннингу 19 марта 1809 г. (Adair, Negotiations for the peace of the Dardanelles, I, стр. 151): „I really think the menace of attacking Sebastopolis would materially assist the conclusion of the Russian peace on fair terms and secure her neutrality...."

[2]) Ср. его донесеніе 20 марта 1809 г. (Adair, II, стр 134): „I have taken much pains, and have, I believe, succeeded at last in convincing them (Турокъ) of their error and of their danger. They now know that, at the conferences at Erfurth Bonaparte sacrified them to Russia..."

[3]) Эдеръ графу Стадіонъ 9 февраля 1809 г. (Adair, Negotiations, I, стр. 129).

[4]) Онъ отъ нея не отказывался до самаго отъѣзда своего изъ Константинополя. См. письмо его 13 марта 1810 г. (Adair, Negotiations, II, стр. 8)

[5]) „Les Turcs n'ont pars douté que l'entremise des Anglais ne leur fît rendre les provinces de Valachie et Moldavie", писалъ Латуръ-Мобуръ 26 февраля 1809 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 544); въ томъ же смыслѣ 20 янв (Hurmuzaki, стр. 535).

вать другія крѣпости, съ Божьею помощью, не теряя ни одной минуты и не ожидая непріятеля передъ Балканскими горами, идти на Константинополь". И Государь, возлагая весьма основательно большія надежды на измѣненіе тактики, не давшей намъ за два года войны никакихъ существенныхъ результатовъ, прибавлялъ: „Съ тѣхъ поръ какъ переходятъ Альпы и Пиринеи, Балканскія горы для русскихъ войскъ не могутъ быть преградой".

Но Прозоровскій, прежде чѣмъ уйти въ глубь Балканскаго полуострова, не могъ оставить въ рукахъ Турокъ крѣпости, занимаемыя ими на лѣвомъ берегу Дуная. Атаки же Журжева и Браилова были отбиты непріятельскими гарнизонами, нанесшими нашему войску тяжкій уронъ, вызвавшій у престарѣлаго фельдмаршала слезы отчаянія[1]). Вскорѣ послѣ этого онъ скончался. Его преемникъ князь Багратіонъ придалъ операціямъ за Дунаемъ болѣе быстрый ходъ; въ то время, когда русскіе отряды на лѣвомъ берегу осаждали, для окончательнаго овладѣнія, Измаилъ и Браиловъ, въ то время какъ отрядъ Ланжерона защищалъ Бухарестъ отъ нападенія Рущукской арміи визиря, разбитаго 29 августа 1809 г. при Фрасине, главнокомандующій занималъ всю территорію между правымъ берегомъ и Чернымъ моремъ и остановилъ 10 октября при с. Татарицѣ главную турецкую армію, спѣшившую на выручку Силистрійскаго гарнизона.

Эти первые серьезные успѣхи русской арміи послѣ трехлѣтней войны не могли не увеличить шансовъ мира и во всякомъ случаѣ произвели впечатлѣніе въ Западной Европѣ, и между прочимъ на Наполеона. Безпокойство послѣдняго обнаруживается, напримѣръ, въ разговорѣ съ нашимъ посломъ[2]) въ Парижѣ кн. Куракинымъ, сообщившимъ ему, въ началѣ ноября, о новыхъ шансахъ на заключеніе мира между Россіей и Турціей Для нашего кабинета, кромѣ того, благопріятнымъ условіемъ являлось удачное окончаніе войны со Швеціею[3]), которое развязывало намъ руки на сѣверѣ и должно было увеличить нашъ престижъ въ глазахъ Турціи, давнишней союзницы шведскихъ королей[4]). Положеніе же Франціи на Босфорѣ еще ухудшилось

[1]) Соловьевъ, Императоръ Александръ I (1877), стр. 200.

[2]) Напъ въ „Русскомъ Архивѣ", 1870 г., стр 70.

[3]) „...Les Suédois, se voyant absolument abandonnes par la seule puissance qui peut les soutenir, ont plié tristement la tête et signé ce que l'on a voulu Tenez pour sûr... que si Napoléon l'avait pu, il aurait envoyé des troupes aux Suédois..." Письмо де Местръ гр. Росси сент. 1809 г. (J. de Maistre, Mémoires et correspondances, 1858 г., стр. 337).

[4]) Багратіону писалъ Румянцовъ 5 сент. 1809 г. (Военный Сборникъ 1865 г.,

въ теченіе 1809 г. Миръ Порты съ Англіей не могъ не считаться чувствительнымъ ударомъ для французской политики на Востокѣ, не взирая на попытки дивана уменьшить его значеніе въ глазахъ Латуръ-Мобура[1]) и не взирая на стараніе султана скрыть свое расположеніе къ англійскому кабинету вплоть до отъѣзда сэра Эдера въ 1810 г, когда Димитраки Мурузи возилъ въ англійское посольство, подъ строжайшимъ секретомъ, подарки падишаха представителю великобританскаго короля[2]).

Французскій кабинетъ по прежнему старался успокоить султана по поводу все еще распространенныхъ слуховъ о раздѣлѣ Турціи и увѣрялъ его, что онъ не позволитъ Россіи распространиться за Дунай и занять Сербію[3]). Французскій кабинетъ по прежнему поддерживалъ отношенія съ нѣкоторыми фанаріотами, напр, съ низверженнымъ господаремъ Суцо[4]), который передавалъ о положеніи нашей арміи свѣдѣнія, получаемыя главнымъ образомъ отъ главаря руссофобской боярской партіи въ Бухарестѣ, Филиппеско[5]), сосланнаго потомъ въ Бѣлгородъ нашимъ правительствомъ[6]).

Положеніе Наполеона въ восточномъ вопросѣ осложнялось еще тѣмъ, что въ 1809 г. произошла перемѣна курса въ дѣлахъ австрійскихъ. Нашептанная Таллейраномъ мысль о возвращеніи къ политикѣ Людовика XV, о сближеніи съ Габсбургской монархіею противъ Англіи и Пруссіи, была близка къ осуществленію послѣ Ваграма, когда побѣдитель могъ, диктуя вѣнскому кабинету свои условія, ввести его въ континентальную блокаду и сродниться черезъ годъ съ габсбургской династіей. Но при такомъ сближеніи съ побѣжденной и уменьшенной Австріею не могъ не возникнуть вопросъ о территорі-

---

N. 1, стр. 27): „Вашему сіятельству конечно не безызвѣстно, въ какомъ съ давнихъ временъ уваженіи Швеція находится у Турокъ. и я потому убѣдительнѣйше прошу васъ о заключенномъ мирѣ съ сею державою и о присоединеніи къ Россіи столь важной и обширной провинціи распространить слухи сколь можно далѣе внутри Турецкой имперіи, дабы чрезъ то еще увеличить страхъ въ Туркахъ къ оружію нашему и уваженіе ихъ къ обширнымъ нашимъ способамъ....“

[1]) Нота, доставленная 14 января 1809 г. французскому посольству, гласила: „La paix de la Sublime Porte avec l'Angleterre est purement et simplement le renouvellement des anciens rapports réciproques d'amitié. C'est sous ce point de vue qu'il faut l'envisager et la Sublime Porte n'entend point qu'il soit porté la moindre atteinte aux sentiments qu'elle a toujours professés pour la France“. (Adair, Negotiations, I, стр. 118).

[2]) Adair, Negotiations, II, стр. 94 сл.

[3]) Отношеніе Шампаньи къ Латуръ-Мобуру 8 іюля 1809 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 547).

[4]) См. письмо его къ Наполеону 29 іюля 1809 г. (тамъ же, стр. 557).

[5]) См. Военный Сборникъ 1865 г., N. 2, стр. 245 сл.

[6]) Письмо Багратіона 21 дек. 1809 г., нап. у Петрова, Война Россіи и Турціи, II, стр. 417.

альныхъ компенсаціяхъ для вѣнскаго кабинета. Наполеонъ самъ заговорилъ объ этомъ тотчасъ же послѣ Ваграма съ австрійскимъ эмисаромъ, присланнымъ для заключенія перемирія: „Если бы я захотѣлъ, сказалъ онъ графу Цинцендорфу, соединиться съ Русскими, что осталось бы отъ Австрійцевъ и Пруссаковъ? Къ счастью, я не желаю завлечь варваровъ изъ ихъ жилищъ. Возьмите то, что вамъ слѣдуетъ у Турокъ, чтобы помѣшать Русскимъ обогатиться“ [1]).

Здѣсь — другая рѣчь, не та, которая слышалась въ Тильзитѣ или въ Эрфуртѣ, здѣсь говоритъ латинянинъ со всѣми антирусскими предубѣжденіями, свойственными тогда западно-европейскому міру. Въ союзѣ съ Александромъ I Наполеонъ чувствуетъ себя внѣ традицій французской политики, приближаясь же къ Австріи онъ можетъ считать себя какъ бы продолжателемъ королей стараго режима въ поискахъ за европейскимъ равновѣсіемъ. И желаніе щадить тайныя вожделѣнія Австріи въ предстоящемъ съ ней союзѣ обнаруживается очень скоро въ сношеніяхъ парижскаго кабинета съ сербскими вождями, которые въ 1809 году обращаются за помощью къ Наполеону и мечтаютъ вмѣстѣ съ венгерскими Славянами образовать особое государство подъ покровительствомъ Франціи Въ наполеоновскую политику входило, какъ наслѣдіе революціи, стремленіе освобождать народы отъ вѣковаго владычества. Но здѣсь Наполеонъ рѣшается посылать въ Бѣлградъ самыя неопредѣленныя обѣщанія, не только потому, что онъ обѣщалъ Турціи не допускать умаленія ея имперіи, а также потому, что онъ не считаетъ цѣлесообразнымъ нарушать расширительные замыслы Австріи на Балканскомъ полуостровѣ [2])

Къ сожалѣнію, успѣхъ нашего оружія на Дунаѣ не былъ продолжителенъ; осенью 1809 г. Багратіонъ, не надѣясь взять Силистрію до наступленія морозовъ, не рѣшаясь двинуться къ Балканамъ съ арміею, въ которой свирѣпствовавшія болѣзни больше чѣмъ на половину уменьшили строевыя части [3]), и съ другой стороны не рѣшаясь, въ виду недостатковъ продовольственнаго дѣла, остаться на зимовку въ Болгаріи, вернулся черезъ Дунай въ Валахію. Этотъ конецъ похода 1809 г. былъ истолкованъ на

---

[1]) „Si je voulais m'allier avec les Russes, que deviendriez-vous, Autrichiens et Prussiens! Heureusement je ne veux pas attirer des barbares hors de chez eux. Prenez sur les Turcs pour les empêcher de prendre...“ Нап. въ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, III, стр. 222.

[2]) Отношеніе Шампаньи 17 октября 1809 г. нап. у Boppe, Documents inédits sur les relations de la Serbie avec Napoléon, стр. 12.

[3]) См. письмо Багратіона Александру I, нап. у Дубровина, Матеріалы для исторіи царствов. Александра, Военный Сборникъ 1864 г., N. 11, стр. 40.

Западѣ какъ отступленіе и не могъ не успокоить Наполеона, воспользовавшагося этимъ немедленно, чтобы заявить въ своей рѣчи при открытіи законодательной сессіи 3 декабря 1809 г., что вмѣстѣ съ Финляндіей и частью Галиціи русскій императоръ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Молдавію и Валахію, и что онъ, французскій императоръ, радуется успѣхамъ дружественной державы[1]) Но немедленно послѣ этой рѣчи посылается депеша французскому послу въ Петербургѣ, которая служитъ характернымъ толкованіемъ къ громогласно произнесеннымъ словамъ[2]) Коленкуръ извѣщается подробнѣе, чѣмъ онъ можетъ это узнать въ Петербургѣ, о конечной неудачѣ Багратіона, и ему поручается объяснить петербургскому кабинету, что, не взирая на эти неудачи, Наполеонъ остается вѣрнымъ и даже желательнымъ союзникомъ Россіи На общественное мнѣніе въ Москвѣ рѣчь произвела, какъ увѣрялъ Коленкуръ[3]), успокоительное впечатлѣніе, и въ Вѣнѣ Меттерних, занявшій тогда мѣсто Стадіона, могъ повѣрить искренности Наполеона и испытать даже нѣкоторое опасеніе за участь восточныхъ плановъ Габсбурговъ[4]); но петербургскій кабинетъ не имѣлъ основанія вѣрить Наполеону[5]), который слишкомъ демонстративно одарялъ насъ двумя княжествами именно тогда, когда шансы на миръ опять удалились

А тамъ, на мѣстахъ, французскіе агенты дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы противодѣйствовать нашему вліянію и вели себя такъ, какъ бы Молдавія и Валахія продолжали быть турецкими провинціями, осуществляя консульскую власть со всѣми правомочіями, принадлежащими представителямъ европейскихъ державъ на Востокѣ. Особенно отличался Леду въ Бухарестѣ: игнорируя русскія власти, онъ оффиціально сообщаетъ о заключеніи мира между Франціей и Австріей валахскому дивану[6]); онъ не упускаетъ случая искусственно увеличивать кругъ лицъ, защищаемыхъ французскимъ консульствомъ, и когда русскій военный судъ приговариваетъ двухъ

---

1) „Mon allié et ami l'empereur de Russie a réuni à son vaste empire la Finlande, la Moldavie, la Valachie et un district de la Galicie. Je ne suis jaloux de rien de ce qui peut arriver de bien à cet empire. Mes sentiments pour son illustre souverain sont d'accord avec ma politique." Correspondance de Napoléon, XX. стр. 57

2) Письмо графу Шампаньи 9 декабря 1809 г., тамъ же, стр. 70.

3) Письмо его къ графу Шампаньи 8 января 1810 г. (нап. въ Relations diplomatiques, IV, стр. 246).

4) См. Demelitch, Metternich und seine auswärtige Politik (1898), стр. 117.

5) Латуръ-Мобуръ 9 февр. 1810 г. старался увѣрить Шампаньи, что и диванъ не придавалъ значенія наполеоновской рѣчи: „l'article si délicat de la Valachie et de la Moldavie n'a point eu un mauvais effet. Les Turcs n'y ont vu qu'une politesse faite à la Russie". (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II. стр. 554)

6) Коленкуръ Наполеону 24 ноября 1809 г. въ Relations diplomatiques. IV, стр. 176.

турецкихъ шпіоновъ, виновныхъ въ нашемъ пораженіи подъ Журжевомъ, онъ ихъ беретъ подъ свое покровительство, какъ и греческихъ архимандритовъ, возставшихъ противъ молдовалахійскаго экзарха Гавріила, явнаго сторонника Россіи[1]).

Поведеніе Леду не могло не раздражить Государя и не вызвать вообще вопроса о допустимости такого представительства французскихъ интересовъ въ областяхъ, принадлежащихъ уже фактически европейскому государству[2]). На жалобы нашего кабинета Наполеонъ отвѣтилъ желаніемъ вызвать Леду въ Парижъ, якобы для объявленія ему выговора. Но Наполеону на самомъ дѣлѣ хотѣлось лишь поглядѣть на агента, столь вѣрно понимавшаго истинныя цѣли французской дипломатіи на Востокѣ и услышать отъ него болѣе подробный отчетъ о положеніи нашего войска[3]). Нужно думать, что Леду выдержалъ экзаменъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ: уѣхавши изъ Бухареста въ январѣ 1810 года, онъ скоро вернулся туда, не взирая на неудовольствіе петербургскаго кабинета[4]), и на боевомъ своемъ посту въ Бухарестѣ онъ пережилъ самого Наполеона: въ 1824 году мы застаемъ его въ той же должности, гдѣ онъ продолжаетъ обнаруживать прежнюю неутомимость и безпрестанное творчество въ области дипломатическихъ инцидентовъ[5]).

Однако положеніе Русскихъ въ самыхъ княжествахъ не улучшилось за 1809 г; отъ оккупаціи нашимъ войскомъ край этотъ не обогащался, а, наоборотъ, бѣднѣлъ: въ этомъ году всѣ откупа въ Бессарабіи могли быть сданы за незначительную сумму 240,000 левовъ или 12,000 рублей на наши деньги, и безпорядокъ въ странѣ постоянно увеличивался, не взирая на старанія благонамѣреннаго, но слабохарактернаго представителя русской гражданской власти въ княжествахъ, первоприсутствующаго въ диванахъ сенатора Кушникова[6]). Мѣстные бояре, ко-

---

[1]) См. Стадницкій, Гавріилъ Банулеско-Бодони, стр. 230 сл.

[2]) „L'empereur me dit ensuite qu'il avait à se plaindre de la conduite d'un prétendu agent nommé Ledoulx que nous entretenons à Bucharest, que nous n'avions aucune raison pour en avoir un là plutôt qu'à Twer ou toute autre ville de Russie". Коленкуръ Наполеону, Relations dipl., IV, стр. 176.

[3]) Наполеонъ графу Шампаньи 17 дек. 1809 г. (Lecestre, Lettres inédites de Napoléon, I, стр 374): „Vous direz au duc de Vicence (Коленкуру) que la conduite du sieur Ledoulx est une folie, que je lui donne ordre de revenir à Paris pour en rendre compte (vous lui donnerez effectivement cet ordre); je serai bien aise d'avoir par ce consul des renseignements sur la situation de ce pays".

[4]) См письмо Коленкура 11 іюня 1810 г., нап. у Vandal, Napoléon et Alexandre I, т. II, стр. 552.

[5]) Письмо Генца къ гр. Бомбель 26 іюля 1824 г. (нап. у Klinkowström, Aus der alten Registratur der Staatskanzlei, стр. 87).

[6]) О немъ см. Ланжеронъ, Journal des campagnes, Hurmuzaki, Suppl I, vol. III, стр. 151.

нечно, обвиняли Русскихъ въ хищеніяхъ и злоупотребленіяхъ, но несомнѣнно, что тѣ же бояре и ихъ слуги пользовались военнымъ временемъ и нуждами нашей арміи, чтобы удовлетворять свои личные интересы безъ разбора въ средствахъ[1]) Населеніе отъ этого страдало и начинало обнаруживаться недоброжелательное отношеніе къ намъ не только среди высшаго класса[2]), но и въ другихъ слояхъ населенія[3]).

И при такой все еще продолжающейся неопредѣленности положенія, безъ ясныхъ признаковъ ближайшаго будущаго, закончился третій годъ войны на Дунаѣ.

V.

Желаніе заключить миръ съ нашей стороны постепенно разрасталось, и мы не пропускали случая входить въ сношенія, хотя бы и посредственныя, съ турецкимъ правительствомъ Сюда нужно отнести, наприм., переговоры герцога Ришелье, Новороссійскаго генералъ-губернатора, въ 1807 г. съ бѣглымъ капитаномъ-пашею передъ его возвращеніемъ въ Константинополь[4])

Но требованіе о дунайской границѣ создавало неодолимыя препятствія для достиженія согласія, не смотря на то, что Румянцовъ уже тогда предлагалъ Турціи, какъ эквивалентъ за занятыя нами территоріи, тѣсный союзъ съ Портой[5]).

То же самое нужно сказать и о тѣхъ сношеніяхъ, которыя въ самомъ началѣ 1810 года завязались между Каменскимъ и лагеремъ великаго визиря, хотя слухи, дошедшіе объ нихъ въ Константинополь, говорили, что настойчивость нашихъ притязаній нѣсколько убавилась. По крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ допосилъ англійскій посланникъ Эдеръ, прибавляя, не безъ ехидства, что Россія уже не требуетъ, какъ въ 1809 году,

---

[1]) См. донесенія Багратіона Государю 8 дек. 1809 г. и 24 янв. 1810 г., напр. у Дубровина, Военный Сборникъ 1865 г., Матеріалы, N. 2. стр. 265 сл. См. также письмо Фонтона 14 дек. 1809 г. къ Багратіону у Петрова, Воина Россіи и Турціи, II, стр. 417.

[2]) См. письмо Коленкура 27 ноября 1809 г. (Relations diplomatiques, V, стр. 47).

[3]) См. бесѣду Вученича съ Меріажомъ у Ворре, Documents inédits, стр. 17.

[4]) См. письмо Румянцова 14 іюля 1809 г. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т. 54, стр. 283.

[5]) „... Le consentement de la Porte à les reconnaitre comme provinces russes (Moldavie et Valachie) ne changera rien à leur état de choses et aurait pour la Porte Ottomane ce bénéfice immense de la tirer tout de suite d'une guerre, dont les suites extérieures sont incalculables et de convertir la Russie, qui est dans ce moment un ennemi si redoutable pour elle, en une puissence, qui pour son propre intérêt veillerait dorénavant à la conservation de l'empire turc“ (тамъ же).

удаленія англійскаго представителя съ береговъ Босфора [1]); а съ своей стороны онъ, какъ англичанинъ, мечталъ, для противодѣйствія Наполеоновскимъ планамъ, о скорѣйшемъ заключеніи между Россіей и Турціей того мира [2]), которому долженъ былъ содѣйствовать его преемникъ.

Для всѣхъ враговъ Французской имперіи этотъ миръ былъ важенъ уже потому, что продолженіе войны отвлекало силы Россіи отъ предстоящей и многими уже предвидѣнной борьбы съ Наполеономъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется вмѣшательство Пруссіи, предложившей въ 1810 году, черезъ своего представителя въ Петербургѣ, свои услуги въ Константинополѣ [3]) Но это посредничество успѣха не имѣло [4]), такъ какъ Турція и въ 1810 г., не взирая на военныя неудачи, отъ княжествъ отказываться не хотѣла, и въ результатѣ только ухудшились отношенія Наполеона къ Прусскому королю: нужно прочесть тревожное письмо [5]) несчастнаго Фридриха-Вильгельма вслѣдъ за этой дипломатической неудачей, чтобы измѣрить паденіе Пруссіи послѣ Іены и всего только за четыре года до вступленіи ея побѣдоносныхъ полковъ въ Парижъ. Наполеонъ же въ своихъ разговорахъ съ Чернышевымъ не только винилъ Пруссію за этотъ faux pas, но жаловался на петербургскій кабинетъ, не пожелавшій обратиться къ посредничеству Франціи [6]), и обвинялъ не безъ основанія Румянцова въ франкофобіи [7])

---

[1]) „Fresh offers of peace have just been made to the Porte by Russia, but as they are grounded on the cession of Walachia and Moldavia, they have been peremptorily (i think tvo peremptorily) rejectet. Russia has lowered her tone very much in the last ouverture. She no longer demands the dismission of the Englisch Embassy"... Письма Эдера изъ Перы 13 марта 1810 г (Negotiations, II, стр. 295).

[2]) Эдеръ, получивъ опровергнутое впослѣдствіи извѣстіе о перемѣнѣ курса нашей франкофильской политики въ Петербургѣ, надѣялся на сближеніе Россіи съ Англіей для заключенія мира съ Портой (Negotiations, II, стр. 8).

[3]) Письмо короля къ посланнику въ С. Петербургѣ 10 іюля 1810 г. (Iorga, Acte şi fragmenti, II, 450): „.... La pacification de l'Orient... remettrait la Russie dans une assiette plus respectable vis á vis de la France et lui permettrait de protéger plus efficacement contre celle ci l'indépendance des autres Etats du continent".

[4]) „Cette fermeté du grand Seigneur ainsi que les différentes questions et observations du Reis Effendi mettent hors de doute que la Porte se flatte de voir la Russie bientôt engagée dans d'autres guerres et se flatte surtout de pouvoir prolonger celle ci jusqu'à ce que des circonstances la mettent en état de reconquérir les provinces perdues". Письмо прусскаго посланника въ Константинополѣ Вертера отъ 25 октября 1810 г (тамъ же, стр. 454).

[5]) Отъ 22 сентября 1810 г. къ посланнику Шладенъ, тамъ же, стр. 452.

[6]) ...„La marche adoptée par la Russie dans cette occasion avait même pu faire croire aux Turcs que les deux Empereurs s'étaient refroidis l'un pour l'autre, et en leur donnant l'espoir d'une prochaine guerre entre les deux empires elle pouvait l'engager à continuer la sienne..., il aurait été bien plus convenable et plus naturel pour elle d'employer pour avoir cette paix son meilleur ami et allié..." Наполеонъ Чернышеву 23 окт. 1810 г. (Сб. И. Р. Ист. Общ., XXI, стр. 16).

[7]) „Le Comte Roumantsof m'a jugé bien plus petit que je ne l'étais..." На-

Въ теченіе 1810 года замѣтнѣе еще, чѣмъ въ предыдущіе годы, двойственность французской политики на Востокѣ. Переписываясь съ своимъ представителемъ въ Петербургѣ, Наполеонъ охотно подчеркиваетъ обѣщанія, данныя имъ въ Эрфуртѣ [1]), для разрѣшенія турецкаго вопроса и приказываетъ газетамъ [2]) повторять то, что онъ говорилъ въ Corps législatif о предоставленіи Россіи придунайскихъ княжествъ [3]) Въ своихъ же продолжительныхъ бесѣдахъ съ прикомандированнымъ къ нему флигель-адъютантомъ Чернышевымъ онъ симулируетъ нѣкоторое равнодушіе по поводу предстоящихъ яко бы расширеній Россіи на Балканскомъ полуостровѣ [4]), а въ то же время онъ всячески старается [5]) оживить на Босфорѣ престижъ Франціи, замѣтно пошатнувшійся послѣ Тильзита и Эрфурта, не покидая старой почвы дореволюціонной политики французскихъ королей, поддерживавшихъ Оттоманскую имперію противъ ея сосѣдей.

Къ которому изъ этихъ исходовъ лежала душа французскаго императора? И неужели онъ сознательно вводилъ въ обманъ одновременно и Россію и Турцію, а можетъ быть и Австрію?

Лично онъ можетъ быть сохранялъ еще смутныя мечты о раздѣлѣ Турціи съ участіемъ Франціи [6]), но время для осуществленія этихъ восточныхъ грезъ уже прошло, а съ другой стороны и, не смотря на свои слишкомъ смѣлыя увѣренія, расчитанныя на русскихъ дипломатовъ, онъ, конечно, уже не

полеонъ Чернышеву тамъ же: „Mr de Roumansof a tout à fait désappris ce pays ci (Францію); il se plait depuis quelque temps à nous insulter de toutes les manieres. La faute en est au duc de Vicence qui ne lui répond pas ad hoc“. Наполеонъ Шампаньи 23 іюля 1810 г. (Correspondance de Napoléon, XX, стр. 618).

[1]) „Sans l'alliance la Valachie et la Moldavie resteraient-elles à la Russie?“ Наполеонъ Коленкуру 1 іюля 1810 (Correspondance, XX, стр 184)

[2]) Наполеонъ Шампаньи 19 іюля 1810 г. (Correspondance de Napoléon, XX, стр. 587).

[3]) См. Донесеніе Коленкура 8 января 1810 г. (Relations diplomatiques, IV, стр. 246) о впечатлѣніи этой рѣчи въ Россіи.

[4]) „Mon eau ne va pas jusque là“, говорилъ онъ по поводу занятія Дуная, 21 окт. 1810 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., XXI, стр. 4)

[5]) Наполеонъ требовалъ удаленія изъ Константинополя семьи Мурузи, вредной для французскаго вліянія. „Dites a l'ambassadeur turc d'expédier un courrier à Constantinople pour écrire contre les Moruzzi et demander catégoriquement qu'ils soient chassés“. Наполеонъ Шампаньи 25 апр. 1810 г. (Correspondance, XX, стр. 360). Турецкій посолъ въ Парижѣ заподозрѣнъ былъ французской дипломатіей въ англофильствѣ и на самомъ дѣлѣ находился подъ вліяніемъ Димитраки Мурузи. Латуръ-Мобуръ 16 янв. 1810 г (Hurmuzaki, S. I, Vol II, стр 55 сл.).

[6]) Румянцовъ увѣрялъ Коленкура, что иниціаторомъ раздѣла Турціи былъ не русскій, а французскій императоръ: „la Russie ne voulait rien au delà du Danube ...si plus tard on avait répondu à nos ouvertures dans une autre hypothèse ce n'avait été que pour complaire á l'Empereur Napoléon, puisque rien ne pouvait être plus avantageux à la Russie que la conservation de l'empire ottoman dans son état actuel.“ (Разговоръ Румянцова съ Коленкуромъ 17 августа 1810 г. Relations diplomatiques, V, стр. 99).

могъ исключительно для спасенія Турціи выставить четырехсотысячную армію. Онъ могъ только слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за нашими военными дѣйствіями, въ своемъ кабинетѣ, гдѣ Меттерних[1]) заставалъ его наклоненнымъ надъ картою Турціи, испещренной флагами двухъ воюющихъ державъ, и совѣтоваться съ маститымъ стратегомъ Карно[2]) объ укрѣпленіи Балканскихъ проходовъ. Затянувшаяся русско-турецкая война несомнѣнно благопріятствовала выжидательному настроенію французскаго императора, такъ какъ она насъ ослабляла[3]) и вмѣстѣ съ тѣмъ откладывала необходимость территоріальныхъ жертвъ со стороны Турціи, но конечно, если бы русская армія измѣнила свою тактику[4]), сократила свой фронтъ и двинулась вглубь полуострова, Порта пошла бы на уступки, которымъ не могли бы помѣшать ни Наполеонъ, ни, конечно, тогдашняя Австрія

Для Россіи въ 1810 году все зависѣло такимъ образомъ не отъ дипломатическихъ переговоровъ и не отъ поддержки той или другой державы, а исключительно отъ военныхъ успѣховъ. Лѣвый берегъ Дуная, нами покоренный, могъ бы тогда стать нашей постоянной границей, если бы приближеніе нашего войска къ Константинополю принудило безпомощную Турцію къ миру, на условіяхъ, намѣченныхъ нашимъ кабинетомъ при переходѣ Днѣстра. Все зависѣло тогда отъ нашей арміи.

Александръ I, предписывавшій ей неоднократно наступательную тактику, могъ расчитывать[5]), что новоназначенный главнокомандующій графъ Каменскій не повторитъ ошибокъ своихъ предшественниковъ[6]), откажется отъ безсистемной осады турецкихъ крѣпостей, избавится отъ вѣчнаго опасенія обходнаго движенія со стороны непріятеля и выберетъ подходящее мѣсто, чтобы нанести Туркамъ чувствительный и быстрый ударъ, послѣ

---

[1]) Metternich, Nachgelassene Papiere, II, стр. 371.

[2]) См. донесеніе Несельроде Сперанскому 8 августа 1810 г. (Lettres et papiers de Nesselrode, III, стр. 282).

[3]) „La fin de la guerre entre la Russie et la Porte ne lui convient pas... et c'est dans ce sens qu'effectivement il souffle à la fois la discorde à St. Petersbourg et à Constantinople". (Metternich, II, стр. 375).

[4]) Объ ея устарѣлости см. Петровъ, Вліяніе турецкихъ войнъ на развитіе русскаго военнаго искусства, II, (1894) стр. 318.

[5]) Донесеніе Коленкура 18 марта 1810 г. (Relations diplomatiques, VI, стр. 329): „l'Empereur me parla ensuite de son armée du Danube. Il me dit qu'il espèrait que ce serait bientôt terminée...". Ср. также Beer, Die orientalische Politik Oesterreichs (1883), стр. 225.

[6]) „Les Russes à l'ouverture de cette campagne pouvaient exécuter de grandes choses; ils n'en exécutèrent que peu ou point du tout, grâce à leur naturelle lenteur", писалъ князь Суцо Латуръ-Мобуру 15 сент. 1810 г. (Hurmuzaki, S. I, vol. II, стр 569).

котораго направленіе нашихъ силъ на югъ полуострова было бы безопасно.

Блестящее прошлое молодого Каменскаго оправдывало эти надежды, хотя нѣкоторая нерѣшительность, свойственная его характеру, могла внушать опасенія [1]). Первыя операціи кампаніи 1810 г., открывшись, какъ и предыдущія, поздней весной изъ-за подножнаго корма обознаго скота, были весьма удачны. Силистрія была взята 30 мая, и главныя наши силы могли перейти на югъ къ Шумлѣ, къ громадному укрѣпленному лагерю, гдѣ визирь Юсуфъ-паша располагалъ значительной арміей и могъ задержать такимъ образомъ русское войско въ его наступательномъ движеніи къ Балканамъ. Осада Шумлы началась 11-го іюня, и исходъ кампаніи рѣшился бы окончательно въ нашу пользу, если бы намъ удалось незамедлительно завладѣть этимъ стратегическимъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточилась турецкая главная квартира. При визирѣ состоялъ, какъ обыкновенно въ военное время, великій драгоманъ для мирныхъ переговоровъ, возможныхъ въ любой моментъ: послѣ прерванныхъ сношеній между двумя лагерями въ первые мѣсяцы 1810 г., Димитраки Мурузи находился въ вынужденномъ бездѣйствіи, но, какъ видно изъ разговоровъ его съ приближенными, правильно оцѣнивалъ людей и время, предсказывалъ близкое паденіе визиря и даже опалу главныхъ тогдашнихъ сановниковъ Порты; но одного только онъ не предугадалъ—собственную свою смерть въ этой же Шумлѣ [2]).

Большой объемъ турецкаго лагеря не только затруднялъ наши активныя дѣйствія, но служилъ серьезнымъ препятствіемъ къ полному обложенію: 1-го іюля русская армія пропустила, по неосвѣдомленности, значительный транспортъ припасовъ и оружія въ Шумлу; эта неудача такъ подѣйствовала на Каменскаго, что онъ, не надѣясь уже принудить Юсуфа къ сдачѣ, оставилъ передъ Шумлой лишь небольшой отрядъ и, отступивъ [3]) на сѣверъ, направился къ все еще не взятому Рушуку. Приступъ, назначенный на 22 іюля въ день тезоименитства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, окончился для насъ чувствительной неудачей. Послѣдняя однако значительно смягчилась тѣмъ, что

---

[1]) Очевидецъ турецкихъ войнъ писалъ про Каменскаго: „N'etant pas à temps opportun hardi a entreprendre, ne sachant point céder à l'occasion dans les négociations, mais surtout manquant de persévérance à vaincre des difficultés...“ (Baron de Valentini, Traité de la guerre contre les Turcs, 1830, стр. 92).

[2]) Объ этомъ у Zallony, Traité sur les princes de Valachie et de Moldavie connus sous le nom de Phanariotes, стр. 102

[3]) О впечатлѣніи, которое произвело это отступленіе въ Европѣ см. Lefevre, Histoire des cabinets de l'Europe. V, (1869), стр. 31.

на другой день турецкая армія, вышедшая изъ Шумлы, чтобы угрожать нашему тылу, была отбита, и наконецъ, послѣ блестящаго боя подъ Батиномъ и послѣ сдачи Систова, Рущукъ былъ нами взятъ; черезъ мѣсяцъ пала еще одна турецкая крѣпость, Никополь, и такимъ образомъ кромѣ Виддина, гдѣ небольшой турецкій гарнизонъ, отрѣзанный отъ остальной арміи, намъ серьезно угрожать не могъ, Русскіе къ концу 1810 года овладѣли всѣмъ правымъ берегомъ Дуная, между тѣмъ какъ лихой набѣгъ графа Воронцова, занявшаго въ серединѣ октября Ловчу и Плевну, далъ намъ доступъ къ малымъ Балканамъ.

Никогда, со дня открытія кампаніи въ 1806 году, по отзыву военныхъ писателей [1]), положеніе нашей арміи не было столь прочно, какъ къ концу 1810 года; но поздняя осень въ разоренной Турками Болгаріи казалась нашимъ военачальникамъ столь же опасной въ продовольственномъ отношеніи, какъ и ранняя весна, а потому Каменскій, съ наступленіемъ зимы, оставилъ на завоеванной территоріи лишь три дивизіи, остальныя же вернулись въ Валахію.

Этимъ самымъ значительно умалялось впечатлѣніе достигнутыхъ успѣховъ, и надежда на рѣшительныя побѣды въ будущемъ была еще болѣе поколеблена, когда Каменскій въ январѣ 1811 г. получилъ приказъ [2]) вернуть на сѣверъ за Днѣстръ, для предстоящей войны съ западнымъ врагомъ, четыре дивизіи изъ молдавской арміи, удержавъ на Дунаѣ лишь остальныя пять. Съ такими уменьшенными силами всякое наступленіе весной 1811 г. становилось невозможнымъ, и Каменскій въ отвѣтѣ Императору вполнѣ справедливо указывалъ, что тѣмъ самымъ условія будущаго мира значительно ухудшались: „...Какую надежду можемъ питать согласить Турокъ на уступки, когда увидятъ они, что мы принуждены вести войну оборонительную“ [3]). Самъ онъ вскорѣ послѣ этого умеръ, и исчезновеніе тридцатитрехлѣтняго полководца наканунѣ Отечественной войны даетъ до сихъ поръ основаніе нашимъ историкамъ остановиться на вопросѣ о той роли, какую сыгралъ бы Каменскій въ 1812 году, если бъ онъ командовалъ нашей арміей подъ Бородиномъ.

---

[1]) Мальцевъ и Сухотинъ, ч. IV, Обзоръ войнъ Россіи (1898), стр. 290.

[2]) Письмо Александра отъ 15 января, нап. у Попова, Сношенія Россіи съ европейскими державами, въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1875, т. CLXXXII, стр. 188.

[3]) Донесеніе Каменскаго, 22 января, тамъ же.

Но тогда его походъ въ Турціи и безплодный результатъ боевыхъ дѣйствій кампаніи 1810 г раздражали наше общественное мнѣніе [1]), особенно въ Москвѣ [2]). Извѣстія съ театра войны [3]), даже въ офиціальномъ освѣщеніи [4]), не удовлетворяли русскую публику, которая смутно начинала понимать, не взирая на увѣреніе правительства о непоколебимости нашихъ требованій [5]), что первоначальная мысль о присоединеніи обоихъ княжествъ становилась уже неосуществимой Надвигающіяся тучи съ запада должны были отвлекать наши главныя силы отъ энергичной борьбы съ Турціей, и дальновидные наблюдатели уже тогда предугадывали, что нашему самолюбію суждено было удовлетвориться меньшею территоріей, и на счетъ одной только Молдавіи, уже однажды расчлененной въ 1775 г., когда сѣверная ея часть, Буковина, отошла къ Австріи [6])

Послѣдняя держава не переставала мечтать о расширеніяхъ вдоль Дуная и въ XIX вѣкѣ Она несомнѣнно страдала отъ русской оккупаціи въ томъ смыслѣ, что многочисленные ея подданные въ обоихъ княжествахъ должны были лишиться, послѣ ихъ формальнаго присоединенія къ Россіи, тѣхъ льготъ [7]), которыя имъ предоставлялись до того времени на общемъ основаніи какъ иностранцамъ, проживающимъ въ предѣлахъ Оттоманской

---

[1]) „Le public se déchaine extrêmement contre M. de Kamensky", писалъ Коленкуръ 19 сент. 1810 г (Relations diplomatiques, V, стр. 131)

[2]) „L'Empereur Alexandre est trop bon, dit on, il s'est brouillé avec l'Angleterre pour complaire a la France, croyant avoir la Valachie et maintenant qu'il est enfermé dans cette guerre qui ruine la Russie, disent les seigneurs, il nous met sans le sol, puisque nous ne pouvons vendre nos productions; la France ne veut plus lui donner ces provinces, à moins qu'il ne lui laisse prendre la Prusse, ce qui deshonore la nation". Les on-dit de Caulaincourt... (Relations diplomatiques, VI, стр. 16).

[3]) „Il paraît, que les Russes ont éprouvé un echec devant Roustchouk. La nouvelle s'en est répandue le jour du Te Deum pour l'affaire de Choumla. Comme le gouvernement n'a rien publié cela ne s'est su que par des lettres particulieres et il a couru a ce sujet une infinité de versions... Le gouvernement garde un profond silence sur toutes ces opérations.. " Коленкуръ 28 августа 1810 г. (Relations diplomatiques, V, стр. 511).

[4]) „J'ai peur que la saison des Te Deum et des cordons ne soit passée", писалъ де Местръ Чичагову 27 іюля 1810 г. (Oeuvres de J. de Maistre, XI, стр. 465).

[5]) Румянцовъ писалъ Каменскому 8 августа 1810 г. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, CLXXXII, стр. 180) „Императоръ принялъ уже нѣкоторымъ образомъ обязательство передъ своими подданными въ глазахъ цѣлой Европы присоединить къ Россіи Молдавію и Валахію, а потому не можетъ отклонить сего условія".

[6]) „Fera-t-on ou ne fera-t-on pas la paix? C'est la question générale Elle ne sera pas facile a faire . Les Turcs sont extrêmement animés. Ils sont battus, mais point du tout vaincus. On n'enjambe pas trop le Balkan... qu'a-t-on fait? Où mèneront ces citadelles conquises sur le Danube? Je suis tenté de croire que tout finira par un morcellément de la Moldavie pour satisfaire l'honneur ou ruiner une province". Де Местръ графу Росси въ октябрѣ 1810 г (Oeuvres, XI, стр. 497).

[7]) См. объ этомъ аудіенцію Куракина у Наполеона. Поповъ, Сношенія Россіи съ европейскими державами (Журн. Мин. Нар. Просв., 1875, CLXXII, стр. 181).

имперіи [1]). Не удивительно, что предстоящая отмѣна этихъ привилегій вызывала тренія между нашими властями въ Валахіи и австрійскими консулами, а также и австрійскими пограничными чинами [2]).

Но кромѣ того Австрія не могла, конечно, примириться съ значительнымъ расширеніемъ нашихъ владѣній на счетъ Турціи въ 1810 году. Сближаясь постепенно съ Наполеономъ послѣ бракосочетанія его съ Маріей Луизой, австрійскій кабинетъ мечталъ о поддержкѣ со стороны Франціи для противодѣйствія нашимъ замысламъ на Востокѣ. Австрійскій представитель въ Константинополѣ всячески поддерживалъ воинственное настроеніе у Турокъ, чтобы оттянуть покрайней мѣрѣ неблагопріятный для вѣнской дипломатіи исходъ нашей войны съ Турціей [3]). А тѣмъ временемъ Румянцовъ, не бывъ никогда сторонникомъ русско-французскаго союза, искалъ для нашей политики опоры именно въ традиціонной дружбѣ нашего кабинета съ Австріей [4]) и не вѣрилъ, чтобы послѣдняя могла сойтись съ Франціей противъ насъ [5]). Подкрѣпленіемъ къ этому одностороннему взгляду въ состояніи были служить донесенія, получавшіяся тогда въ Петербургѣ изъ Парижа, но не отъ князя Куракина, нашего посла, а помимо него, отъ совѣтника посольства Нессельроде [6]) и на имя всесильнаго тогда Сперанскаго [7]). Переписка носила секретный характеръ, изъ опасенія вскрытія почты по дорогѣ, и упоминаемыя тамъ лица, какъ, напр., Таллейранъ, скрывались подъ

---

[1]) „La cour de Russie vient d'annoncer par écrit au comte de saint Julien (австрійскому послу) que la Moldavie et la Valachie sont incorporées à l'Empire", писалъ Шладенъ изъ Петербурга королю прусскому 11 мая 1810 г. (у Jorga, Acte si fragmente, II, стр. 446).

[2]) Ср. письмо Эдера Велезлею 15 іюня 1810 г (Negotiations, II, стр. 93).

[3]) Вертеръ въ роли наблюдателя писалъ изъ Константинополя 18 октября 1810 г. (Iorga, тамъ же, II, стр 453). „Je trouve tous les jours plus de raisons de croire que la mission d'Autriche fait l'impossible pour affermir la Porte dans ses dispositions guerrières et je crois que cette puissance finira par traverser entièrement les projets de l'Empereur Alexandre sur la rive gauche du Danube".

[4]) Румянцовъ писалъ Каменскому 8 августа 1810 г.: „Австрія, не взирая на женитьбу Наполеона на эрцгерцогинѣ Маріи Луизѣ, тайно изъявила желаніе пребывать съ Императоромъ Александромъ въ прежнихъ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1875, т CLXXXII, ноябрь, стр. 180).

[5]) „Je ne suis pas étonné, Monsieur le Duc, de tous les bruits, que l'on cherche à répandre sur la malveillance ou prétendue mauvaise disposition de la cour de Vienne á notre égard. . Cependant nous n'avons qu'à nous louer de la conduite de ce cabinet ..". Румянцовъ герцогу Ришелье, 11 апрѣля 1810 г. (Сборн. Имп. Р. Ист Общества, т. 54, стр 302).

[6]) Про Меттерниха Нессельроде писалъ 8 августа 1810 г. (Lettres et papiers de Nesselrode, III, стр. 282). „Son langage à notre egard a été constamment rassurant... Il ne paraît donc guère probable qu'avec de semblables dispositions il ait conclu ici (въ Парижѣ) des traités contraires aux intérêts la Russie"...

[7]) Характерно въ этомъ отношеніи письмо Кочубея къ герцогу Ришелье 20 февраля 1810 г (Сборн. И. Р. Ист. Общ., 54, стр. 298).

псевдонимами. Вліяніе этого бывшаго руководителя иностранной французской политики, сохранившаго нѣкоторыя связи съ Сперанскимъ послѣ Эрфурта [1]), отражается въ названной перепискѣ, гдѣ Нессельроде старается провести иную политику, чѣмъ та, которой открыто придерживалось наше посольство.

Нашъ будущій канцлеръ настаивалъ на необходимости тѣснаго единенія съ Австріей, доказывая всю вздорность извѣстій о состоявшемся яко бы соглашеніи между Франціей и Австріей для присоединенія къ послѣдней побережья нижняго Дуная. Нессельроде подъ явнымъ вліяніемъ своихъ собесѣдниковъ, Таллейрана и Меттерниха, которымъ суждено было впослѣдствіи показать свое руссофобство на Вѣнскомъ конгрессѣ, увѣрялъ русское министерство, что Австрія готова и впредь быть на сторонѣ Россіи, а въ видахъ болѣе тѣснаго между ними сближенія противъ общаго врага, т.-е. Франціи, Нессельроде даже совѣтовалъ не настаивать передъ Турціей на невозможныхъ условіяхъ и прекратить поскорѣе вредную для русскаго могущества войну [2]).

Такимъ образомъ австрійское вліяніе на Босфорѣ поддерживало Турокъ въ воинственномъ духѣ, тогда какъ въ Парижѣ это австрійское вліяніе должно было умѣрить наши притязанія и сдѣлать насъ болѣе уступчивыми. Противодѣйствіе Австріи нашимъ планамъ на Востокѣ тутъ ясно проявляется, и оно еще не прекратилось понынѣ.

Но нашъ кабинетъ этой двойственности тогда не улавливалъ: въ надеждѣ, что соглашеніе съ Австріей будетъ достигнуто и относительно Балканскаго полуострова, Румянцовъ поручилъ нашему послу въ Вѣнѣ Шувалову выработать, вмѣстѣ съ вѣнскимъ кабинетомъ, условія болѣе тѣснаго объединенія, направленнаго разумѣется противъ Франціи. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ этого соглашенія должно было быть для русскаго

---

[1]) Ср. письмо де Местра къ королю Виктору Эммануилу (Oeuvres complètes de Joseph de Maistre, XII, стр. 39).

[2]) Въ началѣ года Нессельроде писалъ уже: „...A moins de très grands succès militaires nous ne pouvons guère nous flatter d'obtenir la cession des principautés“ (13 марта 1810 г., Lettres et papiers de Nesselrode, III, стр. 292). Къ концу года онъ еще съ большей настойчивостью писалъ (5 сентября) „...Le peu d'espoir d'une prompte pacification avec la Turquie me peine sensiblement. Pour y arriver plus tôt ne serait ce peut-être pas le cas de nous relâcher un peu des prétentions qui y mettent obstacle?“ (Тамъ же, стр. 289)... Въ такомъ же родѣ вліялъ Таллейранъ, взгляды котораго передавались въ Петербургъ. „Henry (Talleyrand), писалъ Нессельроде, partage tout à fait cette opinion et me charge de vous en faire part. Il ne voit de danger que dans les affaires de Turquie et désire qu'elles se terminent complètement...“ (Тамъ же, стр. 282, письмо 8 августа).

кабинета признаніе со стороны Австріи окончательнаго присоединенія Молдавіи съ Бессарабіей и Валахіи [1]). Шуваловъ, обладавшій повидимому той дозой наивности, которая хронически повторяется въ нашей восточной политикѣ, твердо расчитывалъ на поддержку новаго руководителя австрійской политики, графа Меттерниха, вернувшагося къ концу октября изъ Парижа въ Вѣну. На предложеніе согласиться съ этимъ присоединеніемъ княжествъ, за которыя Шуваловъ охотно обѣщалъ Габсбургскому двору нѣкоторое возмѣщеніе, въ видѣ Малой Валахіи, лежащей между Желѣзными воротами и рѣкой Ольтой, а также въ видѣ нѣкоторыхъ привилегій для австрійскихъ подданныхъ въ княжествахъ [2]), Меттернихъ прямо не отвѣтилъ, но привелъ отрывокъ изъ недавнихъ своихъ разговоровъ съ Наполеономъ, въ которыхъ французскій императоръ объяснялъ свое согласіе на присоединеніе къ Россіи княжествъ желаніемъ посѣять раздоръ между нашимъ дворомъ и вѣнскимъ. Шуваловъ [3]) былъ очевидно смущенъ отрицательнымъ отношеніемъ Меттерниха, скрывавшимся подъ этимъ отвѣтомъ, но согласно полученнымъ отъ Румянцова инструкціямъ онъ настаивалъ на своемъ первоначальномъ предложеніи, которое не было однако принято Меттернихомъ. Послѣдній, какъ это видно изъ его доклада императору Францу, считалъ, что эта попытка Россіи тѣснѣе сблизиться съ Австріей не только имѣла цѣлью укрѣпить за нами владѣніе занятой территоріи, но еще болѣе объяснялась стремленіемъ заручиться союзницей на случай приближающейся войны съ Франціей [4]).

Нужно признать, что эти годы, вплоть до пораженій Наполеона въ 1813 году, чуть ли не самые трудные въ жизни габсбургской династіи: послѣ Ваграма союзъ съ Франціей навязывался ей Наполеономъ, но порвать съ Россіей окончательно становилось тоже опасно. Опытный глазъ Меттерниха сумѣлъ разглядѣть въ будущемъ неминуемость столкновенія Россіи съ

---

[1]) „La Russie ne pouvait renoncer à ces trois provinces et ne céderait pas un ponce de leur territoire (Депеша гр. Шувалова отъ 5 октября 1810 г., нап. у Мартенса, Собраніе трактатовъ, III, стр. 73).

[2]) Aus Metternich's nachgellassenen Papieren, II, стр. 403. Эта мысль принадлежала можетъ быть Каменскому. См. Богдановичъ, Императоръ Александръ I, т. II, стр. 495.

[3]) Депеша Шувалова отъ 21 окт. 1810 г. (Мартенсъ, тамъ же),

[4]) „In einem Kampfe vervickelt, welcher in dem directen Widerspruche mit E. M. Staatsinteressen steht, will Russland dennoch nicht seine Eroberungsabsichten auf die Pforte aufgeben, aber Oesterreich soll dieser Macht zur Vormauer dienen, hinter welcher sie ihre Eroberungsabsichten um so ungestörter... durchzusetzen in der Lage wäre". Докладъ Меттерниха 31 окт. 1810 г. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren, II, стр. 405.

Франціей, исходъ котораго однако казался тогда неизвѣстнымъ: въ случаѣ враждебнаго отношенія Австріи къ Наполеону побѣда послѣдняго надъ нами означала бы ея гибель; но въ союзѣ съ Франціей Австрія рисковала бы приблизительно тѣмъ же, въ случаѣ рѣшительныхъ побѣдъ съ нашей стороны Осторожность и хладнокровіе Меттерниха въ теченіе этого періода XIX вѣка обезпечили ему благодарную память среди всѣхъ тѣхъ, которые дорожатъ нынѣ существованіемъ Габсбургской монархіи въ Европѣ, хотя и осуждаютъ ошибки его внутренней, почти сорокалѣтней, политики

Но вопросъ о придунайскихъ княжествахъ, конечно, не могъ не соблазнять австрійскую дипломатію, и Наполеонъ, зная ея вожделѣнія на Балканскомъ полуостровѣ, умѣлъ играть на этой стрункѣ Чернышева онъ увѣрялъ, что ему будетъ пріятно считать русскую оккупацію окончательной именно для того, что бы быть свидѣтелемъ разочарованія австрійцевъ [1]), но Меттерниху онъ говорилъ нѣсколько иное: прежде всего онъ обѣщалъ ему никогда не позволить Россіи сохранить хотя бы пядь земли на правомъ берегу Дуная [2]), т.-е. въ Сербіи, и предлагалъ ему даже занять Бѣлградъ австрійскими войсками безъ объявленія войны [3]). Но и по отношенію къ Молдавіи и Валахіи онъ выражался довольно характерно; подчеркивая обѣщанія, данныя намъ въ Эрфуртѣ, онъ считалъ эти двѣ области отошедшими окончательно въ наши руки, но при этомъ добавлялъ, что испытываемое по этому поводу неудовольствіе со стороны Франціи и Австріи должно связать ихъ еще ближе [4]), и раскладывая карту Турецкой имперіи передъ Меттернихомъ, онъ убѣждалъ его, безъ особыхъ усилій, въ томъ, что княжества по цѣлому ряду основаній предназначены были отойти не къ Россіи, а и къ Австріи, и что превращеніе ихъ въ русскія губерніи должно было нанести непоправимый ущербъ имперіи Габсбурговъ [5]).

---

[1]) „Je vous avouerais de plus que si pour lors j'ai consenti à cette réunion, c'est aussi par haine contre l'Autriche". Донесеніе Чернышева Александру 23 окт. 1810 г. (Сборн. И. Р. Ист. Общ., XXI, стр. 15).

[2]) Наполеонъ говорилъ Меттерниху: (Papiere, II, стр. 383) „ ...J'ai fait déclarer á S. Petersbourg et j'ai répété au prince Kourakin que je ne souffrirai jamais l'acquisition d'un pouce de terrain sur la rive droite du Danube et je borne ma condescendance au talweg du Danube".

[3]) „Il faudrait tâcher de vous emparer de cette place par surprise ou de vous la faire remettre par les Serbes eux mêmes. Commencez par la prendre en dépôt". Тамъ же, I, стр. 111.

[4]) „C'est cet agrandissement de la Russie qui formera un jour la base de la reunion de la France et de l'Autriche". Наполеонъ Меттерниху. Докладъ послѣдняго отъ 9 іюля 1810 г. Тамъ же, II, стр. 318

[5]) . L'Empereur après avoir passé plus d'un quart d'heure à inspecter sa carte se leva et me prenant par le bras me dit avec un accent altéré et par phrases coupées:

Такимъ образомъ Меттерниху безмолвно обѣщалось расширеніе на счетъ Турціи, а что онъ это довольно ясно понималъ, вытекаетъ изъ его докладовъ императору Францу[1]). Наполеонъ же, симулируя только передъ нами полную готовность отречься отъ своей старой союзницы, одновременно поддерживалъ на берегахъ Босфора враждебное къ намъ настроеніе султана, надѣясь, что при той или другой комбинаціи, при успѣхѣ Турокъ или австрійцевъ, обѣщаніе, данное имъ Александру въ Эрфуртѣ, могло свестись на нѣтъ.

А между тѣмъ борьба французской дипломатіи съ англійскимъ вліяніемъ и съ партіей Мурузи[2]) поглощала всѣ силы новаго представителя на Босфорѣ, Латуръ-Мобура[3]), но ему уже не удавалось, какъ одно время генералу Себастьяни, играть среди остальныхъ посланниковъ первенствующую роль. Помогалъ ему однако, вернувшись[4]) изъ Парижа въ Бухарестъ, извѣстный уже читателю консулъ Леду, который съ прежней цѣпкостью старался разузнавать и использовать всѣ вредныя и неблагопріятныя для насъ условія въ княжествахъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ положеніе наше въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи постепенно ухудшалось.

Трудно вѣрится теперь, что двѣ житницы Европы, Молдавія и Валахія, которыя въ настоящее время вывозятъ лишь въ пять разъ меньше зерна, чѣмъ Россія въ средніе годы, не могли тогда прокормить русскую пятидесятитысячную армію, и что пришлось поручить генералу Эртелю подвозъ хлѣба изъ нашихъ губерній. Правда, что мѣстныя власти въ княжествахъ пользовались заявленными потребностями русскихъ войскъ, чтобы вводить поборы, превышающіе въ нѣсколько разъ

„Voilà la paix... les Turcs sont forcés de la faire. . maintenant vous devez songer à vous refaire vos pertes... le moment est arrivé ...la perte du Danube est odieuse pour vous.“ (Тамъ же).

[1]) „In Constantinopel zur Abtretung der beiden Fürstentümern zu rathen... finde ich unserem Interesse um so weniger angemessen, als wir in dem Versprechen dieses Monarchen beitimmte Ursache haben an den ferneren Fortschritten der russischen Eroberungen zu zweifeln“. Докладъ Меттерниха 28 іюля 1810 г. (Тамъ же, стр. 388).

[2]) См. Донесенія Латуръ-Мобура отъ 9 февр., 17 марта, 9 окт. 1810 г. у Hurmuzaki, Suppl. I, Vol. II, стр. 558, 559, 573.

[3]) Однако къ концу года (5 сент.) Нессельроде писалъ Сперанскому: „Des lettres arrivées aujourdhui de Constantinople annoncent que l'influence française y a fait beaucoup de progrés. Elle ne peut avoir atteint ce but qu'en excitant la Porte contre nous et en la raffermissant dans son intention de ne pas nous céder les Principautés“. Lettres et papiers de Nesselrode, III, стр. 290.

[4]) Возвращеніе Леду на свой постъ произвело въ Петербургѣ впечатлѣніе враждебной со стороны Франціи мѣры. „On ne voit pas d'un bon oeil le retour de Mr. Ledoulx“, писалъ Коленкуръ 10 іюля 1810 г. (Цит. у Vandal, Napoléon et Alexandre, II, стр. 552.).

нужное количество хлѣба и скота [1]), и содѣйствовали въ свою очередь обѣдненію населенія, страданія котораго становились невыносимыми Объ нихъ свидѣтельствуютъ безпристрастные и даже къ намъ расположенные очевидцы, какъ прусскіе консульскіе агенты, предсказывавшіе, что первая неудача Русскихъ за Дунаемъ могла быть поводомъ къ возстанію разоренныхъ крестьянъ въ Валахіи [2]).

---

[1]) „... Когда Молдавскому или Валахскому дивану предписывалось сдѣлать нарядъ подводъ для потребности арміи, диванъ раздѣлялъ назначенное количество по цынутамъ (уѣздамъ); въ цынутахъ же капитанъ исправникъ, по старому ихъ обычаю, наряжалъ вчетверо и впятеро противъ назначеннаго количества и потомъ отпускалъ за деньги излишнее число". Донесеніе Каменскаго 5 апрѣля 1810 г. у Петрова. Война Россіи и Турціи, III, стр. 19.

[2]) См. донесеніе 22 мая 1810 г. у Jorga, тамъ же, II, стр. 446.

ГЛАВА II.

Конгрессъ 1811 г. въ Журжевѣ.

Назначенному послѣ смерти Каменскаго Кутузову суждено было сыграть рѣшающую роль въ русско-турецкой войнѣ. Хотя въ длинной вереницѣ нашихъ главнокомандующихъ на Дунаѣ онъ является предпослѣднимъ, но преемникъ его, адмиралъ Чичаговъ, прибылъ въ дѣйствующую армію уже послѣ заключенія мира и потому не принималъ участія ни въ боевыхъ дѣйствіяхъ, ни въ составленіи Бухарестскаго трактата.

Назначеніе Кутузова казалось всѣмъ весьма удачнымъ и его славное военное прошлое должно было придать ему достаточный авторитетъ, чтобы положить конецъ постояннымъ распрямъ среди начальниковъ отдѣльныхъ частей въ нашихъ войскахъ[1]). Однако эта надежда не оправдалась послѣ пріѣзда Кутузова въ Валахію, такъ какъ окружившая его тамъ обстановка скорѣе могла подорвать его престижъ въ глазахъ русскихъ и мѣстныхъ жителей. Если переписка Кутузова[2]) съ женой и дѣтьми оставляетъ у читателя нѣкоторыя иллюзіи о патріархальности строя его семейной жизни, то, къ сожалѣнію, описанія, дошедшія къ намъ отъ его современниковъ[3]) и сослуживцевъ[4]), рисуютъ нѣсколько иную картину. Они свидѣтельствуютъ о той поспѣшности, съ которой семидесятилѣтній старецъ искалъ удовольствія въ Бухарестѣ, гдѣ онъ открыто сошелся съ замужней племянницей боярина Варлама и, не стѣсняясь никакимъ эти-

---

[1]) См. объ этомъ свѣдѣнія, сообщенныя барономъ Меріажемъ французскому министерству (Hurmuzaki, Suppl I, vol. II, стр. 589).

[2]) Ср. статью Г. П. Георгіевскаго, Кутузовъ въ перепискѣ съ родными. Журн. Мин. Нар. Пр. 1912, январь

[3]) Ср. Joseph deMaistre, Oeuvres XII, стр. 136.

[4]) Journal de Langeron, стр. 327.

кетомъ, открыто проводилъ время въ обществѣ дѣльцовъ и шулеровъ, окружавшихъ его 14-лѣтнюю любовницу [1]). Неудивительно, что такой образъ жизни не могъ иногда не отразиться и на умственной энергіи Кутузова, какъ это передаетъ близко къ нему стоявшій и любимый имъ Ланжеронъ [2]).

А на вмѣшательство Кутузова въ управленіе княжествами возлагало свое упованіе ихъ христіанское населеніе. Молдо-влахійскій митрополитъ Игнатій, привѣтствуя новаго главнокомандующаго въ Бухарестскомъ соборѣ [3]), выражалъ увѣренность, что прежнія страданія придунайскаго населенія, о которыхъ жива еще память понынѣ въ румынскомъ народѣ [4]), уже не возобновятся подъ его эгидой. Однако образъ правленія въ двухъ княжествахъ остался безъ перемѣнъ: отсутствіе князей, которые въ прежнія наши войны съ Турціею доставляли легко продовольствіе нашимъ войскамъ, вызвало теперь учрежденіе особой должности русскаго сенатора, предсѣдательствующаго въ двухъ диванахъ, молдавскомъ и валашскомъ, съ замѣстителемъ для него въ Яссахъ. Къ этой же организаціи были пріурочены въ большомъ количествѣ ревизоры, секретари и переводчики, которые одинаково дорого обходились Россіи и княжествамъ [5]).

Притѣсненія туземцевъ продолжались и при Кутузовѣ: скотоводство, нѣкогда цвѣтущее въ княжествахъ, исчезло; многіе запуганные крупные землевладѣльцы бросали свои усадьбы и уѣзжали въ Австрію; оставшіеся въ странѣ страдали отъ военнаго произвола и нерѣдко тоже отъ насмѣшекъ нашего офицерства [6]); а проѣзжавшіе по берегамъ Дуная путешественники находили одинаковыя опустошенія какъ на театрѣ войны въ Болгаріи [7]), такъ и на мѣстахъ, гдѣ зимовали наши войска въ Вала-

---

[1]) Langeron, тамъ же, стр. 382. „....Il fit de sa maison un véritable mauvais lieu... Il était entouré d'escrocs... C'est au milieu de cette société immonde qu'il passait sa vie..“

[2]) „Il (Kutusof) avait en moi une confiance absolue et j'étais alors dans l'armée le seul qui l'ait obtenue, il m'était attaché, et moi-même, quoique ses défauts et ses vices me choquassent souvent au point de me mettre en fureur, je ne pouvais quelquefois résister à son amabilité, à sa séduction.“ Langeron, стр. 365.

[3]) 6 апрѣля 1811 г. См. Поповъ, Журн. Мин. Нар. Пр. 1875, ч. CLXXII, стр. 199, прим. 3.

[4]) Ср. напр. Urechia, Les Bucegi.

[5]) См. Изъ записокъ адмирала Чичагова, Русскій Архивъ 1870, стр. 1534.

[6]) „...Les Russes ne sont point aimés en Moldavie; les boyards ou seigneurs se voient avec peine dépouillés par eux de leur considération et de leur autorité; leurs moeurs, leurs usages, leur costume, auxquels ils sont attachés, étant l'objet de la risée des officiers russes...“ Донесеніе барона Мерiажа, тамъ же.

[7]) „Le grand vizir a bien accuelli ceux qui se sont enfuis des provinces à droite du Danube, occupées par les Russes... Les Russes ont dévasté avec une rare barbarie les pays qu'ils ont occupés militairement de l'autre côté du fleuve. Ils n'ont

хіи. До сихъ поръ у румынскихъ историковъ сохранился непровѣренный еще разсказъ объ отвѣтѣ Кутузова депутаціи валашскихъ бояръ, принесшихъ жалобу на стѣсненія, причиненныя русской арміей, и выразившихъ опасеніе, что у нихъ скоро ничего не останется: „Останутся у васъ глаза, чтобы проливать слезы“,—отвѣтилъ главнокомандующій[1]).

Но и на ходъ военныхъ дѣйствій назначеніе новаго главнокомандующаго не могло существенно повліять уже потому, что постепенное сокращеніе численности нашей молдавской арміи[2]), вслѣдствіе отозванія нужныхъ на сѣверо-западной границѣ дивизій, не позволяло Кутузову, послѣ неудачныхъ попытокъ Каменскаго, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ[3]). Вторженіе вглубь Балканскаго полуострова предусматривалось въ инструкціяхъ, полученныхъ Кутузовымъ, но оно ему не навязывалось, да и, кромѣ того, послѣдующія событія 1812 г. доказали, что оборонительная тактика[4]) была болѣе свойственна характеру[5]) нашего маститаго полководца.

Но значеніе Кутузова, въ исторіи разсматриваемой русско-турецкой войны, лежитъ на самомъ дѣлѣ въ его правильномъ пониманіи политическаго положенія и въ осторожной оцѣнкѣ наличныхъ шансовъ для заключенія сноснаго мира. Его участіе въ Екатерининскихъ войнахъ на Дунаѣ приблизило его къ пониманію несложной души турецкихъ пашей, среди которыхъ онъ насчитывалъ еще въ 1811 г. немало друзей и почитателей. Онъ зналъ, кромѣ того, что Порта при заключеніи мира никогда не согласилась бы на уплату дани, въ которой подданные па-

---

pas laissé une seule cabane debout; tout a été incendié.“ Донесеніе франц. конс. агента отъ 1 окт. 1811 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 630).

[1]) У Xenopol. Epoca Fanariotilor (Яссы 1892), стр. 405.

[2]) За этимъ очень внимательно слѣдилъ Коленкуръ въ Петербургѣ, хотя онъ съ трудомъ получалъ вѣрныя свѣдѣнія. См. его письмо министру Шампаньи (Nicolas Mikhailowitch V, стр. 387 и 389).

[3]) „Сожалѣю очень, что не могу представить повѣствованія о блистательныхъ моихъ дѣйствіяхъ и быстрыхъ побѣдахъ, но доношу только о весьма умѣренныхъ, единственно оборонительной войнѣ свойственныхъ, предположеніяхъ.“ Кутузовъ Александру 20 мая 1811 г., у Попова, Журн. Мин. Нар. Просв. CLXXXII, стр. 191 (1875)

[4]) Александръ послѣ Бородина писалъ Бернадоту 19 сент. 1812 г.: „Après avoir constamment repoussé les attaques vigoureuses de l'Empereur Napoléon pendant les journées du 24, 25, 26, Koutousof n'a pas eu assez d'audace pour l'attaquer à son tour et a commis une faute semblable à celles qui ont terni pour nous la journée d'Eylau... Cette faute impardonnable entraîne la perte de Moscou.“ (Miscellanea Napoleonica III—IV (1898), стр. 691—692).

[5]) Типиченъ между прочимъ отвѣтъ Кутузова, приведенный въ письмѣ Аншетета къ Несельроде 15 октября 1812 г. (Archives de Nesselrode IV, стр. 109): „...Je parlai de la gloire qui attendait son Altesse. Elle me répondit qu'elle n'avait point d'autre voeu que celui de voir l'ennemi évacuer la Russie.“

дишаха усмотрѣли бы приниженіе его власти[1]). Но и по отношенію къ территоріальнымъ расширеніямъ Кутузовъ понималъ, что неудовлетворительный результатъ предыдущихъ кампаній не позволялъ намъ очень долго настаивать на полномъ удовлетвореніи выставленныхъ нами требованій. Этой передачѣ Россіи двухъ княжествъ мѣшало вліяніе фанаріотской политики, которую Кутузовъ представлялъ себѣ совершенно ясно: греческія княжескія семьи, имѣя черезъ драгомановъ несомнѣнное воздѣйствіе на отношенія Порты къ иностраннымъ державамъ, не могли не возставать противъ мира, призваннаго изъять навсегда изъ турецкихъ рукъ сюзеренитетъ надъ двумя княжествами, т. е. основой благосостоянія этихъ же грековъ[2]).

Вскорѣ послѣ прибытія Кутузовъ убѣдился, что желаніе съ нашей стороны удержать Валахію и Молдавію встрѣтится съ непреодолимыми препятствіями въ одинаковой степени у Турокъ, привыкшихъ получать оттуда, вмѣстѣ съ незначительной данью, частые подарки, и у Грековъ, считавшихъ земли между Карпатами и Дунаемъ поприщемъ для своей дѣятельности[3]); впрочемъ Молдавія, какъ болѣе отдаленная, менѣе цѣнилась въ Константинополѣ.

Кутузовъ при этомъ замѣтилъ съ самаго начала, что Днѣстръ, какъ трудно защищаемая для Турокъ граница, могъ бы обоими берегами войти въ составъ нашихъ владѣній, и въ письмѣ къ Румянцову онъ обращалъ уже его вниманіе на то, что Молдавія состояла изъ двухъ частей: коренной Молдавіи, между Карпатами и Прутомъ, и нынѣшней Бессарабіи, и что эта послѣдняя территорія, окаймленная Днѣстромъ, Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Прутомъ, могла быть выдѣлена изъ состава Молдавскаго княжества, которое сохранило бы и послѣ этого достаточный объемъ, чтобы быть попрежнему вассальнымъ государствомъ подъ сюзеренитетомъ блистательной Порты[4]).

Кутузовъ становился тѣмъ самымъ на почву инструкціи, данной нѣкогда Толстому, которому Александръ въ 1807 г. разрѣшилъ ограничиться восточной частью Молдавіи съ Хотиномъ, Бендерами, Аккерманомъ и Измаиломъ, и Кутузовъ уже

---

[1]) Письмо Кутузова къ Александру 18 іюня 1811 г. нап. въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1875, ноябрь, стр. 197.

[2]) Тамъ же.

[3]) Почти одновременно въ томъ же смыслѣ высказывался прусскій повѣренный въ дѣлахъ въ письмѣ королю отъ 23 іюня 1811 г. изъ Константинополя: „Dans de fréquents entretiens que j'ai eus occasionnellement à la campagne avec quelques princes grecs, j'ai pu remarquer la même persuasion en eux que le Grand Seigneur est décidé à ne jamais céder sur ce point, le plus intéressant pour eux et pour toute la nation grecque.“ Нап. у Jorga, Acte şi fragmente II, стр. 461).

[4]) См. его же письмо отъ 18 іюня, тамъ же.

въ началѣ 1811 года предчувствовалъ, что лишь этой уступкой со стороны Турціи завершится желанный миръ между Россіей и султаномъ.

А миръ былъ намъ крайне нуженъ въ 1811 г., когда ясно чувствовалась не только у насъ, но и во всемъ мірѣ близость войны съ Франціей и неминуемость нападенія Наполеона, которое нѣкоторымъ его сподвижникамъ представлялось какъ борьба Европы съ Азіей [1]). Но не только опасенія, что наши войска въ предстоящей кампаніи противъ великой арміи окажутся слишкомъ малочисленными, безъ поддержки тѣхъ дивизій, которыя оставались на Дунаѣ, заставляли наше общественное мнѣніе требовать скорѣйшаго заключенія мира съ Портой. Самая безрезультатность военныхъ дѣйствій, громадное количество жертвъ, павшихъ въ бою, а еще больше отъ заразныхъ болѣзней [2]), лишали теперь эту войну всякой популярности даже среди военной молодежи [3]). Не говоря уже объ иностранныхъ дипломатахъ, проживавшихъ у насъ въ качествѣ представителей дружескихъ намъ монарховъ и называвшихъ эту войну „неполитичной“ и даже „безнравственной“ [4]), наши сановники, подведя ничтожные итоги этой пятилѣтней войны, обвиняли барона Будберга, котораго они считали иниціаторомъ [5]) этой авантюры, хотя на самомъ дѣлѣ, какъ выше было указано, первая мысль о занятіи княжествъ принадлежитъ Чарторыйскому. Опытные государственные дѣятели, какъ гр. С. Р. Воронцовъ, близко знавшій скудость доходовъ нашей казны и сильный ростъ расходовъ по государственному управленію въ началѣ XIX вѣка, опасались, что даже при самомъ благопріятномъ исходѣ войны Россія получила бы по Дунаю новую границу, трудно защищаемую и крайне обременительную для насъ въ случаѣ обще-

---

[1]) „Plus Napoléon voulait écarter la Russie de l'Europe, plus l'empereur Alexandre et son peuple voulaient y rester; ainsi la question entre les deux contendants était celle ci: la Russie sera-t-elle de l'Europe ou seulement de l'Asie.“ Pradt, Du système permanent de l'Europe à l'égard de la Russie (1828), стр. 77.

[2]) „...Les Russes meurent comme des mouches dans ce climat si contraire à la température, à laquelle ils sont accoutumés“, писалъ графъ С. В. Воронцовъ 20 марта 1812 г. (Архивъ князя Воронцова XVII, стр. 205).

[3]) „La guerre fatigue et inquiète beaucoup de familles de ce pays; il n'y a pas de jactance même parmi les jeunes gens.“ Донесеніе французскаго посла отъ 1 августа 1811 г. (Nicolas Mikhailovitch VI, стр. 67).

[4]) См. Joseph de Maistre, Correspondance diplomatique I (1861), стр. 25, письмо отъ 20 августа 1811 г.

[5]) Письмо графа Бенкендорфа къ гр. М С. Воронцову (Архивъ князя Воронцова XXXV, стр. 85): „Nous apprendrons aux Turcs à la fin à se battre et notre gouvernement payera cher encore l'imprudence et l'orgueil déplacé de Mr Budberg. Il est facile de déclarer la guerre, mais il faut du moins un plan pour la continuer et surtout la finir.“

европейской войны [1]). А адмиралъ Мордвиновъ въ запискѣ, представленной Императору, выражалъ мысль, часто повторяющуюся у насъ въ періоды упадка духа, что Россія достаточно велика и что вмѣсто присоединенія новыхъ областей, какъ Молдавія и Валахія, государство должно стремиться къ улучшенію и развитію имѣющейся уже территоріи [2]).

Самъ Государь начиналъ понимать безвыходность нашего положенія при дальнѣйшей нашей настойчивости въ требованіи объ уступкѣ обоихъ княжествъ. Онъ склонялся можетъ быть въ душѣ къ уступкамъ для ускоренія развязки, но встрѣчался здѣсь съ сопротивленіемъ Румянцова, который все еще мечталъ объ осуществленіи широкихъ замысловъ Екатерины на Востокѣ [3]). Но зато другой, близкій къ Александру человѣкъ, герцогъ Ришелье, въ извѣстномъ письмѣ, написанномъ въ 1811 г. лѣтомъ [4]), умолялъ Императора ускорить заключеніе мира какими-нибудь жертвами съ нашей стороны, чтобы сохранить наше положеніе въ Черномъ морѣ, такъ какъ продолженіе войны могло вызвать наступательное движеніе Турокъ, особенно опасное для Новороссійскаго края, близкаго къ сердцу его перваго генералъ-губернатора [5]). Въ отвѣтѣ герцогу Ришелье слышится у Государя искреннее желаніе покончить съ войной, давно уже не оправдавшей связанныхъ съ нею вожделѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ слышится страданіе уязвленнаго самолюбія, при мысли объ отказѣ отъ княжествъ послѣ явнаго ихъ присоединенія, передъ лицомъ всей Европы, при мысли о томъ, чтобы воды Днѣстра

---

[1]) См. письмо С. В. Воронцова къ своему сыну Михаилу Семеновичу отъ 1 января 1812 г въ Архивѣ Воронцова XVII, стр. 201.

[2]) „Благосостояніе Имперіи Россійской, единый предметъ, достойный отеческаго попеченія Государя Императора, не требуетъ пріобрѣтенія Молдавіи и Валахіи. Не завоеваніе новыхъ земель, но сохраненіе въ цѣлости древняго достоянія можетъ токмо доставить славу истинную и хвалу вѣковъ.“ Архивъ графовъ Мордвиновыхъ IV, стр. 925, Объ ускореніи мира съ Турками.

[3]) См. донесеніе Коленкура отъ 23 апрѣля 1811 г. (Nicolas Mikhailovitch V, стр. 443). Въ томъ же смыслѣ писалъ прусскій посланникъ Жуфруа своему королю 23 мая 1812 г.: „L'Empereur désirait sincèrement la paix. S'il n'eut consulté que lui, il se fut imposé pour l'avoir les plus grands sacrifices, mais son ministre, en lui parlant sans cesse de l'impression désavantageuse que produirait pour la Russie une paix, qui rendrait aux Turcs toutes les conquêtes faites sur eux et en s'appliquant à lui prouver qu'on obtiendrait davantage par la fermeté que par la douceur, rendait nulles les bonnes dispositions du souverain.“ (Jorga, Acte şi fragmente II, стр. 481).

[4]) Нап. въ Сборникѣ И. Русскаго Историческаго Общества, т. LIV, стр. 320.

[5]) Герцогъ писалъ своему другу Монкальму въ февралѣ 1811 г.: „Pauvre Odessa! pauvre pays des bords de la mer Noire! où je me flattais d'attacher mon nom d'une manière glorieuse et durable, je crains bien qu'ils ne retombent dans la barbarie dont ils ne faisaient que sortir.“ (Нап. у Rambaud, Le duc de Richelieu en Russie et en France, въ Revue des Deux Mondes, т. 84, стр. 643).

по-прежнему отдѣляли владѣнія падишаха отъ Россійской Имперіи [1]).

Потому-то и нужно было искать въ скоромъ мирѣ съ Турціею если не полный эквивалентъ солдатскимъ жизнямъ и израсходованнымъ сотнямъ милліоновъ, то по крайней мѣрѣ утѣшеніе за обманутыя надежды и неосуществившіяся мечты. Но если до сихъ поръ успѣхи нашего оружія не обезпечили намъ такого исхода, можно ли было намъ разсчитывать въ 1811 г. на дипломатическую поддержку въ дѣлѣ заключенія пріемлемаго для насъ мира?

Пруссія конечно не въ состояніи была, послѣ неудачнаго опыта, играть роль посредницы, тѣмъ болѣе что она временно выбыла изъ числа великихъ державъ подъ давленіемъ тяжелой руки корсиканца, лишившаго ее возможности вести самостоятельную иностранную политику. Ея представитель въ Константинополѣ только зорко слѣдилъ за событіями на Дунаѣ, въ ожиданіи русско-турецкаго мира—лишняго козыря для насъ и для Пруссіи въ предстоящей борьбѣ съ побѣдителемъ Пруссаковъ и Русскихъ при Эйлау и Фридландѣ.

Съ Франціей мы находились тогда въ оффиціальномъ союзѣ, еще не расторгнутомъ послѣдующими событіями, и Наполеонъ, не взирая на отозваніе Коленкура [2]), которому онъ ставилъ въ вину слишкомъ большое тяготѣніе къ петербургскому обществу, предписывалъ новому послу Лористону поддерживать по-прежнему эту чисто формальную дружбу [3]) и подчеркивать ее постоянно въ сношеніяхъ съ нашимъ дворомъ. Если франко-русское сближеніе сулило намъ когда-нибудь широкія завоеванія на востокѣ, то медовый его мѣсяцъ давно уже прошелъ и ни одинъ изъ союзниковъ уже не разсчитывалъ на поддержку и добрыя услуги другого. Хотя Наполеонъ, не безъ нѣкоторой развязности, свойственной этому сыну Марса,

---

[1]) „Tout ce que vous me dites sur l'utilité de la paix avec la Porte est bien vivement senti par moi. Si je pouvais la faire aux conditions dont vous me parlez, je l'aurais conclue dès aujourd'hui, mais jusqu'ici les Turcs ne veulent entendre parler d'aucune cession quelconque, et je vous demande un peu s'il y a décence et possibilité dans le siècle où nous vivons de nous en retourner derrière le Dniester. Cela n'est pas possible..." Письмо императора отъ 18 сентября 1811 г. къ герцогу Ришелье, нап. въ Сборникѣ И. Русскаго Истор. Общества, т. 54, стр. 320.

[2]) „Le $^{7}/_{19}$ mai Caulaincourt est parti. Il a pleuré, dit-on, chez la princesse Viasemsky, et il a pleuré chez la belle Narichkin." J. de Maistre королю Викгору Эммануилу 22 мая 1811 г. (Oeuvres complètes XII, стр. 45).

[3]) Наполеонъ графу Шампаньи 5 апрѣля 1811 г. (Correspondance de Napoléon, т. XXII, стр. 34): „...l'ambassadeur doit toujours rester dans les termes d'une amitié parfaite, dans les idées d'alliance et ne pas laisser supposer qu'il existe le moindre nuage ou le moindre sujet de discussion".

какъ называлъ его недавно одинъ германскій военный писатель, напоминалъ въ письмѣ Александру I, что обладаніемъ княжествами Россія была обязана скорѣе поддержкѣ со стороны Франціи, чѣмъ успѣху нашего оружія [1]), Александръ не могъ ему вѣрить [2]), зная, что Наполеонъ употреблялъ все свое вліяніе, чтобы помѣшать такому миру между Россіей и Портой [3]), въ силу котораго оба княжества должны были бы уйти навсегда изъ-подъ власти султана.

Наполеонъ не считалъ нашу оккупацію безповоротной [4]) и писалъ Латуръ-Мобуру, чтобы онъ въ этомъ смыслѣ говорилъ съ Портой, обѣщая ей, въ случаѣ совмѣстной войны Турціи и Франціи противъ Россіи, даже возвращеніе Крыма [5]), о которомъ не могли забыть у Золотого Рога. Чувствуя однако возрастающее недовѣріе Турокъ [6]), Наполеонъ поручилъ своему представителю изложить дивану, что оффиціальныя связи его съ Россіей мѣшали ему открыто поддерживать Турцію, но что малоуспѣшность нашей придунайской войны объяснялась его нравственнымъ воздѣйствіемъ, и что даже русскіе приписывали его вліянію безрезультатность

---

[1]) „...Que Votre Majesté me permette de lui dire avec franchise, elle a oublié le bien qu'elle a retiré de l'alliance .. par pure amitié pour Votre Majesté, j'ai reconnu la réunion de ces belles et riches contrées; mais sans ma confiance dans la continuation de son amitié plusieures campagnes très malheureuses n'eussent pu amener la France à voir ainsi dépouiller son ancien allié". Наполеонъ Александру 28 февраля 1811 г. (Correspondance, т. 21, стр. 498).

[2]) Государь тоже не отказывался отъ союза и говорилъ Коленкуру: „...mon intérêt est de finir avec la Turquie et mon désir de conserver l'alliance". (Донесеніе Коленкура 20 апр. 1811 г. Nicolas Mikhailovitch, т. V, стр. 427).

[3]) Депеша Лористона отъ 27 дек. 1811 г. (Nicolas Mikhailovitch VI, стр. 170): „A la parade... Sa Majesté m'a parlé de l'effet que les dernières victoires des Russes avaient produit à Constantinople.... puis il a ajouté: „nos amis se remuent pour empêcher la paix". J'ai fait semblant de croire que c'était des Anglais que l'Empereur voulait parler. Mais il a repris· „Non, non, c'est de vous".

[4]) Предписанія Наполеона для Лористона черезъ Шампаньи 5 апр. 1811 г. (Correspondance XXII, стр. 34): „...Quant à la Moldavie et la Valachie... la politique de l'Empereur est de ne pas s'en mêler, mais il ne faut pas faire de déclaration, car si les affaires continuaient de se brouiller entre les deux puissances, *il serait possible* que la Russie finirait par ne plus conserver ces deux provinces".

[5]) Письмо Латуръ-Мобуру по приказанію Наполеона 27 апр. 1811 г (у Vandal, Napoléon et Alexandre, III, стр 157): „La France garantirait la Moldavie et la Valachie à la Porte, et en cas de succès, ce qui n'est pas douteux, les deux armées se combineraient pour faire rendre la Crimée à la Porte. Tout cela doit être dit avec prudence et sans rien compromettre, car l'alliance avec la Russie n'est pas rompue, et les difficultés peuvent s'aplanir".

[6]) Знаменательны въ этомъ отношеніи слова Ахмета, великаго визиря, Фонтону: „Мы не такъ глупы, чтобы вѣрить въ дружбу къ намъ Франціи и желаніе оказать намъ услугу. Мы знаемъ, что она стремится къ своимъ выгодамъ и къ нашей погибели". Донесеніе Фонтона отъ 20 іюня 1811 г. (у А. Попова, Сношенія Россіи съ европ. державами. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1875 г., ноябрь, стр. 204).

своихъ военныхъ дѣйствій [1]). А для вящшаго подкрѣпленія своихъ увѣреній [2]) онъ по-прежнему посылалъ французскихъ офицеровъ въ турецкій лагерь [3]).

Одновременно Наполеонъ поручилъ своему представителю при вѣнскомъ дворѣ выразить австрійскому кабинету соболѣзнованіе по поводу увеличенія русской имперіи на счетъ Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялъ ему высказать мимоходомъ, что и Франція не радовалась этой перспективѣ [4]). Онъ даже шелъ нѣсколько дальше въ своихъ намекахъ и зондировалъ Меттерниха, стараясь узнать, какъ послѣдній отнесется къ такому видоизмѣненію карты Балканскаго полуострова, и не рѣшится ли въ концѣ концовъ Австрія, силой оружія, воспрепятствовать приближенію [5]) Россіи къ Константинополю. Наполеонъ такъ мало скрывалъ свое недоброжелательство къ намъ, что открыто при всѣхъ радовался тѣмъ событіямъ, которыя ему въ теченіе 1811 г. казались для насъ неблагопріятными [6]), и не могъ сдержать своего глубокаго раздраженія [7]), когда въ Парижѣ получились извѣстія о Кутузовскихъ побѣдахъ.

---

[1]) „...Il sera utile de lui faire sentir que la France liée par les traités n'a pu s'opposer à l'occupation de la Valachie et de la Moldavie par les Russes, que la Porte elle-même, rejetant sa médiation, l'avait mise dans l'impossibilite de défendre sa cause..." (Инструкціи Латуръ-Мобуру отъ 12 апр. 1811 г у Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 585) „....Le gouvernement russe nous reproche même d'avoir soutenu la Porte dans ses résolutions et d'avoir ainsi éloigne la paix. Profitez, Monsieur, de ces circonstances pour rapprocher la Porte du gouvernement français en faisant valoir l'antique alliance des deux Empires et l'avantage récent que la Turquie obtint par la retraite des armées russes". (Тамъ же)

[2]) Письмо Наполеона къ Шампаньи 17 февраля 1811 г. (Correspondance de Napoléon, т. XXI, стр. 477): „Mandez à Mr. de Latour-Maubourg de se raprocher le plus possible de la Porte, de faire en sorte, sans se compromettre que le nouveau sultan m'écrive, . de mon côté je lui répondrai, je renouerai mes relations".

[3]) „Il est très certain que le gouvernement français continue d'exciter la Porte à soutenir vigoureusement la guerre contre la Russie Plusieurs officiers de cette nation ont été employés au service de l'artillerie turque dans les derniers combats". (Донесеніе 12 окт. 1811 г нашего военнаго агента въ Вѣнѣ Барклаю. Воен. Уч. Архивъ, I, 298).

[4]) „La réunion de ces provinces à l'empire russe est sans doute un malheur pour l'Autriche; elle a aussi beaucoup d'inconvénients pour la France". (Correspondance de Napoleon, XXI, 601).

[5]) Наполеонъ Шампаньи отъ 25 февр. 1811 г. (Correspondance de Napoléon, XXI, стр. 490): „Vous ferez connaître au comte Otto (французскому послу въ Вѣнѣ) que je désire qu'il sonde M de Metternich sur les circonstances possibles de la campagne prochaine entre la Russie et la Turquie, pour savoir ce que l'Autriche veut et peut faire".

[6]) Разговоръ съ Куракинымъ 15 августа 1811 г. (Lettres et papiers de Nesselrode III, стр. 410): „Vous êtes politiquement battus puisque vous avez abandonné Roustchouk que vous vouliez et que vous deviez conserver comme tête de pont".

[7]) „Rien ne saurait égaler la mauvaise humeur et le déplaisir extrême qu'a causé à l'Empereur Napoléon la nouvelle des désastres éprouvés par l'armée turque.

Въ продолжительныхъ разговорахъ съ русскими представителями во Франціи Наполеонъ не стѣснялся подчеркивать кажущіеся недостатки нашей стратегіи и непослѣдовательность нашей политики [1]). Получая черезъ Петербургъ извѣстія о постоянномъ уменьшеніи нашей молдавской арміи [2]), французскій императоръ выводилъ изъ нихъ, для бесѣдъ съ Чернышевымъ, аргументы противъ нашего миролюбія, такъ какъ уходящія съ театра турецкой войны дивизіи были, очевидно, предназначены для борьбы съ Франціей на нашей западной границѣ [3]). Но вѣрить въ миролюбіе Наполеона было трудно для Чернышева уже потому, что онъ узналъ изъ секретныхъ, но вѣрныхъ источниковъ точныя справки о лихорадочной дѣятельности, съ которой Франція готовилась къ войнѣ съ Россіей. И какъ ни старался Наполеонъ съ обычнымъ краснорѣчіемъ выступить передъ Чернышевымъ въ роли защитника нашихъ интересовъ [4]), ему не удалось убѣдить прозорливаго флигель-адъютанта, что Франціи приходилось только защищаться противъ воинственныхъ замысловъ Россіи.

Въ одномъ только былъ правъ Наполеонъ, когда онъ доказывалъ, что затянувшаяся война съ Турціей серьезно безпокоила Австрію и внушала ей серьезныя опасенія въ будущемъ, тѣмъ болѣе что если бы Австрія сама не почувствовала опасности русскаго сосѣдства по линіи Карпатовъ, французскій императоръ взялъ бы на себя раскрыть ей глаза.

Съ Австріей у насъ уже оффиціальнаго союза не было, но старыя связи и негласныя соглашенія поддерживали добрыя отношенія между обоими дворами, не взирая на измѣнившіяся политическія конъюнктуры. Этимъ отношеніямъ грозили, кромѣ надвигающейся войны между нами и тогдашней союзницей

Ces heureux évènements... l'ont exaspéré contre nous plus que jamais". Чернышевъ Барклаю 6 дек 1811 г. (В. У. А. I, 298). „Conçoit on ces chiens, ces gredins de Turcs qui ont eu le talent de se faire battre de la sorte..!" Восклицаніе Наполеона, переданное Чернышевымъ Румянцову 18 дек. 1811 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ. XXI, стр. 266).

[1]) „Ce n'est qu'en avançant toujours qu'on peut forcer l'ennemi à la paix..." Передано въ письмѣ Куракина къ Румянцову 15 августа 1811 г. (Русскій Архивъ 1870 г.).

[2]) Донесеніе 9 февр., 26 февр. и 27 марта 1811 г. (Nicolas Mikhailovitch, V, стр. 322, 336, VI, стр. 192)

[3]) Разговоръ Наполеона съ Чернышевымъ передается въ письмѣ Чернышева къ Александру I отъ 17 іюня 1811 г. (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., XXI, стр. 76): „Vous me dites qu'Alexandre veut sincèrement la paix et quelle plus grande provocation peut-il exciter que l'ordre qu'il a donné à plusieures de ses divisions de l'armée de Turquie de se poster vers la frontière du Duché de Varsovie?"

[4]) „....Le résultat de tout cela est donc que vous voilà mal avec tout le monde.", говорилъ Наполеонъ. Тамъ же.

австрійскаго государства, Франціей, еще новый фазисъ восточнаго вопроса и стремленіе Россіи стать твердой ногой на Балканскомъ полуостровѣ. Австрія не могла не быть озабоченной нашей продолжительной оккупаціей княжествъ, которая не только ухудшала положеніе ея подданныхъ [1]), но грозила отрѣзать ее отъ восточныхъ рынковъ. И потому на повторившееся въ началѣ 1811 года предложеніе нашего посла сблизиться противъ общаго врага, т. е. Наполеона [2]), Меттернихъ отвѣтилъ, что прежде всего Россіи необходимо закончить войну съ Турціею [3]). Но какой миръ считался пріемлемымъ съ точки зрѣнія вѣнскаго кабинета? Это видно изъ того посредничества, которое хотѣла взять на себя Австрія. Меттернихъ 14 января 1811 года [4]) передавалъ въ Петербургъ о желаніи Порты прекратить военныя дѣйствія, но онъ вскорѣ получилъ оттуда неблагопріятный отвѣтъ, потому что мы тогда не рѣшались еще отказаться отъ княжествъ, какъ этого требовала Порта [5]), а съ другой стороны самъ Меттернихъ, совѣтуя Портѣ вступить въ мирные переговоры, давалъ ей ясно понять, что она не должна отказаться отъ своихъ давнишнихъ условій, тѣмъ болѣе что надвигающаяся на Россію съ запада опасность могла, какъ инсинуировалъ руководитель вѣнской политики, измѣнить исходъ борьбы на Дунаѣ [6]).

Впрочемъ и наши дипломатическіе агенты, находясь подъ вліяніемъ Австріи, которую они охотно считали нашей естественной союзницей, въ своихъ донесеніяхъ настаивали на желательности скорѣйшаго заключенія мира съ Портой, безъ территоріальныхъ требованій, которыя могли бы раздражать Ав-

---

[1]) „Le général Kutusof a remis une note aux agents d'Autriche et de France à Bucharest et à Jassy, par laquelle il leur annonce que dorénavant les sujets et protégés autrichiens et français dans les deux principautés doivent *contribuer* (платить налоги) tout comme les autres sujets valaques et moldaves..." Вертеръ, прусскій дипл. агентъ въ Константинополѣ, королю отъ 10 августа 1811 г. (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 464).

[2]) См. депеши графа Шувалова отъ 22 и 26 января 1811 г. (у Мартенса, Собраніе трактатовъ, III, стр. 76).

[3]) „Terminez en Turquie et nous pourrons parler d'une autre manière". Тамъ же.

[4]) У Demelitch, Metternich und seine auswärtige Politik, стр. 417.

[5]) Тамъ же, стр. 419.

[6]) Правильно опредѣлялъ положеніе прусскій агентъ изъ Константинополя 1 февраля 1811 г. (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 458): „. La Cour de Vienne... ne risque rien à prescrire à l'internonce cette pacification, sachant bien par ses rapports que rien n'est plus éloigné de l'esprit du Grand Seigneur que de céder la Valachie et la Moldavie à la Cour de Russie". Въ этомъ же смыслѣ Меттернихъ докладывалъ впослѣдствіи императору Францу: „...der herannahende Ausbruch des französisch-russischen Krieges kann dem festen Charakter des Grossherrn nur Mittel zur Ausdauer darbieten". (Aus Metternich's Papieren, II, стр. 428).

стрію. Приблизительно такъ выражался нашъ новый посолъ въ Вѣнѣ графъ Штакельбергъ [1]), но еще убѣдительнѣе излагалъ это Несельроде въ своихъ секретныхъ донесеніяхъ изъ Парижа [2]) и въ своемъ докладѣ, представленномъ Государю послѣ возвращенія въ Россію [3]). Воздѣйствіе австрійскаго посольства въ Парижѣ и его вдохновителя, Таллейрана [4]), распространилось и на нашего посла, на малоподвижнаго князя Куракина, который въ своихъ депешахъ высказывалъ довольно странное, но выгодное для Австріи, предложеніе отказаться отъ обладанія княжествами [5]), поставивъ ихъ подъ тройственный протекторатъ Турціи, Россіи и Австріи [6]).

Тѣмъ не менѣе въ началѣ того же года Александръ I обратился вторично съ письмомъ на имя императора Франца, въ которомъ высказывалось опять желаніе сблизить внѣшнюю политику обѣихъ имперій, для чего онъ дѣлаетъ Австріи предложеніе [7]), упоминаемое имъ впервые въ письмѣ къ князю Чарторыйскому 31 января [8]) и болѣе выгодное, чѣмъ предполагаемая раньше уступка одной только малой Валахіи. На случай удачной войны съ Наполеономъ Александръ рисовалъ въ этомъ письмѣ слѣдующую перетасовку: Россія получила бы герцогство

---

[1]) „Le comte Stackelberg... a renouvelé ses plus vives instances pour déter miner son maître à faire la paix avec les Turcs". Донесеніе прусскаго посланника Шладена изъ Петербурга отъ 9 апрѣля 1811 г. (Jorga, тамъ же, II, стр. 459).

[2]) Письмо Несельроде отъ 4 февраля 1811 г. (Lettres et papiers du Comte de Nesselrode, III, page 318): „Pour nous la continuation de cette guerre peut avoir les conséquences les plus fâcheuses puisqu'elle nous détourne de la seule question qui dans l'état actuel des choses est vraiment importante pour nous..."

[3]) „.. Je n'en suis pas moins convaincu qu'un véritable homme d'état en Russie sacrifierait dans les circonstances actuelles un grand avantage local, plutôt que de mécontenter l'Autriche" (Нап. у Vandal, Napoléon et Alexandre, III, стр. 594).

[4]) „C'est aussi l'opinion de Henry (Talleyrand) qui ne voit de salut pour nous que dans la paix avec la Porte". Письмо Несельроде къ Сперанскому отъ 4 февр. 1811 г. (Lettres et papiers de Nesselrode, III, 332)

[5]) „Не понимаю, почему мы не заключаемъ миръ безотлагательно на такихъ условіяхъ, на какихъ только возможно въ настоящее время, устранивъ на время наши виды на княжества до болѣе благопріятнаго времени..." Письмо Куракина Румянцову отъ 30 дек. 1811 г. (у Попова, Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., декабрь, стр 336).

[6]) „Les deux principautés et la Servie érigées en états indépendants sous la triple garantie de la Russie, de l'Autriche et de la Porte qui se bornerait à en tirer une redevance annuelle fixée, me semble être un arrangement qui pourrait se concilier avec nos déclarations antérieures à l'égard de ces provinces et serait sûrement de nature à ne pas être rejeté par le gouvernement ottoman". (Донесеніе Куракина Александру отъ 18 февр. 1811 г.). (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., XXI, стр. 335).

[7]) Инструкціи бар. Штакельбергу 13 февраля 1811 г., нап. у Мартенса, Ш, стр. 77. Напрасно Мартенсъ предполагаетъ, что эти инструкціи не были присланы въ Вѣну. Ср. Demelitch, Metternich u. seine ausw. Politik, стр. 424.

[8]) „Il y a toute nécessité à la (Австрію) ménager et à éviter de la heurter en rien. Pour cet effet, je suis décidé à lui offrir la Valachie et la Moldavie jusqu'au Sereth en échange de la Gallicie". (Нап. у Mazade, Alexandre et Czartoryski, стр. 162).

Варшавское, тогда какъ Австрія взамѣнъ потерянной ею части Галиціи могла бы присоединить къ своимъ владѣніямъ всю Валахію, Молдавію до Серета и даже Сербію. На это было изъ Вѣны отвѣчено черезъ австрійскаго посла въ Петербургѣ, Сенъ-Жульена, что Австрія желаетъ сохранить съ Турціею добрыя отношенія [1]) и что она не можетъ принять отъ Россіи обѣщаніе на земли, еще окончательно не присоединенныя къ нашей имперіи [2]). Наступило тогда нѣкоторое охлажденіе между нашимъ и вѣнскимъ кабинетомъ: послѣдній продолжалъ зорко слѣдить за военными операціями [3]) на Дунаѣ, получая оттуда секретныя свѣдѣнія съ помощью французскихъ агентовъ [4]), посылая туда офицеровъ [5]) по примѣру Наполеона и не скрывая, какъ и онъ, своей досады, когда успѣхи нашего оружія какъ будто приближали насъ къ болѣе благопріятной развязкѣ [6]).

Одна только Англія, не взирая на то, что она съ 1807 г. находилась въ положеніи воюющей съ нами державы, склонялась къ роли посредницы между нами и Турціею, чтобы добиться пріемлемаго съ нашей точки зрѣнія мира, т. е такого, который удовлетворялъ бы до извѣстной степени наше самолюбіе и не разрушилъ бы окончательно нашихъ смѣлыхъ плановъ 1806 г. Именно въ этомъ смыслѣ старался вліять на Порту съ послѣдовательностью, свойственной лондонскому кабинету, назначенный послѣ Эдера въ концѣ 1810 г. юный повѣренный въ дѣлахъ Стрэдфордъ Кэннингъ. Этому двадцатидвухлѣтнему дипломату было суждено въ теченіе долгой своей карьеры быть поборникомъ англійской политики на Востокѣ и въ качествѣ такового итти вразрѣзъ съ нашими планами на Балканскомъ полуостровѣ. Но въ разсматриваемый нами

---

[1]) „ ..La cour de Vienne a fait sentir au comte de Stackelberg, qu'étant en en paix avec les Turcs, elle ne saurait reconnaître un acte qui dispose des provinces appartenantes à la Porte ottomane et dont celle-ci ne s'était pas encore désistée par aucun traité". Шладенъ изъ Спб. королю прусскому 9 апр. 1811 г. У Jorga, тамъ же, стр. 459.

[2]) См. депеши австрійскаго посла Сенъ-Жюльена и отвѣтъ Меттерниха у Demelitch, Metternich's auswärtige Politik, стр. 425—440.

[3]) Характерны свѣдѣнія, полученныя Ланжерономъ изъ Вѣны черезъ тайнаго агента Кехрибъ-Оглу, о которыхъ онъ сообщаетъ въ своемъ донесеніи отъ 10 марта 1811 г. Барклаю: „. .Le Cabinet de Vienne est extrêmement jaloux de notre possession de la Moldavie et de la Valachie, et s' il est permis à mon zèle d'ajouter mon idée à moi, il employera des moyens, je ne dis pas proprement celui des armes, pour l'empêcher". Отечеств. Война 1812 г., изд. В. Уч. Комитета, II, стр. 114.

[4]) „La chancellerie d'état de Vienne est en correspondance directe avec Ledoulx". Донесеніе нашего военнаго агента Тейля изъ Вѣны. Отечеств. Война. 1812 г., VII, стр. 62.

[5]) См. письмо прусскаго короля къ Шладену отъ 8 янв. 1811 г. (Jorga, II, стр. 457).

[6]) „Il est assez remarquable que l'on n'ait pas su cacher ici la mauvaise humeur qu'ont fait naître les brillants succès des armes de S. M. l'Empereur sur le Danube..." Тейль Барклаю 3 ноября 1811 г. (От. Война 1812 г., VI, стр. 221).

періодъ самой существенной заботой Англіи была борьба съ Наполеономъ и ей она подчиняла временно всѣ остальные свои интересы, не исключая и желанія противодѣйствовать нашему наступательному движенію къ Босфору.

Въ разсчетъ Сенджемскаго кабинета входило не только заключеніе мира съ Россіей, но и прекращеніе войны между нами и Турками, чтобы вернуть намъ полную свободу дѣйствій въ борьбѣ противъ Наполеона, и представитель Англіи въ Константинополѣ, съ самаго начала[1]), въ своихъ спошеніяхъ съ турецкими сановниками, старался усилить недовѣріе къ Латуръ-Мобуру и освободить Турокъ отъ французскаго вліянія, разрушая по мѣрѣ возможности престижъ Наполеона [2]). Одновременно Кэннингъ доказывалъ Портѣ, что сохраненіе неприкосновенности всѣхъ ея владѣній на Дунаѣ, послѣ продолжительной русской оккупаціи, должно признать утопическимъ и что возстановленіе прежней границы по Днѣстру не по силамъ турецкому правительству, и потому напрашивалась мысль о мирѣ, какъ о результатѣ взаимныхъ уступокъ со стороны воинствующихъ державъ [3]).

Въ походѣ противъ наполеоновскаго мірового гнета англійская дипломатія врядъ ли нуждалась въ нравственной поддержкѣ постороннихъ лицъ; но Стрэдфордъ Кэннингъ могъ бы ее найти у гостившаго съ весны 1811 г. въ посольскомъ дворцѣ на Босфорѣ, Поццо-ди-Борго [4]). Изгнанный изъ Петербурга и изъ Вѣны по настоянію французскихъ пословъ, неутомимый корсиканецъ заѣхалъ еще разъ въ Константинополь, прежде чѣмъ поселиться въ гостепріимной Англіи и тамъ подъ защитой великобританскаго флага продолжать свою кампанію противъ Наполеона [5]), именно противъ Наполеона, а не противъ Франціи. Этотъ личный характеръ ненависти Поццо-ди-Борго проявляется и два года спустя въ Карлскронѣ, когда онъ убѣждаетъ Бернадота выступить активно противъ своего прежняго шефа [6]); а послѣ окончательныхъ успѣховъ союзниковъ, когда Наполеонъ уже не въ состояніи воспрепятствовать взятію Парижа, эта ненависть,

---

[1]) См. донесеніе Стрэдфорда Кэннинга отъ іюля мѣсяца 1810 г., нап. у Stanley Lane Poole, Life of Stradford Canning, I, стр. 134.

[2]) Ср. также письмо его Реисъ-Эфенди въ іюлѣ 1811 г. у Stanley, I, стр. 153.

[3]) Въ письмѣ къ Веллеслею 4 августа 1810 г. онъ писалъ: „I urged the Turkish ministers to renforce their armies and to redouble their exertions, not in the idle hope of recovering their old frontiers in its whole extent, but with the safer calculation of discouraging their ennemy and disposing him to peace in grounds of mutual concession". Stanley Lane Poole, Life of Stradford Canning, I, стр. 139.

[4]) См. Stanley, Life, I, стр. 122.

[5]) Объ этомъ у Ernouf, Maret, duc de Bassano, стр. 321.

[6]) Ср. Pingaud, Bernadotte, Napoléon et les Bourbons, стр. 196 сл.

лишившаяся основанія, уступаетъ мѣсто чувству жалости къ несчастію французскаго народа, и воззваніе трехъ монарховъ къ населенію Парижа, полное успокоенія и обѣщаній [1]), написано собственноручно Поццо-ди-Борго съ незначительными только поправками Александра I.

Стрэдфордъ стремился доказать турецкимъ министрамъ, что продолженіе войны ничего хорошаго Портѣ дать не могло, ибо даже столкновеніе между Александромъ и Наполеономъ, на возможность котораго все чаще и чаще ссылался представитель Франціи въ Константинополѣ, не могло принести пользы султану. „Если побѣдитъ Александръ, говорилъ цѣпкій англичанинъ, то онъ продолжитъ войну съ Турціею и отыметъ княжества въ полномъ составѣ; если, наоборотъ, суждено Наполеону одержать верхъ, то онъ предоставитъ Россіи искать въ турецкихъ владѣніяхъ возмѣщенія за уступленныя Франціи территоріи“ [2]).

Стрэдфордъ, впрочемъ, не ограничивался этой чисто теоретической дилеммой: поддерживая только для вида воинственный духъ у Турокъ, онъ предлагалъ свои посредническія услуги, и тотчасъ же послѣ того, какъ онъ узналъ окольнымъ путемъ изъ Петербурга объ отправкѣ Италинскаго [3]) для возобновленія мирныхъ переговоровъ, онъ предупредилъ Рейсъ-Эфенди, что первоначальныя инструкціи русскаго уполномоченнаго по всему вѣроятію будутъ впослѣдствіи видоизмѣнены [4]) и что Турки въ свою очередь извѣстными уступками приблизятся къ желанному миру, условія котораго правильно предугадывались прозорливымъ англичаниномъ еще задолго до его заключенія. Это англійское вмѣшательство сыграло, какъ ниже будетъ видно, рѣшающую роль въ исторіи Бухарестскаго трактата, но въ 1811 г. предложенія Стрэдфорда не были ни отвергнуты, ни приняты Портой, и такимъ образомъ Россіи пришлось начать мирные переговоры безъ открытой поддержки какой-либо другой европейской державы.

---

[1]) „Depuis vingt ans l'Europe est inondée de sang et de larmes; les tentatives faites pour mettre un terme à tant de malheurs ont été inutiles, parce qu'il existe dans les prémisses mêmes du gouvernement qui vous opprime un obstacle insurmontable à la paix“. У Maggiolo, Pozzo di Borgo (1890), стр. 170.

[2]) „...Alexander triumphant would naturally be free to turn his whole strength against the Porte. Napoleon with Russia at his feet would hardly scruple to find compensation in Turkey...“ Тамъ же, I, стр. 139.

[3]) См. Stanley, I, стр. 146 сл.

[4]) „The Porte... may not be discouraged by the proposals which M. Italinski may at first put forward“. Нота 29 дек. 1810 г., нап. у Stanley, I, стр. 147.

Главнымъ противникомъ заключенія мира съ нашей стороны считался у Турокъ[1]) и у Французовъ[2]) Румянцовъ, по глубокому убѣжденію котораго царствованіе Александра должно было на Востокѣ завершить широкіе замыслы его августѣйшей бабки. Но весною 1811 г. разговоръ Румянцова съ однимъ плѣннымъ туркомъ, Измаиломъ-пашею, повидимому поколебалъ увѣренность руководителя нашей внѣшней политики въ томъ, что Порта согласится на уступку обоихъ дунайскихъ княжествъ. Результатомъ этого разговора можно считать нѣкоторую перемѣну во взглядахъ канцлера, которая выразилась въ письмѣ, написанномъ имъ Кутузову 6 іюня 1811 г.[3]); по порученію Императора онъ запрашивалъ мнѣніе Кутузова о возможности вернуть Валахію Портѣ за извѣстную контрибуцію и удовольствоваться въ Молдавіи границей по рѣкѣ Серетъ. Сдѣлалось ли извѣстнымъ Портѣ это письмо тогда же — трудно сказать, но во всякомъ случаѣ наше желаніе заключить миръ какъ можно скорѣе обнаружилось, когда Турки узнали, что нами отправленъ былъ въ Бухарестъ, для возобновленія переговоровъ, бывшій нашъ посолъ въ Константинополѣ Италинскій. Послѣдній еще ухудшилъ наше положеніе, когда немедленно по пріѣздѣ въ Валахію обратился къ визирю Ахмету съ просьбой прислать ему представителя для перваго обмѣна взглядовъ.

Такимъ образомъ выходило, что мы просимъ мира, тогда какъ послѣ нашихъ побѣдъ 1810 г. слѣдовало, наоборотъ, разсчитывать, что Турки будутъ вынуждены просить о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Какъ бы то ни было, Турки уважили просьбу Италинскаго и визиремъ былъ отправленъ въ русскую главную квартиру одинъ изъ офицеровъ янычарской гвардіи, Гамидъ-Ага. Прибывши туда въ началѣ іюня, Гамидъ провелъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ, повторяя чуть ли не ежедневно, что Турція не уступитъ ни одной пяди земли, и такъ какъ онъ не находилъ съ нашей стороны соотвѣтствующаго настроенія, онъ чуть ли не ежедневно собирался уѣзжать[4]), а Кутузовъ, не имѣя еще изъ Петербурга инструкціи объ уступкахъ, всячески удерживалъ его, чтобы приблизить моментъ открытія переговоровъ.

---

[1]) „Vous avez à Pétersbourg un plus grand ennemi que Latour-Maubourg à Constantinople: c'est votre Roumantzof qui trompe son maître et trahit sa patrie..." Бесѣда визиря Ахмета съ Антономъ Фонтономъ, нап. у Ланжерона, Journal, стр. 334.

[2]) См. донесеніе Коленкура отъ 23 апрѣля 1811 г. (Nicolas Mikhailovitch, V, стр 443).

[3]) Нап. у Попова, Журн. Мин. Нар. Пр. 1875 г., ноябрь, стр. 194—5.

[4]) Объ этомъ въ донесеніяхъ прусскаго посланника Шладена отъ 10 іюля и 10 августа 1811 г. (у Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 462 сл.).

Впрочемъ, отношенія между обоими главнокомандующими были скорѣе дружескія: неоднократно къ визирю ѣздили въ Шумлу, а впослѣдствіи въ Рущукъ, посланные Кутузовымъ Фонтоны, старшій Іосифъ и племянники его Петръ и Антонъ[1]) Визирь любилъ съ ними распространяться о старомъ своемъ знакомствѣ съ Кутузовымъ, о предстоящемъ мирѣ, о необходимости прекратить пагубную войну и заговаривалъ даже о желательности тѣснаго сближенія Турціи съ Россіей. Эта послѣдняя мысль возникала, впрочемъ, и съ нашей стороны. Нашъ консульскій агентъ Бароци представилъ тогда своему начальнику записку[2]) о выгодахъ русско-турецкаго союза. Подобная мысль возрождалась и впослѣдствіи, обыкновенно въ тѣ періоды нашей восточной политики, когда вѣра въ наступательное движеніе на Константинополь была у насъ поколеблена. Турками же предложеніе такого союза разсматривалось какъ временное маскираніе болѣе обширныхъ замысловъ санктпетербургскаго кабинета и потому никогда не встрѣчало у нихъ полнаго довѣрія[3]).

Однако эти разговоры въ Шумлѣ и въ Бухарестѣ, отличавшіеся свойственнымъ востоку многословіемъ, не препятствовали военнымъ дѣйствіямъ, которыя, благодаря обдуманному Кутузовымъ плану, имѣли неожиданныя послѣдствія[4]). Первыя боевыя операціи подъ его начальствомъ сложились довольно удачно для насъ: 19 и 22 іюня натиски турецкой конницы противъ нашего рущукскаго отряда были блестяще отбиты и визирская армія должна была вернуться на свою прежнюю позицію. Можно было ожидать послѣ этого, что мы, если не перейдемъ къ наступленію, то по крайней мѣрѣ сохранимъ свое положеніе въ Рущукѣ. Но каково было удивленіе Турокъ и всей Европы[5]), когда Кутузовъ приказалъ нашимъ войскамъ переправиться на лѣвый берегъ и оставить завоеванныя нами въ

---

[1]) См. объ этомъ у Jorga, тамъ же, и у Попова, Журн. Мин. Нар. Пр. 1875 г., ноябрь, стр. 204.

[2]) Нап. въ Матеріалахъ Военно-Уч Архива Ген. Штаба, Отечественная война 1812 г., IV, стр. 333.

[3]) Характерно въ этой запискѣ заключеніе: „....Il est connu que l'Empereur de Russie n'a pas besoin de s'étendre et de s'agrandir, parce que son Empire est plus vaste que tous les empires et royaumes de l'Europe, et la Porte... sera sûre de sa tranquillité et de ses Etats, tant qu'elle sera liée d'une sincère amitié avec l'Empire de Russie". Тамъ же.

[4]) Кутузовъ писалъ впослѣдствіи, 29 ноября, военному министру: „Вся цѣль моя послѣ дня перехода визирскаго на нашу сторону была въ томъ, чтобы сей арміи не перепустить обратно, въ чемъ благодареніе Богу и успѣлъ. Ежели бы войска наши взяли Рущукъ и дѣйствовали до Балкановъ, то сіе не приблизило бы насъ къ миру ни на одинъ шагъ..." Отечественная война 1812 г., VI, стр. 345.

[5]) См. въ этомъ смыслѣ донесеніе Леду отъ 17 августа 1811 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 620).

Болгаріи мѣстности. Турки истолковали это отступленіе какъ отказъ отъ дальнѣйшей войны и визирь, разсчитывая на безконечную уступчивость съ нашей стороны, въ письмѣ [1]) отъ 17 іюля на имя Кутузова сообщилъ, что всякіе переговоры о мирѣ должны начаться съ отказа Россіи отъ княжествъ, а французъ Леду изъ Бухареста писалъ правительству своему, что въ русской главной квартирѣ полное уныніе въ виду предстоящей эвакуаціи Молдавіи и Валахіи [2]).

Вскорѣ затаенное желаніе Кутузова исполнилось: турецкая армія, потерявъ изъ виду наши войска на правомъ берегу, стала готовиться къ переправѣ въ Валахію. Въ концѣ августа и въ началѣ сентября двѣ турецкія арміи, визирская у Журжева и отрядъ Измаила-паши у Калафата, перешли на лѣвый берегъ Дуная и разбили свой лагерь въ окопанныхъ мѣстахъ.

Такое наступательное движеніе Турокъ, которое явилось сюрпризомъ для всѣхъ, кромѣ Кутузова, разсчитывавшаго нанести имъ здѣсь чувствительный ударъ, не могло повидимому не ослабить шансовъ на миръ, и самъ Италинскій, не разсчитывая на успѣхъ возложенной на него миссіи, просился обратно въ Петербургъ [3]).

Но положеніе рѣзко измѣнилось, когда Кутузовъ, не дожидаясь разрѣшенія высшаго начальства, вернулъ къ себѣ 9 и 15 дивизіи, уже отозванныя въ Западную Россію, и не только помѣшалъ Измаилу соединиться съ Ахметомъ, но кромѣ того отрѣзалъ послѣдняго отъ Дуная, нанеся ему цѣлый рядъ пораженій. Но и этимъ Кутузовъ не ограничился и послалъ отрядъ Маркова на правый берегъ, гдѣ мы опять завладѣли Рущукомъ. Лагерь визиря на лѣвомъ берегу оказался такимъ образомъ между двухъ огней, и Ахметъ, 3 октября покинувъ свою армію, спѣшно бѣжалъ одинъ на болгарскій берегъ. Требованія Турокъ сразу понизились: черезъ два дня визирь уже предложилъ Кутузову новыя условія мира, а именно: на лѣвомъ берегу Днѣстра онъ уступалъ намъ Хотинъ и прилегающую къ нему территорію, что являлось первымъ отступленіемъ отъ выставлявшагося до сихъ поръ положенія неприкосновенности дунайскихъ княжествъ. Но

---

[1]) Нап. у Попова, тамъ же, стр 204

[2]) „Il n'y a pas un individu qui ne regarde déjà ces provinces comme abandonnées par les Russes. Je pense aussi que le Grand Vizir pour peu que le temps les favorise encore pendant 15 jours parviendra à les reconquérir... Les Russes sont dans un découragement complet...“ Донесеніе 18 сент. 1811 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр 626).

[3]) См. Донесеніе Шладена отъ 13 окт. 1811 г. (у Jorga, Acte şi fragm. II, стр. 466).

такъ какъ на это не послѣдовало согласія съ нашей стороны, то черезъ три дня, 8 октября, посланный отъ визиря привезъ въ русскую квартиру новое предложеніе о проведеніи границы черезъ нынѣшнюю Бессарабію такимъ образомъ, чтобы крѣпости Хотинъ, Бендеры съ Каушанами и Аккерманъ оставались за Россіею, и хотя турецкіе офицеры въ личныхъ разговорахъ увѣряли, что имъ разрѣшено сдѣлать дальнѣйшія уступки въ Бессарабіи вплоть до самаго Прута, Кутузовъ не согласился и на такое основаніе для начала мирныхъ переговоровъ. Тогда визирь 10 октября прислалъ новое предложеніе съ уступкою Молдавіи до Серета[1]).

Нужно напомнить, что Кутузовъ на запросы Румянцова отъ 8 іюня отвѣчалъ немедленно, что на Валахію разсчитывать немыслимо и что если возможно добиться уступокъ со стороны Порты, то только въ другомъ, болѣе отдаленномъ княжествѣ, Молдавіи[2]). Послѣ этого были составлены Румянцовымъ, съ одобренія Государя, новыя инструкціи, которыя позволяли начинать переговоры съ пріобрѣтенія для насъ Молдавіи вмѣстѣ съ Бессарабіей и разрѣшали Кутузову въ крайнемъ случаѣ ограничиться линіею Серета. Понятно, что когда Ахметъ сталъ самъ на эту почву, Кутузовъ могъ разрѣшить начало переговоровъ. Турецкіе делегаты прибыли на Дунай 13 октября, и 19-го состоялось въ Журжевѣ первое засѣданіе представителей обѣихъ державъ

Новыя инструкціи[3]), полученныя Кутузовымъ, кромѣ вышеприведенныхъ пунктовъ о Молдавіи, признавали возможность заключенія мира съ сохраненіемъ занятой территоріи въ Азіи и съ полученіемъ отъ Порты обѣщанія объ улучшеніи положенія сербскихъ христіанъ. Но наиболѣе существеннымъ въ нихъ былъ нашъ отказъ отъ Валахіи и даже части Молдавіи; онъ значительно облегчалъ Кутузову возможность приступить къ мирнымъ переговорамъ.

Не взирая однако на достигнутые имъ успѣхи и на обнаружившуюся уступчивость Турокъ, онъ имѣлъ основаніе опасаться, что если Порта пожелаетъ сохранить Молдавію, она не согласится въ концѣ концовъ удержать отъ нея лишь узкую полосу земли между Серетомъ и Карпатами, недостаточную для отдѣльнаго княжества,

---

[1]) Объ этомъ у Попова, Отечественная война, I (Сношенія Россіи съ иностранными державами), стр. 310—334

[2]) „Скорѣе думаю, писалъ Кутузовъ изъ Журжева 18 іюня, она (Порта) согласится на уступку Молдавіи, нежели на пожертвованіе 20 милліоновъ піастровъ, что хотя и дѣлаетъ только 2 милліона червонцевъ, но никакъ не согласно съ глупостью Турокъ". У Попова, Журн. Мин Нар. Пр. 1875 г., ноябрь, стр. 197.

[3]) Нап. у Попова. тамъ же, стр. 212.

и онъ впередъ чувствовалъ, что фанаріоты употребятъ все свое вліяніе, чтобы сохранить за падишахомъ второй княжескій престолъ на территоріи, достойной греческаго корыстолюбія. Именно въ этомъ смыслѣ писалъ Кутузовъ Румянцову 9 октября: „Не могу скрыть отъ васъ, что я предусматриваю въ полученіи Серета границею великія затрудненія отъ упорства фанаріотскихъ грековъ, имѣющихъ большое вліяніе на Порту. Они не захотятъ выпустить изъ своихъ рукъ бо́льшую часть княжества Молдавскаго, ибо надежда и цѣль каждаго изъ нихъ есть достиженіе званія господарскаго въ одномъ изъ двухъ княжествъ“ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кутузовъ охотно пользовался разрѣшеніемъ начать переговоры на вышеприведенныхъ основаніяхъ, мысленно оставляя за собой возможность просить Государя о дальнѣйшихъ уступкахъ съ нашей стороны.

Важно было тогда, что Турки впервые отказывались отъ тѣхъ требованій, которыя они непреклонно повторяли въ предыдущіе годы при всѣхъ попыткахъ прекратить войну. Кутузовъ тѣмъ самымъ могъ считать, что его послѣднія военныя операціи увѣнчались соотвѣтствующимъ его плану успѣхомъ и вызвали послѣдствія, на которыя онъ разсчитывалъ съ самаго начала. Нужно было спѣшить съ открытіемъ конференціи именно изъ-за этихъ успѣховъ: переправа нашего отряда на правый берегъ Дуная въ обходъ турецкаго лагеря, раскинутаго на лѣвомъ, вызвала въ Петербургѣ глубокое удовлетвореніе [2]), которое легко могло опять настроить нашъ кабинетъ въ воинственномъ смыслѣ и по крайней мѣрѣ вернуть его къ первоначальнымъ требованіямъ объ уступкѣ обоихъ княжествъ, и это въ глазахъ Кутузова уничтожило бы надолго всякіе шансы на миръ.

Опасеніе его нельзя не считать обоснованнымъ хотя бы и по отношенію къ Румянцову. Извѣстіе о побѣдѣ Маркова подняло опять духъ нашего канцлера и воскресило въ немъ любимыя мечты: разговаривая съ французскимъ посломъ Лористономъ, онъ даже предсказывалъ въ ближайшемъ будущемъ распаденіе Оттоманской имперіи [3]). Въ нашей восточной политикѣ неоднократно наблюдались, послѣ періодовъ чрезмѣрной пассивности, скороспѣлые замыслы и преждевременные выводы.

---

[1]) Нап. у Попова, тамъ же, стр 214.

[2]) См. разговоръ Государя съ Лористономъ въ донесеніи послѣдняго отъ 25 октября 1811 г. (Nicolas Mikhailovitch, VI, стр. 136).

[3]) „Le 25 octobre, ayant appris de bonne heure la nouvelle de la victoire remportée sur les Turcs, je me suis rendu chez le chancelier pour lui faire mon compliment à ce sujet. Il m'a dit en me parlant de la Turquie: „C'est un état qui périt. Il donnera encore du fil à retordre, mais il ne peut manquer de s'écrouler dans quelques années“. (Nicolas Mikhailovitch, VI, стр. 254).

Необходимо было поскорѣе вступить въ переговоры съ пріѣхавшими въ Журжево турецкими уполномоченными. Въ сущности уполномоченными трудно было назвать этихъ пріѣхавшихъ въ Журжево делегатовъ, ибо съ перваго же дня [1]) выяснилось, что полномочія для заключенія мира они изъ Константинополя еще не получили. Но Кутузовъ тѣмъ не менѣе рѣшился открыть оффиціально переговоры, тѣмъ болѣе что и раньше, въ нашихъ сношеніяхъ съ турецкой дипломатіей, встрѣчались подобнаго рода случаи, когда съ нашего вѣдома визирь начиналъ трактовать о мирѣ на собственный страхъ. Но, кромѣ того, Кутузову это было весьма важно, хотя бы и безъ надежды на скорый успѣхъ: дальнѣйшее воздѣйствіе на Турокъ путемъ военныхъ операцій становилось почти невозможнымъ, такъ какъ наши боевыя силы на Дунаѣ быстро уменьшались и Кутузовъ не могъ уже больше удержать 9 и 15 дивизіи, оказавшія ему столь значительныя услуги. А безъ такого нажима оружіемъ, произведеннаго имъ въ сентябрѣ и началѣ октября, Кутузову было бы несомнѣнно труднѣе заставить Турокъ согласиться второй разъ на мирные переговоры.

Конгрессъ открылся 19 октября [2]) въ обстановкѣ, мало подходящей для акта государственной важности. Но въ убогомъ Журжевѣ, кромѣ сомнительнаго трактира, хорошо извѣстнаго русской военной молодежи, не оказалось другого помѣщенія для первой встрѣчи дипломатовъ [3]). Съ турецкой стороны присутствовало шесть человѣкъ; изъ нихъ только двое играли руководящую роль въ преніяхъ: замѣститель визиря, кехай-бей, бывшій рейсъ-эфенди, Галибъ, имѣвшій уже раньше случай участвовать съ нами въ дипломатическихъ переговорахъ и готовый, благодаря своему уму и гибкости, воспользоваться этимъ опытомъ. Драгоманомъ съ турецкой стороны состоялъ Димитраки Мурузи, который былъ связанъ съ Галибомъ общимъ расположеніемъ султана и имѣлъ общихъ съ нимъ недоброжелателей въ Константинополѣ. Одновременно съ громаднымъ вліяніемъ въ турецкой главной квартирѣ и въ Константинополѣ, гдѣ его братъ Панаіотаки замѣщалъ его и поддерживалъ интересы семьи Мурузи, Димитраки пользовался

---

[1]) У Попова, Журн. Мин Нар. Просв. 1875 г., декабрь, стр. 317.

[2]) См. объ этомъ засѣданіи и о послѣдующихъ у Уляницкаго, Матеріалы къ исторіи восточнаго вопроса въ 1808—1813 годахъ. извлеченные изъ Архива Русскаго Конст. посольства, въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей (1901), книга 4 (т. 199), стр. 1 сл.

[3]) Langeron, Journal, стр 353.

еще расположеніемъ и у насъ, гдѣ довольно опредѣленно разсчитывали на его содѣйствіе. Но Мурузи, преслѣдуя свои личныя цѣли, старался между русскими и турецкими интересами найти дорожку, по которой онъ могъ бы провести фанаріотскую политику: не раздражая чрезмѣрно Россію, нужно было сохранить въ княжествахъ достаточную территорію за Оттоманской имперіею, чтобы укрѣпить и даже распространить греческое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. За Галибомъ и Мурузи современники признавали выдающіяся дипломатическія способности. Остальные делегаты Порты играли лишь незначительную роль, какъ Кетернъ-эфенди и Незибъ-эфенди. Янычарскій офицеръ Гамидъ-эфенди могъ до извѣстной степени отражать миролюбивое настроеніе этого, тогда уже изнѣженнаго, войска, а шестой, Селимъ, поражалъ окружающихъ своимъ исполинскимъ ростомъ и чрезмѣрной сонливостью во время засѣданій.

Первымъ русскимъ уполномоченнымъ состоялъ нашъ бывшій посланникъ въ Константинополѣ, Италинскій, присланный на Дунай именно съ опредѣленнымъ порученіемъ участвовать въ выработкѣ мирнаго договора. Но вплоть до подписанія трактата 16 мая 1812 г личность его заслонялась Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ, только что произведеннымъ въ графское достоинство за военные успѣхи и остававшимся тогда въ Журжевѣ для непосредственныхъ сношеній съ Турками. То же самое нужно сказать о нашемъ второмъ уполномоченномъ, генералѣ Сабанѣевѣ, героѣ нашихъ предыдущихъ войнъ, начиная съ 1791 г., отличившемся также впослѣдствіи въ походахъ 1813 и 1814 гг., но не принимавшемъ активнаго участія въ преніяхъ о мирѣ.

Дѣятельнымъ членомъ конгресса съ нашей стороны и постояннымъ сотрудникомъ Кутузова въ дѣлѣ мира былъ третій уполномоченный, Іосифъ Фонтонъ, къ которому были прикомандированы два младшихъ переводчика—его племянники Антонъ и Петръ Фонтонъ. Имѣя многочисленныхъ знакомыхъ и друзей среди турецкихъ пашей въ визирскомъ лагерѣ и въ Константинополѣ, старый левантинецъ, перешедшій недавно съ французской службы къ намъ, неоднократно и помимо оффиціальныхъ засѣданій конгресса исполнявшій конфиденціальныя порученія нашего главнокомандующаго, былъ, можно сказать, душой мирныхъ переговоровъ. Его знаніе турецкаго языка до мельчайшихъ тонкостей и его навыкъ обращаться съ Турками значительно содѣйствовали полнотѣ его освѣдомленности. Но въ русскомъ лагерѣ онъ тѣмъ не менѣе не

пользовался особымъ довѣріемъ: его считали тамъ болѣе близкимъ къ Портѣ, чѣмъ къ нашему правительству, хотя Турки въ свою очередь остерегались несомнѣнно этого прозорливаго драгомана, а въ глазахъ французскихъ дипломатовъ[1]) Іосифъ Фонтонъ считался опаснымъ перебѣжчикомъ. Такіе однородные отзывы съ противоположныхъ сторонъ позволяютъ вывести среднюю оцѣнку. Выдающіяся умственныя способности Фонтона никѣмъ не отрицаются, но не взирая на его привязанность къ родному Константинополю, гдѣ онъ, какъ большинство посольскихъ драгомановъ, провелъ всю жизнь, и не взирая на привычку получать подарки, давно уже укоренившуюся среди переводчиковъ у Золотого Рога, нельзя не отвергнуть тѣхъ обвиненій въ подкупности, которыя выдвигались противъ Іосифа Фонтона въ эпоху заключенія Бухарестскаго мира[2]). О его честности и преданности русскимъ интересамъ свидѣтельствуетъ между прочимъ Ланжеронъ [3]), мало расположенный не только къ грекамъ-фанаріотамъ, но и къ левантинцамъ латинскаго происхожденія, служившимъ переводчиками при европейскихъ миссіяхъ на Босфорѣ[4]).

На первомъ засѣданіи 19 октября русскіе уполномоченные выставили исходной точкой для начала переговоровъ требованіе о сохраненіи нами всей Молдавіи, что было вполнѣ понятно съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ: не даромъ же территорія, окаймленная Карпатами и Серетомъ, славилась своими лѣсными и минеральными богатствами, и отказъ отъ нея означалъ безусловное обезцѣненіе всякаго другого частичнаго пріобрѣтенія въ предѣлахъ Молдавскаго княжества, и кромѣ того рѣка Серетъ не представляла большихъ удобствъ въ качествѣ военной границы. Но турецкіе дипломаты тотчасъ же возразили, что готовность Русскихъ вступить въ мирные переговоры послѣдовала лишь послѣ того, какъ визирь высказался за возможность остановиться на разграниченіи двухъ имперій Серетомъ и Дунаемъ (отъ мѣста впаденія этого притока до Чернаго моря), и что только это условіе могло служить основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ.

---

[1]) „... Mr. Fonton, homme toujours acharné contre ses anciens compatriotes.." Донесеніе Леду отъ 12 іюня 1811 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 610).

[2]) „N'oubliez pas ce que je vous ai dit des Fonton", писалъ Александръ Чичагову 14 мая 1812 г., „ils sont vendus aux Turcs". Горяиновъ, 1812, Документы, стр. 47

[3]) Journal, стр. 155.

[4]) „D'après ce que je viens de dire des Fanariotes, on croira difficilement qu'il puisse exister une race de scélérats plus infâme; il en existe cependant une encore plus immonde ou du moins digne d'être mise en parallèle avec les Fanariotes, et cette race existe aussi à Constantinople: c'est celle des dragomans étrangers des différentes missions européennes". Langeron, тамъ же, стр. 73.

На другой день, 20 октября[1]), Италинскій сообщилъ о согласіи главнокомандующаго принять Серетъ за границу. Но Дунай вызвалъ разногласіе: мы хотѣли бы получить его цѣликомъ, т е въ составѣ всѣхъ трехъ рукавовъ, не исключая Георгіевскаго. Такимъ образомъ проходъ изъ Дуная въ Черное море и обратно былъ бы всецѣло въ нашихъ рукахъ и турецкое судоходство въ полной нашей зависимости. Противъ этого и возражали представители Порты, предлагая намъ одно только Килійское гирло, и утѣшая насъ тѣмъ, что оно могло быть легко превращено въ водный путь. Наконецъ делегаты обѣихъ сторонъ сошлись на среднемъ гирлѣ Сулинскомъ и такимъ образомъ, что лѣвый берегъ долженъ былъ принадлежать Россіи, а правый Турціи.

Но самымъ существеннымъ являлся вопросъ о распредѣленіи Молдавіи между двумя имперіями, и Кутузову Румянцовъ писалъ 26 октября 1811 г.: „главнѣйшая наша цѣль есть миръ съ Портою, полагающій границею рѣку Серетъ“. По остальнымъ пунктамъ, т. е. по вопросу о территоріальномъ расширеніи въ Азіи и о гарантіяхъ для христіанскаго населенія Валахіи и Сербіи Кутузову были даны весьма гибкія инструкціи. И хотя на слѣдующихъ засѣданіяхъ 22, 23 и 24 октября Турки отказывались признавать наше uti possidetis на Черноморскомъ побережьѣ, но въ частномъ совѣщаніи Галиба съ Италинскимъ была выработана формула, довольно туманная, которая предусматривала для проведенія границы въ Азіи назначеніе особыхъ комиссаровъ [2]).

Однако совершенной неожиданностью явилось въ засѣданіи 31 октября возвращеніе Турокъ къ параграфу о Серетѣ, при чемъ оттоманскіе делегаты выражали сомнѣніе относительно судоходности этой рѣки, что совершенно къ дѣлу не относилось, и даже вообще возбуждали вопросъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ терминомъ „граница по Серету“. Имъ пришлось объяснить,—не взирая на то, что они это прекрасно понимали,—какимъ образомъ желобовина рѣки должна была образовать самую границу, съ предоставленіемъ лѣваго берега Россіи и праваго Турціи [3])

Пренія стали принимать такой оборотъ, который на современномъ языкѣ назывался бы „обструкціей“, и Кутузовъ, хорошо знакомый съ пріемами турецкой дипломатіи, не могъ не чувствовать безпокойства, тѣмъ болѣе что онъ имѣлъ основа-

---

[1]) У Уляницкаго, тамъ же, стр 2 сл.
[2]) У Попова, тамъ же, стр. 317—319.
[3]) Уляницкій, тамъ же, стр. 19.

ніе опасаться неприбытія ожидаемыхъ изъ Константинополя полномочій, или въ лучшемъ случаѣ считаться съ возможностью полученія инструкцій, не разрѣшающихъ турецкимъ представителямъ тѣхъ уступокъ, на которыя мы имѣли право надѣяться, послѣ открытія конгресса въ Журжевѣ [1]).

Свѣдѣнія о томъ, что происходило въ этой придунайской деревушкѣ, утопающей въ осенней грязи, проникали тѣмъ временемъ въ публику. Русскіе офицеры въ Бухарестѣ считали миръ обезпеченнымъ и подумывали уже объ обратномъ движеніи къ сѣверу [2]) Валашскіе греки готовились къ встрѣчѣ Кутузова и въ ожиданіи близкаго воцаренія новаго господаря строили для нашего главнокомандующаго тріумфальныя арки [3]), украшенныя надписями, которыя свидѣтельствовали, что правнуки древнихъ риторовъ не разучились еще владѣть эллинской гиперболой [4]). Французскій консулъ въ Бухарестѣ Леду, не взирая на обычную осторожность его сужденій, начиналъ сомнѣваться, что вліянію Латуръ-Мобура удастся удержать Турокъ отъ соглашенія съ нами, и считалъ миръ почти предрѣшеннымъ въ Журжевѣ, подъ условіемъ перенесенія нашей границы только до Прута [5]). Подобные же слухи проникали и въ Петербургъ, гдѣ общественное мнѣніе, ожидая съ нетерпѣніемъ прекращенія давно уже не популярной войны, считало Бессарабію достаточнымъ для насъ удовлетвореніемъ. Увѣренность въ близкомъ мирѣ росла постепенно послѣ каждаго прибытія фельдъегеря изъ Бухареста [6]), и тѣ извѣстія, которыя сообщались въ Берлинъ прусскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, казались настолько достовѣрными, что въ половинѣ ноября король прусскій уже собирался поздравить Государя съ благополучнымъ исходомъ мирныхъ переговоровъ [7]).

Но другой представитель Фридриха-Вильгельма III, повѣренный въ дѣлахъ при оттоманской Портѣ, Вертеръ, былъ лучше освѣдомленъ и повидимому стоялъ ближе къ источнику

---

[1]) См. Поповъ, Ж. М. Н. П 1875 г., декабрь, стр. 322.

[2]) См. донесеніе Леду отъ 8/20 ноября у Hurmuzaki, Suppl. I, vol II, стр. 641, и 13/25 ноября, стр. 645.

[3]) Донесеніе Вертера изъ Константинополя на основаніи извѣстій, полученныхъ въ срединѣ ноября изъ Бухареста (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 473).

[4]) Кутузовъ писалъ своей женѣ 13 дек. 1811 г. (Русская Старина 1872 г., т. V): „Вездѣ были транспаранты съ греческими надписями, и иныя, сказываютъ, хороши; вездѣ что-то много Темистоклюса".

[5]) См. его вышеприведенныя донесенія.

[6]) См. донесенія прусскаго посланника отъ 24 ноября 1811 г (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 471).

[7]) См. письмо короля къ посланнику въ Спб. отъ 18 ноября 1811 г. (Jorga, тамъ же, стр. 470).

вѣстей, чѣмъ нѣкоторые изъ его коллегъ по дипломатическому корпусу на Босфорѣ[1]). Онъ, осенью, послѣ открытія конгресса въ Журжевѣ, доносилъ изъ Константинополя, что Турки стали податливѣе, что послѣ разорительной и столь продолжительной войны Порта склонялась къ миру, но къ миру наименѣе убыточному. Изъ разговоровъ съ Рейсъ-эфенди и съ Панаіоти Мурузи ему удалось узнать, что переговоры на Дунаѣ были начаты безъ опредѣленной цѣли и во всякомъ случаѣ безъ малѣйшаго желанія лишиться двухъ третей Молдавіи. Вертеръ подтверждалъ, что уступка линіи Серета встрѣчалась съ самымъ энергичнымъ противодѣйствіемъ въ Константинополѣ именно со стороны представителей фанаріотской политики, которая допускала ослабленіе Турціи до извѣстной степени, но конечно безъ уничтоженія дунайскихъ откупныхъ княжествъ [2]).

Впрочемъ, недовѣріе къ близкому исходу переговоровъ быстро подтвердилось дальнѣйшимъ ходомъ дѣла въ самомъ Журжевѣ. Послѣ безконечныхъ и безплодныхъ засѣданій 2 и 3 ноября Кутузовъ рѣшился, наконецъ, 4 ноября написать Ахмету энергичное письмо, въ которомъ онъ указывалъ, что ненормальность подобныхъ переговоровъ, безъ полномочій одной изъ сторонъ, не можетъ дальше продолжаться и должна повести къ разрыву. Визирь поспѣшилъ отвѣтить, что полномочія уже отправлены изъ Константинополя и что они должны быть доставлены немедленно въ Журжево. Потомъ были назначены еще два засѣданія, 6 и 7 ноября[3]), которыя ничего новаго не могли дать; а тѣмъ временемъ Кутузовъ уже узналъ изъ Константинополя, что, подъ очевиднымъ вліяніемъ французской дипломатіи, султанъ не рѣшался отдавать Молдавію до Серета. Наконецъ 16-го ноября Галибъ, уѣхавшій за нѣсколько дней до этого въ Рущукъ, вернулся въ Журжево съ сообщеніемъ, что полномочія прибыли въ визирскій лагерь, и тогда на другой день открылось засѣданіе конгресса, на которомъ Галибъ былъ принужденъ заявить оффиціально, что полученныя полномочія не позволяли имъ трактовать о мирѣ на основаніи границы по Серету [4]).

Эта декларація произвела на нашихъ представителей ошеломляющее впечатлѣніе и мы оказались въ самомъ невы-

---

[1]) См, напр., слишкомъ оптимистическія донесенія барона Гюбша изъ Константинополя 25 ноября 1811 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 645).
[2]) Донесеніе королю отъ 25 ноября 1811 г. (Jorga, тамъ же, II, стр. 469).
[3]) Уляницкій, тамъ же, стр. 26—30.
[4]) Уляницкій, тамъ же, стр. 33—35.

годномъ положеніи: отказавшись отъ своего давнишняго требованія обоихъ княжествъ, мы пошли на уступки, и послѣ продолжительныхъ переговоровъ на этой почвѣ оказалось внезапно, что непріятель на компромисъ не пошелъ, но получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ явныя доказательства въ нашей готовности принести существенныя жертвы заключенію мира. Италинскій тутъ же заявилъ въ отвѣтъ, что дальнѣйшія пренія онъ теперь считаетъ недопустимыми, и закрылъ засѣданіе [1]).

Этотъ день 17 ноября—самый критическій въ исторіи Бухарестскаго мира, и онъ означалъ для насъ серьезную неудачу. Но слѣдовало ли связать съ нимъ окончательный перерывъ переговоровъ? Кутузовъ этого не думалъ, тѣмъ болѣе что онъ съ самаго начала мало разсчитывалъ на границу по Серету и предвидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость для насъ итти еще дальше по пути уступокъ и удовольствоваться меньшей частью Молдавіи. Если въ концѣ концовъ Россія вышла изъ этой кампаніи съ расширеніемъ территоріи Имперіи и если Бессарабія образовала русскую губернію, то это безспорная заслуга графа Михаила Иларіоновича. Онъ понялъ тогда, въ Журжевѣ, что прекращеніе переговоровъ могло имѣть роковыя послѣдствія: пришлось бы впослѣдствіи просить Порту объ ихъ возобновленіи въ худшихъ условіяхъ, можетъ быть наканунѣ вторженія Наполеона въ Россію и послѣ доведенія молдавской арміи до крайней малочисленности [2]). Турки по всему вѣроятію тогда не были бы вовсе расположены разговаривать о мирѣ, или потребовали бы возстановленія границы по Днѣстру.

Но въ ноябрѣ 1811 г Турки, какъ это передавалъ Галибъ Италинскому при частномъ свиданіи[3]), предоставляли намъ нѣчто бо́льшее: они уступали намъ правый берегъ Днѣстра до устьевъ и предлагали границу по Пруту до мѣстечка Фалчи, а оттуда линію по рѣкѣ Кундукъ (у Молдаванъ Кагальникъ), которая образовала бы дальнѣйшую границу вплоть до моря. Италинскій отказался отъ такого новаго основанія для переговоровъ, ссылаясь на отсутствіе у насъ соотвѣтствующихъ инструкцій, но тѣмъ не менѣе Кутузовъ по настоятельной просьбѣ Галиба и Мурузи, дѣйствовавшихъ попрежнему дружно, разрѣшилъ собраться на новое засѣданіе, не взирая на коренное разногласіе

---

1) Уляницкій, тамъ же, стр. 35.

2) „Я теперь мало имѣю способовъ дѣйствовать съ успѣхомъ наступательнымъ образомъ“, писалъ Кутузовъ Румянцову 13 дек. 1811 г. (Поповъ, тамъ же, стр. 329).

3) Объ этомъ у Попова, Журн. Мин Нар. Просв., CLXXXII, декабрь, стр. 326—327.

обѣихъ сторонъ. Кутузовъ зналъ заранѣе, что это продолженіе конгресса должно было подвергнуться осужденію въ Петербургѣ, какъ признакъ чрезмѣрной податливости съ нашей стороны, но тѣмъ не менѣе онъ согласился уступить просьбамъ турецкихъ делегатовъ, которые всячески старались объяснить случившееся недоразумѣніе искреннимъ миролюбіемъ визиря, взявшаго на себя склонить султана къ миру, при чемъ самъ Махмудъ, по увѣренію Галиба, также стремился къ соглашенію съ Россіей.

Впрочемъ, продолженіемъ переговоровъ дорожили одинаково кехай-бей и Мурузи: оба они разсчитывали на компромисъ въ проведеніи границы въ Молдавіи, и оба, турокъ какъ и фанаріотъ, были одинаково заинтересованы въ окончаніи войны Послѣ удаленія Русскихъ изъ Бухареста Мурузи могъ разсчитывать на валашское господарство, а Галибъ надѣялся замѣнить Ахмета на визирскомъ посту.

Если, такимъ образомъ, соображенія оттоманскихъ полномочныхъ совпадали до извѣстной степени съ планами Кутузова, то легко было нашему главнокомандующему назначить новое совѣщаніе 21 ноября [1]). Но именно на этомъ засѣданіи наши представители, не имѣвшіе соотвѣтствующаго разрѣшенія изъ Петербурга, не могли стать на новую почву, предлагаемую Турками, не могли положить въ основаніе дальнѣйшихъ переговоровъ новую границу, которая имѣла цѣлью отрѣзать насъ отъ Дуная, какъ и было это осуществлено, приблизительно въ томъ же видѣ, на Парижскомъ конгрессѣ въ 1856 г. Однако Галибъ своимъ краснорѣчіемъ сумѣлъ упросить нашихъ представителей только довести до свѣдѣнія Государя предложеніе Турокъ о границѣ по Кундуку вмѣсто Серета. Говорилъ Галибъ очень хорошо: онъ умолялъ Италинскаго передать въ Петербургъ искреннее желаніе султана прекратить пятилѣтнюю войну, а въ предыдущемъ засѣданіи онъ даже прибѣгалъ къ аргументамъ, которые и въ Россіи выдвигались противъ нашей восточной политики. Стоило ли для такой огромной державы, какъ Россія, стремиться къ новымъ завоеваніямъ, и какое значеніе могли имѣть въ составѣ великой имперіи нѣсколько придунайскихъ долинъ [2])?

Какъ бы то ни было, но для направленія дальнѣйшихъ переговоровъ у Кутузова имѣлся значительный козырь, которымъ онъ и сумѣлъ воспользоваться: окруженный нашими войсками,

---

[1]) Объ этомъ засѣданіи см. у Уляницкаго, стр. 36.
[2]) См. Уляницкій, стр. 33.

турецкій лагерь на лѣвомъ берегу Дуная долженъ былъ сдаться, и Михаилъ Иларіоновичъ выговорилъ себѣ всю артиллерію, остальное же оружіе было оставлено Туркамъ, но ихъ армія, расчлененная на нѣсколько частей, находилась подъ присмотромъ соотвѣтствующаго количества отрядовъ съ нашей стороны. Перемиріе, заключенное въ этомъ смыслѣ 25 ноября, давало намъ право возобновить военныя дѣйствія по нашему усмотрѣнію, съ обязанностью предупредить Турокъ лишь за 20 дней.

Казалось бы послѣ этого, что Кутузову, согласившемуся на продолженіе переговоровъ, слѣдовало настаивать, чтобы засѣданія велись по-прежнему въ Журжевѣ, которое по своей изоляціи, особенно зимой, представляло серьезныя преимущества, тогда какъ въ Бухарестѣ бдительность австрійскихъ и особенно французскихъ агентовъ, шпіоны валашскихъ бояръ и интриги франкофильскихъ фанаріотовъ могли служить серьезнымъ препятствіемъ къ успѣшности переговоровъ съ Турками и создавать неожиданныя приключенія. Но Кутузовъ, который желалъ сохранить непосредственное общеніе съ полномочными, скучалъ въ Журжевѣ и предпочелъ переѣхать въ Бухарестъ, куда его привлекали личныя удобства. Это пожалуй характерная черта для Кутузова: въ немъ рѣдкая прозорливость и устойчивость взглядовъ мирились постоянно съ апатіею воли и со старческимъ легкомысліемъ. Правда, что его предложеніе перенести конгрессъ въ Бухарестъ было встрѣчено крайне благосклонно оттоманскими делегатами: имъ не улыбалась перспектива зимовки на Дунаѣ и они охотно промѣняли Журжево на Бухарестъ. Не даромъ же столица Валахіи давно уже славилась у Турокъ [1]) и у Грековъ [2]) какъ излюбленное мѣсто веселья и разврата.

---

[1]) Ср. описаніе Бухареста турецкимъ офицеромъ въ концѣ XVIII вѣка: Ein topogr.-ethnographischer Beitrag, aus dem Türkischen, übersetzt von Schlichta, Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kais. Acad. der Wisserschaften (Wien, 1863). Bd. XL.

[2]) ....*Τὸ λαμπρὸν Βουκουρέστιον, το χρυσὸν Βουκουρέστιον, το γλυκὸν Βουκουρέστιον*... (Ephemerides Daces de Dapontes, изд. Legrand, I (Publications de l'école des langues orientales Vivantes XIV, 1880), стр. *υλε*.

ГЛАВА III.

Послѣдняя зимовка въ Валахіи.

Положеніе нашихъ уполномоченныхъ, послѣ возвращенія въ Бухарестъ, казалось мало благопріятнымъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее засѣданіе конгресса произвело въ Петербургѣ крайне тяжелое впечатлѣніе и вызвало сильное паденіе бумагъ[1]). Александръ въ письмѣ къ Кутузову ставилъ ему на видъ неожиданность заявленій турецкихъ делегатовъ съ одной стороны, а съ другой — мягкость его обращенія съ плѣнной турецкой арміей[2]). Въ Петербургѣ ходили слухи о предстоящемъ отозваніи Кутузова[3]). Но не взирая на это внѣшнее раздраженіе, нашъ кабинетъ оцѣнилъ стремленіе Кутузова избѣгнуть формальнаго перерыва переговоровъ, и когда Александръ предписывалъ сызнова наступательныя дѣйствія противъ Турокъ съ помощью черноморскаго флота[4]), то онъ могъ заранѣе предполагать, что постепенно уменьшающаяся дунайская армія не въ состояніи уже была сыграть рѣшающую роль и что наши морскія силы, бездѣйствовавшія до тѣхъ поръ, не могли быть угрозой для Константинополя. Онъ прекрасно понималъ, что возможность заключенія для насъ достойнаго мира лежала исключительно въ области дипломатическихъ переговоровъ, и потому въ письмахъ, полученныхъ Кутузовымъ уже нѣкоторое время спустя, сквозитъ удовлетвореніе, вызванное увѣренностью, что турецкіе делегаты не возвратятся[5]) обратно въ визирскій лагерь.

---

[1]) См донесеніе С. Жюльенъ Меттерниху отъ 21 дек. 1811 г., нап. у Вел. Кн. Николая Михаиловича: „Императоръ Александръ I“ (1912), т. I, стр. 476.

[2]) Письмо 12 декабря 1811 г. нап. у Попова, Журн. Мин. Нар. Пр., тамъ же, стр. 328 сл.

[3]) См. Langeron, Journal, стр. 365.

[4]) Рескриптъ 16 февраля 1812 г. дюку де Ришелье. В. У. А., II, 141.

[5]) Письмо Румянцова отъ 4 февр., у Попова, стр. 338.

Но Александръ не могъ не опасаться, что Бухарестъ являлся мало подходящимъ мѣстомъ для дипломатическаго воздѣйствія на Турокъ, такъ какъ оттоманскіе делегаты могли тамъ легче чѣмъ гдѣ-либо подвергнуться вліянію нашихъ недоброжелателей[1]) Валашская столица изобиловала, нужно признать, разными лицами, игравшими тайную роль рядомъ съ гласными своими обязанностями. Были въ этой роли и агенты русскаго правительства, какъ грекъ Бароци, которому было поручено изъ Петербурга секретно слѣдить за Кутузовымъ[2]), а также и за семьей Фонтоновъ, которымъ Государь почему-то не довѣрялъ[3]). Были и валашскіе бояре, сыгравшіе видную роль при князьяхъ, удаленныхъ Россіей, мечтавшіе объ ихъ возстановленіи, были и родственники фанаріотскихъ семей, враждебно настроенные къ руссофильской семьѣ Мурузи, и всѣ они могли, какъ завзятые враги Россіи, передавать свѣдѣнія въ извращенномъ видѣ, сочиняя сенсаціонные слухи о вмѣшательствѣ Франціи или Австріи въ восточныя дѣла, и ухудшить наше положеніе при дальнѣйшихъ переговорахъ.

Но всѣ они объединялись нашимъ давнишнимъ противникомъ, французскимъ консуломъ въ Бухарестѣ Леду. Одно время, когда происходили засѣданія въ Журжевѣ, онъ считалъ русско-турецкое соглашеніе обезпеченнымъ, но послѣ разрыва 17 ноября онъ опять воспрялъ духомъ, надѣясь, что задержка мира въ концѣ 1811 года должна въ скоромъ времени заставить насъ, подъ давленіемъ опасности со стороны Франціи, согласиться на всѣ первоначальныя требованія Порты Онъ въ этомъ смыслѣ писалъ своему начальству[4]) и, кромѣ того, въ самомъ Бухарестѣ входилъ въ сношенія съ турецкими делегатами и подбадривалъ ихъ обѣщаніемъ о поддержкѣ Франціи въ защиту неприкосновенности Оттоманской имперіи. Галибъ, отрѣзанный отъ вѣстей, мало освѣдомленный о томъ, что происходило въ Европѣ, и о неизбѣжности столкновенія между Франціей и Россіей, охотно прислушивался къ обольстительнымъ

[1]) Александръ Кутузову 12 декабря 1812 г. Тамъ же, стр. 330.

[2]) См. Мемуары Чичагова, стр. 364 (изданные Лаовари по экземпляру Парижской Національной Библіотеки, принадлежавшему графу де Бузе): Mémoires de l'amiral P. Tchitchagof, publiés par Charles Lahovary, Paris, 1909. Они—полнѣе изданія 1855 г. и по своему содержанію соотвѣтствуютъ перепискѣ адмирала.

[3]) См. письмо къ Чичагову 2 мая 1812 г., нап. въ Сборникѣ И. Р. И. О., т. VI.

[4]) „Si la Russie est réellement dans un danger quelconque et qu'elle consente à signer une paix honteuse, je suis dans ce cas de l'avis du public, c'est à dire qu'elle ne manquera pas de se faire incessamment". Донесеніе Леду 6 дек. 1811 г. Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 650.

рѣчамъ француза[1]) въ продолжительныхъ бесѣдахъ, которыя воспроизводились почти цѣликомъ въ донесеніяхъ консула. И подъ этимъ вліяніемъ осторожному Галибу иногда мерещилось возстановленіе Польши, порабощеніе Россіи, при тѣсномъ единеніи Порты съ Франціей. „Напрасно, говорилъ онъ консулу Леду, навѣщавшему его во время болѣзни, напрасно русскіе думаютъ, что у насъ исчерпалась военная мощь: ежедневно прибываютъ солдаты къ визирю и всемогущъ великій Аллахъ“[2]).

Однако увѣреніе о достаточныхъ турецкихъ силахъ въ Болгаріи, послѣ оцѣпленія визирскаго лагеря къ Слободзеѣ, не соотвѣтствовало дѣйствительности, и самъ французскій представитель на Босфорѣ свидѣтельствовалъ о полномъ безсиліи Порты. Въ теченіе февраля мѣсяца[3]) 1812 г. небольшіе наши отряды могли совершать опустошенія на правомъ берегу и взять Систово, но начавшійся ледоходъ на Дунаѣ заставилъ ихъ вернуться на лѣвый берегъ, такъ что эти случайныя и отрывочныя дѣйствія значенія не имѣли и на исходъ переговоровъ не повліяли.

У Кутузова былъ одинъ важный козырь въ рукахъ, это—турецкая армія, отрѣзанная еще въ октябрѣ мѣсяцѣ и которая, согласно перемирію, считалась только подъ охраной нашего войска: она въ любой моментъ могла быть объявлена военноплѣнною и отправлена въ качествѣ таковой въ Россію[4]). Но этимъ послѣднимъ способомъ давленія Кутузовъ не спѣшилъ воспользоваться въ теченіе довольно продолжительнаго періода полнаго дипломатическаго бездѣйствія въ Бухарестѣ, послѣ того какъ результаты злополучнаго засѣданія были сообщены правительствамъ обѣихъ державъ. За все это время, вплоть до конца декабря, дѣло мира оставалось безъ всякаго движенія и жизнь делегатовъ текла обычнымъ ходомъ обывательскаго препровожденія времени на Востокѣ, съ той только разницей, что продовольствіе выдавалось Туркамъ изъ русской казны[5]). Изрѣдка устраивались угощенія и празднества; выдѣлился своей ро-

[1]) „... Il n'est donné à personne de deviner les profondes et sublimes combinaisons de mon auguste Maître; mais tous ses sujets, ainsi que tous les amis de la France doivent s'abandonner avec confiance à son génie et à sa protection“. Донесеніе Леду 25 января 1812 г., Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 664.

[2]) Тамъ же.

[3]) „La détresse de l'état militaire de la Porte est à son comble“... Латуръ-Мобуръ министру 27 января 1812 г., у Hurmuzaki, Suppl I, vol. II, стр. 713.

[4]) См. письмо Кутузова къ Румянцову 3 января 1812 г., у Попова, тамъ же, стр. 333.

[5]) „Les Russes paient aux envoyés turcs 135 ducats par jour pour leur table. Ceux-ci se promènent, s'amusent, et ne s'occupent nullement des conférences“... Донесеніе Леду 12 января 1812 г., у Hurmuzaki, тамъ же, стр. 659.

скошью костюмированный балъ въ честь Кутузова у Мурузи, на которомъ присутствовалъ инкогнито и Галибъ[1]).

Мурузи, нужно замѣтить, поддерживалъ близкія отношенія и имѣлъ частыя бесѣды съ нашими делегатами. Сторонники его по этому поводу восхваляли его вліяніе на нашу дипломатію[2]); недруги же и завистники его среди грековъ выставляли его близость къ Кутузову и къ Фонтону какъ признакъ измѣны и тѣмъ самымъ готовили его гибель[3]). Истина, какъ чаще всего въ такихъ случаяхъ, по срединѣ. Мурузи, озабоченный прекращеніемъ войны между Россіею и Турціей, для осуществленія своихъ плановъ на валашскій престолъ, стремился убѣдить русскихъ делегатовъ въ необходимости тѣхъ уступокъ, безъ которыхъ Порта не согласилась бы заключить миръ. Линію Серета отвергалъ и Папаіоти Мурузи въ Константинополѣ, когда съ драгоманами другихъ европейскихъ миссій онъ касался условій, первостатейной, съ точки зрѣнія Порты, важности для соглашенія съ Россіей[4]). Братьямъ Мурузи помогалъ ихъ родственникъ и единомышленникъ, представитель Турціи въ Вѣнѣ Мавроіени, который доставлялъ имъ свѣдѣнія изъ области европейской политики, зорко слѣдя за сближеніемъ Австріи и Франціи въ области восточнаго вопроса, одинаково тревожнымъ для Турціи, какъ и возможное соглашеніе Россіи и Габсбурговъ за счетъ Оттоманской имперіи[5]).

Освѣдомленные люди не могли вѣрить въ миръ, если Россія настаивала на распространеніи своей территоріи до Серета. Когда Ланжеронъ навѣщалъ великаго визиря въ Шумлѣ, по просьбѣ Кутузова, стремившагося узнать о намѣреніи Порты до

---

[1]) Донесеніе французскаго посольства отъ 19 января, у Hurmuzaki, тамъ же, стр. 711.

[2]) „Le Muchardar du Mektoubdji-Effendi est arrivé hier du camp... Il élève aux nues le Prince Dimitrako Moruzzi; il dit que celui-ci est si bien vu des Russes, qu'il en obtient tout ce qu'il veut et qu'en dernier lieu il les avait non seulement décidés à rendre les deux provinces, mais même la partie de la Bessarabie, dont ils avaient formé la demande". Донесеніе отъ 28 декабря 1811 г., у Hurmuzaki, тамъ же, стр. 711.

[3]) „Un des principaux Grecs de Constantinople disait en dernier lieu à quelques personnes qui se trouvaient dans sa société et qui manifestaient la crainte où elles étaient, que la paix ne fût enfin conclue: „Dimitrako Moruzzi peut se ruiner à donner des bals aux Russes, mais il ne réussira jamais dans le dessein où il est de leur faire faire la paix avec nous. Je suis même persuadé qu'il ne reviendra plus ici, du moins en vie". Тамъ же.

[4]) „Le Prince Morousi a dit à Mr. de Bosgiovitch, que la continuation de la guerre vient d'être résolue, puisque la Russie insistait sur des prétentions, auxquelles le Grand Seigneur ne consentirait jamais". Донесеніе прусскаго посланника изъ Констант. 4 февраля 1812 г. (нап. у Jorga, Acte şi fragm., II, стр. 476).

[5]) Письмо Латуръ-Мобура барону Отто въ Вѣну отъ 25 января 1812 г., у Hurmuzaki, тамъ же, стр. 663.

полученія новыхъ инструкцій изъ Константинополя, Ахметъ твердилъ ему, что только Прутъ можетъ послужить границей между обѣими имперіями[1]), и то же самое твердилъ въ своихъ письмахъ Кэннингъ[2]), когда онъ черезъ бывшаго неаполитанскаго представителя въ Константинополѣ, графа Людольфа, передавалъ въ Петербургъ максимальныя уступки Турціи. Но если вопросъ о Прутѣ считался предрѣшеннымъ со стороны Турціи, то иначе обстояло дѣло по отношенію къ дальнѣйшей границѣ вдоль Дуная до моря. Отдача намъ крѣпостей Измаила и Килін, лежащихъ на лѣвомъ берегу, считалась Турціей какъ угроза по ея адресу на будущія времена, и отстраненіе Россіи отъ водъ Дуная выставлялось турецкой стратегіей, какъ основаніе для безопасности Турецкой имперіи[3]). Потому-то турецкимъ делегатамъ въ Журжевѣ и было вмѣнено въ обязанность настаивать на проведеніи линіи, которая должна была отдѣлить насъ отъ устьевъ великой рѣки, неоднократно обагренной кровью нашихъ солдатъ. Направленіе и протяженіе этой линіи подлежало, конечно, соглашенію.

Но пока Россія придерживалась Серета, шансы мира какъ бы исчезли. Въ княжествахъ уже перестали вѣрить въ желаемый исходъ[4]), и такое же безпокойство замѣчалось въ Петербургѣ[5]).

Когда Кутузовъ въ концѣ декабря получилъ изъ Петербурга отвѣтъ на предложенія Турціи, формулированныя въ Журжевѣ, то онъ созвалъ первое въ Бухарестѣ, а по общему счету четырнадцатое засѣданіе конгресса на 31 декабря, не безъ надежды услышать отъ Турокъ болѣе благопріятныя условія. Но Галибъ, тотчасъ же послѣ открытія засѣданія, передавъ обѣщаніе Порты улучшить участь Сербовъ, продолжалъ настаивать на эвакуаціи нами занятыхъ территорій въ Азіи и на уступкѣ въ Европѣ нынѣшней Бессарабіи, съ одной только разницей,

---

[1]) „Je vous donne le Pruth, rien de plus, le Pruth ou la guerre". У Ланжерона, Journal, стр. 368.

[2]) „I rather think that the Porte is prepared to cede as far as the Pruth, provided there be no harshness in the conditions proposed by Russia"... Письмо Кэннинга отъ 5 декабря 1811 г. (нап. у Stanley Lane Poole, The Life of Stratford Canning, I (1888), стр. 125 сл.

[3]) „...Les Turcs après avoir accedé à la limite du Pruth ont demandé Ismail qui se trouve en deça de ce fleuve, alléguant que si cette place restait au pouvoir des Russes, ils pourraient avec un polk de Cosaques faire des incursions dans leur pays, sans qu'ils fussent en état de les empêcher". Донесеніе прусскаго посланника Жуфруа изъ Петербурга 13 декабря 1811 г., у Jorga, Acte și fragmente, II, стр. 476.

[4]) „Les espérances de la paix paraissent s'évanouir", писалъ французскій вице-консулъ изъ Яссъ (см. Hurmuzaki, тамъ же, стр. 665).

[5]) „On augure mal du silence que le gouvernement observe sur l'arrivée de deux courriers de Moldavie"... Донесеніе Жуфруа изъ Петербурга, Jorga, тамъ же, стр. 472.

что онъ не настаивалъ на проведеніи границы по Кундуку или даже по Ялпуку, что лишило бы насъ большой части южной Бессарабіи (Буджака), а ограничивался только изъятіемъ изъ нашихъ владѣній Измаила и Киліи съ соотвѣтствующимъ крѣпостнымъ райономъ[1]). Это заявленіе вызвало громкій протестъ съ нашей стороны, по словамъ самаго Галиба, который дѣлился впослѣдствіи впечатлѣніями съ Леду[2]), и неудовольствіе Италинскаго было вполнѣ понятно, если вспомнить, что переговоры открывались осенью обѣщаніемъ Серета съ турецкой стороны, а теперь новѣйшія инструкціи, полученныя Кутузовымъ, настаивали на этой линіи и по-прежнему требовали uti possidetis въ Азіи.

Упорство оказывалось одинаковымъ съ обѣихъ сторонъ и не оставалось повидимому мѣста для соглашенія. Италинскій заявилъ объ этомъ въ засѣданіи и подчеркнулъ, что разъ султанъ не подтвердилъ предложеній, сдѣланныхъ намъ визиремъ передъ открытіемъ переговоровъ, русское правительство должно отвергнуть перемиріе, заключенное Кутузовымъ, и что вслѣдствіе этого визирская армія на лѣвомъ берегу становилась ео ipso въ положеніе взятаго въ плѣнъ войска. Гурки этимъ, конечно, были не мало смущены: предстоящая отправка этихъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, сильно пострадавшихъ отъ голода и болѣзней, въ наши внутреннія губерніи была бы весьма чувствительна для ихъ самолюбія и престижа среди христіанскаго населенія княжествъ; для насъ же дальнѣйшее оставленіе въ Валахіи этого войска, разслабленнаго и разбитаго на незначительные отряды, не представляло большой опасности. Но въ устахъ Кутузова эта угроза, даже безъ приведенія ея въ исполненіе, какъ это и случилось, должна была увеличить миролюбіе Турокъ.

Нашъ кабинетъ думалъ еще о другомъ средствѣ воздѣйствія на султана, а именно, объ обѣщаніи заключить союзъ съ Портой, одновременно съ мирнымъ договоромъ. Объ этомъ союзѣ говорилось въ визирскомъ лагерѣ, когда Ахметъ, въ бесѣдахъ съ Фонтонами и съ Ланжерономъ, уходилъ въ область фантазій, чтобы отвлечь своихъ собесѣдниковъ отъ главной темы[3]); но

---

[1]) Объ этомъ у Уляницкаго, Матеріалы, стр. 37—43.

[2]) „..Les Russes ont jeté feu et flammes. Ils persistent à avoir le Séret pour frontière, et croient par leurs menaces nous intimider". Hurmuzaki, тамъ же, стр. 664.

[3]) Если вѣрить Ланжерону (Journal, 368), Ахметъ выражался такъ: „Il n'y a plus en Europe que trois empires qui se tiennent encore sur leurs jambes: l'Angleterre, la Russie et nous. Unissons-nous donc ensemble contre l'ennemi du genre humain"...

Румянцовъ первое время относился къ этой мысли довольно безразлично, не считая ея существенной для ликвидации многолѣтней войны [1]). Въ началѣ же 1812 г. подъ впечатлѣніемъ извѣстій о постепенномъ сближеніи Австріи и Франціи, направленномъ противъ насъ, онъ предписываетъ Кутузову указать въ разговорахъ съ турецкими полномочными на всю пользу и безопасность для Турціи, если Россія возьметъ на себя защищать ее отъ смѣлыхъ плановъ Наполеона, а также и отъ замысловъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ [2]). Кутузовъ передавалъ Галибу [3]) такія, нѣсколько тревожныя для Турціи свѣдѣнія, но лично онъ не вѣрилъ, что обѣщаніе о русско-турецкомъ союзѣ могло бы сыграть роль въ благополучномъ окончаніи переговоровъ. Онъ, наоборотъ, опасался [4]), что включеніе этого пункта можетъ задержать ратификацію трактата Портой, и когда онъ, въ началѣ апрѣля, получилъ отъ Александра окончательныя инструкціи, сдѣлавшія возможнымъ соглашеніе съ Портой, не взирая на то, что онѣ содержали упоминаніе о русско-турецкомъ наступательномъ союзѣ, какъ о необходимомъ пунктѣ трактата, Кутузовъ тѣмъ не менѣе подписалъ прелиминаріи мира, сознательно пропустивъ этотъ пунктъ.

Если сторонникомъ такого сближенія съ Турціей оказался и самъ Государь, то это именно приписывали отчасти вліянію новаго наслѣдника шведскаго престола. Вскорѣ послѣ усыновленія королемъ Карломъ XIII маршала Бернадота завязалась между симъ послѣднимъ и Александромъ личная переписка, длившаяся нѣсколько лѣтъ, опубликованіе которой за послѣднее время бросаетъ интересный свѣтъ на личность этого счастливаго сверстника Наполеона. Александръ привѣтствовалъ съ рѣдкой предупредительностью [5]) Бернадота тотчасъ же послѣ его переѣзда въ Швецію, и ловкій южанинъ, достойный землякъ Генриха Беарнскаго, скоро задумалъ съ помощью Россіи пріобрѣсти Норвегію, взамѣнъ Финляндіи, отошедшей къ намъ отъ

---

[1]) Отношеніе Румянцова, полученное Кутузовымъ въ половинѣ декабря, у Попова, тамъ же, стр. 328.

[2]) Румянцовъ Кутузову 4 февраля 1812 г., у Попова, тамъ же, стр. 338—339.

[3]) Секретное донесеніе Кутузова 17 марта 1812 г. (Гл. Госуд. Архивъ, № 278 по описи Горяинова, 1812 г).

[4]) См. его донесеніе Александру отъ 7 мая 1812 г. (у Попова, тамъ же, стр. 356).

[5]) „Je désire sincèrement votre amitié, votre confiance, je les ambitionne même, parce que mon estime vous a été vouee depuis longtemps, et quand vous n'étiez que simple général. C'est d'âme que je veux être votre ami. Elevé, moi-même, par un *républicain*, j'ai de bonne heure appris à priser l'homme plus que les titres"... Письмо Александра отъ 19 декабря 1810 г. (нап. у Alberto Lumbroso, Miscellanea Napoleonica, III—IV, стр. 682).

Швеціи [1]), лелѣя одновременно надежды на королевскій престолъ въ Парижѣ [2]). Но въ началѣ 1812 г. онъ чуетъ бѣду, которая ждетъ Наполеона въ Россіи, и съ точностью свѣдущаго предателя онъ даетъ Александру указанія о возможныхъ стратегическихъ погрѣшностяхъ своего прежняго императора [3]). Онъ стремится во-время отдѣлить окончательно политику Швеціи отъ всякой связи съ Франціей, еще задолго до пораженій своей родины. И для этого ему нужно было сблизить и соединить прежнихъ, нынѣшнихъ и будущихъ враговъ [4]) Наполеона. Онъ предлагалъ намъ прекратить навязанныя Россіи непріязненныя отношенія къ Англіи, и, какъ извѣстно, благодаря его посредничеству [5]), былъ заключенъ нашъ миръ съ великобританскимъ правительствомъ въ Эребро [6]). А кромѣ того Бернадоту важно было, чтобы Россія въ предстоящей борьбѣ съ Франціей не была отвлечена осложненіями на Дунаѣ, и онъ предлагалъ и здѣсь свои услуги Александру: не даромъ же славилась Швеція на Босфорѣ какъ вѣрная союзница Турціи со временъ Карла XII, и ея слово должно было имѣть нѣкоторый вѣсъ.

Но пылкая фантазія завлекала его дальше: онъ представлялъ себѣ, что заключеніе союза между Россіей и Турціей могло остановить Австрію [7]) передъ тѣснымъ сближеніемъ съ Франціею, и онъ даже носился съ мыслью обѣщать Портѣ изъятіе Иллирійской провинціи и Іонійскихъ острововъ изъ французскаго владѣнія для присоединенія ихъ къ Оттоманской им-

---

[1]) См. объ этомъ „Русскій Архивъ“ 1892 г., II, Этюды 12 года, стр. 8 сл.

[2]) Какъ извѣстно, Императоръ Александръ I одно время считалъ его болѣе подходящимъ кандидатомъ, чѣмъ Людовика XVIII.

[3]) „L'habitude qu'a l'Empereur Napoléon de manier des grandes armées doit nécessairement lui donner de la confiance, mais si Votre Majesté peut bien ménager ses moyens, si elle ne se trouve pas forcée d'accepter une bataille générale et qu'elle pourra réduire la guerre à des marches et à des combats partiels, l'Empereur Napoléon commetra indubitablement quelques fautes dont V. M. pourra profiter“. Corresp. inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte, стр. 17.

[4]) Но въ будущее Россіи онъ не вѣрилъ. См. его письмо къ Эгерштрему въ маѣ 1813 г., у Wurm, Diplomatische Geschichte der Orientalischen Frage (1858 г.), стр. 177.

[5]) См. донесеніе нашего посланника въ Стокгольмѣ барона Сухтелена отъ 18 марта 1812 г. въ Сборникѣ И. Р Ист. Общ., XXI, стр. 431. Ср по этому поводу письмо Александра къ Чичагову 2 мая 1812 г. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., VI, стр. 71.

[6]) Іюля 6/18 1812 г (П. С З. 25177). Послѣ этого, по увѣренію англійскихъ историковъ, великобританскимъ кабинетомъ были обѣщаны намъ субсиди для борьбы съ Наполеономъ. Ср. Marcus Dorman, History of the British Empire in the Ninteenth Century, II (1904 г.), стр. 122.

[7]) См письмо Бернадота къ Александу отъ 19 апрѣля 1812 г., въ Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte. Paris, 1909 г., стр. 8.

періи въ случаѣ пораженія Наполеона [1]). Эти полуфантастическіе планы шведскаго принца подкупали фантазію Александра [2]), и съ согласія послѣдняго изъ Стокгольма отправлялись въ Константинополь фельдъегери съ депешами, въ которыхъ Портѣ настойчиво совѣтовалось покончить съ войной и примкнуть вмѣстѣ съ Россіей и Швеціей къ оборонительному союзу противъ западнаго врага, которому приписывались широкіе замыслы на Востокѣ [3]). Шведскіе офицеры, Гимель и Горнъ, останавливались въ Бухарестѣ [4]) въ теченіе марта мѣсяца 1812 г. и не избѣгали общенія съ турецкими делегатами, которые узнавали отъ нихъ не безъ удивленія [5]), что не только Швеція не собиралась поддерживать Наполеона въ предстоящемъ походѣ, но что она становилась на сторону Россіи. Эти извѣстія, доходя до Константинополя, были особенно непріятны для французскаго посольства, которое старалось увѣрить Диванъ въ прочности франко-шведскихъ отношеній.

На Босфорѣ въ это время антагонизмъ французской и англійской дипломатіи достигалъ крайнихъ предѣловъ напряженности.

Наполеонъ уже не скрывалъ своей недоброжелательности къ намъ по вопросу о княжествахъ и открыто заявлялъ нашему послу въ Парижѣ, что онъ уже съ конца 1811 г. старался удержать Порту отъ всякихъ уступокъ въ нашу пользу [6]). Наполеонъ еще вѣрилъ въ силу своего воздѣйствія на Порту; бесѣдуя со своимъ адъютантомъ графомъ Нарбонномъ [7]), онъ допускалъ, что его египетская экспедиція и восточныя грёзы въ

---

[1]) „Le prince régent croyait qu'en leur (Туркамъ) rendant tout jusqu'au Séreth et même jusqu'au Pruth, ils ne résisteraient pas à l'offre ultérieure qu'on pourrait leur faire de la Dalmatie et des Iles Ioniennes". 10 апрѣля 1812 г. Сб. И. Р. Ист. Общ., XXI. 439.

[2]) Государь вскорѣ сталъ придавать первенствующее значеніе этому проблематическому союзу; 16 апрѣля онъ писалъ Чичагову (у Горянинова, 1812 г., стр. 37): „Tous les sacrifices que nous faisons pour parvenir à une alliance offensive et défensive avec eux seront de vraies acquisitions pour nous Si notre politique pouvait exiger même la conservation de la Moldavie, ce n'est pas le moment d'effectuer ce projet"...

[3]) Въ бесѣдѣ 29 марта съ Сухтеленомъ Бернадотъ выражался такъ: „L'autre jour je vous ai parlé de ses projets (Наполеона) sur Constantinople et sur l'Egypte. On m'en dit bien d'autres aujourd'hui. On m'écrit qu'il compte finir en deux mois avec la Russie, qu'ensuite il va sur Constantinople, où il parle de transférer son siège pour de là gouverner la Russie et l'Autriche, comme tout le reste".

[4]) Гдѣ за ними зорко слѣдилъ Леду. Ср. его донесеніе отъ 21 марта, Hurmuzaki, тамъ же, стр. 674—676.

[5]) Ср донесеніе Фонтона Кутузову 4 марта. Гл. Госуд. Архивъ, у Горянинова, по описи № 2261.

[6]) Разговоръ Наполеона съ Куракинымъ въ донесеніи отъ 27 апрѣля, напр. въ Сборникѣ И. Р. Ист. Общ., XXI, стр. 374.

[7]) У Villemain, Souvenirs contemporains (1854 г.), стр. 176—182.

свое время повредили ему въ глазахъ нѣкоторыхъ Турокъ; но онъ былъ убѣжденъ, что въ большинствѣ оттоманскаго населенія ненависть противъ Россіи была по-прежнему жива [1]), и онъ даже разсчитывалъ на содѣйствіе Турокъ противъ Русскихъ, рисуя своему собесѣднику фантастическую картину дружеской встрѣчи французской и турецкой арміи на границѣ Царства Польскаго [2]). Въ этомъ же смыслѣ писались инструкціи Латуръ-Мобуру, которому поручалось подготовить новый союзъ между Франціей и Турціей, направленный, разумѣется, противъ Россіи; въ немъ должна была быть гарантирована цѣлость турецкой территоріи, а за поддержку противъ насъ предполагалось обѣщать Портѣ возвращеніе Крыма [3]). Французское министерство иностранныхъ дѣлъ обращало вниманіе Латуръ-Мобура и на недовольство народностей, перешедшихъ отъ турецкаго подданства во власть русскаго государства: по свѣдѣніямъ французскаго кабинета, полученнымъ вѣроятно отъ ревностнаго Леду изъ Бухареста, въ Бессарабіи или скорѣе среди буджакскихъ татаръ сохранялось тяготѣніе къ Портѣ, и христіанское населеніе княжествъ открыто выражало свое недовольство русской оккупаціей [4]).

Въ этомъ послѣднемъ увѣреніи найдется, можетъ быть, и доля истины. Чичаговъ, проѣзжая весною 1812 г. черезъ Молдавію и Валахію, поражался количествомъ покинутыхъ жилищъ [5]), и разрушенныя нами селенія въ началѣ войны не возстанавливались нѣсколько лѣтъ спустя [6]). Повинности, налагаемыя нашими военными властями, постоянно росли: въ 1812 г. Валахія должна была

---

[1]) „La Russie a trop menacé Constantinople sans la prendre", говорилъ онъ графу Нарбонну, и далѣе онъ продолжалъ: „la vieille Turquie, acharnée pour mon alliance, en haine de l'ennemi commun, occupant l'armée de Kutusof avec bien des milliers de spahis contre ses cosaques, et je l'espére même entrant par un coin dans la Russie .." Тамъ же.

[2]) „Sa Majesté garantit l'intégrité du territoire ottoman", писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Латуръ-Мобуру 27 января 1812 г, „et dans le cas où la guerre qui surviendrait, aurait l'heureuse issue, sur laquelle on doit compter, Sa Majesté ferait restituer à la Porte la Crimée et les autres provinces qu'elle a perdues... Le Grand Seigneur doit arborer l'étendard de Mahomet et marcher aussi à la tête de son armée. Les deux souverains pourront se rencontrer en Pologne". Hurmuzaki, стр. 715.

[3]) Ср. инструкціи, данныя 18 апрѣля Андреосси (Hurmuzaki, тамъ же, стр. 683).

[4]) „La Porte a cru apercevoir, combien la Valachie et la Moldavie, écrasées d'impôts et d'exactions depuis leurs occupations par les Russes, étaient mécontentes de leur joug. Tout ce que ces provinces ont souffert facilitera l'expédition des Turcs. La Bessarabie leur est toujours dévouée. Tout ce qui a été territoire ottoman, est mal uni à la Russie et a souvent eu à regretter ses anciens maîtres". Министръ иностр дѣлъ Латуръ-Мобуру 31 января 1812 г., у Hurmuzaki, тамъ же.

[5]) См. Mémoires de l'amiral Tchitchagof (изданіе Lahovary), стр. 381.

[6]) Посѣтившій въ началѣ 20 хъ г.г. княжества англичанинъ Walsch пишетъ: „En sortant des faubourgs de Bucharest nous trouvâmes plusieurs grands édifices en ruines qui paraissaient avoir été dévastés récemment; je pensai que ces ravages avaient été causés par les Turcs; mais j'appris au contraire qu'ils étaient l'ouvrage des Russes en 1806". (Voyage en Turquie, trad. Vilmain, 1828 г., стр. 184).

доставить 20,000 подводъ и 2 милліона рублей, между тѣмъ какъ прежніе доходы княжествъ постепенно изсякли вслѣдствіе того, что откупа сдавались за безцѣнокъ [1]) и таможенныя пошлины дарились лицамъ, сумѣвшимъ угодить высшему начальству [2]). Передъ отъѣздомъ Чичагова на Дунай въ апрѣлѣ 1812 г Александръ передалъ ему жалобу жителей Молдавіи и Валахіи на армію Кутузова со словами: „я не могу далѣе дозволять такіе ужасы“ [3]). Нужно прибавить, что и отъ нашихъ дипломатовъ не ускользало постепенное охлажденіе христіанскаго населенія княжествъ, такъ горячо привѣтствовавшаго появленіе нашихъ войскъ передъ первой кампаніей. Нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ Тейль [4]) сообщалъ, напр., что крестьяне въ Валахіи поражались религіознымъ индифферентизмомъ нашихъ офицеровъ, которыхъ, какъ и всѣхъ русскихъ, румынскій крестьянинъ и попъ называетъ братьями по кресту (frati de cruce). А одновременно съ этимъ образованный классъ на Балканскомъ полуостровѣ все болѣе и болѣе поддавался культурному вліянію Запада и главнымъ образомъ Франціи, въ ущербъ тому обаянію, которое должна была сохранить тамъ единовѣрная съ балканскими христіанами Россія. Тотъ же Тейль [5]) писалъ о появленіи въ Вѣнѣ греческой газеты, имѣвшей цѣлью убѣдить всѣ народы Востока о непобѣдимости Франціи и о предстоящемъ появленіи ея знаменъ на берегахъ Геллеспонта.

Но Латуръ-Мобуру было однако трудно убѣждать Турокъ продолжать во что бы ни стало войну съ нами и не заключать мира до разрыва Россіи съ Наполеономъ. Одинъ членъ Дивана Халетъ-эфенди [6]), личный врагъ Галиба и стремящійся заранѣе опорочить договоръ, надъ которымъ послѣдній трудился въ Бухарестѣ, открыто въ Диванѣ высказывался за продолженіе кампаніи [7]), такъ какъ всѣ остальные члены правительства молчали, зная пустоту оттоманской казны и упадокъ военнаго духа среди янычаръ въ то время, когда турецкіе солдаты, отправляемые на Дунай выручать Систово,

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1870 г , стр. 1534.

[2]) „En 1812 г. le général Koutousof, au lieu d'établir la douane de Zimnitz au profit de l'Empereur, en abandonna les avantages pécuniaires à la famille de sa petite sultane“. Langeron, Journal, стр. 390

[3]) Въ письмѣ Чичагова 27 сентября 1813 г. (Архивъ кн. Воронцова, XIX, стр. 208)

[4]) Донесеніе Барклаю 20 января 1812 г. Военный Ученый Архивъ, I, 298.

[5]) Донесеніе 7 декабря 1811 г., тамъ же.

[6]) См. донесеніе Латуръ-Мобура 5 апрѣля 1812 г. Hurmuzaki, тамъ же, стр. 719.

[7]) Донесеніе Латуръ-Мобура 27 января 1812 г. Hurmuzaki, стр. 712.

угрожаемое нашимъ отрядомъ, отказывались выступать [1]). Понятно, что Рейсъ-эфенди, въ разговорахъ съ членами прусской миссіи, слегка даже иронизировалъ надъ увѣренностью, съ которой Латуръ-Мобуръ утверждалъ возможность для Франціи помѣшать русско-турецкому миру, и турецкій министръ прибавлялъ къ этому, что на приличный для нея миръ Порта немедленно согласится, не взирая на протестъ какой-либо изъ европейскихъ державъ [2]).

Латуръ-Мобуръ [3]) по-прежнему жаловался на противодѣйствіе, которое онъ встрѣчалъ со стороны братьевъ Мурузи: онъ при этомъ отмѣчалъ, что они стали осторожнѣе и сумѣли даже заручиться нѣкоторымъ довѣріемъ со стороны австрійскаго интернунція въ Константинополѣ. Съ цѣлью предупредить своего коллегу въ Вѣнѣ объ опасности греческой скрытности, Мобуръ писалъ барону Отто [4]); а одновременно Мавроіени, ставленникъ Димитрія Мурузи при австрійскомъ дворѣ, спѣшилъ обратиться къ Меттерниху съ покорной просьбой не вѣрить тѣмъ неблагопріятнымъ для семьи Мурузи свѣдѣніямъ, которыя могли быть сообщены Меттерниху изъ французскихъ источниковъ [5]). Дипломатическое положеніе Австріи продолжало оставаться затруднительнымъ не только по отношенію къ Россіи, но и къ Турціи, съ тѣхъ поръ, что Наполеонъ искушалъ своего тестя дунайскими княжествами, одновременно признаваемыми имъ самимъ неотъемлемыми частями Оттоманской имперіи, и которымъ во всякомъ случаѣ, при той или другой комбинаціи, суждено было уйти изъ нашихъ рукъ.

Отношенія между габсбургскимъ дворомъ и султаномъ носили еще въ началѣ 1812 г. весьма дружескій характеръ [6]), но австрійско-французское соглашеніе, заключенное 14 марта, не могло не обезпокоить Порту. Хотя договаривающіяся стороны обѣщали взаимно сохранность Оттоманской имперіи, но въ одной изъ секретныхъ статей [7]) конвенціи предусматрива-

---

[1]) См. донесеніе Кэннинга, у Stanley, I, стр. 164.

[2]) Этотъ разговоръ Рейсъ-эфенди съ драгоманомъ прусской миссіи приводится въ донесеніи Вертера отъ 25 февраля 1812 г., Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 477.

[3]) Письмо его къ министру ин. дѣлъ 1/13 мая 1812 г. Hurmuzaki, тамъ же, стр. 721.

[4]) Нап. у Blancard, Les Mavroyeni, II, стр. 153.

[5]) Письмо Мавроіени, тамъ же, стр. 151.

[6]) „L'Empereur d'Autriche a envoyé au sultan Mahmoud des ananas par courier. Le Grand Seigneur les a reçus avec satisfaction et a fait offrir au ministre d'Autriche des shales de cachemire et des étoffes en témoignage de sa reconnaissance". Донесеніе 10 февраля 1812 г. Тейля въ Сборн. Отеч. Войны. X, стр. 18.

[7]) Статья 7. См. de Clercq, Traités de la France, II, стр. 371—372.

лось присоединеніе австрійской Галиціи къ наполеоновской Польшѣ и на этотъ случай оговаривалась для Австріи территоріальная компенсація. А гдѣ нужно было искать послѣднюю? На этотъ вопросъ нашли бы отвѣтъ всѣ тѣ, которымъ были извѣстны переговоры, предшествовавшіе названной конвенціи: въ декабрѣ 1811 г. Наполеонъ обѣщалъ австрійскому послу Шварценбергу Молдавію, Валахію и устья Дуная, какъ справедливое возмѣщеніе за будущія жертвы [1]).

Объ этомъ соглашеніи Александръ узналъ изъ австрійскихъ же источниковъ [2]), такъ какъ вѣнскій кабинетъ своей явной откровенностью стремился сохранить съ нами нѣкоторую связь. Но это извѣстіе, конечно, не могло не смутить Александра, не могло не поколебать временно его довѣрія къ Австріи, и можетъ быть подъ этимъ впечатлѣніемъ [3]) возникла у него мысль о подготовленіи возстанія венгерцевъ, тѣхъ же венгерцевъ, которыхъ въ 1849 г. другой Русскій Императоръ возвратилъ въ австрійское послушаніе.

Но для Турціи австрійская опасность была еще много чувствительнѣе: ее мастерски изложилъ турецкій чиновникъ и крупный подрядчикъ, преданный Россіи, армянинъ Манукъ-бей [4]) въ продолжительной бесѣдѣ [5]) съ Галибомъ въ Бухарестѣ. Онъ объяснялъ Галибу, что если Россіи удастся сохранить лишь небольшую часть Молдавіи, обѣ половины Валахіи предназначены будутъ сдѣлаться добычей габсбургской жадности, и сообщилъ ему достовѣрные слухи о приближеніи австрійскихъ войскъ къ трансильванской границѣ.

Этими же слухами сумѣлъ воспользоваться въ Константинополѣ Кэннингъ [6]). Юный представитель Англіи задалъ себѣ задачу примирить Россію съ Турціей въ интересахъ анти-наполеоновской политики великобританскаго кабинета, отъ котораго онъ, впрочемъ, получалъ довольно скудныя инструкціи [7]), такъ

---

[1]) „...L'Empereur des Français regarde la Moldavie et la Valachie ainsi que la Servie, comme provinces autrichiennes, le Danube comme notre eau"... Донесеніе Шварценберга, нап. въ Aus Metternichs Papieren, II, стр. 443.

[2]) Объ этомъ у Baron Ernouf, Maret duc de Bassano (1884 г.), стр. 320.

[3]) Ср. письмо Александра къ Чичагову изъ Вильны 7 іюня 1812 г., нап. въ „Русскомъ Архивѣ", II, стр. 23.

[4]) Переѣхавшій въ Россію съ семьею и имуществомъ въ 1813 г. Объ этомъ, Уляницкій, Матеріалы, стр. 173.

[5]) Передана in extenso въ докладѣ Фонтона Кутузову 24 февраля 1812 г. Гл. Госуд. Архивъ, по описи Горяинова № 1893.

[6]) Онъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ онъ представилъ Рейсъ-эфенди имѣвшійся у него австрійскій проектъ раздѣла Турціи См. Stanley, тамъ же, стр. 165—167.

[7]) Объ этомъ у Stanley, I, стр. 125; и тамъ же, стр. 167, депеша Кэннинга отъ 21 апрѣля 1812 г.

что увѣренность и воодушевленіе приходилось черпать изъ англійскихъ побѣдъ въ Испаніи, какъ бы предвѣщавшихъ паденіе Наполеона. Посредничество, которое такъ мужественно и энергично бралъ на себя Кэннингъ, состояло, такъ сказать, изъ двойной задачи. Ему нужно было бороться противъ французскихъ увѣщаній, которыя должны были склонять Порту продолжать борьбу съ Россіей въ ожиданіи мощной поддержки со стороны великой арміи Наполеона; а вмѣстѣ съ тѣмъ—умѣрить требованія Россіи, чтобы ускорить заключеніе мира до разрыва съ Франціей, такъ какъ послѣдній могъ служить соблазномъ для турецкаго оружія и побудить Порту къ стремленію вернуть себѣ ранѣе отнятыя Россіею области.

Для негласныхъ сношеній съ нашимъ кабинетомъ Кэннингъ создалъ себѣ передаточныя инстанціи въ лицѣ двухъ неаполитанскихъ дипломатовъ, графа Людольфа въ Константинополѣ и Серра Капріола въ Петербургѣ, откуда онъ скоро получилъ разрѣшеніе [1]) имѣть непосредственныя сношенія съ Италинскимъ; съ позволенія же султана онъ писалъ Галибу, сообщая Портѣ содержаніе тѣхъ и другихъ своихъ посланій [2]). Въ цѣломъ рядѣ писемъ [3]), направленныхъ въ Бухарестъ, Кэннингъ убѣждалъ Италинскаго въ пользѣ для міровой политики, т. е. для великой дуэли Англіи съ Наполеономъ, сближенія сенъ-джемскаго и петербургскаго кабинетовъ, а первымъ шагомъ для разрѣшенія такой великой задачи онъ считалъ заключеніе мира между Россіей и Турціей, мыслимое только подъ условіемъ болѣе скромныхъ требованій съ нашей стороны [4]).

Тѣмъ временемъ въ Бухарестѣ оффиціальныя засѣданія конгресса не возобновлялись послѣ 31 декабря. Однако Кутузовъ не прекращалъ переговоровъ и не настаивалъ на отъѣздѣ турецкихъ делегатовъ, а, наоборотъ, надѣясь на миръ, какъ онъ писалъ объ этомъ своей женѣ еще въ февралѣ мѣсяцѣ [5]), даже поддерживалъ очень охотно общеніе съ турецкими полномочными; и если вѣрить донесеніямъ французскаго кон-

---

[1]) Серра Капріола 21 марта писалъ Людольфу по этому поводу: „Mon cher ami, le moment si désiré est enfin arrivé et Mr. Canning reçoit en reponse tout ce que l'on désirera de son gouvernement et de lui, c'est à dire que la *paix* avec la Porte se passe par *l'intervention du ministre anglais*“... Нап. у Stanley, I, стр. 169.

[2]) См. Stanley, тамъ же, I, стр. 163

[3]) Письма 7 февраля, 14 и 21 апрѣля.

[4]) Письмо 19 февраля. Гл. Госуд. Архивъ, №. 1270 по реестру Горяинова.

[5]) „...Надежды на миръ еще не исчезли...“ Письмо 20 февраля, нап. въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., т. V, стр. 268; тамъ же письмо 6 марта (стр. 646): „...а теперь какъ нельзя занять войною, то кой-какъ стараюсь лепить (sic!) миръ“.

сульства, Мурузи бывалъ чуть ли не ежедневно у Италинскаго [1]).

Но о самомъ ходѣ переговоровъ и о близости конечнаго исхода никто изъ постороннихъ лицъ точныхъ свѣдѣній не имѣлъ въ княжествахъ, а тѣмъ болѣе въ Европѣ. Внимательные наблюдатели колебались въ своихъ прогнозахъ: то имъ казалось, что мы собираемся открывать военныя дѣйствія [2]), то они доносили, что мы не откажемся отъ Серета, или наоборотъ, что мы готовы отказаться отъ всякаго пріобрѣтенія въ предѣлахъ княжествъ, лишь бы скорѣе покончить съ войной и прекратить непріязненныя отношенія къ Портѣ [3]). Былъ и другой взглядъ, какъ бы подтверждаемый спѣшнымъ порученіемъ генералу Гартингу возстановить укрѣпленія Хотина: французскій вице-консулъ въ Яссахъ Форнети изъ этого выводилъ, что Россія, не заключая мира съ Турціей, собирается утвердиться на Днѣстрѣ, выжидая дальнѣйшихъ событій, чтобы возобновить впослѣдствіи свои притязанія на княжества [4]). И что же? На самомъ дѣлѣ былъ мыслимъ и такой исходъ, для Турціи весьма тревожный: онъ подвергъ бы ее серьезному риску неожиданнаго вторженія съ нашей стороны послѣ выгоднаго для насъ улаженія франко-русскаго конфликта; но и побѣда Наполеона, какъ выше было замѣчено, ничего добраго не сулила Портѣ, если бы послѣдовавшее соглашеніе между Александромъ и Наполеономъ коснулось Востока, какъ это имѣло мѣсто въ Тильзитѣ.

Нельзя отрицать, что оттоманскіе делегаты въ Бухарестѣ были проникнуты миролюбіемъ: не имѣя возможности собираться на оффиціальныя засѣданія, въ виду отсутствія новыхъ полномочій, они охотно принимали участіе въ частныхъ совѣщаніяхъ съ Италинскимъ и Фонтономъ, гдѣ между прочимъ выяснилось, 5 и 31 марта [5]), что Порта въ Азіи никакихъ русскихъ завоеваній признавать не могла, а что въ Европѣ граница по Пруту считалась безповоротно максимальной уступкой; при чемъ оттоманцы частнымъ образомъ допускали, что Россія въ Азіи подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ въ состояніи была затянуть эвакуацію черноморскаго побережья, но въ мирномъ договорѣ

---

[1]) „... Le Prince Moruzzi... est d'une activité incroyable dans les courses qu'il fait tous les jours chez Mr. Italinski et chez les Fonton"... Донесеніе 28 марта, Hurmusaki, стр. 679.

[2]) Донесенія Вертера 14 марта изъ Константинополя (Jorga, тамъ же, 479).

[3]) Донесенія Леду 8, 11, 21 марта 1812 г., Hurmuzaki, тамъ же, стр. 673—677.

[4]) Донесеніе 15 марта, Hurmuzaki, тамъ же, стр. 678.

[5]) Гл. Госуд. Архивъ, по описи Горянинова № 2300 и 3453.

принципіальный отказъ съ нашей стороны отъ этого расширенія считался ими необходимымъ условіемъ[1]). Что же касалось отстраненія Россіи отъ Дуная, путемъ оставленія Измаила и Киліи за Турціей, то Галибъ здѣсь намекалъ на неокончательность этого требованія со стороны Порты.

Между тѣмъ истекалъ третій мѣсяцъ оффиціальнаго, такъ сказать, бездѣйствія. Съ января мѣсяца уже не было ни одного засѣданія, и точныхъ извѣстій о томъ, что происходило въ Бухарестѣ, ни одна изъ другихъ державъ въ Европѣ имѣть не могла. Было только извѣстно, что, не взирая на коренное разногласіе и на упорство обѣихъ сторонъ, турецкіе делегаты не уѣзжали[2]), и, въ виду неминуемости близкаго столкновенія между Франціей и Россіей, всѣмъ было ясно, что конгрессъ долженъ былъ прекратиться въ недалекомъ будущемъ или путемъ мирнаго договора, или вслѣдствіе окончательнаго разрыва, съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій[3]).

Поворотъ къ желательному исходу данъ былъ несомнѣнно Россіей, которая, наконецъ, рѣшилась отказаться отъ Серета и тѣмъ самымъ пошла навстрѣчу турецкимъ предложеніямъ, сдѣланнымъ въ Журжевѣ. Произошло это слѣдующимъ образомъ: 22 марта изъ Петербурга были посланы Румянцовымъ Кутузову инструкціи, которыя ничѣмъ не отличались отъ предыдущихъ, т. е. повторяли требованіе о сохраненіи занятыхъ территорій въ Азіи и о линіи Серета; но къ этой бумагѣ былъ приложенъ секретный собственноручный[4]) рескриптъ Александра, который разрѣшалъ Кутузову заключить миръ: 1) съ уступками въ Азіи, 2) съ довольно неопредѣленными льготами въ пользу Сербовъ, 3) съ отказомъ отъ линіи Серета и съ установленіемъ границы по Пруту и по Дунаю до Чернаго моря[5]).

---

[1]) „Ghalib Effendy s'imaginait bien que tôt ou tard et de manière ou d'autre la Russie voudra faire de nouveaux empiètements du côté de l'Asie, mais, a-t-il ajouté, ce ne sera plus mon affaire; il me suffit que l'on ne puisse pas avancer, que j'ai signé, un traité dans lequel de pareilles cessions figureraient". Въ докладѣ Фонтона у Горяинова № 2300.

[2]) Вертеръ изъ Константинополя писалъ королю 30 апрѣля 1812 г.: „Les dernières lettres de Bucharest sont du 28 avril. Les plénipotentiaires Turcs y étaient encore, mais sans avoir eu de conférences avec les négociateurs russes". (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 480).

[3]) „Le bruit court que toute la cavalerie russe devra passer le Dniester .. les mouvements feraient présumer l'évacuation des provinces, soit que la paix se conclue, soit que les hostilités se poursuivent".. Донесеніе франц. вице-консула изъ Яссъ 18 апрѣля 1812 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 684).

[4]) Написанъ карандашемъ. Госуд. Архивъ С. 78 Campagnes I. №. 49. Нап. у Горяинова, 1812, стр. 27.

[5]) „...Въ самой же крайности дозволяю вамъ заключить миръ, положа Прутъ по впаденію онаго въ Дунай границею"... Тамъ же.

Это послѣднее проявленіе личной воли монарха подъ очевиднымъ впечатлѣніемъ тѣхъ извѣстій, которыя получились въ Петербургѣ отъ Кэннинга, о непоколебимомъ рѣшеніи Порты сохранить бо́льшую часть Молдавскаго княжества, должно было способствовать заключенію мира и тѣмъ самымъ избавить Россію отъ заботъ по восточному вопросу наканунѣ борьбы съ Западомъ. Но Кутузовъ, которому, впрочемъ, Государь предписывалъ сохранить отказъ отъ Серета въ глубокой тайнѣ [1]) до послѣдняго момента, прекрасно понималъ, что преждевременное оглашеніе этой уступки могло окончательно уничтожить надежды на подходящій миръ, какъ только Порта почувствовала бы, что эта уступчивость съ нашей стороны могла простираться и дальше.

Можно безъ ошибки сказать, что весною 1812 г. Турція не послала бы первая делегатовъ для мирныхъ переговоровъ: французская дипломатія ее бы по всему вѣроятію остановила; но та же Порта не находила цѣлесообразнымъ ихъ отзывать изъ Бухареста, разъ они провели тамъ столько мѣсяцевъ въ ожиданіи сносной для Оттоманской имперіи развязки. Восточная созерцательность и неподвижность содѣйствовали продолжительности этого состоянія.

Не слѣдовало однако вызывать слишкомъ яркую надежду у Турокъ на полное возстановленіе территоріальнаго status quo въ княжествахъ. Это опасеніе высказывалъ Италинскій [2]) въ своей перепискѣ съ Кэннингомъ: какъ быть, если Турки подъ давленіемъ Латуръ-Мобура откажутся отъ своихъ мирныхъ предложеній, сдѣланныхъ въ Журжевѣ? Получилось бы для Россіи, а также и для Англіи въ роли посредницы, крайне тяжелое положеніе. Кэннингъ, посылая съ большой осторожностью курьера въ Бухарестъ, всячески успокаивалъ Италинскаго, ручаясь за миролюбивое настроеніе Порты [3]). Но и онъ переживалъ на Босфорѣ мучительные

---

[1]) Впослѣдствіи Государь иронизировалъ надъ Кутузовымъ за то, что онъ скрывалъ полученіе рескрипта отъ самого Румянцова, 10 мая 1812 г. (Гос. Архивъ V, №. 209, № 38, нап. у Горяинова). „Mr de Koutousof est asser ridicule pour croire que vous n'avez pas vu le rescript que je lui avais écrit et fait le mystérieux vis-à-vis de vous, au lieu de l'avoir fait envers les traîtres qui sont autour de lui". См. однако письмо Кутузова 16 мая 1812 г., Госуд. Архивъ №. 117 С. 78. Campagnes I, №. 47, у Горяинова № 5557.

[2]) См. письмо Италинскаго къ Стрэдфордъ Кэннингу. Гл. Госуд. Архивъ С. 78. Campagne IV, ad №. 104. У Горяинова, №. 4913.

[3]) „M. Gordon (англ. курьеръ) m'a confié verbalement que quelque soient les démarches et les efforts des agents de la France et des autres Puissances qui suivent son système, la Porte semble disposée à ne pas se laisser entraîner et à rester maîtresse de ses mouvements politiques, dans l'espoir surtout qu'il y aura moyen de trouver à s'entendre avec la Russie". Донесеніе Италинскаго 28 апрѣля 1812 г., у Горяинова, № 4610.

часы въ своихъ заботахъ объ ускореніи мира между Турціей и Россіей, конечно не изъ уваженія къ Россіи [1]), а исключительно въ интересахъ Англіи. Не взирая на то, что тяжелое состояніе населенія [2]) Оттоманской имперіи, разореннаго продолжительной войной и многолѣтней внутренней смутой, краснорѣчиво говорило въ пользу мира, не взирая на то, что партія янычаръ все болѣе и болѣе опредѣленно склонялась въ эту сторону, Кэннингу показалось въ срединѣ апрѣля, что Порта подъ давленіемъ послѣднихъ разговоровъ отъѣзжающаго Латуръ-Мобура поколебалась и захотѣла дать визирю указанія о прекращеніи мирныхъ переговоровъ: вѣдь представитель Франціи могъ легко представить доказательства близкой войны между Наполеономъ и Александромъ и прельщать султана заманчивой перспективой франко-турецкаго союза. Кэннингъ примѣнилъ тутъ всю свою энергію и настойчивость: онъ не ограничился указаніемъ на одинаково невыгодную для Порты побѣду Россіи или Франціи, къ которому онъ неоднократно прибѣгалъ, когда хотѣлъ доказывать Портѣ, что она можетъ одинаково страдать отъ французскихъ или русскихъ побѣдъ. Онъ прибѣгъ къ болѣе чувствительному аргументу, давъ понять Рейсъ-эфенди, что, въ случаѣ упорства со стороны Турціи, послѣдняя лишилась бы вспомоществованія, обѣщаннаго негласной статьею англо-турецкаго договора 1809 г. [3]). Намекъ былъ понятъ немедленно и инструкціи визирю не были видоизмѣнены.

Этотъ день, послѣ рескрипта Александра отъ 22 марта, пожалуй, кульминаціонный въ исторіи Бухарестскаго мира. Заслуги Кэннинга по прекращенію войны между Россіей и Турціей были оцѣнены Александромъ, приславшимъ впослѣдствіи цѣнную табакерку юному дипломату, сумѣвшему защитить политику Англіи,

---

[1]) Очень характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Кэннинга съ нашимъ офицеромъ графомъ Рошешуаръ въ апрѣлѣ 1812 г. въ Константинополѣ, переданный въ донесеніи Рошешуара Кутузову (у Горяинова № 4328): „...il (Canning) me dit que certainement l'Angleterre pourrait faciliter à la Russie sa paix avec la Porte et qu'on pourrait toujours compter sur sa générosité... que l'Angleterre tiendrait seulement sa promesse solelnelle de secourir les peuples qui tôt ou tard voudraient secouer le joug français, cependant que dans ce but elle ne conspirerait pas pour l'agrandissement d'une puissance aux dépens d'une autre, qu'elle apercevait bien que pour la Russie il était fort commode de profiter de ses traités, tantôt avec la France pour s'accroitre des dépouilles des Prussiens, Suédois, Autrichiens, tantôt avec les Anglais pour réunir des provinces turques à son empire"...

[2]) Подъѣзжая къ Константинополю, офицеръ русской службы графъ Рошешуаръ поражался разоренностью края: „Pendant tout le cours de mon voyage je fus le spectateur d'une misère affreuse et par conséquent de l'ardent désir de la paix parmi le peuple". Тамъ же.

[3]) См. Stanléy, Life of Canning, I, стр. 167, 172—173.

когда она совпадала съ цѣлями нашего государства[1]). Въ дальнѣйшей своей карьерѣ[2]) Стрэдфордъ Кэннингъ еще нѣсколько разъ пріѣзжалъ на Босфоръ[3]) въ качествѣ англійскаго представителя и прославился тамъ какъ ярый противникъ нашей политики на Востокѣ. Отъ нашего Двора онъ уже подарковъ не получалъ, и Императоръ Николай I не согласился на его назначеніе посломъ въ Петербургъ Но зато благодарная Великобританія поставила ему памятникъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Пора вернуться въ Бухарестъ, гдѣ наступили послѣдніе дни безконечныхъ переговоровъ[4]). Въ теченіе двухъ недѣль по полученіи инструкцій и рескрипта[5]) русскіе уполномоченные подготовляли 15-ое засѣданіе, которое открылось 19 апрѣля, и на другой день состоялось слѣдующее[6]). На нихъ о содержаніи секретнаго рескрипта еще не упоминалось, а только излагались инструкціи Румянцова въ видѣ русскаго ультиматума, требующаго по-прежнему линію Серета и сохраненіе занятыхъ пунктовъ въ Азіи. Турки, конечно, возражали, и начались уже не разъ высказанныя пререканія о томъ, которая изъ сторонъ обнаруживала бо́льшее миролюбіе, и о томъ, нарушаются-ли обѣщанія, данныя Турками непосредственно передъ конгрессомъ въ Журжевѣ Но эти два засѣданія выяснили достаточно, что Турки по-прежнему уступали намъ восточную часть Молдавіи до Прута, а въ придунайской ея части оттоманцы уже не настаивали на проведеніи особой линіи для отдаленія насъ отъ Килійскаго рукава, а предлагали намъ установить лишь такую границу, по которой только двѣ крѣпости, Измаилъ и Килія, остались бы за предѣлами нашей имперіи.

Между 20 апрѣля и 3 мая, послѣ того какъ Кутузовъ сообщилъ Галибу о своихъ новѣйшихъ полномочіяхъ[7]), было достигнуто соглашеніе безъ оффиціальныхъ засѣданій, путемъ частныхъ переговоровъ между Фонтономъ и турецкими делегатами, а также путемъ личныхъ свиданій Кутузова съ Галибомъ. О нихъ имѣются свѣдѣнія въ донесеніяхъ нашего главнокомандующаго, хранящихся въ нашемъ Государственномъ

---

[1]) См Alison, History of England, VIII, 604—605.

[2]) Изъ Константинополя онъ уѣхалъ 12 іюля (н. с.) 1812 г.

[3]) Сначала въ 1825 до 1827 г.; потомъ въ 1831—1832 г.; и въ послѣдній разъ отъ 1842 до 1858 г.

[4]) См. между прочимъ протоколъ 3 апрѣля о свиданіи Кутузова съ Галибомъ (у Горяинова № 3599).

[5]) Полученъ Кутузовымъ 2 апрѣля. См Рапортъ Кутузова отъ 20 апр. 1812 г. (нап. у Горяинова, стр. 29)

[6]) Объ этомъ см. Уляницкій, Матеріалы, стр. 43 сл.

[7]) См. депешу Кутузова 29 апр. (у Горяинова № 4655).

архивѣ [1]), но кромѣ того можно найти въ немъ и секретныя донесенія агента Бароцци, адресованныя, между прочимъ, и Барклаю де Толли [2]).

Въ нихъ обрисовывается закулисная сторона переговоровъ благодаря тѣмъ тайнымъ источникамъ, которыми успѣлъ заручиться этотъ ловкій грекъ. Подкупивъ секретаря, состоящаго при Димитраки Мурузи, онъ ежедневно имѣлъ свѣдѣнія о разговорахъ, которые велись между уполномоченными, а также и о письмахъ, которыя писалъ Димитраки своему брату въ Константинополь Характерна переписка этихъ двухъ фанаріотовъ потому, что она ярко освѣщаетъ психологію константинопольскихъ грековъ, совмѣщавшихъ службу у падишаха съ заботами о своихъ дѣлахъ въ княжествахъ. Если братъ Панаіоти сообщаетъ ему о надвигающихся противъ семьи Мурузи тучахъ [3]), Димитраки радъ написать ему, что въ визирскомъ лагерѣ кандидатура его соперника на валашскій престолъ, Александра Суцо, считается устраненной, и когда становится извѣстнымъ, что Россія соглашается на границу по Пруту, онъ съ радостью пишетъ: „Яссы остаются у насъ“. У насъ, т. е. у фанаріотовъ, для которыхъ этотъ городъ можетъ по-прежнему быть столицей Молдавскаго княжества и служить утѣшеніемъ греческимъ князьямъ, не получившимъ берата на Валахію.

Конечно, Димитраки содѣйствовалъ миру, какъ одинъ изъ самыхъ активныхъ уполномоченныхъ; но главнымъ образомъ онъ склонялъ Италинскаго и Кутузова къ уступкамъ съ нашей стороны, а послѣ этихъ уступокъ онъ, конечно, въ письмахъ къ визирю и разговорахъ съ Галибомъ высказывался по мѣрѣ силъ за ускореніе мира на тѣхъ основаніяхъ, которыя предлагались неоднократно Турками; и въ подтвержденіе онъ показывалъ другимъ уполномоченнымъ изъ получаемыхъ имъ отъ своего ставленника въ Вѣнѣ Мавроіени лишь тѣ частныя свѣдѣнія изъ общеевропейской политики, которыя могли въ желательномъ смыслѣ повліять на Турокъ [4]). Но не онъ заключилъ миръ между Россіей и Турціей, обманувъ Порту, какъ это увѣряетъ легенда, пущенная въ ходъ французскими историками [5]), легенда,

---

[1]) См. между прочимъ депешу Кутузова отъ 19 апр. 1812 (Госуд. Архивъ, у Горяинова 4297); отъ 29 апр. (4654).

[2]) См. между прочимъ Note de Barozzi du 20 avril (3757), 23 avril (4449 и 4478); lettre de Barozzi à Barclay du 24 avril (опись Горяинова 4478), du 4 mai (4955).

[3]) Въ донесеніи Фонтона, у Горяинова № 2300.

[4]) См. Notes de Barozzi 8 апрѣля 1812 г. (у Горяинова, 3757).

[5]) См. Lefevre, Histoire des cabinets de l'Europe, V (стр. 108).

имѣвшая пожалуй свой корень въ досадѣ, испытанной французской дипломатіей [1]) при извѣстіи о заключеніи Бухарестскаго мира, и тщательно поддерживаемая потомками Димитрія Мурузи, живущими въ Россіи [2]).

Румынскіе историки въ свою очередь разсказываютъ, что Турція подписала Бухарестскій миръ съ отдачею Бессарабіи только потому, что Панаіоти Мурузи въ Константинополѣ скрылъ отъ Дивана разрывъ между Россіей и Франціей [3]). Этотъ фантастическій разсказъ падаетъ самъ собою, если вспомнить, что этотъ разрывъ уже въ теченіе мѣсяцевъ подчеркивался въ спошеніяхъ Латуръ-Мобура съ Портою и что наступленіе рокового момента не было неожиданностью и не могло быть тайной на Босфорѣ. Наконецъ, статью объ уступкѣ Бессарабіи султанъ ратифицировалъ впослѣдствіи, уже послѣ начала французской войны.

Все предыдущее изложеніе показало, какъ постепенно приближался финалъ русско-турецкаго конфликта Послѣ чрезмѣрныхъ требованій съ той или другой стороны наступилъ періодъ взаимныхъ уступокъ: усталость и истощеніе Турціи, поспѣшность Россіи покончить на время съ восточными дѣлами завершили соглашеніе. Здѣсь нѣтъ отдѣльнаго человѣка, которому можно было приписать конечный исходъ. И когда французскіе историки обвиняютъ Мурузи въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Россіей, то невольно напрашивается: для чего? и что онъ сдѣлалъ для Россіи?

Подарки получали тогда на Востокѣ всѣ участвовавшіе въ мирныхъ переговорахъ. У насъ въ Государственномъ архивѣ [4]) хранится письмо, рукою Дм. Мурузи написанное, гдѣ онъ представляетъ къ такимъ подаркамъ всѣхъ турецкихъ уполномоченныхъ, не забывая и самого себя, но здѣсь нѣтъ, разумѣется, подкупа, а актъ вѣжливости, вродѣ раздачи орденовъ современнымъ дипломатамъ послѣ завершенія сообща какого-либо государственнаго акта.

Французскіе недоброжелатели [5]) Мурузи увѣряли, что въ его бумагахъ послѣ его смерти найдена была данная на имѣніе

---

[1]) Mémoires du duc de Rovigo, VIII, стр. 287 сл.

[2]) Характерна телеграмма, посланная однимъ изъ нихъ по случаю столѣтія Бухарестскаго мира въ 1912 г.: „...Невольно вспоминаю своего дѣда князя Мурузи, который былъ казненъ янычарами въ Шумлѣ какъ инициаторъ (!) присоединенія Бессарабіи къ Великой Россіи....“

[3]) Такъ Dragich, Istopiea Moldovei (1857) II, 78; Xenopol, Etudes historiques sur le peuple roumain.

[4]) У Горяинова № 6379.

[5]) Письмо Латуръ-Мобура 23 дек. 1812 г., у Hurmuzaki, Suppl I, vol. II, стр. 738.

въ Бессарабіи. Но что могла означать одна вотчина для человѣка съ колоссальнымъ состояніемъ въ 60,000 десятинъ [1]) въ одномъ только хотарническомъ, нынѣ Бендерскомъ уѣздѣ? И если уже говорить о подкупѣ, то нужно подумать о томъ, чѣмъ именно можно было прельстить Димитраки Мурузи? Конечно, однимъ только княжествомъ Валашскимъ. А этого Россія тогда не въ состояніи была ему дать, какъ правильно замѣчаетъ Ланжеронъ, опровергающій мысль о подкупѣ Мурузи.

Въ своихъ донесеніяхъ Барощци касается тоже дѣятельности Фонтоновъ и увѣряетъ, что миръ былъ бы заключенъ много раньше, если бъ эта семья не оттягивала его изъ корыстныхъ цѣлей [2]) Но предложенія Турціи объ уступкѣ Бессарабіи долго не принимались нашимъ правительствомъ, которое настаивало сначала на уступкѣ обоихъ княжествъ, или по крайней мѣрѣ Молдавіи. На условіяхъ, содержащихся въ рескриптѣ 22-го марта, миръ могъ быть заключенъ и въ Журжевѣ, если бы наши уполномоченные получили раньше соотвѣтствующія указанія. Медлительность въ уступкахъ съ нашей стороны объясняется широтой первоначальныхъ завоевательныхъ замысловъ Россіи, но отнюдь не искусственной проволочкой, якобы затѣянной, неизвѣстно для чего, Іосифомъ Фонтономъ, который, наоборотъ, тяготился сидѣніемъ въ Бухарестѣ и мечталъ о скорѣйшемъ мирѣ для возвращенія въ Константинополь [3]).

Желанный часъ приближался. Между двадцатымъ апрѣля и 1-мъ мая, при усиленномъ движеніи эстафетовъ между Бухарестомъ и визирскимъ лагеремъ въ Шумлѣ, въ квартирѣ Галиба, который по старой памяти, а можетъ быть изъ осторожности, сообщалъ о ходѣ дѣла французу Леду, происходили учащенные переговоры, выяснившіе лишь одинъ пунктъ разногласія. Россія отказывалась отъ сохраненія своихъ пріобрѣтеній въ Азіи и получала за это выходъ къ Черному морю на небольшомъ пространствѣ между устьями Фазиса (Ріона) и Анакліею; но эта статья, какъ извѣстно, не была впослѣдствіи ратифицирована султаномъ [4]).

---

[1]) Ср. по этому поводу Кохманскій, Сборникъ суд. рѣшеній по вопросамъ мѣстнаго бессарабскаго права, № 69.

[2]) Письмо Барощци къ Барклаю 4 мая 1812 г. (у Горяинова 4955) „...Votre Excellence voit clairement que Messieurs les Fonton ont à dessein traîné la négociation jusqu'au point de faire obtenir aux Turcs ce qu'ils désiraient, pour tirer les sommes promises et triompher à Constantinople..."

[3]) Про него Ланжеронъ, Journal, стр. 155, говоритъ: „... Joseph Fonton... trop attaché à Constantinople, qui l'avait vu naître et où il desirait finir ses jours...."

[4]) Нап. у Уляницкаго, Матеріалы, стр. 69. См. объ этомъ Brunnow, Aperçu des principales transactions du cabinet de Russie. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т. XXXI.

Относительно же Сербіи русскіе делегаты не настаивали на автономіи, которая имѣлась въ виду, и Порта обѣщала, кромѣ амнистіи, нѣкоторое облегченіе при взиманіи податей: такимъ образомъ наши доблестные сподвижники въ войнѣ съ Турціей [1]) предоставлялись своей прежней судьбѣ и получали отъ Россіи лишь платоническое утѣшеніе [2]).

Поводомъ разногласія оставалась только граница въ Бессарабіи Турція не могла не считать крѣпости Килію и Измаилъ угрожающими для нея пунктами на случай будущей войны, и потому какъ визирь, такъ и уполномоченные отстаивали ту часть инструкціи, которая требовала оставленіе этихъ крѣпостей за Турціей, дабы Русскіе не могли возвести новыя укрѣпленія. На всю остальную часть южной Бессарабіи делегаты предоставляли Россіи, не настаивая уже на проведеніи линіи отъ Прута къ Черному морю, какъ они дѣлали раньше, чтобы удалить насъ вообще отъ Дуная. Галибъ предлагалъ только создать еще enclave въ пользу Турціи въ томъ мѣстѣ, гдѣ озеро Кагулъ сходится съ Дунаемъ близъ Рени, но турецкіе уполномоченные не выдвигали этого, какъ существенное условіе, и оно вскорѣ отпало.

По вопросу объ Измаилѣ и Киліи Кутузовъ не могъ согласиться на созданіе такого отступленія отъ дунайской границы, и онъ предложилъ Туркамъ нѣчто среднее между двумя крайними выходами: онъ предложилъ внести въ договоръ обѣщаніе со стороны Россіи срыть укрѣпленія Измаила и Киліи, послѣ присоединенія всей ихъ площади къ нашей Имперіи. Турки послѣ нѣкоторыхъ колебаній, устраненныхъ энергичнымъ вмѣшательствомъ второго уполномоченнаго Орды-кади, который въ качествѣ духовнаго лица особенно сочувствовалъ прекращенію бѣдствій, сопряженныхъ съ войной, одобрили это предложеніе, и 3-го мая въ квартирѣ Кутузова послѣдовало принятіе этого условія Дмитріемъ Мурузи отъ имени остальныхъ уполномоченныхъ, и такимъ образомъ окончательное соглашеніе было достигнуто.

На другой день Кутузовъ доносилъ [3]) Государю объ этомъ результатѣ, прося прощенія за частичное нарушеніе данныхъ ему инструкцій, и умаляя по возможности значеніе такой уступки:

---

[1]) „J'ai eu toutes les peines du monde à calmer les pauvres Serviens C'est vraiment une des meilleures nations que je connaisse." Письмо Чичагова къ Александру 2 августа 1812 г. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., VI, стр. 12. Ср. еще Jakschitch, L'Europe et la résurrection de la Servie, стр. 257.

[2]) „...Ваше Величество приказали мнѣ взять съ собою Александровскую ленту и нѣсколько Анненскихъ для сербскихъ людей и депутатовъ." Письмо Чичагова къ Александру 26 іюня 1812 г. („Русская Старина", т. 76, стр. 622).

[3]) Собственноручное письмо Кутузова, у Горяинова, 4960.

„Къ срытію Измаила никакого срока не полагается, слѣдовательно достаточно на долго будетъ испортить одинъ какой-нибудь бастіонъ...“ [1]). И онъ оправдывался сложившимися для Россіи общими обстоятельствами, не позволяющими откладывать улаженіе русско-турецкихъ отношеній: „что я ничего лучшаго сдѣлать не могъ, тому причиною положеніе дѣлъ въ Европѣ; что я никакихъ не упустилъ стараній и способовъ, тому свидѣтель Богъ“. Особенно Кутузовъ опасался неудовольствія Государя за то, что онъ не получилъ обѣщанія турецкихъ уполномоченныхъ о заключеніи русско-турецкаго союза, который въ рескриптѣ 22 марта выставлялся Александромъ какъ conditio sine qua non для подписанія Бухарестскаго договора. Но Кутузовъ [2]) былъ правъ, увѣряя, что онъ, настаивая на этомъ, уничтожилъ бы всѣ шансы мира, такъ какъ Порта этого обѣщанія не дала бы, и послѣдующія событія доказали, насколько Кутузовъ былъ правъ

5 мая былъ составленъ предварительный текстъ мирнаго трактата [3]), причемъ обѣ стороны приняли всѣ отъ нихъ зависящія мѣры, чтобы не только содержаніе статей, но и самый фактъ подписанія остался какъ можно дольше неизвѣстнымъ даже въ самомъ Бухарестѣ, изъ опасенія, что французскимъ агентамъ могло удасться разстроить достигнутое съ такимъ трудомъ соглашеніе.

Уступки Россіи на Черноморскомъ побережьѣ и обѣщаніе, данное нами срыть Измаилъ и Килію, рѣшено было тогда облечь въ двѣ секретныя статьи. Параграфъ I прелиминаріи, содержащій въ себѣ разграниченіе Турціи и Россіи, признавалъ за нами лѣвый берегъ Килійскаго рукава до моря и безъ всякихъ изъятій; только относительно острововъ, прилегающихъ къ этой сторонѣ, было нами обѣщано оставить ихъ необитаемыми и незастроенными [4]). Мы получили, такимъ образомъ, то территоріальное приращеніе, которое предусматривалось въ инструкціяхъ, преподанныхъ Толстому, когда онъ уѣзжалъ въ 1807 г. въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ съ представителемъ Порты и

---

[1]) Ст. III прелиминаріи была однако весьма категорична: „D'après un article séparé et secret les forteresses d'Ismail et de Kili seront démolies. La Cour Impériale de Russie n'élevera point désormais de fortifications dans ces endroits et la démolition commencera aussitôt après l'échange des ratifications pour être continuée et achevée.“ Уляницкій, Матеріалы, стр. 51.

[2]) См. его письмо къ Александру 7 іюня 1812 г. (у Горяинова 5087).

[3]) См. Уляницкій, Матеріалы, стр. 50 сл.

[4]) Ст. 1 прелиминаріи гласила: „...Les petites îles... ne seront possédées par aucune des deux puissances...“ (Уляницкій, стр. 50). Въ окончательномъ текстѣ договора ст. 4 гласитъ: „ .....les petites îles doivent .. être sous la domination russe, mais les hautes parties contractantes sont convenues qu'elles resteraient désertes....“ (У Naradoughian, Recueil d'actes de l'Empire ottoman, II).

подъ эгидой французскаго посредничества: восточную часть Молдавіи, называемую въ Яссахъ запрутской, южныя степи, именуемыя Буджакомъ или Бессарабіей въ тѣсномъ смыслѣ, со всѣми приднѣстровскими [1]) и съ двумя придунайскими крѣпостями, Измаиломъ и Киліею.

Конечно, наши первоначальные планы были много шире: въ 1806 г. мы думали завоевать безъ боя оба княжества и образовать изъ нихъ четыре русскія губерніи, а приходилось подъ конецъ ограничиться болѣе скромнымъ пріобрѣтеніемъ, изъ котораго можно было выкроить лишь одну Бессарабскую область. И сколько стоило это пріобрѣтеніе? По разсчету современниковъ— около 200,000 милліоновъ рублей и 150,000 человѣкъ, изъ которыхъ меньше $^1/_3$ погибло въ бою; остальные пали жертвой эпидемій и непривычнаго для русскаго человѣка климата Валахіи и Болгаріи.

Но тѣмъ не менѣе это приращеніе было для насъ полезнымъ: оно приближало насъ къ Балканскому полуострову, оно давало намъ возможность стать твердой ногой на Дунаѣ и готовиться къ дальнѣйшимъ расширеніямъ на счетъ Оттоманской имперіи, согласно завѣтамъ Екатерининской политики; а мы получали значительное округленіе нашего Новороссійскаго края, съ полной безопасностью для нововозникшей Одессы, которой дотолѣ могли угрожать буджакскіе кочевники. Но, кромѣ того, самый существенный моментъ въ этомъ пріобрѣтеніи былъ тотъ, что впервые Россія присоединяла къ себѣ христіанскихъ подданныхъ Порты въ Европѣ: завоеванные до сихъ поръ Крымскій полуостровъ и Очаковская степь представляли собою или совершенно пустынныя пространства, или мѣста, заселенныя магометанами; во вновь присоединенной части Молдавіи впервые намъ предстояло обнаружить, что мы могли сдѣлать для балканскихъ народовъ и наглядно показать христіанамъ, которые тяготились турецкимъ игомъ, степень благополучія, ожидавшаго ихъ подъ сѣнью двуглаваго орла.

Для Турціи же потеря Бессарабіи была мало чувствительна, и подъ давленіемъ Стрэдфордъ Кэннинга Порта осенью 1811 г. уже считалась съ возможностью лишиться этой отдаленной и трудно защищаемой окраины. Конечно, въ теченіе зимы увеличивающіеся шансы разрыва между Франціей и Россіей могли удержать Турцію отъ поспѣшнаго мира, если она имѣла основанія довѣрять поддержкѣ Наполеона. Но перемѣна курса французской

[1]) Хотинъ, Бендеры, Аккерманъ.

политики послѣ Тильзита, широковѣщательныя обѣщанія, данныя Александру на Востокѣ, плохо мирились съ неприкосновенностью Оттоманской имперіи, которую Наполеонъ одновременно отстаивалъ въ Константинополѣ, и Англичане постоянно напоминали Дивану объ этомъ противорѣчіи. Осторожные Турки опасались теперь побѣдъ Наполеона. Они были увѣрены, что за пораженіемъ Россіи должно послѣдовать нашествіе Французовъ въ предѣлы ихъ имперіи [1]). Не даромъ же на бивакахъ великой арміи поговаривали о предстоящемъ походѣ въ Турцію или даже въ Индію [2]). Восточныя грезы витали еще въ воображеніи героя Пирамидъ, когда онъ передъ отъѣздомъ въ Россію давалъ полный просторъ своей фантазіи, къ изумленію благоразумнаго графа Нарбонна [3]). И даже помимо этой опасности побѣда Наполеона надъ нами развязала бы руки Австріи окончательно и направила бы ее къ территоріальнымъ расширеніямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Не лучше ли было для Турціи мириться съ Россіей и выбыть, такимъ образомъ, изъ ряда воюющихъ державъ? Тѣмъ болѣе, что Россія могла отказаться отъ заключенія мира безъ всякаго возмѣщенія [4]). Она отозвала бы тогда свои послѣднія дивизіи съ Дуная, и граница въ Молдавіи осталась бы неопредѣленной; но въ случаѣ благополучнаго исхода кампаніи съ Наполеономъ Россія вернулась бы къ Дунаю и должна была бы возобновить военныя дѣйствія съ Турціей, которая рисковала бы тогда потерять больше, чѣмъ Бессарабію.

И нужно признать, что Турки не совсѣмъ ошиблись въ разсчетахъ: представимъ себѣ, что Бухарестскій миръ не былъ бы заключенъ, а при этомъ Отечественная война также удачно закончилась бы для насъ; намъ пришлось бы тогда немедленно упорядочить русско-турецкій вопросъ, и обладаніе княжествами рѣшилось бы въ нашу пользу. Александръ вѣроятно не преслѣдовалъ бы Наполеона до Парижа, предпочитая пользоваться силой нашего оружія для завершенія своихъ плановъ на Дунаѣ.

---

[1]) Такъ, Brunnow, Aperçu, Сборникъ И. Р. Ист. Общ., XXXI, стр. 281.

[2]) Разговоры солдатъ у Chuquet, La guerre de Russie, I, стр. 9; III, стр. 5.

[3]) „Vous aviez raison, Narbonne, говорилъ онъ своему адъютанту, les intrigues anglaises ont réussi auprés de Mahmoud, la Turquie a perdu la dernière occasion de se rétablir...“ Villemain, Souvenirs Contemporains, 211.

[4]) Другой взглядъ высказывалъ нѣсколько лѣтъ спустя прусскій представитель въ Константинополѣ Зенфтъ фонъ Пильзахъ въ письмѣ 23 марта 1816 г. (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 502): „La Porte Ottomane n'a pas prêté l'oreille ni aux promesses des Français, ni aux insinuations des autres, mais désirant toujours que l'abus de la puissance de Bonaparte fût réprimé, elle a accéléré sa paix avec la Russie, malgré qu'elle voyait, qu'en différant encore de quinze à vingt jours la conclusion de la paix, elle aurait obtenu de grands avantages et n'aurait pas perdu la Bessarabie....“

Россія не получила бы Царства Польскаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, но наши войска заняли бы Яссы и Бухарестъ, должно быть, навсегда.

А весною 1812 г, послѣ заключенія мира, нужно было уходить оттуда. Послѣ составленія прелиминарій 5 мая, слѣдующія засѣданія 8, 9 мая были посвящены редакціоннымъ работамъ и, наконецъ, 16 мая, послѣ взаимныхъ поздравленій уполномоченныхъ, были прочитаны и подписаны турецкая и французская редакціи окончательнаго трактата.

Объ этомъ въ тотъ же день доносилъ Кутузовъ Румянцову, прибавляя къ концу своего письма слѣдующія слова: „Нѣтъ сумнѣнія, что миръ, нами заключенный съ Портою, обратитъ на нее неудовольствіе и ненависть Франціи“ [1])

Прежде всего этотъ миръ былъ большою неожиданностью для Наполеона. По дорогѣ въ Россію, въ Дрезденѣ, онъ не предполагалъ его близости и не зналъ еще о его подписаніи, когда онъ переѣзжалъ черезъ Нѣманъ. Лишь нѣсколько дней спустя онъ имѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о главномъ содержаніи подписаннаго трактата, когда онъ спрашивалъ Балашова[2]): „Правда, что вы заключили миръ съ Турками?.. Если вы имъ уступаете безъ всякихъ оговорокъ Молдавію и Валахію, то султанъ можетъ его подтвердить; но если вы претендуете, какъ мнѣ говорятъ, на границу по Пруту, то ничего не выйдетъ, будьте увѣрены“. Но, повидимому, Наполеонъ самъ сомнѣвался въ своемъ предсказаніи, когда онъ прибавилъ не безъ раздраженія: „впрочемъ, я очень мало уважаю Турокъ и Шведовъ; это незначительные народы“ [3]). Въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ Балашовымъ онъ упоминалъ о Молдавіи и Валахіи[4]), которыя благодаря его поддержкѣ могли бы быть присоединены къ Россіи, если бы Александръ не испортилъ съ нимъ отношенія, и эту смѣлую натяжку онъ повторялъ въ письмѣ, отправленномъ изъ Вильны на имя Государя [5]), когда было всѣмъ извѣстно, что за послѣдній годъ онъ всячески удерживалъ Турцію отъ территоріальныхъ уступокъ.

---

[1]) Письмо 16 мая (у Горлинова 5557).

[2]) У Татищева, Alexandre I et Napoléon (1891), стр. 599.

[3]) „Il a ses raisons“, писалъ по этому поводу де-Местръ 5 августа 1812 г. (Oeuvres de Joseph de Maistre, XII, стр. 197).

[4]) „Aprés avoir été battu à Austerlitz, aprés avoir été battu à Friedland, en un mot aprés deux guerres malheureuses, il obtient la Finlande, la Moldavie, la Valachie..... (Тамъ же).

[5]) „. .Sa Majesté a manqué de persévérance, de confiance, et, qu'elle me permette de le lui dire. de sincérité, elle a gâté tout son avenir.“ Письмо Наполеона къ Александру 1 іюля 1812 г. (Correspondance de Napoleon, XXIV, стр 4).

Не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній о принятіи Турками русскихъ условій мира, онъ распоряжается объ усиленіи курьерскихъ поѣздокъ въ Константинополь съ сообщеніями о французскихъ побѣдахъ и объ отсылкѣ туда польскихъ депутатовъ для польско-турецкаго сближенія и для поощренія наступательныхъ дѣйствій вмѣстѣ съ Турками [1]). Одновременно онъ поручаетъ командиру VII корпуса генералу Ренье распространять среди населенія, что всѣ слухи о возвращеніи русскихъ силъ съ юга невѣрны и что, наоборотъ, Россія должна посылать новыя войска на Дунай, потому что Турція отказывается ратифицировать миръ съ нами. Хотя такія же свѣдѣнія передавались изъ французскаго посольства въ Константинополѣ [2]), но Наполеонъ не могъ очень долго вѣрить въ разсылаемыя имъ самимъ сообщенія. Тѣ извѣстія о восточныхъ дѣлахъ, которыя онъ получилъ въ Витебскѣ [3]), вызвали въ немъ грустныя опасенія, которыя подтвердились въ Москвѣ, когда онъ въ русскихъ газетахъ нашелъ текстъ вступившаго уже въ силу Бухарестскаго трактата [4]).

Наполеонъ былъ наказанъ за свое двуличіе, за свои колебанія между сближеніемъ съ Россіей и поддержкой Турціи, между восточными грёзами и вѣковой дипломатической традиціей: въ критическую для него минуту онъ лишался поддержки Порты, старой союзницы французской политики.

---

[1]) Письмо 22 іюля изъ с. Глубокаго (Correspondance, XXIV, стр. 103) къ герцогу Бассано.

[2]) Письмо къ маршалу Бертье 22 іюля, тамъ же.

[3]) „Je ne crains pas cette longue route bordée de déserts. говорилъ онъ Нарбону, cette longue route est la route de l'Inde". Villemain, тамъ же, стр. 175. Письмо къ Бассано 29 іюля, тамъ же, стр. 120

[4]) Письмо къ Бассано 30 сентября 1812, тамъ же, стр. 272.

ГЛАВА IV.

Дѣйствительность и грёзы.

Въ Бухарестѣ послѣ 16-го мая наступило дипломатическое затишье, когда нужно было ожидать ратификаціи договора съ той и съ другой стороны. Леду по-прежнему, однако, навѣщалъ своего друга Галиба, и, какъ видно изъ донесеній французскаго консула, старался узнавать, что побудило оттоманцевъ такъ неожиданно для Франціи подписать Бухарестскій трактатъ. Галибъ отвѣчалъ не особенно охотно, объясняя согласіе Турокъ продолжительностью войны, несостоятельностью обѣщаній Латуръ-Мобура и, наконецъ, незначительностью уступленной территоріи; но осторожный и вѣрующій магометанинъ прибавлялъ, что до истеченія трехмѣсячнаго срока, установленнаго для эвакуаціи княжествъ, Божій промыслъ могъ еще проявиться [1]). Онъ имѣлъ, конечно, въ виду неутвержденіе трактата султаномъ, и нужно признать, что были серьезные шансы противъ его ратификаціи на Босфорѣ: и эти шансы могли еще значительно увеличиться благодаря новымъ и скорѣе фантастичнымъ планамъ, съ которыми пріѣхалъ въ Бухарестъ новый главнокомандующій Дунайской арміи.

Назначеніе адмирала Чичагова на мѣсто Кутузова въ срединѣ апрѣля было сюрпризомъ для бюрократическаго Петербурга [2]) и объясняется предшествовавшими ему разговорами Чичагова съ Государемъ [3]). Александръ былъ нѣсколько раздраженъ казавшейся ему медлительностью переговоровъ въ

---

[1]) См. донесеніе Леду отъ 23 мая 1812 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 693).

[2]) Ср. письмо графини Нессельроде отъ 15 апрѣля 1812 г. въ Archives du C-te de Nesselrode, IV, стр. 15

[3]) Въ Русскомъ Архивѣ 1870 г. Записки Чичагова, стр. 1522 сл.

Бухарестѣ и видимо обезпокоенъ франко-австрійскимъ договоромъ. У него появилась мысль объ образованіи анти-французской коалиціи, въ центрѣ которой стояла бы Россія, а на сѣверѣ и на югѣ Швеція и Турція. Но чтобы произвести натискъ на Австрію, онъ сталъ мечтать о военной организаціи южныхъ славянъ, которые бы двинулись противъ французскихъ владѣній въ Далмаціи, а тѣмъ временемъ вспыхнуло бы подготовленное Россіею возстаніе венгерцевъ противъ Австріи.

Въ письмѣ своемъ Бернадоту [1]) онъ раскрываетъ „великій планъ", а въ разговорахъ съ Чичаговымъ онъ настаиваетъ на необходимости сближенія съ Турціей для наступательныхъ дѣйствій противъ франко-австрійскаго договора. Чичаговъ вполнѣ раздѣляетъ эти мысли со свойственной ему фантазіей, критикуя мимоходомъ не только осторожность Кутузова, но и упорство Румянцова [2]) получить отъ Турціи территоріальныя расширенія, вмѣсто того чтобы дѣйствовать согласно съ нею противъ западной коалиціи. Современники Павла Васильевича Чичагова удивлялись его мозговой энергіи. „Un homme de tête" [3]), называлъ его Александръ въ письмѣ Бернадоту. Де-Местръ шелъ дальше и называлъ его самой удивительной головой въ Россіи, вѣчно одержимой духомъ противорѣчія [4]); а Ланжеронъ сравнивалъ эту голову съ вулканомъ, постоянно извергающимъ неосуществимые проекты [5]).

Тѣмъ не менѣе его трехлѣтнее управленіе морскимъ министерствомъ оказалось безплоднымъ. Но всѣ, даже его враги признавали его абсолютную честность и высокое благородство, которыя давали ему до извѣстной степени право критиковать своихъ современниковъ, при чемъ иностранцы все таки поражались суровостью его сужденій по адресу Россіи и Русскихъ [6]).

---

[1]) 9 апрѣля 1812 (Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et Bernadotte, стр. 7) „Un grand plan me semble devoir être embrassé. Les nations slaves forment un ensemble imposant, et, réunis aux mécontents de la Hongrie, produiront une diversion puissante contre l'Autriche et les possessions françaises de l'Adriatique. Dans des chances heureuses, il ne sera pas impossible même de pénétrer par la Bosnie et la Croatie asssez avant pour se mettre en contact avec les Tyroliens, et par là avec la Suisse..."

[2]) ... Il remporta sur le chancelier Roumantzof un triomphe complet.. писалъ Прусскій посланникъ Жуфруа про Чичагова 21 мая 1812 (Jorga, Acte şi fragmente, II, стр. 482).

[3]) Письмо Александра, тамъ же, стр. 7.

[4]) ... Une des têtes les plus extraordinaires qui existent dans ce pays; il contredit tout uniquement pour se divertir". (J. de Maistre, Mémoires politiques, 1858, стр. 307).

[5]) Journal, стр 1.

[6]) „.... Il était probe et désintéressé; il portait cette vertu à l'excès pour lui et pour les autres, et enveloppait trop de personnes dans l'idée qu'il avait de la corruption du siècle et de celle de sa nation". Langeron, тамъ же.

Мысли Александра нашли горячій откликъ у воспріимчиваго адмирала, который вскорѣ былъ предназначенъ Государемъ къ командованію сухопутной арміей и къ обновленію дипломатическихъ переговоровъ съ Портой Текстъ инструкцій для Чичагова набросанъ самимъ Государемъ [1]). „Коварное поведеніе Австріи, соединившейся съ Франціею, заставляетъ Россію усмотрѣть всѣ способы, находящіеся у нея въ рукахъ, для опроверженія вредныхъ замысловъ сихъ двухъ державъ“,— гласитъ п 4 этого проекта, изъ котораго дѣлаются слѣдующіе выводы: „п 5) главнѣйшіе изъ сихъ способовъ есть славянскіе народы, какъ-то сербы, босняки, далматы, черногорцы, бокезцы, кроаты, иллирійцы; п. 6) венгры, недовольные ихъ правительствомъ, представляютъ намъ столь же сильныя средства озаботить Австрію“. Дальше налагается на Чичагова обязанность навязать Турціи нашъ союзъ, а въ случаѣ отказа принудить ее къ этому силой. Въ инструкціяхъ, какъ и въ разговорѣ Государя съ нимъ [2]), предполагалось, что Чичаговъ пріѣдетъ въ Бухарестъ для заключенія мира и что для воздѣйствія на Турцію придется наступать по Балканскому полуострову и искать поддержки у Грековъ иу Али-паши, подавъ послѣднему надежду на „независимость и признаніе за нимъ титула короля эпирскаго“ [3]) На правомъ же флангѣ славянское ополченіе, завоевавъ Боснію и Хорватію, гдѣ у жителей, по донесенію нашихъ агентовъ [4]), русское имя пользовалось большою любовью, должно было двинуться въ Далмацію до самаго Тріэста и уже оттуда „пробраться до Тироля и симъ соединиться съ симъ храбрымъ и недовольнымъ народомъ равномѣрно съ швейцарцами“.

Читая столь широкіе замыслы, возложенные на Чичагова, съ четырьмя дивизіями, оставшимися въ Валахіи, и помня всѣ тѣ неудачи, которыя при бо́льшемъ количествѣ постигали наши войска въ теченіе многихъ лѣтъ на правомъ берегу Дуная, невольно удивляешься оптимизму Императора, ожидавшаго отъ несуществующей славянской милиціи стратегическихъ подвиговъ, достойныхъ Юлія Цезаря. Французъ Альберъ Сорель [5]), подводя итоги восточнымъ грёзамъ Наполеона и подвергая ихъ

---

[1]) Въ Военно Учебномъ Архивѣ, I, 236, стр. 5.
[2]) См. „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 1526 сл.
[3]) Тамъ же, стр 1528.
[4]) „Il existe dans ces différentes contrées (Босния и Хорватія) un enthousiasme en faveur des Russes qui s'approche du fanatisme“, писалъ Тейль, 30 апрѣля 1812 г. (От. Война 1812 г., XI, стр 351).
[5]) L'Europe et la Révolution française, VII, стр. 56.

оцѣнкѣ по сравненію съ соотвѣтствующимъ планомъ Александра I, признаетъ за политикой послѣдняго положительность и постоянство, а Наполеону ставитъ въ вину непрактичность и утопизмъ. Нужно думать, что если бы Сорель познакомился съ инструкціями адмиралу Чичагову, онъ былъ бы снисходительнѣе къ своему императору.

Чичаговъ принялъ эти инструкціи съ глубокимъ убѣжденіемъ въ возможности ихъ осуществленія. Ему, кромѣ того, поручалось упорядочить [1]) правовую жизнь Молдавіи и Валахіи, и Государь, довѣряя его чувству справедливости, предоставлялъ его усмотрѣнію выборъ того или другого образа правленія въ многострадальныхъ княжествахъ.

Чичаговъ сталъ быстро готовиться къ отъѣзду и, чувствуя нѣкоторую [2]) неподготовленность къ предстоявшей ему задачѣ, обѣщалъ слѣдовать примѣру римскихъ проконсуловъ, которые по дорогѣ въ свои провинціи, изъ чтенія книгъ, черпали необходимыя на новой должности свѣдѣнія.

Чичаговъ 16 апрѣля уѣхалъ изъ Твери на югъ. Но еще до отъѣзда онъ въ Петербургѣ просилъ [3]) Государя дополнить инструкцію однимъ пунктомъ: о возможности отказаться отъ пріобрѣтенія Молдавіи, которое въ глазахъ Румянцова считалось самымъ цѣннымъ результатомъ войны „Какое значеніе можетъ имѣть для насъ разоренная Молдавія?“ писалъ онъ;—„дастъ ли она намъ естественную границу? Будетъ ли ею обезпеченъ прочный миръ?“ И на всѣ эти вопросы онъ давалъ отрицательный отвѣтъ.

А послѣ нѣкотораго раздумья онъ къ этому еще возвращался: изъ Твери, черезъ нѣсколько дней, онъ писалъ, что всѣ возможныя жертвы слѣдуетъ принести русско-турецкому союзу. „Даже если наша политика требовала сохраненія Молдавіи, я считалъ бы теперь этотъ проектъ несвоевременнымъ“ [4]). Въ такомъ же духѣ писалъ онъ изъ Боровичей, гдѣ его задержалъ на два дня весенній разливъ. Чичаговъ настолько прельщался пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое долженъ былъ произвести на Англичанъ нашъ союзъ съ Турціею, что, не задавая себѣ даже вопроса о реальныхъ результатахъ такого сближенія, онъ высказывался за отказъ отъ всякихъ приращеній съ нашей стороны [5]).

---

[1]) Mémoires de l'amiral Tchitchagof (изд. Lahovary), стр. 358.
[2]) Ср. Stourdza, Souvenirs et portraits (1859), стр. 115.
[3]) Нап. у Горяинова, 1812, стр. 33.
[4]) Нап. у Горяинова, 1812, стр. 37.
[5]) Письмо 20 апрѣля 1812 у Горяинова, стр. 38.

Здѣсь бросается въ глаза разница между здравымъ смысломъ Кутузова и увлеченіями Чичагова: адмиралъ, увидавъ журавля въ небѣ, былъ готовъ выпустить синицу изъ рукъ.

Ѣхалъ Чичаговъ довольно быстро и по дорогѣ къ нему присоединялись нужные ему въ новомъ дѣлѣ сотрудники: левантинцы Пизани и Минчіяки и молодой Александръ Скарлатовичъ Стурдза, сынъ молдавскаго боярина, переѣхавшаго въ Россію въ 1792 г. послѣ Ясскаго мира [1]), послужившій довольно долго впослѣдствіи на нашей дипломатической службѣ, но прославившійся главнымъ образомъ въ эпоху Священнаго союза брошюрой, направленной противъ германскихъ университетовъ [2]) и нашумѣвшей во всей Европѣ. Самый выдающійся изъ сотрудниковъ Чичагова пріѣхалъ къ нему прямо въ Бухарестъ на должность правителя канцеляріи по дипломатической части: это былъ графъ Каподистрія, поступившій на русскую службу въ 1807 г. [3]) и причисленный за нѣсколько мѣсяцевъ до Бухарестскаго мира къ нашему посольству въ Вѣнѣ, гдѣ, не взирая на большой составъ секретарей [4]), онъ успѣлъ выдѣлиться запиской [5]) о состояніи южныхъ славянъ, которая была замѣчена въ Петербургѣ и имѣла повидимому нѣкоторое вліяніе на планы Александра [6]).

Каподистрія принадлежалъ къ старому корфіотскому роду [7]), удостоенному графскаго титула моденскими герцогами. Связь іоническихъ Грековъ съ Италіей поддерживалась и тѣмъ, что многіе изъ нихъ, какъ и самъ Каподистрія, получали свое высшее образованіе, вмѣстѣ съ венеціанской молодежью, въ старомъ падуанскомъ университетѣ. Да и острова эти, расположенные длинной цѣпью по побережью Балканскаго полуострова, образовали какъ бы границу между западомъ и востокомъ, объединяя одновременно латинскій и эллинскій міръ. Сицилійскіе властелины оспаривали ихъ у византійскихъ импе-

---

[1]) Объ этомъ у Чичагова, Mémoires, изд. Lahovary, стр. 361 сл.

[2]) Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne, 1818.

[3]) О знакомствѣ Чичагова съ Каподистріей въ Петербургѣ ср. Papadopoulos-Vretos, Mémoires biographiques et historiques sur Jean Capodistrias, I (1807), стр. 13 и 16. Объ этомъ же см. въ Correspondance du C-te Capodistrias (Genève 1839) I, стр 20, біографію, составленную Александромъ Стурдза.

[4]) Русскій посолъ графъ Штакельбергъ былъ даже очень недоволенъ появленіемъ 13-го члена посольства, См объ этомъ у Теплова, Ист. Вѣстникъ, т. 53, стр. 345.

[5]) Ср *Εὐαγγελίδης, Ἱστορία τοῦ Ἰωάννου Καποδιστρίου* (1893), стр. 29.

[6]) Объ этомъ въ запискѣ гр. Каподистріи, нап. въ Сборникѣ Русскаго Ист. Общества III, стр. 169.

[7]) Первоначальная фамилія этой семьи была Victorio Victori. См. Alexandre Buchon, Voyage dans les Iles Ioniennes (1911), стр. 143.

раторовъ, и венеціанцы отстаивали эту христіанскую твердыню отъ нападенія Турокъ. И нужно ли напомнить, что островъ Зантъ—родина итальянскаго поэта Уго Фосколо и греческаго національнаго пѣвца Діонисія Соломоса? Въ самомъ характерѣ жителей этихъ острововъ прѣзжіе путешественники отмѣчали черты греческаго и итальянскаго народа [1]), объединенныя высокимъ уровнемъ культуры [2]) даже въ то время, когда нынѣшнее Греческое королевство представляло собою пустынный турецкій пашалыкъ.

Графъ Каподистрія отдавалъ въ теченіе многихъ лѣтъ свои умственныя силы и высокія свои нравственныя качества на служеніе Россіи; но онъ, какъ нѣкоторые иностранцы, встрѣчался у насъ съ предубѣжденіями и недоброжелательствомъ большинства сановниковъ. И до сихъ поръ наши историки обвиняютъ его въ непониманіи русскихъ интересовъ Нижеслѣдующее изложеніе покажетъ, можетъ быть, что въ концѣ царствованія Александра I наступилъ роковой моментъ, когда Каподистрія лучше понималъ, чѣмъ кто-либо у насъ, настоящіе наши интересы на востокѣ, случайно совпадавшіе съ возрожденіемъ греческаго народа, за привязанность къ которому Каподистрія поплатился жизнью.

Чичаговъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ апрѣля приближался уже къ княжествамъ. За Днѣстромъ встрѣчала его всюду толпа молдавскихъ крестьянъ, радостно привѣтствовавшихъ его [3]) въ ожиданіи,—какъ и при назначеніи Кутузова,—что новый главнокомандующій облегчитъ ихъ страданія. Въ Яссы Чичаговъ пріѣхалъ 3 мая [4]) и узналъ тамъ, что миръ очень близокъ. Онъ тотчасъ же продолжалъ свой путь и достигъ Бухареста 6 мая, т.-е. на другой день послѣ подписанія прелиминарій.

Это было сильное разочарованіе для Чичагова, который разсчитывалъ взять въ свои руки дѣло о заключеніи мира и дать ему новое направленіе, согласно полученнымъ инструкціямъ, а теперь онъ принужденъ былъ вручить Кутузову тотъ изъ двухъ

---

[1]) . S'ils se rattachent à l'Italie par les dons extérieurs et les qualités aimables, les habitants des Sept Iles appartiennent bien réellement à la Grèce par le fond même de leur caractère Ils ont des Grecs l'instinct pratique des affaires, la finesse parfois un peu tortueuse... (Lenormant, La Grèce et les Iles Ioniennes, 1865, стр. 261).

[2]) О ней свидѣтельствуетъ литературная дѣятельность іоническихъ грековъ. См. Bibliographie Ionienne par Legrand, complétée par Pernot, I, II (1910) въ Publications de l'école des langues orientales vivantes.

[3]) Ср. Stourdza, Souvenirs et portraits (1859), стр. 117.

[4]) См. донесеніе французскаго вице-консула отъ 4 мая у Hurmuzaki, тамъ же.

рескриптовъ, изготовленныхъ въ Петербургѣ, который былъ составленъ на случай вступленія новаго главнокомандующаго послѣ подписанія трактата, съ выраженіемъ благодарности графу Михаилу Иларіоновичу.

Чичаговъ впослѣдствіи въ своихъ запискахъ обвинялъ своего предшественника въ томъ, что онъ поспѣшилъ съ заключеніемъ мира только для того, чтобы отнять у него эту славу [1]). Но изъ предшествующей главы достаточно ясно видно, что Кутузова въ чемъ угодно, но въ поспѣшности упрекать невозможно, а дальнѣйшее изложеніе покажетъ, можетъ быть, что если бы Чичаговъ засталъ переговоры еще не оконченными, то Бессарабія въ настоящее время находилась бы внѣ предѣловъ нашей Имперіи.

Чичаговъ, правда, придерживался другого взгляда и писалъ въ своихъ запискахъ: „.. Я узналъ, что турецкіе уполномоченные имѣли приказаніе дѣлать во всемъ уступки, слѣдовательно могли бы назначить рѣку Серетъ границею. .“ [2]). Изученіе документовъ, правильная оцѣнка турецкой устойчивости и пониманіе постояннаго риска прекращенія переговоровъ, съ которымъ долженъ былъ считаться Кутузовъ, даютъ совершенно иное освѣщеніе Бухарестскому миру Но Чичаговъ очевидно испыталъ по пріѣздѣ въ столицу Валахіи глубокую досаду и она вылилась тотчасъ же въ адресѣ его Дивану, гдѣ онъ выражалъ увѣренность, что трактату, въ которомъ не упоминалось о русско-турецкомъ союзѣ, грозило неутвержденіе съ нашей стороны [3]). Этими неосторожными выраженіями онъ сразу могъ подорвать довѣріе къ только-что заключенному трактату и навести султана на соотвѣтствующія, для насъ крайне нежелательныя, мысли.

Но какъ бы то ни было, въ дѣлѣ ратификаціи выработанныхъ въ Бухарестѣ статей, Чичаговъ особой положительной дѣятельности проявлять уже не могъ. Онъ скорѣе въ состояніи былъ безсознательно или даже сознательно ее задержать возбужденіемъ недовѣрія къ намъ Порты, благодаря остальнымъ частямъ его инструкцій: навязывая Турціи союзъ, къ которому она не была расположена, организуя и вооружая покоренныхъ ею славянъ въ Босніи и въ Сербіи, онъ могъ вызвать серьезное подозрѣніе Турціи въ томъ, что Россія подъ тѣмъ или другимъ видомъ собирается продолжать военныя дѣйствія противъ нея. А отказъ

---

[1]) См. Mémoires de l'amiral Tchitchagof (изд. Lahovary 1909), стр. 379.
[2]) Русскій Архивъ 1870 г., стр. 1533.
[3]) У Stourdza, Souvenirs et Portraits, стр. 120.

въ ратификаціи могъ легко быть ближайшимъ результатомъ этой вполнѣ естественной мнительности на Босфорѣ. Нужно признать на самомъ дѣлѣ, что вся дѣятельность Чичагова въ теченіе двухъ мѣсяцевъ была какъ бы направлена къ достиженію такого результата.

На другой же день послѣ своего пріѣзда онъ просилъ визиря дать пропускъ Италинскому, отправлявшемуся въ Константинополь съ довѣрительными грамотами для заключенія русско-турецкаго союза, на которомъ такъ настаивалъ Государь. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ въ визирскомъ лагерѣ Италинскій могъ выѣхать въ Шумлу, гдѣ онъ былъ принятъ со всѣми проявленіями восточной вѣжливости [1]). Италинскій прибылъ въ Константинополь черезъ нѣсколько дней послѣ полученія Портой текста трактата и возобновилъ дипломатическія сношенія, прерванныя тамъ при немъ же въ 1806 г. Самое подписаніе трактата Порта старалась скрыть отъ Латуръ-Мобура, который еще за нѣсколько дней до рѣшающихъ засѣданій предлагалъ Портѣ вступить въ особый договоръ, гдѣ Махмудъ обязался бы не заключать мира безъ согласія Франціи; а вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ представителя Австріи, Штюрмера, Латуръ-Мобуръ передавалъ драгоману Панаіоти Мурузи, что французское правительство готово было забыть всѣ свои предубѣжденія противъ семьи Мурузи, если бъ это предложеніе было принято [2]). Оно было отвергнуто, и понятно, что Порта послѣ этого старалась, чтобы Франція узнала какъ можно позже о состоявшемся между нею и нами мирѣ.

Италинскій засталъ въ Константинополѣ, пріѣхавшаго за нѣсколько дней до него, шведскаго генерала Таваста, которому было поручено Бернадотомъ, по соглашенію съ Александромъ, изложить Портѣ всѣ опасности, грозившія ей со стороны Наполеона, якобы готоваго захватить Константинополь послѣ пораженія Россіи [3]); и тѣмъ самымъ Тавастъ долженъ былъ повліять на султана въ смыслѣ ускоренія мира съ нами. Когда Тавастъ прибылъ на Босфоръ, прелиминаріи въ Бухарестѣ были уже подписаны и главная задача его миссіи какъ бы отпала. Но Александръ, сообщая Бернадоту отрадную вѣсть

---

[1]) См. Уляницкій, Матеріалы, стр. 70.

[2]) Эти свѣдѣнія были получены Фонтономъ изъ Константинополя. См. Rapport de Fonton, въ описи Горяинова № 6385.

[3]) Объ этомъ въ Pro et de rescrit autographe de S. M. l'Empereur à l'amiral Tchitchagof. (Госуд. Архивъ, Campagnes Turquie, Exp 149).

о результатахъ засѣданія 5 мая въ Бухарестѣ [1]), выражалъ надежду, что Тавастъ въ свою очередь посодѣйствуетъ заключенію русско-турецкаго договора [2]). Однако наши союзники и доброжелатели отнеслись очень сдержанно къ этой новой и повидимому завѣтной мысли нашего кабинета. Одинъ изъ посредниковъ Кэннинга, неаполитанецъ Серра Капріола, высказывался за невозможность склонить къ этому Турцію [3]), и приблизительно такъ же думалъ Тавастъ, особенно послѣ разговора съ Рейсъ-эфенди [4]).

Этотъ осторожный турокъ повидимому предчувствовалъ близкое паденіе Наполеона, когда онъ говорилъ шведскому генералу, что никакая опасность уже не будетъ грозить Турціи отъ Франціи того послѣ, какъ обѣ державы перестанутъ имѣть общую границу въ Далмаціи: вѣдь русско-турецкое сближеніе должно было направиться противъ Франціи, а Франція могла легко послѣ Наполеона вернуться къ прежней своей дружественной роли по отношенію къ Турціи. И перебирая прошлое, Рейсъ-эфенди не безъ ироніи отмѣчалъ, что въ сущности только одна египетская экспедиція нарушила мимолетно эту старую дружбу съ западной державой, тогда какъ со временъ Петра Россія неоднократно покушалась на неприкосновенность Оттоманской имперіи.

Противъ этого союза также высказывался и Стрэдфордъ Кэннингъ [5]), конечно съ своеобразной англійской точки зрѣнія. Заключеніе мира въ Бухарестѣ вполнѣ соотвѣтствовало интересамъ англійскаго кабинета, такъ какъ оно давало намъ возможность увеличить наши боевыя силы противъ Французовъ, но въ интересы англійскаго кабинета вовсе не входило увеличеніе нашего вліянія въ Константинополѣ и расширеніе нашего воздѣйствія на Востокѣ путемъ такого двойственнаго союза, который постоянно не могъ бы не вызывать подозрѣнія Англіи, если бы она къ нему не примкнула. Именно этимъ и объясняется, что Кэннингъ [6]) совѣтовалъ Портѣ возражать про-

---

[1]) Письмо 24 мая изъ Вильны, Correspondance inédite, стр. 11. Поздравленія Бернадота въ письмѣ его отъ 15 іюня, тамъ же, стр. 16.

[2]) „Je remercie Votre Altesse pour la mission du général Tawast. Il sera très utile dans les circonstances présentes pour consolider l'union avec la Porte et contribuer à conclure avec elle un traité d'alliance offensive et défensive". Тамъ же, стр. 11.

[3]) См. „Русская Старина", т. 76, стр. 621.

[4]) Нап. у Уляницкаго, Матеріалы, стр. 84.

[5]) См. „Русская Старина", т. 79, Славянская заря, стр. 89; также письмо Чичагова къ Италинскому отъ 17 іюня, у Уляницкаго, стр. 73.

[6]) Въ крайнемъ случаѣ онъ соглашался на англо-русско-турецкій союзъ. См. „Русскій Архивъ", 1892, II, стр. 27.

тивъ статьи трактата, уступающей намъ выходъ на Черноморское побережье [1]), и онъ зналъ впередъ, что изъ-за неутвержденія этого параграфа Россія не откажется отъ другихъ выгодъ, полученныхъ въ Бухарестѣ, и дастъ въ свою очередь требуемую ратификацію. Онъ не ошибся, и если оказалась нѣкоторая задержка въ ратификаціи [2]) и опубликованіи [3]) трактата, то это именно съ турецкой стороны.

Махмуду оставалось утвердить соглашеніе, которое лишало его части Молдавскаго княжества и отрывало навсегда изъ-подъ власти падишаха такія крѣпости, какъ Измаилъ, гдѣ Турки проливали свою кровь неоднократно въ защиту знамени пророка Повидимому онъ колебался; его огорчало и то, что возвращеніе пушекъ, обѣщанныхъ Чичаговымъ, и освобожденіе плѣнныхъ Турокъ въ Слободзеѣ затянулись до половины іюня. но его между прочимъ также смущало это навязываніе оборонительнаго и наступательнаго союза съ Россіею одновременно съ предложеніями Чичагова организовать южныхъ славянъ. По крайней мѣрѣ Италинскій [4]), не получая еще отъ Порты оффиціальнаго признанія его миссіи въ Константинополѣ, а впослѣдствіи дожидаясь довольно долго обнародованія уже утвержденнаго договора, приписывалъ эти явленія все увеличивающемуся недовѣрію Турціи къ намъ.

Французская же дипломатія была увѣрена, что миръ не будетъ утвержденъ [5]), и французскіе историки объясняютъ его ратификацію исключительно только тѣмъ, что новый французскій посолъ Андреосси, которому было особенно поручено помѣшать прекращенію русско-турецкой войны, опоздалъ по дорогѣ въ Константинополь вслѣдствіе эпидемическихъ болѣзней [6]) или, какъ увѣряютъ другіе, по болѣе веселымъ причинамъ [7]).

Но не въ этихъ случайностяхъ нужно искать объясненія окончательной санкціи Бухарестскаго трактата со стороны Порты. Султанъ захотѣлъ передъ безповоротнымъ своимъ рѣшеніемъ

---

[1]) Ср „Русскій Архивъ“, 1892, II, стр. 27.

[2]) Французская дипломатія была увѣрена, что эта ратификація не послѣдуетъ. Ср. письмо Андреосси изъ Лайбаха къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ 25 іюня 1812 г., нап. у Hurmuzaki, Suppl. I., vol. II, стр. 724.

[3]) Опасеніе Ришелье въ его письмѣ 17 іюля къ Чичагову. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т. 54, стр. 344.

[4]) См. письмо его отъ 14 іюля къ Чичагову изъ Буюкдерэ, нап. у Попова, „Русская Старина“, т. 79, стр. 88.

[5]) См. еще письмо Латуръ-Мобура отъ 19 іюня 1812 г., у Hurmuzaki, Suppl. I., vol. II, стр. 725.

[6]) См. Ernouf, Maret, duc de Bassano, стр. 324.

[7]) „Il s'arrêta, s'amusa partout et trouva la paix faite“. Langeron, Journal, стр. 369.

приблизиться къ общественному мнѣнію Константинополя: онъ созвалъ совѣтъ изъ сановниковъ и изложилъ имъ создавшееся положеніе [1]). Оказались многочисленные голоса въ пользу продолженія войны и за сохраненіе въ цѣлости обоихъ княжествъ. Но партія янычаръ, имѣвшая своихъ представителей среди бухарестскихъ уполномоченныхъ, одержала верхъ, ссылаясь на недобросовѣстность Наполеона и опираясь главнымъ образомъ на миролюбивое настроеніе константинопольской черни, сильно изстрадавшейся за эту многолѣтнюю войну [2]) А на самомъ дѣлѣ янычары опасались возобновленія военныхъ дѣйствій, которыя могли выдвинуть значеніе другихъ турецкихъ войскъ и еще болѣе поколебать вліяніе этой устарѣвшей султанской дружины [3]). Если впослѣдствіи янычары были совершенно упразднены, то можетъ быть изъ-за того, что они не пожелали возстать противъ мира, подписаннаго въ Бухарестѣ.

Совѣтъ въ концѣ концовъ высказался за ратификацію трактата [4]), который и былъ тогда утвержденъ султаномъ, за исключеніемъ вышеназванной статьи о Черноморскомъ побережьѣ. Въ Бухарестѣ 2 іюля произошелъ обмѣнъ ратификацій, и русскіе полномочные устроили въ честь Турокъ фейерверкъ съ латинскими надписями [5])

Черезъ недѣлю вѣсть о ратификаціи дошла до Смоленска, гдѣ находился тогда Александръ. Радостно взволнованный Государь обнялъ находившагося тогда въ залѣ городского голову, сообщивъ ему о заключеніи „славнаго“ мира съ Турціею и поручивъ ему объявить это народу [6]). Громкое „ура“ оглушительными перекатами долго раздавалось по городу [7]). Эта вѣсть, полученная 12 іюля въ Москвѣ и 14-го въ Петербургѣ, вызывала тамъ такой же восторгъ [8]). Радовались военные [9]), оцѣнивая заранѣе возможную роль молдавской арміи на сѣверо-западѣ

---

[1]) Объ этомъ у Juchereau de St. Denis Histoire de l'Empire Ottoman, III (1844), стр. 317—318.

[2]) Это признавалъ самъ Латуръ-Мобуръ· „...le peuple, qui fatigué de la guerre, demande qu'on la termine même au prix de quelques sacrifices“... Письмо 6 іюня 1812 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр. 693).

[3]) Ср. Djevad-Bey, Etat militaire ottoman (1882), стр. 245 сл.

[4]) См. Lefebvre, Histoire des cabinets de l'Europe, V (1869), стр. 169.

[5]) Souvenirs du règne de l'Empereur Alexandre, y Stourdza, Souvenirs et Portraits, стр. 121.

[6]) См „Русскій Архивъ“, 1875, стр. 295.

[7]) „Сѣверная Почта“, 1812 г., № 58.

[8]) „Московскія Вѣдомости“, 1812 г., №№ 57 и 60

[9]) См. письмо Бенкендорфа изъ Витебска (12 іюля) къ Александру, въ „Русской Старинѣ“ 1909, іюль, стр. 103.

нашего отечества, радовались и дипломаты [1]), и вся Россія ликовала, узнавъ о примиреніи съ Портою.

Необходимость окончанія турецкой войны была уже не тайной государственной, но потребностью, постигаемой всѣми сословіями [2]). И это общее удовлетвореніе отражается въ манифестѣ, гдѣ Императоръ слѣдующимъ образомъ объясняетъ заключеніе мира [3]): „Многократныя побѣды, одержанныя храбростью войскъ Нашихъ и желаніе Наше посреди самыхъ побѣдъ и завоеваній, не клонившееся никогда къ разоренію и порабощенію Порты, погасили напослѣдокъ въ ней духъ брани и преклонили къ желательной тишинѣ". То описаніе, которое въ манифестѣ дается части Молдавіи, оставшейся въ нашихъ рукахъ, весьма характерно, особенно если вспомнить прежніе широкіе замыслы: „Сей Богодарованный Намъ миръ,—продолжаетъ Императоръ,—доставилъ знатныя выгоды Россійской Имперіи, включа въ предѣлы ея многолюдную и плодоносную поверхность земли, которой окружность отъ Аккермана до устья рѣки Прута, протекающей въ девяти верстахъ отъ Яссъ, и отъ сего устья до Цесарской границы и оттолѣ въ низъ по Днѣстру простирается почти на тысячу верстъ, вмѣщая въ себѣ знаменитыя крѣпости Хотинъ, Бендеры, Килію, Измаилъ, Аккерманъ и многіе другіе торговые города".

Но что стало съ инструкціями, полученными Чичаговымъ отъ Александра? Государь повидимому послѣ отъѣзда адмирала изъ Петербурга продолжалъ возлагать на его миссію большія надежды. Изъ Вильны онъ писалъ Чичагову: „Мое довѣріе къ вамъ, къ вашему генію и къ вашимъ способностямъ велико" [4]). Но непосредственная ли близость съ арміей, призванной выдержать натискъ Наполеона, или полученныя между тѣмъ отъ Кутузова извѣстія о предстоящемъ заключеніи мира съ Турціею направляли умъ Александра въ сторону дѣйствительности и конкретныхъ результатовъ. „Состояніе, въ которомъ вы застанете переговоры въ Бухарестѣ, писалъ онъ Чичагову въ томъ же письмѣ, значительно видоизмѣняетъ ваши соображенія по поводу мирныхъ условій... [5]). Если миръ уже подписанъ, мы несомнѣнно пріобрѣтаемъ очень существенныя выгоды". И,мпе-

---

[1]) Ср. письмо Нессельроде 12 іюля въ Archives du C-te de Nesselrode, IV, стр. 64.

[2]) Такъ выражается Михайловскій-Даниловскій, Александръ I и его сподвижники, біографія Кутузова.

[3]) Манифестъ 6 августа 1812 г. (П. С. З. 25199).

[4]) Письмо 14 мая 1812 г. у Горяинова, 1812 годъ, стр.

[5]) Тамъ же.

раторъ давалъ ему понять, что разстраивать близкій къ заключенію миръ не слѣдовало изъ-за широкихъ плановъ. Но съ мыслью о движеніи славянъ, направляемыхъ противъ Австріи, онъ не разставался, и Румянцовъ готовилъ даже для австрійскихъ славянъ проектъ прокламаціи, въ которой должно было быть между прочимъ указано на австрійскій дворъ, „раболѣпствующій императору Наполеону, тогда какъ народы Австріи, достойные лучшаго управленія, стыдятся своего правительства“ [1]). Александръ повидимому колебался по отношенію къ венгерцамъ между двумя пріемами [2]): наступленіе нашихъ войскъ въ Трансильванію для того, чтобы провозгласить самостоятельность венгерцевъ, онъ считалъ способнымъ вызвать отпоръ со стороны преданныхъ Габсбургамъ мадьяровъ; наоборотъ, если бы можно было заручиться обѣщаніемъ венгерцевъ не участвовать въ предстоящей австро-русской войнѣ, то для Австріи возникли бы подобныя же затрудненія и безъ риска для насъ. Ни та, ни другая альтернатива не были приняты во вниманіе нашимъ кабинетомъ въ 1849 г., когда, вспыхнувшее безъ нашего участія, венгерское возстаніе было подавлено съ помощью нашего оружія. Не даромъ же Николай Павловичъ задолго до этого распорядился объ изъятіи изъ рукописи Михайловскаго-Данилевскаго [3]) всего, что касалось плановъ противъ Австріи въ 1812 г.

Тѣмъ временемъ запоздалость въ ратификаціи трактата со стороны Махмуда нѣсколько обезпокаивала Александра, который, настаивая по-прежнему на заключеніи оборонительнаго союза съ Турціею [4]), удерживалъ Чичагова въ письмѣ 6 іюля отъ стремленія добиться этого силой. Въ Ляховскомъ лагерѣ подъ Полоцкомъ Александръ яснѣе, чѣмъ въ петербургскихъ бесѣдахъ съ Чичаговымъ, вспоминалъ тѣ затрудненія, съ которыми въ теченіе 5 лѣтъ наша армія боролась у самаго берега Дуная, не обладая достаточной подвижностью, чтобы направиться къ Балканамъ, и онъ писалъ главнокомандующему арміи, состоящей теперь изъ 4-хъ дивизій: „ Вопросъ о Константинополѣ можетъ быть отложенъ до будущаго времени; лишь только наши дѣла противъ Наполеона пойдутъ хорошо, мы сейчасъ же можемъ возвратиться къ вашимъ предположеніямъ противъ Турокъ и провозгласить тогда или славянскую или греческую имперію“ [5]). Къ сожалѣнію, Александръ впослѣдствіи, какъ это

[1]) „Русская Старина“, т. 76, стр. 633—634.
[2]) „Русскій Архивъ“, 1892, II, стр. 23.
[3]) См. „Русская Старина“, т. 68 (1899), стр. 528.
[4]) См. письма отъ 7 и 13 іюня въ „Русскомъ Архивѣ“, 1870, стр. 1540.
[5]) Письмо отъ 6 іюля въ „Русской Старинѣ“, т. 76, стр. 640.

будетъ ниже указано, значительно охладѣлъ къ мысли о территоріальныхъ расширеніяхъ на счетъ Турецкой имперіи; а уже тогда, черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда Чичагова, началъ разочаровываться въ новомъ главнокомандующемъ, и въ день отправленія только-что приведеннаго письма онъ жаловался Румянцову на безграничную фантазію Павла Васильевича [1])

Понятно, что послѣ полученія турецкой ратификаціи Александръ [2]) запретилъ уже Чичагову всякія поползновенія по направленію къ Царьграду, о которомъ такъ мечталъ пылкій адмиралъ, предоставляя ему диверсію въ сторону Далмаціи, или черезъ Подолію и Волынь въ Польшу, чтобы угрожать правому флангу наполеоновской арміи. На опасность экспедиціи въ Далмацію указывали осторожные люди, какъ нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ баронъ Тейль [3]), или герцогъ Ришелье, [4]) который пересылалъ Александру записку, составленную графомъ Ланжероном, гдѣ очень наглядно доказывалась возможность вторженія въ Валахію Турокъ или австрійцевъ, которые тѣмъ самымъ окончательно отрѣзали бы армію, двинувшуюся черезъ Сербію и Боснію въ Далмацію. Чичаговъ, чувствуя нерасположеніе Ланжерона и Ришелье къ его планамъ, готовъ былъ перевести это разногласіе на личную почву. [5]) Но событія сыграли здѣсь болѣе важную роль, чѣмъ отдѣльные совѣтники Государя. Быстрое приближеніе Наполеона къ центральной Россіи указывало, что намъ нужно было для борьбы съ нимъ въ предѣлахъ нашего отечества призвать всѣ имѣющіяся у насъ боевыя силы, и всѣмъ становилась ясной необходимость присоединить къ дѣйствующей противъ Наполеона арміи дунайскія дивизіи [6]), которыя Бернадотъ совѣтовалъ для большей скорости перевозить на подводахъ [7]). Наконецъ 30-го іюля Александръ приказалъ Чичагову вернуться вмѣстѣ съ ними въ Россію.

Въ послѣдней главѣ этого очерка будетъ упомянута роль Чичагова въ образованіи Бессарабской области, подробности

---

[1]) „...Son imagination l'égare". у Горяинова 1812, стр. 18.

[2]) См. письмо отъ 18 іюля. „Русскій Архивъ", тамъ же.

[3]) . .Dieu veuille que dans un moment aussi critique et où il s'agit de l'existence politique de l'Europe, on ne sacrifie point le salut universel a tout autre considération". Донесеніе 26 іюня. Отеч. Война 1812, XIII, стр. 229—30.

[4]) См. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т 54, стр. 340. Записка Ланжерона напечатана цѣликомъ какъ приложеніе къ его Journal, у Hurmuzaki, Suppl I, vol. III.

[5]) Въ письмѣ изъ Фокшанъ 6 августа 1812 г. (Сборникъ И. Р. Истор. Общ., VI, стр. 23

[6]) Въ 1811 г. Александръ въ разговорѣ съ Сенъ-Жюльеномъ не придавалъ имъ большого значенія. „Or qu'est ce que quatre divisions de plus ou de moins". У Вел. Кн Николая Михайловича, Императоръ Александръ, I, стр. 441.

[7]) Письмо 11 августа 1812 г., въ Correspondance inédite, стр. 27.

котораго разработаны были по его порученію графомъ Каподистріей, посвятившимъ устройству этого новоприсоединеннаго края остальные годы своей дальнѣйшей службы Россіи. Но здѣсь хотѣлось бы изложить вкратцѣ, насколько трехмѣсячная дѣятельность Чичагова отъ мая до августа 1812 года была опасна для только-что заключеннаго въ Бухарестѣ мира, насколько мы, благодаря его настойчивости проводить мало обдуманные планы, рисковали лишиться Бессарабіи, на пріобрѣтеніе которой принесены были столько жертвъ за столько лѣтъ войны, и обезпечить благосостояніе которой подъ русскимъ владычествомъ было возложено на того же Чичагова. Всѣ усилія послѣдняго, если бъ они увѣнчались успѣхомъ, должны были привести къ возобновленію этой войны. И чѣмъ бы она кончилась для насъ подъ начальствомъ „земноводнаго генерала“ [1]), какъ называлъ Чичагова Державинъ? Нѣтъ основаній думать, что онъ превзошелъ бы Кутузова или Каменскаго, а скорѣе наоборотъ; и пришлось бы вѣроятно помириться на возвращеніи Портѣ всей занятой нами на Дунаѣ территоріи. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что отозваніе Чичагова обезпечило за нами обладаніе новой окраины и что съ этой точки зрѣнія нашествіе Наполеона сыграло нѣкоторую роль въ исторіи присоединенія Бессарабіи.

Черезъ недѣлю послѣ пріѣзда въ Бухарестъ Чичаговъ, охваченный горячимъ желаніемъ заключить русско-турецкій союзный договоръ, выгоды котораго оказывались еще весьма туманными, обращался къ Александру со слѣдующимъ проектомъ: „...необходимо съ нашей стороны при новыхъ переговорахъ сдѣлать какія-нибудь уступки Туркамъ... Въ такомъ случаѣ не дозволите ли Вы, Ваше Величество, уступить имъ ту *часть Молдавіи*, которая *пріобрѣтена* нами по новому мирному *договору*, какъ вознагражденіе за союзъ съ нами?...“ [2]) Глазамъ не вѣришь, когда читаешь эти строки [3]): многолѣтняя война, потери сотни тысячъ солдатъ, израсходованные милліоны забываются черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія прелиминарій; и единственное реальное приращеніе къ имперіи, Бессарабія, отдается Туркамъ взамѣнъ безцвѣтной бумаги, гдѣ Турки, измученные, разоренные Турки должны были обѣщать Россіи свое содѣйствіе противъ Наполеона! Чувство гордости

[1]) Эпиграмма въ Сочиненіяхъ Державина (2-ое акад. изд.), III, стр. 354 (Спб. 1870).

[2]) „Русскій Архивъ“, Этюды двѣнадцатаго года. 1892, II, стр. 20.

[3]) Французскій оригиналъ у Горяинова, 1812, стр. 51: „Je demande si Votre Majesté veut que la partie de la Moldavie acquise par ce traité de paix soit offerte en récompense de l'alliance intime et sincère qu'on leur propose...“

заговорило въ Государѣ, когда онъ въ отвѣтъ написалъ Чичагову [1]): „Надѣюсь, что вы отказались отъ мысли вернуть Туркамъ что-либо изъ пріобрѣтеннаго нами. Это было бы совершенно неприличнымъ...“ [2]) Но тѣмъ не менѣе мысль Чичагова стала извѣстной въ Константинополѣ, и преемникъ Кэннинга, новый англійскій посланникъ Листонъ, готовый уменьшить до минимума достигнутые нами успѣхи въ ущербъ Порты, предлагалъ намъ отказаться отъ Бессарабіи [3]). Тогда уже, въ концѣ іюля, Чичаговъ находилъ, что Турки были недостойны этой чести. Но была ли мысль самого Чичагова достойна представителя Россіи?

Въ головѣ Чичагова, вѣчно перерабатывавшаго первоначальныя мысли, чтобы расширять ихъ до неосуществимости, требованіе о заключеніи съ Турціею оборонительнаго и наступательнаго союза должно было, по его мнѣнію, имѣть въ концѣ концовъ другое назначеніе, а именно повести къ новой войнѣ съ Турціею... „Я долженъ сознаться,—писалъ онъ Государю[4]),—питаю одну только надежду, что усиленное требованіе заключить договоръ поведетъ къ новому разрыву и тѣмъ дастъ намъ возможность выйти изъ затруднительнаго положенія“. И вотъ съ этой цѣлью онъ постоянно напоминалъ Италинскому [5]) о скорѣйшемъ заключеніи этого союза, которому не сочувствовалъ ни Кэннингъ [6]), ни его преемникъ Листонъ. А Италинскому, предлагавшему Портѣ обезпечить путемъ союза неприкосновенность Оттоманской имперіи, приходилось выслушивать отъ Рейсъ-эфенди отказъ, облеченный подчасъ въ ироническое недовѣріе къ нашимъ заботамъ о благоденствіи падишаха [7]). Тѣмъ не менѣе Чичаговъ обвинялъ Италинскаго въ медлительности; онъ даже хотѣлъ прервать съ нимъ сношенія [8]) и возлагалъ надежды только на новаго французскаго посла Андреосси, отъ вліянія котораго онъ ожидалъ новаго разрыва между нами и Портой[9]).

---

[1]) 7 іюня 1812 г., у Горяинова, стр. 57.

[2]) „Cela serait entièrement inconvenable, et même d'après ma manière de voir ne nous avancerait en rien, les Turcs envisageant toujours les complaisances comme des marques de faiblesse ou de crainte.. “ Тамъ же

[3]) „Votre Majesté voudra bien voir par la lettre de Mr Liston qu'il ne serait pas éloigné de nous proposer de sacrifier la Bessarabie, mais vraiment les Turcs ne la méritent pas.“ Сборникъ И. Р. Ист. Общ., VI, стр 2—3

[4]) 2 іюля 1812 г. („Русская Старина“ 1892, т. 76, стр 636)

[5]) См. напр письмо Чичагова 17 іюня у Уляницкаго, Матеріалы, стр. 73.

[6]) Уѣхалъ изъ Константинополя въ первыхъ числахъ іюля.

[7]) Италинскій Чичагову 5 іюля, у Уляницаго, стр. 79.

[8]) Ср письмо его къ Александру 2 августа 1812 г. Сборникъ И. Р. Истор. Общ., VI, стр. 7, 15.

[9]) „...Si c'est Andreossy cependant qui réussit à rompre cette paix...“ Письмо къ Государю 22 іюля 1812 г. Сборникъ И Р. Ист. Общ., VI, стр. 4.

А для чего нуженъ былъ этотъ разрывъ? Очевидно для новой кампаніи на Дунаѣ, планъ которой составлялся Чичаговымъ еще до полученія имъ полнаго представленія о численности ввѣренной ему арміи [1]). Онъ 29 іюня писалъ Государю [2]), что онъ готовъ изъ Бухареста двинуться на Константинополь. Повидимому, онъ не имѣлъ яснаго представленія о разстояніяхъ и о препятствіяхъ, съ которыми боролись его предшественники, когда онъ въ своихъ мемуарахъ писалъ: „я готовъ былъ внезапно перейти Дунай прежде осьми дней и стоялъ бы передъ Балканами прежде, нежели Диванъ узналъ о моихъ планахъ; вѣроятно прибылъ бы къ вратамъ Константинополя до полученія извѣстія о моемъ походѣ австрійскимъ дворомъ или Наполеономъ“ [3]). А тамъ, „съ мечемъ въ одной рукѣ, а другою предлагая союзъ“, онъ „предписалъ бы законъ Востоку и Европѣ“ Но для этого онъ просилъ у Государя полную самостоятельность отъ военнаго министра: „Чтобы онъ не посылалъ мнѣ приказаній отъ своего имени, я ихъ не приму“ [4]).

Находили на Чичагова и минуты сомнѣнія, минуты скромности, когда онъ писалъ: „Я вижу теперь, Государь, что политика должна предшествовать военнымъ движеніямъ; въ противномъ случаѣ чрезвычайно трудно отгадать, въ какую сторону слѣдуетъ идти“ [5]) Впрочемъ, онъ самъ не старался отгадывать и работалъ одновременно надъ двумя планами, какъ и въ 1807 г., когда онъ приказывалъ эскадрѣ адмирала Сенявина занять одновременно Константинополь и Египетъ [6]); можно даже сказать, что онъ работалъ надъ тремя планами, потому что онъ изъявлялъ кромѣ того готовность присоединиться къ Тормасову, вступить съ нимъ въ герцогство Варшавское и дать конституцію полякамъ [7]). Но излюбленной его мыслью, повидимому, былъ походъ на Западъ: онъ Грейга [8]) отправлялъ въ Палермо, чтобы заручиться у англійскаго главнокомандующаго въ Сициліи, Бентинка, поддержкой великобританской эскадры на Адріатическомъ побережьѣ; а самъ собирался съ 20,000-нымъ войскомъ, или черезъ Боснію, или черезъ Кроацію, двинуться въ Далмацію.

---

[1]) Такъ объясняетъ его увлеченія Стурдза, Souvenirs et Portraits, стр 112.
[2]) „Русская Старина“, т 76, стр 626.
[3]) „Русскій Архивъ“, 1870, стр. 1546.
[4]) „Русская Старина“, т 76, стр. 620.
[5]) Письмо 19 іюня 1812 г. („Русская Старина“, т. 76, стр. 618).
[6]) См. Каллистовъ, Морской Сборникъ 1910, № 2, стр. 7.
[7]) Письмо 22 іюля въ Сборникѣ И. Р. Ист Общ., VI, стр 5.
[8]) Объ этомъ письмо Грейга къ Воронцову 30 августа и 16 сент. 1812 г. (Архивъ кн. Воронцова, XIX, стр. 450 сл.).

„Оттуда, — писалъ онъ, — я вдругъ окажусь между недовольными всѣхъ частей свѣта“ [1]).

Согласно своимъ инструкціямъ Чичаговъ взялся устраивать ополченіе изъ балканскихъ христіанъ. Началъ онъ, конечно, съ румынъ Валахіи и Молдавіи; но дѣло мало двинулось. Онъ вскорѣ призналъ, что въ этомъ ополченіи одна треть должна состоять изъ русскихъ солдатъ [2]). А валашскій Диванъ, къ которому онъ обращался за содѣйствіемъ, отвѣтилъ, что жители княжествъ, послѣ славнаго боевого прошлаго [3]), настолько отстали отъ военнаго дѣла подъ вѣковымъ турецкимъ игомъ, что къ этимъ ополченцамъ пришлось бы приставить равное количество конвоировъ, чтобы удержать новую милицію отъ бѣгства [4])

Готовясь къ походу по гористымъ мѣстамъ, Чичаговъ вздумалъ приготовить мясные консервы, и около 3000 воловъ были принесены въ жертву этой мысли Но консервы сгнили еще въ Валахіи Чичаговъ хотѣлъ тоже дать своимъ всадникамъ легкіе кирасы изъ сѣна; но они были съѣдены лошадьми, если вѣрить Ланжерону [5]).

А тѣмъ временемъ нужно было возвращаться въ Россію, нужно было очистить Валахію и Молдавію до Прута. Тяжело было Чичагову разстаться со своими грѣзами, а также съ территоріею, занятой нами около 6 лѣтъ [6]). Недоброжелатели наши тамъ подымали опять голову: Леду, принужденный къ выѣзду послѣ оффиціальнаго разрыва отношеній между Франціей и Россіей, обѣщалъ въ скоромъ времени вернуться [7]). А эмиссары, отправленные въ Трансильванію, чтобы поднять венгерцевъ путемъ прокламацій, редактированныхъ на латинскомъ языкѣ, предоставлялись нами собственной судьбѣ и бдительности австрійской полиціи [8]).

Въ прекрасно составленномъ адресѣ валашскому Дивану Чичаговъ благодарилъ населеніе за безропотное перенесеніе

---

[1]) Письмо 26 іюня Государю. „Русская Старина“, т. 76, стр. 622; см. также письмо отъ 19 іюня, тамъ же, стр. 618.

[2]) Письмо отъ 29 іюня 1812 г., тамъ же.

[3]) Ср. A. Stourdza, L'héroisme des Roumains au Moyen Age. 1911.

[4]) „A juger d'après la connaissance que nous avons du caractère national, nous sommes assurés que pour contenir dans le devoir et pour empêcher la désertion des troupes qu'on pourrait recruter dans les villages, il faudrait proportionner le nombre des gardiens à celui des conscrits eux-mêmes“ Отвѣтъ Дивана Чичагову 14 іюля (Госуд. Архивъ, въ реестрѣ Горяинова № 8440) на его предложеніе отъ 28 іюня. Глав. Архивъ, т. II, стр. 25, № 53.

[5]) Journal, стр. 388—89.

[6]) „...Nous marchons, nous sommes regrettés en général, et nous laissons quelqu'espoir.“ Чичаговъ Государю 6 августа 1812 г. Сборникъ И. Русск. Ист. Общ., VI, стр. 21.

[7]) Чичаговъ Государю 26 іюня и 2 іюля 1812 г. у Горяинова, стр. 73, 81).

[8]) Stourdza, Souvenirs et Portraits, стр. 122.

многолѣтнихъ бѣдствій [1]), и началось отступленіе нашей арміи къ сѣверу.

Но Чичаговъ не могъ окончательно забыть всѣ грёзы, которыя его осаждали послѣднее время Онъ увѣрялъ Государя, что славянское возстаніе было уже готово вспыхнуть[2]), и одновременно онъ просилъ [3]) поддержать турецкаго пашу, который сербирался, какъ это часто бывало, взять одну изъ дунайскихъ крѣпостей на свой собственный счетъ и рискъ. Уѣзжая изъ Бухареста 2 августа, онъ былъ убѣжденъ, что австрійцы, запуганные его планомъ, не рѣшатся окупировать Валахію [4]). На границѣ Валахіи и Молдавіи онъ восклицаетъ не безъ меланхоліи: „Я еще въ Фокшанахъ, тогда какъ я могъ быть сегодня уже въ Константинополѣ“ [5]) Но онъ все-таки еще разсчитывалъ на возможность разрыва между Россіей и Турціей, если бы статья трактата о срытіи Измаила была нами нарушена [6]), и онъ еще разъ напоминаетъ Государю о прежнихъ планахъ, съ намекомъ на царьградскія сновидѣнія въ Петербургѣ, когда онъ посылаетъ ему греческую монету съ изображеніемъ Александра Македонскаго [7])

19-го августа онъ былъ уже въ Яссахъ, а черезъ нѣсколько дней за Днѣстромъ, гдѣ отъ него ожидали выполненія великой задачи: отрѣзать отступленіе Наполеона. Тамъ, а не въ Валахіи и не въ Далмаціи былъ предназначенъ ему роковой часъ, который долженъ былъ опредѣлить его роль въ русской исторіи. Государь еще разъ возложилъ на него всѣ свои надежды, сказавъ ему: „Я всего жду отъ вашего прекраснаго разумѣнья, отъ вашихъ способностей и вашей энергіи“ [8]).

А уже черезъ пять недѣль послѣ неудачи на Березинѣ, которая, не взирая на возраженіе нѣкоторыхъ военныхъ писателей [9]), ставится въ вину до сихъ поръ Чичагову [10]), Александръ писалъ ему: „Великая цѣль не достигнута“ [11]).

---

[1]) „...Vous avez soutenu le fardeau de la guerre avec constance et libéralité. Vos sacrifices sont connus...“ Напр. у Jorga, Acte şi fragm., II, стр. 485.

[2]) Письмо 6 августа 1812 г., тамъ же, стр. 19.

[3]) Письмо 2 августа въ Сборникѣ И Р. Ист. Общ., VI, стр. 15.

[4]) Письмо 2 августа, тамъ же, стр. 10.

[5]) Письмо 6 августа, тамъ же.

[6]) Тамъ же, стр. 21.

[7]) „J'aime à la regarder comme de bonne augure“, писалъ по этому поводу Чичаговъ Александру, въ Сборникѣ И. Р. Ист. Общ., VI, стр. 18.

[8]) Письмо 17 окт., у Горяинова, 1812, стр. 90.

[9]) Такъ напр. Benningsen, Mémoires III, Campagnes de 1812—1813, стр. 172.

[10]) См. любопытный анекдотъ, приведенный Лонгиновымъ, „Русскій Архивъ“, 1868 г., стр. 1819.

[11]) Письмо 24 ноября, у Горяноива, стр. 390.

ГЛАВА V.

Послѣ Бухарестскаго мира.

Андреоси, опоздавшій въ Константинополь, старался по крайней мѣрѣ помѣшать ратификаціи Бухарестскаго мира, и продолжая традиціонную враждебную для насъ французскую политику [1]) на Босфорѣ, воспользовался первыми нашими неудачами въ войнѣ съ Наполеономъ, чтобы повліять на Порту въ смыслѣ нарушенія только что подписаннаго трактата. И на самомъ дѣлѣ, по полученіи извѣстія о вступленіи Наполеона въ Москву, Диванъ распорядился о пріостановкѣ возвращенія русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Адріанополѣ [2]), такъ что Италинскому пришлось впослѣдствіи представить доказательство выхода Наполеона изъ Москвы, чтобы наши плѣнные могли двинуться въ путь [3]), не взирая на всѣ старанія генерала Андреоси отрицать въ глазахъ Порты отступленіе Великой арміи.

Отношенія между Россіей и Турціей, не смотря на мирную развязку, между тѣмъ не улучшались. Неосторожно возбужденная Чичаговымъ мысль о возвращеніи Бессарабіи была ближе къ сердцу турецкихъ министровъ, которые о ней вспоминали [4])

---

[1]) Инструкціи давались ему изъ Парижа 20 сентября 1812 г. (Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 732) весьма категорическія: „Saisissez d'abord toutes les occasions qui pourront naître soit des prétentions des Russes, soit de l'execution même du traité, pour ranimer la mésintelligence, exciter des discussions, suspendre les effets de la paix et ne négliger rien enfin pour ramener la Porte du système hostile au système dont elle recueillerait dés aujourd'hui et dont elle peut recueillir encore de si grands avantages".

[2]) См. донесеніе прусскаго драгомана 10 дек. 1812 г. (Jorga, Acte şi fragm., II, стр. 492.

[3]) См. письмо нашего консула Кирико Галибу отъ 18 окт. 1812 г. Въ Госуд. архивѣ, у Горяинова № 12398.

[4]) См. разговоръ Рейсъ-эфенди, приводимый въ донесеніи Италинскаго Румянцову 18 окт. 1812 г. (Уляницкій, Матеріалы, стр. 103).

впослѣдствіи, чѣмъ наше предложеніе о заключеніи союза. Не только французскій посланникъ, но и австрійскій интернунцій Штюрмеръ упрекали Порту въ поспѣшномъ заключеніи мира, стоившаго ей Бессарабіи[1]). Англія же, стоящая всегда на стражѣ реальныхъ интересовъ, требовала отъ султана, какъ возмездіе за оказанныя услуги, свободнаго пропуска своихъ торговыхъ кораблей черезъ проливы[2]), которымъ пользовались уже французы, и черезъ годъ Порта должна была на это согласиться[3]).

Разоренная казна, разрушенныя крѣпости[4]) на правомъ берегу, дезорганизованное войско[5]) не позволяли султану Махмуду мечтать о новой войнѣ съ нами, когда наша дипломатія стала обвинять Турцію въ неисполненіи договорныхъ условій. Не взирая на неутвержденіе Турціей параграфа объ уступкѣ намъ выхода къ Черноморскому побережью, мы не спѣшили съ возстановленіемъ территоріальнаго status quo въ Азіи[6]). И когда Порта намъ объ этомъ напоминала, нашъ представитель на Босфорѣ обвинялъ Порту въ нарушеніи договора, хотя ему ясно было, что правовые аргументы были не на нашей сторонѣ[7]).

Проведеніе границы по устьямъ Дуная также должно было вызвать затрудненія; но главнымъ козыремъ въ нашихъ рукахъ для новыхъ конфликтовъ съ Турціей было неисполненіе обѣщаній, данныхъ ею Сербамъ въ Бухарестскомъ договорѣ. Выговоренная амнистія нарушалась представителями турецкой власти, и взиманіе подати оставалось безъ перемѣнъ[8]). Нессельроде давалъ по этому поводу весьма энергичныя указанія Италинскому, въ концѣ 1812 года, послѣ совершившейся катастрофы Наполеона[9]), и поручалъ ему передать Дивану, что 70000 русскихъ готовы перейти черезъ Прутъ, если бы турецкія войска заняли Сербію[10]). Но въ Константинополѣ имѣлись свѣдѣнія

---

[1]) См. ноту интернунція Штюрмера, доставленную Фонтономъ Румянцову отъ 8 сент., Уляницкій, Матеріалы, стр. 99—100.

[2]) Уляницкій, Матеріалы, стр. 162—163.

[3]) См. донесеніе Андреоси отъ 7 августа 1813 г. (Hurmuzaki, Suppl I, vol. II, стр. 750).

[4]) См. описаніе Силистріи въ 1813 г. у Comte de Lagarde, Voyage de Moscou à Vienne (1824), стр. 312.

[5]) См. донесеніе Фонтона отъ 18 окт. въ Госуд. Архивѣ, у Горяинова № 12440.

[6]) Си донесеніе Италинскаго, у Уляницкаго, Матеріалы, стр. 145, 166, 174, 181, 182, 188.

[7]) „Notre cause est mauvaise, говорилъ онъ англичанину Листону, mais l'objet que nous demandons est tel, que nous ne pouvons l'abandonner". У Gentz, Dépêches inédites aux hospodars de Valachie, II, стр. 36.

[8]) Объ этомъ см. статью Попова въ Моск. Унив. Изв. 1866—1867, стр. 67—95.

[9]) Предложеніе 26 дек. 1812 г., у Уляницкаго, стр. 116.

[10]) Предложеніе 6 января 1813 г., у Уляницкаго, стр. 117.

о малочисленности нашихъ бессарабскихъ гарнизоновъ[1]); за этимъ зорко слѣдилъ Андреоси и онъ сообщалъ своему правительству, что закрытіе съ нашей стороны молдавско-русской границы, для предотвращенія чумы, имѣло въ сущности цѣлью скрыть недостатокъ нашихъ военныхъ силъ отъ населенія княжествъ[2]), которое, если вѣрить не вполнѣ безпристрастнымъ отзывамъ французскихъ консуловъ, опасалось новаго появленія русской арміи на Дунаѣ[3]).

И въ 1813 году можно прослѣдить колебанія въ настроеніи Порты подъ вліяніемъ успѣховъ и неудачъ Наполеона[4]). Послѣ французскихъ побѣдъ подъ Люценомъ и Бауценомъ надъ русско-прусской арміей, надежды Порты на возвращеніе потеряннаго какъ бы оживились и заключеніе перемирія между Наполеономъ и союзниками въ Плейсвицѣ 4 іюня (н. с.) означало какъ бы начало умиротворенія Европы, благопріятнаго для Турціи; послѣ открытія конгресса въ Прагѣ при посредничествѣ Австріи, у султана даже возникла мысль, можетъ быть навѣянная генераломъ Андреоси, о присылкѣ[5]) туда турецкаго делегата, для предъявленія, при общей передѣлкѣ карты наполеоновской Европы, требованія Порты о пересмотрѣ Бухарестскаго мира[6]).

Нѣкоторые совѣтники Порты опасались, что предъявленіе такого требованія, въ случаѣ вѣроятнаго его неудовлетворенія, дало бы только русскому кабинету лишній поводъ къ раздраженію противъ Турціи[7]). Впрочемъ мысль о посылкѣ делегата не осуществилась. Австрія сама обѣщала Портѣ свои услуги на этомъ конгрессѣ, да и совѣщаніе въ Прагѣ окончилось

---

[1]) „Bender est entièrement dégagé de troupes et de munitions; Ismail n'a qu'une garnison de 500 hommes“ Донесеніе Андреоси отъ 21 апр. 1813 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр. 746). „Il n'y a qu'un régiment russe composé de 900 cosaques en Bessarabie“. (18 мая 1813 г., тамъ же).

[2]) Донесеніе Андреоси отъ 9 янв. 1813 г. „Les Russes sous prétexte de la contagion, peut être pour cacher la faiblesse de leur moyens de défense dans la Podolie et dans les forteresses du Dniester, ont fermé le Pruth...“.—„La rive gauche du Pruth vient d'être plus hermétiquement fermée sous prétexte de la peste, qui se serait manifestée à Brail et qui n'existe que dans l'imagination du gouverneur de Kichenew“. Донесеніе 22 февр., Hurmuzaki, тамъ же, 701—706.

[3]) Les vexations et les exactions, exercées par les autorités russes pendant l'occupation de ces provinces et notoirement dans les derniers temps de leur administration, ont laissé des souvenirs trop amers aux habitants, pour qu'ils puissent encore désirer le succès des Russes et surtout leur retour“. Донесеніе франц. консула изъ Яссъ (Hurmuzaki, тамъ же, стр. 701)

[4]) См. донесеніе Италинскаго отъ 15 апрѣля 1813 г. (Уляницкій, Матеріалы, стр. 145), гдѣ сообщается содержаніе депеши турецкаго повѣреннаго изъ Парижа съ обѣщаніемъ вернуть Турціи всѣ владѣнія, отнятыя Россіей.

[5]) Донесеніе Андреоси отъ 25 іюня 1813 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр. 748).

[6]) Донесеніе Италинскаго 16 іюня 1813 г. (Уляницкій, Матеріалы, стр. 163—164).

[7]) См. донесеніе 2 августа, тамъ же, стр. 181.

разрывомъ между Австріей и Франціей. Пораженія Наполеона въ концѣ 1813 года отразились опять на вліяніи Франціи у Золотого Рога[1]), и послѣ лейпцигской катастрофы Италинскій могъ писать Нессельроде[2]): „Обстоятельства вообще благопріятны намъ теперь для сведенія счетовъ съ Портой за ея поведеніе со времени возстановленія мира, особенно же за неисполненіе ею статьи касательно Сербовъ".

Для русской арміи, предназначенной взять Парижъ, еще не наступилъ день возобновленія войны съ Турціей, хотя тогда уже возникла мысль объ образованіи особаго дунайскаго казачьяго войска, для авангардной службы въ будущихъ турецко-русскихъ войнахъ[3]). Но несомнѣнно, что обладаніе Бессарабіей давало намъ значительное преимущество по сравненію съ предыдущими войнами, въ которыхъ приходилось, передъ вторженіемъ въ княжества, осаждать приднѣстровскія крѣпости и Измаилъ, тогда какъ теперь Молдавія представлялась совершенно открытой для нашествія[4]).

Но въ общемъ наше вліяніе въ княжествахъ не увеличилось послѣ отступленія Чичагова: избраніе новыхъ князей въ Молдавіи и Валахіи только подчеркнуло слабость нашего воздѣйствія на оттоманскую политику. Осенью 1812 г. Италинскій[5]) могъ сообщать въ Петербургъ, что валашскій престолъ былъ сданъ Янку Караджѣ, а молдавскій Скарлату Каллимахи. Послѣдній, принадлежавшій къ партіи фанаріотовъ франкофиловъ, былъ одно время у насъ въ плѣну. Что же касается Караджи, то онъ можетъ быть отнесенъ къ франкофобамъ[6]); во время его шестилѣтняго царствованія[7]) французъ Леду, вернувшійся въ Бухарестъ послѣ эвакуаціи княжествъ Чичаговымъ, неоднократно жаловался на притѣсненія[8]) и даже на оскорбленіе французскаго

---

[1]) Донесеніе Италинскаго 18 ноября 1813 г. (тамъ же, стр. 190).

[2]) Донесеніе 2 дек. 1813 г. (тамъ же, стр. 191).

[3]) См. записку объ этомъ въ Глав. Арх., II, р. 25 раз. 1812—1817 г. № 3, лист. 42 и 43.

[4]) „Déja les inconvénients de la cession de la Bessarabie se font sentir et le commandant de ce district, en fermant ou en ouvrant le Pruth, dispose à son gré du prince de Moldavie. La frontière du Pruth donne aux Russes un si grand avantage, que la Moldavie peut être regardée aujourd'hui comme étant absolument dans la dépendance du commandant russe, dans la partie cédée par le traité de Bucarest" Донесеніе Андреоси отъ 20 янв 1813 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр 741).

[5]) Донесеніе 6 сент. (Уляницкій, Матеріалы, стр. 97).

[6]) Андреоси тщетно добивался избранія Алеко Суцо. См. письмо Италинскаго къ Чичагову отъ 1 авг. 1812 г. (Уляницкій, Матеріалы, стр. 94).

[7]) Послѣ котораго онъ увезъ съ собою въ Женеву 50 милліоновъ рублей. См. Pompiliu Eliade, De l'influence française en Roumanie, стр. 96, и Langeron. Journal, стр. 387.

[8]) Караджа говорилъ однажды консулу Леду: „ce n'est plus comme au temps de Napoléon: maintenant je puis écrire directement à votre roi et vous

мундира въ господарскомъ конакѣ[1]). Но избраніе Караджи было достигнуто съ помощью вліянія Австріи[2]), интересамъ которой онъ служилъ потомъ очень усердно, и Караджа опирался на ту часть константинопольскаго Дивана, которая преслѣдовала руссофильскихъ фанаріотовъ, и главнымъ образомъ на реіаба Халетъ-эфенди, будущаго великаго визиря и завѣдывавшаго тогда внутренними дѣлами[3]).

Полученіе Валахіи княземъ Караджею было главнымъ образомъ первымъ ударомъ для Димитраки Мурузи, который считалъ себя, еще незадолго до этого, вѣрнымъ кандидатомъ на бухарестское господарство[4]). Оттоманцевъ, участвовавшихъ въ заключеніи Бухарестскаго мира, ожидала опала. Это обычное явленіе въ исторіи турецкой дипломатіи: государственныя неудачи представляются населенію, какъ провинности должностныхъ лицъ. Если приходилось поступиться частью оттоманской территоріи, то нужно было дѣлать видъ, что это произошло противъ желанія падишаха[5]). Но и выгодные и даже почетные для Порты трактаты, какъ Бѣлградскій миръ 1739 г., влекли за собою отстраненіе визиря и казнь драгомана, содѣйствовавшихъ заключенію договора.

Подобная ликвидація произошла и теперь послѣ бухарестскаго сидѣнія. Визирь Ахметъ былъ замѣненъ Коршидомъ[6]), а кехая-бей Галибъ отстраненъ отъ должности, и онъ лишь много позже получилъ незначительный пашалыкъ въ Малой Азіи. Болѣе трагическая участь ожидала Димитраки Мурузи послѣ того, какъ онъ лишился драгоманства. Онъ зналъ, что въ Константинополѣ его враги одолѣли и что вліянію и могуществу его семьи наступалъ конецъ. Онъ какъ будто колебался: не лучше ли ему было остаться въ Молдавіи, гдѣ у него были родственники, или перейти въ Россію, гдѣ сестра его была замужемъ за первымъ бессарабскимъ губернаторомъ Скарлатомъ Стурдзою и гдѣ нашлась бы для него почетная синекура?

---

jaire rappeler, si cela me convient". Донесеніе Леду Талейрану 20 іюня 1814 г. у Hurmuzaki, тамъ же, стр. 751)

[1]) „On habilla un mannequin en officier français, sans oublier de lui mettre un ruban rouge à la boutonnière et ce mannequin, aux grands éclats de rire de toute la cour, a été envoyé comme une balle d'un valet à l'autre pendant une demi-heure". Донесеніе Леду генералу Андреоси 10 сент. 1814 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр. 755).

[2]) См Demelitch, Metternich und seine auswärtige Politik, стр. 657.

[3]) См донесеніе Андреоси отъ 9 сент 1812 г. (тамъ же, стр. 731).

[4]) Wilkinson, Tableau historique de la Moldavie et la Valachie (1821), стр. 108.

[5]) См. Filitti, Rôle diplomatique des Fanariotes de 1700 à 1821 (1901), стр. 110 и 196.

[6]) См. грамоту у Andréossy, Constantinople et le Bosphore, стр. 187—188.

Но Грекъ не могъ разстаться съ желаніемъ вернуться въ Константинополь, гдѣ безъ него, какъ ему казалось, тяжелыя бѣдствія должны были ожидать его жену и дѣтей[1]). Онъ не могъ вѣрить, что его судьба на Босфорѣ уже завершилась, и что опала его была безповоротна. Онъ потому и не выѣзжалъ изъ Бухареста, гдѣ его застало въ концѣ октября повелѣніе вернуться, немедленно, въ турецкую столицу Когда онъ переѣхалъ Дунай, въ Рущукѣ онъ былъ арестованъ и подъ конвоемъ направленъ въ Шумлу[2]). Кончина его тамъ была потрясающая, и Галибъ, который, случайно, былъ ея свидѣтелемъ, получилъ тогда нервное подергиваніе на всю свою жизнь. Когда вели Димитраки Мурузи къ визирю, одинъ изъ стражниковъ внезапно поднялъ на него мечъ. Мурузи сталъ метаться, молить о пощадѣ, увѣряя, что онъ долженъ сдѣлать важныя сообщенія визирю. Но онъ былъ тутъ же разрубленъ[3]).

Черезъ нѣсколько дней, 8/20 ноября, подобная участь постигла Панаіоти Мурузи въ Константинополѣ, который также былъ, неожиданно, умерщвленъ[4]). Голова его была выставлена съ надписью, въ которой онъ и его братъ Димитраки обвинялись въ измѣнѣ.

Эта гибель семьи Мурузи могла казаться успѣхомъ французской дипломатіи[5]) и парижскія газеты[6]) привѣтствовали это событіе именно въ этомъ смыслѣ. Но ошибочно было бы думать, что Андреоси или его предшественникъ играли здѣсь активную роль[7]); они можетъ быть знали о готовящейся катастрофѣ и, конечно, ей не помѣшали[8]). Искать нужно объясненіе во внутреннихъ распряхъ турецкаго правительства. Измѣны со стороны Мурузи не было уже потому, что первенствующую роль игралъ въ Бухарестѣ Галибъ, а не Мурузи[9]), и кромѣ того, какъ было выше отмѣчено, всѣ пункты прелиминарій были установлены турецкими делегатами съ согласія визиря и Порты. На

---

[1]) Впослѣдствіи имъ пришлось искать убѣжища въ Россіи. См. донесеніе Италинскаго 21 ноября 1812 г

[2]) Zinkeisen, Geschichte des ottomanichen Reiches. VII (1863), стр. 745.

[3]) 8 ноября (н. с.). См донесеніе Андреоси отъ 18, 28 ноября (н. с.) и 5, 25 декабря 1812 г. Hurmuzaki, Suppl. I, vol. II, стр. 699—700, 736, 738.

[4]) См. Alix, Precis de l'histoire de l'Fmpire ottoman (1824). III. 455.

[5]) Донесеніе Андреоси 18 ноября 1812 г.

[6]) „Le journal de l'Empire, organe du gouvernement français, n'avait pas manqué de publier à cette occasion une longue diatribe contre la famille Mourousi". Memoires de la Ctesse Edling, стр. 106.

[7]) Какъ полагаетъ Stourdza, Souvenirs et portraits, (1859), стр. 119.

[8]) См донесеніе Италинскаго Румянцову 21 ноября 1812 г. (Уляницкій, Матеріалы, стр. 110).

[9]) Въ такомъ смыслѣ донесеніе прусскаго посланника Вертера 2 дек. 1812 г. (Jorga, Acte şi fragm. II, стр. 490.

самомъ дѣлѣ, и это подтверждается не только донесеніями Италинскаго[1]), но и отзывами другихъ дипломатовъ[2]), здѣсь произошла борьба между Халетомъ, кандидатомъ въ визири, и Галибомъ, который тоже мѣтилъ на верховную должность. Халетъ съ помощью другого сановника, Халила, обвинилъ Галиба въ произвольныхъ переговорахъ съ Русскими послѣ Бухарестскаго мира и въ тайныхъ сношеніяхъ съ придунайскими пашами, не всегда преданными султану. Оба сановника Халетъ и Халилъ одинаково ненавидѣли семью Мурузи[3]) и, послѣ назначенія Караджи, первый изъ нихъ, не безъ удовлетворенія, говорилъ: „Я подлилъ сѣрнистую воду въ корни князей Мурузи“[4]).

Но одного нерасположенія оттоманскаго сановника можетъ быть было бы недостаточно, если бы не примѣшался и реальный субстратъ. Караджа, добиваясь столь доходнаго валашскаго престола, подарилъ Халету 4 милліона[5]) и со своей стороны употреблялъ всѣ средства, чтобы погубить окончательно опаснаго конкурента въ лицѣ Димитраки Мурузи. Вмѣстѣ со своимъ родственникомъ Бибикой, Караджа распространялъ тамъ, гдѣ это могло имѣть воздѣйствіе, слухи о чрезмѣрной преданности Россіи князя Димитраки, которому больше всего повредило повидимому мимолетно выраженное имъ желаніе остаться въ Молдавіи. Въ результатѣ удалось только смѣстить магометанъ, участвовавшихъ въ подписаніи Бухарестскаго мира, тогда какъ жизнь христіанина въ Турціи ничего не стоила, и Грекъ этотъ погибъ вслѣдствіе козней такого же константинопольскаго Грека.

Но Димитраки Мурузи тѣмъ не менѣе чтится понынѣ у Эллиновъ, какъ одинъ изъ предвѣстниковъ національнаго движенія 1821 года[6]), во время котораго пали жертвами своего патріотизма два его племянника[7]). Не только богатство и громадное вліяніе въ Константинополѣ предназначали Димитраки къ руководящей роли въ судьбѣ греческой націи, но и всестороннее его образованіе, широта взглядовъ[8]) и прежде всего горячая любовь къ

---

[1]) См. донесеніе 21 ноября 1812 г. (Уляницкій, стр. 109).

[2]) Кромѣ донесенія Вертера см. еще письмо прусскаго драгомана 25 ноября 1812 г. Jorga, тамъ же, стр. 489.

[3]) См. донесеніе Адреоси 9 сент. 1812 г. (Hurmuzaki, стр. 731)

[4]) См. донесеніе Андреоси отъ 9 дек. 1812 г. (Hurmuzaki, стр. 737).

[5]) См. донесеніе Андреоси 4 января 1813 г. (Hurmuzaki, стр. 739).

[6]) Такъ *Σταμματιάδης*, *Βίοι τῶν μεγάλων διερμηνέων* (Аѳины, 1865).

[7]) Сыновья его брата Александра, Николаки и Костаки Мурузи. Объ этихъ двухъ высоко культурныхъ фанаріотахъ, составившихъ цѣнную, къ сожалѣнію, разграбленную послѣ ихъ смерти, библіотеку, см. de Marcellus, Les Grecs anciens et les Grecs modernes, (1861), стр. 227—289.

[8]) Она проявлялась и въ церковной жизни константинопольскихъ грековъ;

родному народу. Говорили тогда, что его эмиссары подготовляли почву для движенія христіанъ по всему Балканскому полуострову. Кто знаетъ? Если бъ ему удалось занять валашскій престолъ, онъ можетъ быть оттуда поднялъ бы знамя возстанія противъ Турціи раньше, чѣмъ Ипсиланти, съ бо́льшей умѣлостью и можетъ быть съ бо́льшимъ успѣхомъ?

Тѣмъ временемъ невозвращеніе занятыхъ нами на восточномъ побережьѣ Чернаго Моря пунктовъ сильно безпокоило Турцію, и она обращалась къ Австріи съ просьбой о посредничествѣ уже въ 1813 г [1]). Когда долженъ былъ открыться вѣнскій конгрессъ, то Диванъ вторично сдѣлалъ попытку о допущеніи оттоманскаго делегата на общеевропейское совѣщаніе и опять таки обратился для этого къ Австріи.

Вѣнскій кабинетъ въ дружелюбной формѣ далъ понять Портѣ, что появленіе такого делегата и особенно предъявленіе имъ жалобы на неисполненіе Бухарестскаго договора Россіей было бы крайне нежелательно[2]); но за то Меттернихъ обязывался внести на разсмотрѣніе вопросъ о неприкосновенности Турецкой имперіи[3]), подчеркивая при этомъ, съ одной стороны, все значеніе для Порты тѣснаго единенія съ Австріей и, съ другой стороны, опасность, грозящую султану отъ замысловъ Россіи[4]). Когда въ Вѣнѣ англійскій представитель Касльри[5]) спросилъ Александра I, угодно ли ему будетъ подписаться подъ такой гарантіей, послѣ внесенія ея въ окончательный трактатъ, вырабатываемый конгрессомъ, Государь отвѣтилъ утвердительно, но прибавилъ, что этимъ случаемъ слѣдовало бы воспользоваться, чтобы уладить конфликтъ между Портой и Россіей по поводу азіятскихъ владѣній[6]). А съ другой стороны нашъ кабинетъ готовилъ циркулярную ноту[7]) всѣмъ державамъ, участвовавшимъ въ конгрессѣ, въ которой русское правительство, по поводу притѣсненія Сербовъ, выставляло право европейскихъ госу-

---

ему принадлежитъ мысль о сокращеніи праздниковъ. См. Walsh, Voyage en Turquie (Trad Vilmain 1828, стр. 214).

[1]) Донесеніе Италинскаго Нессельроде 17 окт. и 2 ноября, Уляницкій, Матеріалы, стр. 188.

[2]) Gentz, Dépêches inédites aux hospodars de Valachie 7 ноября 1814 г. T. I, стр. 119.

[3]) Тамъ же 28 сент. 1814 г., стр. 105.

[4]) Тамъ же 6 окт. 1814 г., стр. 117.

[5]) Объ этомъ у Гентца, тамъ же, I, стр. 143.

[6]) Генцъ замѣчаетъ по этому поводу, не безъ нѣкоторой иронии: „La dernière partie de la réponse ne ressemble pas mal à un subterfuge ou à une amère pensée, car le moyen le plus simple d'aplanir ces prétendues difficultés est évidemment entre les mains de l'Empereur, qui n'a qu'à rendre à la Porte les points qu'il occupe en contravention directe au traité du Bucarest". Тамъ же, стр. 143.

[7]) Въ февралѣ 1815 г, см. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, III, стр. 179.

дарствъ вмѣшиваться во внутреннія турецкія дѣла для улучшенія участи христіанскаго населенія.

Восточный вопросъ могъ бы, такимъ образомъ, сдѣлаться предметомъ сужденія передъ европейскимъ ареопагомъ, какъ говорили въ то время И въ области догадокъ можно себѣ представить, что при такомъ обсужденіи страсти Австріи разыгрались, не взирая на то, что Меттерниха не могъ нахвалиться своей тогдашней границей съ Турціей[1]). Вѣдь нѣкоторые французскіе публицисты[2]), близко стоявшіе къ французской дипломатіи, предполагали, что если Наполеону не удалось оградить дунайскія княжества отъ притязаній Россіи, естественная ихъ участь должна повлечь ихъ подъ скипетръ Габсбурговъ.

Но въ области реальныхъ фактовъ отмѣтить нужно только несомнѣнное раздраженіе вѣнскаго двора противъ насъ, именно въ связи съ восточнымъ вопросомъ; наши предположенія[3]) о вторженіи Чичагова въ южноавстрійскія провинціи и планъ возстанія венгерцевъ не оставались тайной для Меттерниха, а поѣздка въ Будапештъ, предпринятая Александромъ изъ Вѣны въ концѣ 1814 г., могла казаться какъ бы въ связи съ этимъ планомъ [4]). Появленіе въ Вѣнѣ сербской депутаціи, умолявшей о помощи для этой славянской земли, также возбуждало по отношенію къ союзнику, гостившему въ Гофбургѣ, мнительность императора[5]) Франца, которую онъ даже не счелъ нужнымъ скрыть[6]), хотя Сербы и не были приняты нашимъ Государемъ. Кромѣ того въ Вѣнѣ могли еще помнить, что австрійско-подданный славянинъ, карловицкій митрополитъ Стратимировичъ, предлагалъ Александру созданіе великой Сербіи

---

[1]) „Die Türken, говорилъ онъ, sind die bequemsten und zuverlässigsten Nachbaren. Sie flössen uns ein solches Gefühl von Sicherheit ein, dass ihre Grenzprovinzen für uns wie das Meer sind". Приводится у Stern, Geschichte Europas (1894) I, стр. 274.

[2]) Такъ, напр., Pradt, Congrès de Vienne, II, стр 14: „Peut être le moment était-il venu de terminer toutes les querelles, auxquelles depuis quarante ans la Valachie et la Moldavie ont donné lieu. Qu'on les eut annexées à l'Autriche, à la charge encore de les civiliser et de les rendre à l'Europe, en les rapprochant de la civilisation, il n'y aurait que du bien pour tout le monde. Il faut prévenir l'invasion toujours imminente de ces deux pays par la Russie, elle vient encore de s'en rapprocher par l'acquisition de la Bessarabie".

[3]) Первая мысль принадлежитъ быть можетъ барону Будбергу, который 11 марта 1807 г. давалъ миссію маркизу Паулучи: „Проѣхать черезъ Венгрію въ Бѣлградъ, обратить вниманіе на средства Венгріи и ея отношенія къ Австріи".

[4]) См донесеніе Талейрана изъ Вѣны 31 окт. 1814 г. у Pallain, Correspondance inédite de Talleyrand et de Louis XVIII, а также его письмо къ Людовику XVIII отъ 19 окт., напечатанное тамъ же, стр. 45

[5]) „Je ne sais pas jusqu'à quel point tout cela plaît à cette cour, mais je doute que cela lui plaise beaucoup", писалъ Таллейранъ, тамъ же.

[6]) См. Мемуары Ненадовича (1867), стр. 260.

подъ главенствомъ русскаго великаго князя и, конечно, въ ущербъ владѣніямъ габсбурговъ [1]). Скрытое раздраженіе Австріи совпало съ охлажденіемъ между Англіей и нами, возникшимъ отчасти на почвѣ непріязненныхъ отношеній между регентомъ Великобританскимъ и Государемъ [2]). А когда въ началѣ 1815 г. состоялось секретное соглашеніе Англіи, Австріи и Франціи, направленное противъ Россіи (и Пруссіи), то уже и въ общественномъ мнѣніи Европы, столь восторгавшемся обаятельной личностью русскаго монарха, успѣлъ наступить значительный поворотъ [3]).

Но восточному вопросу не суждено было занять засѣданія вѣнскаго конгресса; ни предложеніе Австріи, ни нареканія Россіи противъ Турціи [4]) не были туда внесены: возвращеніе Наполеона въ мартѣ 1815 г. пріостановило работу дипломатовъ.

Послѣ вторичнаго паденія Наполеона и новаго мира между Франціей и союзниками, по мѣрѣ того, какъ русскія войска возвращались въ Россію, Турціи могло казаться, что ей грозитъ серьезная опасность съ нашей стороны [5]). Рѣдкій подъемъ національнаго духа въ Россіи [6]) послѣ побѣдоносныхъ походовъ, боевая опытность нашей арміи послѣ продолжительныхъ кампаній [7]), престижъ русской мощи въ Европѣ [8]), все это вмѣстѣ взятое могло создать въ Россіи послѣ 1815 г. воинственное теченіе и въ особенности служить подъемомъ для новой войны съ Турціей. Такъ по крайней мѣрѣ рисовалось будущее Россіи общественному мнѣнію Европы, не дружелюбно настроенному къ намъ [9]), послѣ возникновенія Священнаго Союза, и пораженному расширеніемъ нашей территоріи въ царствованіе Александра I. На Западѣ были глубоко убѣждены, что эра нашихъ завоеваній

---

[1]) Объ этомъ у Krones, J. v Simbschen und die Stellung Oesterreichs in der serbischen Frage (Archiv fur oest. Geschichte, LXXVI, № 1).

[2]) Объ этомъ въ воспоминаніяхъ княгини Ливенъ у Вел. Кн. Николая Михайловича, Переписка Импер. Александра съ Екатериной Павловной, стр. 246.

[3]) „Le public est généralement mécontent de la situation des affaires; on s'en prend surtout à l'Empereur de Russie et chaque jour ce Prince perd dans l'opinion". Донесеніе француза de la Tour du Pin, у Pallain, стр 146.

[4]) См. Martens, Etude historique sur la politique russe dans la question d'Orient. Revue de droit international et de législation comparée, 1877, т. IX, стр. 54.

[5]) Gentz à Caradja 15 окт. 1815 г., у Gentz. Dépêches inédites, I, стр. 185—188.

[6]) „Les campagnes de 1812, 1813, 1814 ont été pour les troupes russes une école d'instruction et un théatre de gloire à la fois. La nation entière a été électrisée et exaltée par les exploits de l'armée". Aus dem Nachlasse Friedrich's von Gentz, II (1868, стр. 184).

[7]) См. отзывъ прусскаго офицера Baron de Valentini, Traité sur la guerre contre les Turcs, 1830, стр. 180.

[8]) См., напр., Robert Wilson, Puissance politique et militaire de la Russie (Paris, 1817).

[9]) Ch. Haumant, La culture française en Russie (1910), стр. 298.

еще не закрылась [1]), и что упроченіе нашего владычества на Черномъ морѣ являлось только началомъ безконечнаго экономическаго развитія [2]) и завоеванія міровыхъ рынковъ [3]), для чего нѣкоторыми публицистами даже предсказывалось перенесеніе россійской столицы въ новороссійскій край.

Необходимость въ новой войнѣ чувствовалась у насъ лучше всего на новой окраинѣ Генералъ Киселевъ, по возвращеніи изъ инспекціи южныхъ губерній въ началѣ 1816 г. [4]), докладывалъ о необходимости передвинуть нашу новую границу въ Молдавіи, указывая на серьезныя неудобства нашей линіи по Пруту, и онъ убѣждалъ Государя въ полной неподготовленности Турціи въ случаѣ новаго натиска съ нашей стороны.

Какъ разъ въ это время происходилъ пограничный конфликтъ между нами и Турками по поводу обладанія большими дунайскими островами, расположенными противъ Измаила и Килін. Бухарестскій договоръ создавалъ на нихъ извѣстную зону, въ предѣлахъ которой запрещалось строительство, и эта зона должна была опредѣляться линіей, протяженіемъ въ одну милю, считая съ лѣваго берега килійскаго рукава. Но неопредѣленность этой послѣдней береговой полосы, видоизмѣнявшейся ежегодно послѣ разливовъ, вызывала серьезныя затрудненія. Кромѣ того спорнымъ представлялось обладаніе старой Киліей, находившейся въ этой зонѣ, но изъятой Бухарестскимъ договоромъ [5]) изъ числа поселеній, подлежащихъ срытію. Турція предлагала сначала только вывести жителей изъ старой Киліи, но потомъ согласилась на наши притязанія [6]) и въ 1817 г. признала за нами острова цѣликомъ до Сулинскаго гирла, что было окончательно утверждено въ 1826 г. [7]).

Такимъ образомъ отпадалъ одинъ изъ поводовъ къ возобновленію войны съ Турками; но можно было всегда, какъ и въ

---

[1]) „L'empereur Alexandre était modéré, s'est il refusé la Finlande? Il était modéré, n'a-t-il pas pris la Bessarabie sur la Turquie? Il était modéré; et s'est il refusé le royaume de Pologne?“ У Pradt, Du système permanent de l'Europe à l'égard de la Russie, стр. 26.

[2]) „Plût au ciel que les Russes fussent encore barbares et que la vérité permit de les appeler ainsi. Ce n'est pas leur barbarie qui m'épouvante, mais leur civilisation“. Pradt, Parallèle de la puissance anglaise et russe, стр. 152

[3]) „Une création d'arts et de commerce à Odessa m'inspire plus de craintes que Souvoroff avec son armée en Italie“. Pradt, Du congrès de Vienne, стр. 259.

[4]) Нап. у Заблоцкаго, Графъ Киселевъ. I, стр. 35.

[5]) Ст. I прелиминарій и ст. IV окончательнаго договора.

[6]) Объ этомъ спорѣ см. донесеніе прусскаго посланника изъ Константинополя 14 сент 1815 г., 25 января, 24 марта, 25 апр., 25 августа 1817 г. (у Jorga, Acte şi fragmente, II, 499, 506—509.

[7]) Ст. 2 Аккерманской конвенціи 25 октября.

1806 г., ссылаться на желаніе и нужды христіанскаго населенія княжествъ, тѣмъ болѣе что представители отъ господарей, присланные въ Кишиневъ къ пріѣзду туда Александра I въ 1818 г., Греки Маврокордато и Пантазоглу увѣряли, что миръ съ Турціей становился невыносимымъ, и что всѣ ихъ единовѣрцы ожидали объявленія Россіей войны Портѣ [1]).

Однако Александръ этой войны не желалъ. Непосредственно послѣ Бухарестскаго мира онъ высказывалъ Румянцову мысль о возможности возобновленія войны съ Турками впослѣдствіи [2]). Но дальнѣйшіе годы отвлекли его вниманіе въ противоположную сторону, на западъ, гдѣ русской дипломатіи предстояли новыя задачи. По крайней мѣрѣ одинъ изъ ея представителей на Вѣнскомъ конгрессѣ говорилъ Талейрану: „Насъ хотѣли превратить въ азіатскую державу, теперь Царство Польское сдѣлаетъ изъ насъ Европейцевъ“ [3]).

Это тяготѣніе къ западно-европейскимъ дѣламъ становится отличительной чертой нашей внѣшней политики во второй половинѣ царствованія Александра. Историки наши неоднократно отмѣчали, что, послѣ низверженія Наполеона, Государь какъ будто охладѣлъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыя онъ раньше преслѣдовалъ въ области иностранной политики. Можно тоже сказать, что реальные интересы тогда неоднократно отходили на второй планъ [4]). Меттернихъ своимъ приближеннымъ разсказывалъ, какъ онъ въ 1817 г., находясь въ Италіи, на водахъ въ Луккѣ, былъ ночью разбуженъ прибытіемъ фельдъегеря изъ Петербурга, со спѣшнымъ письмомъ, написаннымъ графомъ Нессельроде по приказанію Александра, только для того, чтобы выразить огорченіе Государя по случаю недопущенія Библейскаго общества въ предѣлахъ Габсбургской монархіи [5]).

Наши историки нерѣдко подвергали критикѣ политику нашего монарха на Польской и Финляндской окраинѣ [6]), но никто до сихъ поръ не касался его защиты русскихъ интересовъ на Дунаѣ, никто не упрекалъ его за то, что онъ пріостановился въ своемъ стремленіи пріобрѣсти оба княжества, никто не винилъ его за то, что онъ не возобновилъ войны съ Турціей.

---

[1]) Въ запискѣ Каподистріи, напр. въ Сборникѣ И. Русскаго Ист. Общ., III, стр. 226.

[2]) Записки Александра (Смоленскъ 9 іюля 1812) „Il dépendra toujours de nous, quand nous en trouverons la convenance, de recommencer cette guerre“. Нап. у Горяинова, 1812 г., стр. 20.

[3]) Pallain, Correspondance inédites de Talleyrand et de Louis XVIII (1881), стр. 2

[4]) См Вел. Князь Николай Михаиловичъ. Переписка Александра съ Екатериной Павловной (1910), стр. XII.

[5]) Разсказъ со словъ Меттерниха, у Gentz, Dépêches inédites, I, стр 327.

[6]) Въ новѣйшее время, напр. у Бородкина, Исторія Финляндіи, (1909), стр. XIX.

Французъ графъ Гобино [1]) увѣряетъ, что его союзники въ Европѣ не допустили бы такой войны. Но что въ состояніи была бы сдѣлать Англія, разслабленная континентальной системой, даже съ помощью, разоренной Наполеоновскими войнами, Австріи? Морскія демонстраціи Великобританіи могли бы оказаться безцѣльными, какъ въ то время, когда Себастіани укрѣплялъ проливы, и вѣнскій кабинетъ никогда бы не рѣшился идти на открытую борьбу съ нами. Нужно полагать, наоборотъ, что сочетаніе внѣшнихъ условій было скорѣе благопріятно для насъ, тѣмъ болѣе, что Пруссія тогда не поддержала бы Австрію противъ Россіи, и мы могли разсчитывать болѣе чѣмъ когда-либо провести самостоятельную политику по отношенію къ Турціи. Но воевать съ нею Александръ не желалъ. Онъ говорилъ Киселеву въ 1816 г.: „Войны затѣвать теперь не должно, намъ нуженъ отдыхъ“ [2]). Опасался ли онъ при этомъ новыхъ обремененій для государственнаго бюджета [3]), который тогда почти цѣликомъ поглощался военными нуждами мирнаго времени? Нужно думать скорѣе, что онъ вспоминалъ предыдущія, безплодныя кампаніи въ теченіе шести лѣтъ, безсистемныя осады крѣпостей и безпросвѣтныя перспективы оборонительной войны; онъ вспоминалъ распри между военачальниками и вѣчныя затрудненія въ продовольствіи, онъ вспоминалъ населеніе княжествъ, доведенное до отчаянія, когда онъ говорилъ Каподистріи [4]): „Довольно было войнъ на Дунаѣ; онѣ деморализуютъ наши арміи“. Но можно ли въ такомъ случаѣ винить одного только Александра?

И западно-европейскіе кабинеты мало-помалу убѣждались, что войны между Россіей и Турціей не будетъ и что Александръ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы избѣгнуть этой крайности. Такъ, въ инструкціяхъ, составленныхъ въ Парижѣ для уѣзжающаго въ Петербургъ французскаго посла, его предупреждали, что нападеніе Россіи на Оттоманскую имперію въ царствованіе Александра казалось совершенно немыслимымъ [5]), а впослѣдствіи самъ посолъ, графъ де-Ноаль [6]),

[1]) Gobineau. Deux études sur la Grèce moderne (1905), стр. 23.

[2]) У Заблоцкаго, тамъ же, I, стр. 34.

[3]) „L'armée lui coûte plus d'un million par jour et les revenus ne passent pas 400. L'armée est extrêmement mécontente et meurt de faim“. J. de Maistre, письмо 3 іюля 1816 г Oeuvres complètes, XIII, стр. 401.

[4]) Въ запискѣ Каподистріи, Сборникъ И. Р. Ист. Общ., III, стр 212 сл.

[5]) Correspondance diplomatique des Ambassadeurs de France, éd. par Polovtzof (1907) III, стр. 200.

[6]) „Quoiqu'il puisse arriver l'Empereur Alexandre est déterminé à ne point faire la guerre (съ Турціей)“. Le comte de Noailles au duc de Richelieu 19 сен. 1817 г., Сбор. И. Р. Ист. Общ, 119, стр. 363.

отъ себя сообщалъ своему правительству, что по его глубокому убѣжденію Русскій Императоръ, не взирая на временныя препирательства съ Портой, готовъ принести серьезныя жертвы сохраненію мирныхъ съ ней отношеній.

Конечно, бывали случаи, когда, напр., въ разговорахъ съ иностранными послами, какъ бы прорывалось воинственное настроеніе Александра, именно, по восточнымъ дѣламъ; но люди близко къ нему стоявшіе, какъ бывшій Новороссійскій генералъ-губернаторъ Ришелье [1]), могли тогда разсѣять тревогу успокоительными объясненіями, основанными на характерѣ монарха и на ранѣе уже проявленномъ миролюбіи [2]). Но изъ всѣхъ государствъ въ такого рода успокоеніи нуждалась прежде всего сама Турція, и послѣ вѣнскаго конгресса австрійскій кабинетъ взялъ на себя новую миссію: доставлять точныя свѣдѣнія Портѣ о настроеніи Россіи въ восточномъ вопросѣ и этимъ путемъ постепенно сближаться съ Турціей, заручившись ея довѣріемъ, чтобы потомъ использовать это новое положеніе Австріи у Золотого Рога противъ русскаго же вліянія.

Однако обычные способы общенія между кабинетами показались тогда опасными: самыя секретныя донесенія могли сдѣлаться извѣстными русскимъ агентамъ въ Турціи, и потому рѣшено было воспользоваться предложеніемъ валашскаго господаря Янко Караджи, изъявившаго готовность [3]) получать на свое имя донесенія, составляемыя Гентцомъ, правой рукой Меттерниха по иностранной политикѣ, и передавать далѣе ихъ содержаніе въ Константинополь. Валашскому князю было интересно въ свою очередь получать свѣдѣнія объ обще-европейской политикѣ, могущей отразиться на его положеніи въ Валахіи, а съ другой стороны, оказывая своимъ посредничествомъ немаловажныя услуги Портѣ, онъ надѣялся упрочить свое положеніе въ Константинополѣ [4]). Такимъ же обходнымъ путемъ Караджа могъ доставлять Гентцу отвѣты въ Вѣну черезъ никому неизвѣст-

---

[1]) См. разговоръ его съ канцлеромъ Паскье въ Mémoires du chancelier Pasquier, V (1894), стр. 338 сл.

[2]) „Songez qu'il a fallu, говорилъ Ришелье про Александра, que Bonaparte passât le Niémen et vint lui mettre l'épée dans les reins, pour le forcer à se défendre. Aujourd'hui qu'il a acquis une grande gloire et une grande renommée, aujourd'hui qu'il ne lui faut pour exercer sur l'Europe une sorte de dictature, que de se tenir en repos et montrer son immense armée, ne croyez pas, qu'il se décidera facilement à compromettre de tels avantages". (Тамъ же).

[3]) По предложенію самого Гентца, см. Aus der alten Registratur der Staatskanzlei, изд. Klinkowstrom (1870), стр. 110.

[4]) См. Alecsandresco, La Correspondance du chevalier de Gentz avec le prince de Valachie (1895), стр. 10.

паго довѣреннаго[1]), и насколько секретна была переписка, можно судить по безпокойству, овладѣвшему однажды Гентцомъ, когда онъ узналъ объ ограбленіи своего курьера по дорогѣ въ Бухарестъ[2]).

Оригинальная фигура Гентца останавливаетъ теперь вниманіе историковъ[3]). Ученикъ Канта, горячій приверженецъ свободомыслящаго движенія въ Германіи, Гентцъ превращается потомъ въ сторонника коалиціонныхъ державъ, Пруссіи и Австріи, и на службѣ послѣдней остается до самой смерти, послѣдовавшей въ 1832 году Неутомимый сотрудникъ Меттерниха, онъ вмѣстѣ съ нимъ разъѣзжаетъ по конгрессамъ; въ Аахенѣ, въ Лайбахѣ, въ Веронѣ онъ исполняетъ обязанности секретаря и плѣняетъ всѣхъ своимъ умомъ и прелестью своего разговора[4]). Получаетъ онъ награды, не исключая и денежныхъ[5]), отъ всѣхъ европейскихъ державъ и не брезгаетъ содѣйствіемъ банкировъ[6]). А деньги нужны были этому старому эпикурейцу, увѣрявшему однако, что на склонѣ лѣтъ онъ нашелъ безкорыстную любовь[7]) молодой женщины[8]).

Но тѣмъ не менѣе онъ вѣрно служилъ Габсбургской монархіи и ея восточной политикѣ. Что осталось въ современной Австріи отъ абсолютизма, тѣсно связаннаго съ именемъ Меттерниха, или отъ преобладанія германскаго элемента, котораго такъ строго придерживался канцлеръ? Восточная же политика его жива и понынѣ, а съ ней неразрывно связано имя Гентца[9]).

Вся находчивость и наблюдательность послѣдняго обнаруживается въ письмахъ къ валашскимъ господарямъ, гдѣ онъ даетъ періодически обзоръ[10]) общеевропейской политики, обращая, конечно,

---

[1]) Aus der alten Registratur, стр. 142.

[2]) Въ дневникѣ Гентца, Tagebücher, IV (1874), стр 57.

[3]) См литературу о немъ у Kircheisen, въ Mitteilungen des Instituts fur oest. Geschichtsforschung, XXVII. Неблагопріятный отзывъ о политическихъ способностяхъ Гентца у Criste, Erzherzog Carl (1912), II, 279.

[4]) См. воспоминанія бар. П. Мейендорфа въ Balt Monatschrift, 1910, декабрь.

[5]) По собственному признанію въ дневникахъ, см. Tagebücher, II, стр 286. 415, III, стр. 110; ср. также у Challemel Lacour, Diplomates et publicistes de l'Allemagne, (Revue de deux Mondes, т. 75, стр 635), разсказъ Гентца „Dîné chez Talleyrand. Il me remit un cadeau magnifique 24000 florins de la part du roi de France. La fin de cette année a été brillante. Outre les sommes que je dois à mes relations avec Bucharest, j'ai eu 48000 florins de bénéfices extraordinaires, mes revenus de 1814 ne se sont pas montés à moins de 17000 ducats; l'année 1815 s'annonce bien".

[6]) См. Tagebücher, II, стр 432.

[7]) „Il se fit aimer de M-lle Fanny Essler et s'en vantait avec orgueil et gloire. C'est un peu le faible des vieillards que de vouloir être aimés pour eux mêmes". Capefigue, Diplomates Européens, II, стр. 227.

[8]) Объ этомъ у Auguste Ehrhard, Une vie de danseuse, Fanny Essler, 1909, стр. 42.

[9]) См. Wittich. Gentz und Metternich, въ Zeitschrift fur oest Geschichte, XXXI, № 1, стр. 105 сл.

[10]) Dépêches inédites aux hospodars valaques, I (1813—1819), II (1820—1821), III (1825—1828).

главное вниманіе на положеніе Россіи. Онъ непрерывно ручается отъ своего имени и отъ имени Меттерниха за миролюбивое настроеніе Александра [1]), вытекающее не только изъ положенія, занятаго Россіей въ новой политической системѣ, но и изъ уваженія къ общественному мнѣнію Европы [2]). Когда заключается Священный союзъ, Гентцъ спѣшитъ увѣдомить султана, что объединеніе христіанскихъ государствъ вовсе не направлено противъ преемника халифовъ [3]) Онъ неоднократно удерживалъ Турцію отъ необдуманныхъ шаговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ, что требованія, предъявляемыя нашимъ посланникомъ Строгановымъ, иногда въ довольно рѣшительной формѣ, по существу вовсе не означали желанія разрыва со стороны Россіи[4]) „Турція, писалъ онъ, должна вступить въ самое тѣсное единеніе и довѣрчивое сближеніе съ Австріей и Англіей, и по мѣрѣ того, какъ общеніе съ ними будетъ полнѣе, Англія и Австрія пріобрѣтутъ право и найдутъ возможность быть полезными Портѣ“ [5]).

Кромѣ этихъ періодическихъ сообщеній Гентцъ составилъ еще для Караджи въ началѣ 1815 г. записку подъ заглавіемъ: „Essai historique et politique sur les rapports entre la Porte Ottomane et les principales puissances de l'Europe“ [6]). Тамъ онъ еще ярче обнаруживаетъ предубѣжденіе противъ Россіи, къ которой онъ и раньше питалъ непріязненныя чувства [7]). Тамъ онъ даетъ краткій перечень прежнихъ русско-турецкихъ войнъ, напоминаетъ о существенныхъ потеряхъ, понесенныхъ Портою, для которой Россія и въ будущемъ можетъ оказаться опаснѣйшей сосѣдкой, если Турція не примкнетъ къ остальнымъ европейскимъ державамъ [8]). Вся цѣль Гентца доказать Турціи, что только одна Россія не заинтересована въ неприкосновенности Оттоманской имперіи, и желая усыпить возможную мнительность султана по отношенію къ самой Австріи, онъ прибѣгаетъ къ аргументу, теперь—послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины—малоубѣдительному: „Австрія, пишетъ онъ, не имѣла бы никакого разумнаго основанія желать расширенія своей территоріи на счетъ Турціи.

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ см. письма Гентца къ Меттерниху 20 апр. 1816 г Briefe von und an Friedr, V. Gentz, III (1913), стр. 330.

[2]) Гентцъ Караджѣ 9 іюля 1814 г. (Dépêches inédites, I, стр. 88).

[3]) Гентцъ Караджѣ 25 февр. 1816 г. (Dépêches inédites, I, стр. 223).

[4]) Депеша 1817 г. (I, стр 299).

[5]) Гентцъ князю Караджѣ въ 1816 г. Dépêches inédites, I, стр. 212—213.

[6]) Нап. въ книгѣ „Aus dem Nachlasse Friedrich's von Gentz“, II (1868).

[7]) См. его письмо къ Бринкману 27 февраля 1805 г., нап. въ Briefe von und an Friedrich v. Gentz. II, стр. 262.

[8]) Тамъ же, стр. 182 сл.

Было бы весьма нецѣлесообразно прибавить новыя мало культурныя области къ тѣмъ изъ нашихъ территорій, которыя, какъ Венгрія и Иллирія, не даютъ и половины возможнаго дохода“ [1]).

Но въ одномъ былъ правъ Гентцъ, когда онъ писалъ, что лучшей гарантіей для Турціи нужно считать возрастающее тяготѣніе Александра къ Австріи [2]). Не впадая въ крайности нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, охотно пишущихъ о „лобзаніяхъ австрійскаго Іуды“ [3]), нужно констатировать, что со временъ Вѣнскаго конгресса вплоть до 1822 г. австрійскій кабинетъ съ большимъ умѣньемъ и съ рѣдкой гибкостью старался заручиться довѣріемъ Александра I и пріобрѣсти достаточное вліяніе для удержанія его отъ рѣшительныхъ и самостоятельныхъ шаговъ, главнымъ образомъ въ турецкихъ дѣлахъ. Близкія отношенія и частыя свиданія двухъ императоровъ, получившія особое значеніе въ Вѣнѣ, должны были создать такую связь, которая приковала бы Александра къ общимъ цѣлямъ Священнаго Союза и отвлекла бы его вниманіе отъ прежнихъ широкихъ замысловъ. Нашъ историкъ Соловьевъ [4]), сравнивая Наполеона съ Александромъ, называетъ перваго „героемъ битвъ“, а втораго „героемъ конгрессовъ“. Это послѣднее прозвище вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣлямъ тогдашней австрійской политики. Меттерниху было предпочтительнѣе свести нашу внѣшнюю политику на роль вѣрной союзницы, чѣмъ видѣть вторично Александра во главѣ побѣдоносной арміи. Это стремленіе Меттерниха, столь ясное теперь на разстояніи цѣлаго столѣтія, не было такъ прозрачно въ то время для глазъ нашей дипломатіи. Одинъ только Каподистрія съ самаго начала проникся опасностью, которой грозило Россіи обезличеніе ея политики. Уже въ Вѣнѣ въ 1814 г., при первомъ его представленіи Государю, онъ подчеркивалъ [5]) необходимость для Россіи сохранить на востокѣ полную свободу дѣйствій и продолжать единолично, безъ посторонняго содѣйствія и поддержки, ту исключительную роль, которую возложилъ на Россію Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. По глубокому убѣжденію графа Іоанна Антоновича Каподистріи, защита балканскихъ христіанъ должна была оставаться въ рукахъ одной только Россіи, и всякое общеніе на этой почвѣ съ остальными державами должно было вести къ ослабленію нашего вліянія на востокѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 219.
[2]) Депеша Гентца Караджѣ 1816 г. (Dépêches inédites, I, стр. 269).
[3]) Креницынъ, Восточный вопросъ на почвѣ его исторіи (1900), стр. 33.
[4]) Императоръ Александръ I (1877), стр. 560.
[5]) Записка Каподистріи, Сбор. И. Р. Ист. Общ., III, стр. 193, 209.

Назначенный черезъ годъ послѣ этого статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ Каподистрія старался провести этотъ свой коренной взглядъ въ дѣятельности нашихъ дипломатическихъ органовъ. Главой вѣдомства считался тогда Нессельроде, но выдающіяся качества и личное обаяніе іоническаго грека давали ему, по крайней мѣрѣ въ началѣ ихъ сослуженія [1]), главное мѣсто не только въ глазахъ Государя [2]), но и въ глазахъ представителей иностранныхъ державъ въ Петербургѣ [3])

Нессельроде переносилъ это временное преимущество сослуживца съ полнымъ благодушіемъ, до того времени, когда пошатнулось положеніе Каподистріи[4]). Но и тогда уже, при дворѣ[5]) и въ болѣе широкихъ слояхъ[6]), Каподистрія встрѣчался съ тѣмъ недовѣріемъ [7]), въ которомъ рѣдко отказываютъ пришлому человѣку, занявшему выдающееся положеніе въ чужеземномъ для него государствѣ[8]). Многіе изъ его петербургскихъ

---

[1]) „Les deux secrétaires d'état vont leur train, marchent ensemble, ils ont chacun un appartement à l'hôtel des affaires étrangeres et ils communiquent ensemble par un escalier intérieur comme deux époux" J. de Maistre, Correspondance diplomatique, II, стр. 287.

[2]) „Capo d'Istria devint bientôt le secrétaire favori, le conseiller confidentiel et, on peut presque dire, l'ami de l'Empereur" (Gentz Dépêches, I, стр 202). „Довѣренность къ нему Государя, кажется, растетъ ежедневно", писалъ Михайловскій-Данилевскій („Русская Старина", 1899, май, стр. 648)

[3]) „Vous connaissez Mr de Nesselrode, писалъ де-Ноаль 28 сент. 1816 г., lorsqu'on le compare à M. de Capodistrias, on ne peut douter que ce dernier acquière une première influence et écarte entièrement son rival". (Mandoul, J. de Maistre et la politique de la maison de Savoie, 1900, стр. 90).

[4]) Нессельроде писалъ 28 дек. 1820 г. (Lettres et papiers de Nesselrode, VI, стр. 114—115): „Capo d'Istria est loin d'avoir les moyens, le bons sens et les connaissances de Pozzo, et surtout cet esprit pratique pour bien conduire les affaires de ce bas monde.. Je voudrais avoir Pozzo pour ministre et Capo d'Istria pour ami".

[5]) Очень осторожно выражалась императрица Елисавета Алексѣевна о Каподистріи: „Beaucoup de finesse fait, je crois, le fond de ce caractère, c'est d'ailleurs le caractère national et de la finesse à la duplicité il n'y a pas loin". Велик. Кн. Николай Михаиловичъ, Императрица Елисавета Алексѣевна, II, стр. 638.

[6]) Это настроеніе хорошо резюмируетъ саксонскій дипломатъ графъ Зенфтъ въ своихъ запискахъ („Русскій Архивъ", 1876, I, стр. 371).

[7]) Такъ, напр, Погодинъ въ XXXVII Отчетѣ о присужденіи Уваровской преміи.

[8]) Съ такимъ же недовѣріемъ относились тогда многіе и къ Поццо-ди-Борго, такъ, напримѣръ, Михайловскій-Данилевскій, „Русская Старина", 1899, май, стр. 648, а также и въ письмѣ своемъ графъ Ф. В. Ростопчинъ отъ 11 августа 1818 г. (Архивъ кн. Воронцова, VIII, стр. 348). Однако нужно признать, что Поццо правильно оцѣнивалъ враждебное настроеніе къ намъ Австріи и Англіи (см. его письмо 1818 г. въ Correspondance diplomatique du C-te Pozzo et du C-te Nesselrode. II, 407, 428—429, 463). Онъ между прочимъ указывалъ, что названныя двѣ державы стремятся поддерживать натянутыя отношенія между нами и Франціей (тамъ же, стр. 485), чему несомнѣнно содѣйствовали холодныя отношенія между Александромъ и Людовикомъ, установившіяся еще со временъ пребыванія Людовика въ Митавѣ. Александръ никакъ не ожидалъ, что ему суждено будетъ вернуть престолъ брату Людовика XVI, когда онъ про него писалъ въ 1807 г.: „Il m'a, sollicité plusieures fois de le reconnaître comme roi, mais je m'y suis constamment refusé, persuade que jamais il ne montera sur le trône" (см. Ernest Daudet, Les Bourbons et la Russie, стр 311—312). Людовикъ этого впослѣдствіи не забылъ, какъ видно изъ характернаго инцидента 1823 г., передаваемаго въ Memoires de Villèle, IV, стр. 324.

современниковъ [1]) и современницъ [2]) оставили намъ восторженные отзывы о его подкупающей внѣшности, о его доброжелательствѣ къ людямъ и о благородствѣ его мысли [3]) Но большинству онъ казался представителемъ не русскихъ, а греческихъ интересовъ; обвиняли его въ томъ, что онъ хотѣлъ только прикрывать русскимъ именемъ освободительную политику своихъ единородцевъ, а „крайніе правые“ того времени считали его близость къ организаторамъ греческаго возстанія достаточнымъ основаніемъ для причисленія его къ опаснымъ революціонерамъ [4])

Каподистрія самъ, конечно, никогда не скрывалъ своей привязанности къ родинѣ [5]) и не отчаявался въ лучшемъ будущемъ греческихъ христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ [6]). Но преданность его къ Россіи также внѣ всякаго сомнѣнія; она пережила его службу у насъ [7]), и, когда онъ сталъ главою нововозникшаго эллинскаго государства, его противники ставили ему главнымъ образомъ на видъ эту привязанность къ Россіи, въ которой мнительные Греки усматривали даже опасность для дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія Греціи [8]).

Въ то время у насъ меньше говорили, чѣмъ теперь, о „національной политикѣ“, но можно смѣло увѣрять, что Каподистрія понималъ существенные интересы Имперіи не хуже коренныхъ русско-подданныхъ, когда онъ употреблялъ все свое тогдашнее вліяніе на Александра, чтобы разубѣдить его, при открытіи Польскаго сейма въ 1818 году, дать торжественное обѣщаніе о присоединеніи Западной Россіи къ Царству Польскому [9]).

Можетъ быть не чрезмѣрно смѣлымъ покажется теперь утвержденіе, что интересы греческаго народа, какъ ихъ пони-

---

[1]) См. письмо Булгакова къ Закревскому 6 іюля 1827 г. Въ Сборникѣ И. Русск. Ист. Общества, т. 78, стр. 394, и также Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время (1871), стр. 74, 143, 159.

[2]) Восторженные о немъ отзывы графини Разумовской („Русскій Архивъ“, 1875, стр. 334) и графини Блудовой („Русск. Архивъ“, 1875, I, стр. 155) См. также Записки графини Эдлингъ, „Русск. Архивъ“, 1881, I, стр. 410—411.

[3]) См. Mendelsohn-Bartoldy, Graf J. Kapodistria (1862), стр 365.

[4]) Такъ, Вигель съ своихъ Запискахъ, прил. къ „Русскому Архиву“, 1892 г., VI, стр. 70.

[5]) Гдѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ le Roi des sept Iles, какъ саркастически называлъ Ивана Антоновича Меттерних. См. J. de Maistre, Correspondance diplomatique. II, стр. 287.

[6]) Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества, III, стр. 165—166.

[7]) См. трогательное его письмо изъ Женевы 3 февраля 1823 г. къ графу Блудову („Русскій Архивъ“, 1875, I, стр. 189).

[8]) См. Gobineau, Deux études sur la Grèce moderne (1905), стр. 83.

[9]) Подробности у Богдановича, Исторія Царств. Императора Александра I. Томъ V, стр. 369.

малъ Каподистрія въ началѣ 20-хъ годовъ, соотвѣтствовали естественнымъ цѣлямъ русской политики. Война Россіи за независимость Греціи, въ виду всѣхъ нашихъ предшествовавшихъ выступленій въ защиту христіанъ, была рано или поздно неизбѣжна: она имѣла мѣсто, какъ извѣстно, въ началѣ царствованія Николая Павловича, но Россія, связанная тогда союзомъ и соглашеніемъ съ западно-европейскими державами, не могла сдѣлать изъ нея, по крайней мѣрѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, продолженіе завоевательныхъ плановъ 1806 г., какъ бы временно только прерванныхъ въ 1812 г.

Каподистрія же отстаивалъ обособленность нашего воздѣйствія на Турцію и тѣмъ самымъ являлся представителемъ самостоятельной русской политики и таковымъ онъ казался на Западѣ всѣмъ тѣмъ, которые опасались роста русскаго вліянія. Прусскій министръ Гарденбергъ [1]), черезъ годъ послѣ аахенскаго конгресса, вспоминалъ еще, какъ трудно было справиться съ этимъ стремленіемъ. Гентцъ также боролся на слѣдующемъ конгрессѣ въ Тропау [2]) съ вліяніемъ, которое Каподистрія имѣлъ еще тогда на Александра, но въ Лайбахѣ тотъ же Гентцъ отмѣчаетъ уже расколъ въ руководствѣ нашей дипломатіи, при чемъ австрофильство графа Нессельроде онъ считалъ настолько прочнымъ, что въ письмахъ своимъ близкимъ онъ называлъ [3]) послѣдняго своимъ „тайнымъ союзникомъ“. Меттерних же, относившійся въ началѣ съ довольно презрительнымъ равнодушіемъ къ Каподистріи [4]), возненавидѣлъ его, когда убѣдился въ опасности его дѣятельности для австрійской восточной политики, и праздновалъ уходъ изъ Петербурга сослуживца графа Нессельроде, какъ одну изъ своихъ крупнѣйшихъ побѣдъ [5]).

Въ этомъ отношеніи главной задачей для Меттерниха представлялось поколебать довѣріе Александра къ Каподистріи, убѣждая Государя, что освобожденіе Грековъ, о которомъ, несомнѣнно, мечталъ Каподистрія, являлось мыслью революціоннаго происхожденія, чрезвычайно опасной для политической системы, установившейся на Западѣ послѣ 1815 г., и гибельной для

---

[1]) См. письмо его къ Касльри 30 дек. 1819 г., Correspondence of vicomte Castlereagh, т. XII, стр. 163.

[2]) См. Gentz., Briefe an Pilat, I, стр. 436 и 455.

[3]) Briefe an Pilat, II, стр. 22.

[4]) См., напр., письмо Меттерниха къ графинѣ Ливенъ отъ 28 февр. 1819 г. (у Hanoteau, Lettres de Metternich à la Comtesse de Lieven, 1909, стр. 225).

[5]) „Der Sieg, den Sie davongetragen, писалъ ему тогда императоръ Францъ, ist vielleicht der schwerste und schonste Ihres Ministeriums“. (Aus Metternichs Papieren. III, стр. 553).

европейскаго мира. Это движеніе, задолго подготовленное греческими тайными обществами, объединенными общимъ названіемъ „гетеріи“, распространенными по всему Балканскому полуострову и въ южной Россіи [1]), находило на самомъ дѣлѣ сочувствіе въ либеральныхъ кругахъ Франціи, Англіи и отчасти только Германіи, среди восторженныхъ поклонниковъ древней культуры, среди довѣрчивыхъ филологовъ и пылкихъ романтиковъ [2]). Страданія греческихъ единовѣрцевъ и въ слояхъ нашего общества встрѣчали искреннее сочувствіе, а на нашей молдавской окраинѣ замѣтное уже въ 1820 г. броженіе считалось какъ бы предвѣстникомъ войны, призванной передвинуть нашу прутскую границу и дать намъ всю Молдавію [3]).

Но для европейской дипломатіи и ея представителей, собравшихся на конгрессѣ въ Лайбахѣ, извѣстіе о появленіи греческихъ повстанцевъ, съ Ипсиланти во главѣ, въ Валахіи и Молдавіи было совершенной неожиданностью. Вскорѣ послѣ этого, весною же 1821 года, произошла въ Константинополѣ греческая рѣзня и пожары вспыхнули потомъ въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова. Западныя державы, Австрія и Англія, опредѣленно опасались русско-турецкой войны и должны были, чтобъ ей помѣшать, непремѣнно пріостановить движеніе. Положеніе нашего кабинета было еще труднѣе: Александръ I не хотѣлъ порывать съ союзными державами и не могъ съ другой стороны оставить балканскихъ христіанъ въ полной беззащитности. Послѣ нашего ультиматума и у насъ сталъ замѣчаться сильный подъемъ духа въ пользу энергическаго вмѣшательства въ оттоманскія дѣла. Армія наша на юго-западѣ томилась бездѣйствіемъ и ожидала ежедневно приказа двинуться къ Дунаю; Закревскій писалъ Киселеву, тогдашнему начальнику штаба второй арміи: „Каподистрія молодецъ и знаетъ, гдѣ должно употребить твердость и рѣшительность“ [4]).

Австріи не менѣе, чѣмъ Англіи необходимо было удержать Россію отъ войны противъ Турціи, и Меттернихъ въ те-

---

[1]) См. Mémoires du chancelier Pasquier, V, стр. 310.

[2]) Исключеніемъ является, пожалуй, Ламартинъ, когда онъ восклицаетъ: „Cette terre de la Grèce n'est plus que le linceul d'un peuple.. Sur ces montagnes stériles, sur ces caps blanchissants de temples écroulés, sur ces landes marécageuses et rocailleuses, qui n'ont plus rien que des noms sonores, il est écrit: c'est fini“. (Voyage en Orient, I, стр. 140).

[3]) Характерно въ этомъ отношеніи письмо генерала Сабанѣева къ Воронцову отъ 6 февр. 1820 г. (Архивъ Воронцова. Т. 39, стр. 467). „Въ цынутѣ (уѣздѣ) Ясскомъ имѣнія выгоднѣйшія въ цѣлой Бессарабіи. Во первыхъ, потому, что имѣютъ много лѣсовъ; во вторыхъ, потому, что съ присовокупленіемъ Молдавіи къ Россіи будутъ близко Яссъ и тогда сдѣлаются вдвое дороже“.

[4]) Письмо 19 ноября 1821 г. (У Заблоцкаго, Графъ Киселевъ. I, стр. 151).

ченіе 1821 года и первой половины 1822 года со свойственной ему цѣпкостью и послѣдовательностью употребилъ массу усилій на предотвращеніе окончательнаго разрыва между Россіей и Турціей. Въ борьбѣ съ возможностью такого исхода Меттернихъ чувствовалъ, что онъ борется съ вліяніемъ Каподистріи, и въ ежедневныхъ записяхъ австрійскаго канцлера можно прослѣдить [1]) возрастающую увѣренность, по мѣрѣ того, какъ политика, проводимая графомъ Іоанномъ Антоновичемъ, лишалась поддержки нашего монарха.

Мемуары Меттерниха интересны и въ психологическомъ отношеніи: они рисуютъ намъ увеличивающееся пренебреженіе Меттерниха къ Россіи, соотвѣтственно росту его вліянія на нее. Въ письмахъ къ Нессельроде [2]) онъ старается обласкать нашего министра всѣми внѣшними проявленіями дружбы, а въ своихъ мемуарахъ иронически называетъ его „бѣднымъ маленькимъ Нессельроде“ [3]). Татищева, съ которымъ онъ обращался, какъ съ лицомъ особенно достойнымъ довѣрія, онъ называетъ въ бесѣдѣ съ близкими „ядромъ начиненнымъ ватой“ [4]).

И въ то время, какъ вліяніе австрійскаго кабинета въ Петербургѣ усиливалось, Гентцъ писалъ своему сотруднику, что Александръ уже неразрывно связанъ съ Австріей [5]); а Меттернихъ [6]) тогда же вносилъ въ свой дневникъ отрицательную оцѣнку союзника своего императора, и на задаваемый имъ самимъ въ своихъ мемуарахъ вопросъ, какое впечатлѣніе вызываетъ въ немъ, т. е. въ Меттернихѣ, убѣжденіе, что довѣріе Александра къ нему безпредѣльно, онъ отвѣчаетъ: „Улыбку, и больше ничего“ [7]).

Не менѣе поучительны дневники [8]) вѣрнаго сотрудника Меттерниха, Гентца, который отмѣчаетъ тѣ же дипломатическія событія параллельно и въ полномъ единомыслiи со своимъ шефомъ. Особенно это поразительно весною 1822 г., во время пребыванія въ Вѣнѣ посланнаго изъ Петербурга Татищева, съ именемъ котораго связанъ роковой поворотъ въ исторіи нашей восточной политики. Оффиціально онъ былъ посланъ въ Вѣну

---

[1]) Aus Metternich's Papieren, III, стр. 504—519.

[2]) Напр., письмо 28 февраля 1819 г. (приводится у Stern, Geschichte Europa's, I, стр. 649), или 19 апрѣля того же года (Aus Metternich's Papieren, III, стр. 549).

[3]) Aus Metternich's Papieren, III, стр 501.

[4]) Приводится у Isambert, L'indépendance grecque et l'Europe, (1900), стр. 132.

[5]) „Er kann seinen Grundsätzen und seiner engen Verbindung mit uns nie mehr entsagen“. Briefe v. Gentz an Pilat, II, (15 декабря 1822), стр 136.

[6]) „Kaiser Alexander ist von allen Kindern das kindischste“. Aus Metternich's Papieren, III, стр. 501.

[7]) Тамъ же, стр. 525—528.

[8]) Tagebucher von Gentz, III, стр. 22—165.

Государемъ, чтобы прозондировать Вѣнскій кабинетъ о его образѣ дѣйствія, въ случаѣ войны между Россіей и Турціей[1]). Но Меттерниху удалось — и онъ увѣряетъ, что Татищевъ къ этому уже былъ подготовленъ въ Петербургѣ, помимо Каподистріи и безъ извѣщенія объ этомъ нашего посла въ Вѣнѣ Головкина[2]),—перевести переговоры на другую почву, а именно, на образъ дѣйствія Россіи послѣ наступленія кризиса въ греческомъ вопросѣ[3]). Меттернихъ, впрочемъ, раздвоилъ послѣдній: предоставляя Россіи исключительное право на протестъ противъ нарушенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, онъ съ другой стороны предлагалъ перенести на совмѣстное обсужденіе Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи улучшеніе участи греческаго народа. Когда Татищевъ согласился передать это предложеніе въ Петербургѣ и когда онъ вскорѣ послѣ этого вернулся въ Вѣну[4]) съ полнымъ одобреніемъ Александра, поспѣшившаго тоже послѣ этого въ австрійскую столицу, то вѣнскій кабинетъ могъ отпраздновать въ этомъ случаѣ поворотъ нашей восточной политики и крупный успѣхъ, увѣнчавшій его усилія.

Удовлетвореніе Меттерниха было настолько велико, что онъ охотно предсказывалъ паденіе нашего престижа на востокѣ[5]). Англійскіе дипломаты тоже присоединились къ этой оцѣнкѣ новаго курса[6]), по которому собиралось идти наше вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, но уже безъ участія Каподистріи, покинувшаго Петербургъ навсегда въ серединѣ августа 1822 г. Онъ уже отсутствовалъ на Веронскомъ конгрессѣ, гдѣ Александръ безусловно примкнулъ къ точкамъ зрѣнія своихъ союзниковъ и по окончаніи котораго Гентцу были пожалованы брилліанты къ русской звѣздѣ съ рескриптомъ Государя, выражавшимъ ему признательность за его участіе въ переговорахъ по восточнымъ дѣламъ.

Не взирая на свое многолѣтнее общеніе съ людьми и на нѣсколько притупленную государственной службой впечатлительность, Гентцъ былъ повидимому озадаченъ этими милостивыми

---

1) У Prokesch-Osten, Abfall Griechenlands. III, стр. 331 сл.

2) Тамъ же, I, стр. 123 и 145.

3) Меттерниха Лебцельтерну 22 апрѣля 1822 г. (Aus Metternich's Papieren. III, стр. 549).

4) 11 іюня 1822 г.

5) „L'Empereur a accepté toutes nos propositions; c'en est fait de Capo d'Istria. La Russie joue un rôle bien triste". (Aus Metternich's Papieren, III, стр. 548).

6) Извѣстно письмо губернатора іоническихъ острововъ Мейтланда, лично ненавидѣвшаго Каподистрію; онъ 4 дек. 1822 г. писалъ Веллингтону: „L'ensemble de notre situation est tel, que je ne me serais jamais flatté de l'obtenir; et cet avantage doit être exclusivement attribué à la disgrâce du c-te Capodistrias". (Prokesch-Osten, тамъ же, стр. 452).

словами и принялъ мѣры, чтобы пресса въ Вѣнѣ воздержалась отъ несовсѣмъ удобныхъ комментаріевъ [1]) Но впослѣдствіи, когда онъ въ письмѣ къ валашскому господарю Гикѣ обозрѣвалъ пережитое въ 1822 г. [2]) и оцѣнивалъ удачный для Австріи исходъ, то онъ увѣрялъ, что эта развязка совершенно удовлетворяла и Русскаго Императора, окончательно охладѣвшаго къ воздѣйствію на Турцію и отказавшагося отъ дальнѣйшихъ завоеваній на счетъ падишаха. Не опасаясь обвиненій въ парадоксѣ, Гентцъ утверждалъ, что если бы кто-нибудь тогда предложилъ Александру половину Оттоманской имперіи, нашъ царь не протянулъ бы руки, чтобы получить этотъ даръ [3]).

А между тѣмъ въ Бессарабіи всѣ ожидали близкаго объявленія войны съ Турціей [4]). Разбѣжавшіеся подъ натискомъ турецкой арміи сторонники Ипсиланти спасались изъ Валахіи и Молдавіи въ Трансильванію [5]), или къ намъ черезъ Прутъ Къ нимъ присоединились молдавскіе бояре, сторонники низвергнутаго князя Михаила Суцо. Они нашли убѣжище въ Бессарабіи, ожидая, что Россія отплатитъ Туркамъ за неудачу „гетеріи“, удалитъ оттоманскія войска изъ княжествъ и поможетъ возстановленію фанаріотскихъ князей, которыхъ теперь замѣнили на двухъ престолахъ, ясскомъ и бухарестскомъ, національные господари Стурдза и Гика.

Этотъ наплывъ пришлаго элемента особенно замѣтенъ былъ въ Кишиневѣ, гдѣ, по словамъ очевидцевъ, 12000-ое населеніе разрослось до 50000 [6]), гдѣ проживали бѣглые бояре Рознованъ, Плагино, Бальшъ, Мано, Мавроіени, Скина, Суцо, предаваясь свѣтской жизни въ ожиданіи близкаго, какъ имъ казалось, возвращенія на родину, вслѣдъ за русскими войсками. Молдавскій господарь тщетно ихъ вызывалъ обратно, и это непослушаніе съ ихъ стороны вызывало за Прутомъ предположеніе о предстоящемъ объявленіи нами войны [7]). Но уходъ Каподистріи замѣтно отразился на отношеніи нашего правительства къ интересамъ „гетеристовъ“, которыхъ мѣстныя власти въ

---

1) Письмо Гентца къ Пилату, 15 дек. 1822 г. Briefe v. Gentz an Pilat. II, стр. 135.

2) „Vielgliederiges Drama“ называетъ этотъ годъ Prokesch—Osten, тамъ же, I, стр. 88.

3) Gentz, Dépêches inédites, II, стр. 169.

4) По этому поводу см. письма Киселева отъ 16 іюня по 14 декабря 1821 г. Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т. 78, стр 70—81.

5) Объ этомъ см. Mémoires du Prince Nicolas Soutzo (1899), стр. 39 сл.

6) См. Бессарабскія воспоминанія Вельтмана у Майкова, „Пушкинъ“ (1899), стр. 115.

7) Донесеніе прусскаго вице-консула изъ Ясс 24 ноября 1822 г. (Hurmuzaki, тамъ же, X, стр. 189).

Бессарабіи начали подвергать особому надзору [1]). Тѣ изъ молдавскихъ семей, поселившихся въ Бессарабіи, которыя владѣли еще тамъ землею [2]), могли безъ большихъ затрудненій продолжить свое пребываніе за Прутомъ на нѣсколько лѣтъ [3]), но нужда сильно ощущалась другими и увѣренность во вмѣшательствѣ Россіи въ балканскія дѣла постепенно въ нихъ угасала Нѣкоторыя надежды мимолетно воскресли, когда въ Кишиневѣ, въ 1825 г., было получено извѣстіе о кончинѣ Государя. Съ именемъ наслѣдника Константина Павловича [4]) среди христіанъ Оттоманской имперіи связывалась память о восточныхъ грёзахъ Екатерины и наступательной политикѣ Россіи, которую еще мечталъ проводить Румянцовъ [5]) въ первую половину царствованія Александра.

---

[1]) Донесеніе прусскаго консула изъ Бухареста 11 іюля 1823 г. (Hurmuzaki, X, стр. 234).

[2]) Консульское донесеніе изъ Бухареста 30 ноября 1822 г (тамъ же, стр. 195)

[3]) См. донесеніе отъ 10 октября 1825 г. (тамъ же, стр. 331).

[4]) „Je crois devoir remarquer que la succession au trône de Russie fait ici sur les esprits une forte sensation. On craint, mais la majeure partie espère, de voir bientôt les Russes en Moldavie et ceux qui, naguère revenant de la Bessarabie, s'épuisaient en raisonnements et invectives contre le gouvernement et l'administration moscovite, ont changé de langage". Донесеніе прусскаго консульства изъ Яссъ 24 дек. 1825 г. (Hurmuzaki, тамъ же, стр 333)

[5]) Lorsqu'on demandait au chancelier Roumiantzof les motifs d'une aussi étrange obstination, il répondait froidement: que la guerre contre les Turcs était un métier héréditaire dans sa famille. Aus dem Nachlasse Friedrich's v. Gentz, II, стр. 182.

ГЛАВА VI.

На новой окраинѣ.

„La Bessarabie est un beau paiys, Sire“,—писалъ Чичаговъ Александру 18 августа 1812 г. [1]), и при этомъ онъ имѣлъ въ виду природныя богатства новообразованной области, а не твореніе человѣческихъ рукъ въ этомъ краѣ уже по тому, что населеніе было тамъ самое ничтожное по количеству. Русскіе путешественники, переѣхавъ Днѣстръ въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX столѣтія, поражались отсутствіемъ жителей какъ въ сѣверной, болѣе холмистой, тогда еще покрытой лѣсами, части, такъ и въ южныхъ степяхъ Бессарабіи. Проѣхавъ по ней въ 1818 г. 150 верстъ, Михайловскій-Данилевскій отмѣчалъ, что [2]) онъ не встрѣчалъ ни одного селенія, „потому что сего названія нельзя даже дать нѣсколькимъ бѣднѣйшимъ избамъ, которыя кое-гдѣ стоятъ по дорогѣ“.

Еще больше его поражали „изобильнѣйшіе луга, испещренные цвѣтами, какіе у насъ растутъ только въ садахъ“ [3]). Въ этихъ неизмѣримыхъ пустыняхъ, надъ которыми „носились хищныя птицы—ястреба и орлы“, онъ видѣлъ желтыя лиліи, геліотропы и тюльпаны. Благоуханіе этихъ громадныхъ травяныхъ пространствъ оставляло глубокое впечатлѣніе у всѣхъ, пріѣхавшихъ тогда на эту новую окраину: Вигель [4]) въ своихъ запискахъ, вспоминая свое первое прибытіе въ Кишиневъ, восхваляетъ „безконечный роскошный зеленый коверъ, весь усѣянный цвѣтами лиловыми, красными, желтыми, синими; каждый изъ сихъ полевыхъ цвѣтовъ отдѣльно испускаетъ слабый духъ,

---

[1]) Сборникъ И Р. Ист. Общ., VI, стр. 28.
[2]) „Русская Старина“ (1897), т. 91, стр. 76.
[3]) Записки за 1829 г. „Русская Старина“, т. 79, стр. 182.
[4]) Прил. къ „Русскому Архиву“ 1892 г., VII, стр. 57.

но въ совокупности тамъ, гдѣ ихъ бездна, миліарды ихъ наполняютъ воздухъ такимъ легкимъ пріятнымъ ароматомъ, что передъ нимъ ничто запахъ нашихъ цвѣтниковъ".

Плодородіе этихъ пастбищъ и сѣнокосовъ, которые такъ легко давали нашей арміи до 2 милліоновъ пудовъ сѣна [1]), съ того дня не изсякло отъ бѣдствій военнаго времени. Къ нимъ были попрежнему примѣнимы впечатлѣнія Сумарокова [2]), который писалъ въ 1799 г. про Бессарабію: „Вся сія земля можетъ назваться обѣтованною Кряжъ земли по ней самый плодоносный, многолиственныя пастбища достигаютъ такой высоты, что стрегомыхъ на нихъ стадъ совсѣмъ не видно; климатъ въ той странѣ весьма хорошій, положенія мѣстъ безподобныя; плодовъ, птицъ и рыбъ разныхъ родовъ великое множество; однимъ словомъ, она всѣмъ, *исключая жителей*, изобилуетъ".

Количество этихъ жителей въ эпоху присоединенія Бессарабіи опредѣляется западно-европейскими географами [3]) и нашими свѣдѣніями изъ русскихъ источниковъ [4]) почти въ одинаковой цифрѣ—около 200.000 жителей или 55.000 семействъ,—которая можетъ поразить своей скромностью, но вполнѣ правдоподобна, невзирая на быстрый ростъ бессарабскаго населенія впослѣдствіи, если имѣть въ виду, что ревизія 1810 г. дала на всю Молдавію 75.000 семействъ [5]).

Эта пропорція между двумя частями Молдавіи и объясняетъ тотъ сильный ударъ, патетически подчеркиваемый румынскими историками [6]), который тогда былъ нанесенъ экономической жизни Молдавскаго княжества выдѣленіемъ изъ ея состава наиплодороднѣйшей части. О сельско-хозяйственномъ значеніи этой послѣдней говоритъ уже соотношеніе въ хлѣбной дани, уплачиваемой ясскими господарями Портѣ; двѣ трети зерновыхъ продуктовъ, отправляемыхъ въ Константинополь, производились запрутской Молдавіею, вошедшей теперь въ составъ Русскаго государства [7]); тамъ же находился и центръ молдавскаго ското-

---

[1]) См. Труды Бессараб. архивной коммиссіи, I, стр. 368.

[2]) Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г. (Москва 1800), стр. 235—236.

[3]) См. Allg. Geogr. Ephem. XXIX, 2, Bemerkungen über Bessarabien.—О населеніи въ 1818 г см. Karaczay, Beiträge zur europäischen Länderkunde. Die Moldau, Wallachey, Bessarabien und Bukowina. Wien, 1818 г.

[4]) См Куницкій, Краткое статистическое описаніе заднѣстровской области (1813 г.), стр 13.

[5]) См. Накко, Очеркъ гражд. управленія Бессарабіи въ Чтеніяхъ Од. Общ. Исторіи и Древностей, XI, стр. 303.

[6]) См., напр., Draghici, Istoriea Moldovei, II, стр. 94.

[7]) См. Uricariul, IV, стр. 346, гдѣ напечатаны жалобы молдавскихъ бояръ отъ 2 окт. 1812 г.

водства, тамъ на безлюдныхъ вотчинахъ, куда рѣдко пріѣзжали ихъ владѣльцы, проживавшіе въ Яссахъ молдавскіе бояре, паслись огромныя стада рогатаго скота, оказавшіяся послѣ Бухарестскаго мира и закрытія прутской границы отрѣзанными отъ рынка, что вызывало серьезные убытки для этихъ помѣщиковъ [1]), и страданія владѣльцевъ выразились между прочимъ и въ жалобахъ, обращенныхъ къ русскому правительству [2])

Столица Молдавіи, Яссы, очутилась теперь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашего пограничнаго кордона по Пруту, который отдѣлялъ ее отъ, бывшей для нея житницею, Бессарабіи, а русское запрещеніе вывоза въ Молдавію подняло тамъ цѣны на хлѣбъ въ такихъ размѣрахъ, что онъ оказался въ Яссахъ вдвое дороже, чѣмъ въ Кишиневѣ [3]). Къ этимъ экономическимъ затрудненіямъ прибавлялась паника изъ-за опасенія, что будетъ устроенъ турецкій кордонъ параллельно нашему по Пруту, паника, поддерживаемая слухами о постоянномъ расквартированіи оттоманскихъ войскъ въ Молдавіи [4]). А кромѣ того для молдавскихъ собственниковъ, владѣвшихъ вотчинами за Прутомъ, возникала еще другая тревога, вызванная статьею Бухарестскаго трактата, которая предоставляла 18-мѣсячный срокъ оттоманскимъ подданнымъ, покидающимъ русскую территорію или проживающимъ внѣ оной, для ликвидаціи своихъ дѣлъ и продажи имѣній, расположенныхъ въ присоединенныхъ къ Россіи молдавскихъ уѣздахъ.

Можно было думать, что это постановленіе заставитъ многихъ молдавскихъ помѣщиковъ переселиться на русскую территорію, чтобы не разставаться поспѣшно и за безцѣнокъ съ бессарабскими вотчинами [5]). Но жившіе въ Молдавіи бессарабскіе помѣщики не рѣшались на такой переѣздъ и, не находя покупщиковъ, просили русское правительство продолжить этотъ льготный срокъ [6]). Впрочемъ, опасенія ихъ оказались преувеличенными, такъ какъ съ самаго начала русская власть не придавала этому сроку преклюзивнаго характера и не намѣревалась

---

[1]) Ср. донесеніе франц. консула изъ Яссъ отъ 9 апрѣля 1813 г. у Hurmuzaki Suppl. I, vol. II, стр 708.

[2]) Uricariul, тамъ же, стр. 356.

[3]) См. Куницкій, тамъ же, стр. 8.

[4]) См. всеподданнѣйшее прошеніе молдо-влахійскихъ особъ отъ 10 окт. 1813 г. (напъ въ Чтеніяхъ Одесскаго Общ. Ист. и Древностей. XX, 1893, стр. 41).

[5]) Такъ разсуждалъ Андреоси въ своемъ донесеніи изъ Константинополя отъ 29 іюля 1813 г. Hurmuzaki, Suppl. I, v. II, стр. 749.

[6]) См. письмо митрополита Гавріила къ оберъ-прокурору князю Голицыну отъ 13 окт. 1813 г. (Чтенія Одесскаго Общества Ист. и Древностей, XX, стр. 46 и сл.).

связывать съ его истеченіемъ какихъ-либо принудительныхъ мѣръ [1]), такъ что землевладѣніе молдавскихъ бояръ въ Бессарабіи ликвидировалось постепенно въ теченіе XIX вѣка, вплоть до изданія нашего ограничительнаго закона объ иностранцахъ въ пограничныхъ губерніяхъ.

Молдавія, отрѣзанная отъ Бессарабіи русской границею, настолько уменьшилась, что въ Яссахъ возникала даже мысль о присоединеніи къ Молдавіи 4-хъ валашскихъ уѣздовъ для установленія равновѣсія между обоими господарями [2]), но границы между княжествами все-таки остались прежними, пока послѣднія не слились и не образовали единое Румынское государство.

А тѣмъ временемъ Русское государство было озабочено устройствомъ нововозникшей Бессарабской области. Временную форму управленія, установившуюся въ княжествахъ въ связи съ военной оккупаціей, нельзя было сохранить, ибо недостатки предсѣдательствованія русскихъ сенаторовъ въ Диванахъ Валашскаго и Молдавскаго княжествъ за 1808—1812 г. были слишкомъ явны.

Назначеніе сенатора въ княжествахъ, какъ видно изъ рескрипта на имя Кушникова, имѣло въ виду не только обезпеченіе содержанія русской арміи, но и благо мѣстнаго населенія. „Главная цѣль попеченій вашихъ,—читаемъ мы въ этомъ актѣ 17 февраля 1808 г [3]),—должна быть та, чтобы при продовольствованіи войскъ моихъ, въ томъ краю находящихся, жители не несли излишнихъ тягостей“, и тамъ же указывалось, что цѣль эта тогда не достигалась. „Изъ доходящихъ до меня свѣдѣній съ сожалѣніемъ я видѣлъ, что относительно всѣхъ сихъ предметовъ были доселѣ разныя злоупотребленія“. А въ заключеніи выражалась надежда, что Кушниковъ, предсѣдательствуя въ Диванахъ княжествъ Молдавскаго и Валашскаго, будетъ содѣйствовать политикѣ русскаго правительства по отношенію къ христіанскому населенію Оттоманской имперіи. „Всѣ ваши старанія употребите, дабы разстроенное привести въ порядокъ и соотвѣтствовать всегдашнему и непремѣнному

---

[1]) „...C'est avec une vive satisfaction véritable, писалъ Чичаговъ губернатору Стурдзѣ 30 сент. 1812 г. изъ Брестъ-Литовска, que je vous charge d'annoncer à Messieurs les propriétaires Moldaves en deça du Prout que sa Majesté... leur accorde la pleine jouissance de leurs biens“ Госуд. Архивъ, II p 25 № 174. Тамъ же, № 3, листъ 52, письмо Гартинга отъ 30 янв 1810 г. въ томъ же смыслѣ.

[2]) Ср. Uricariul, IV, стр. 354.

[3]) Сенатскій Архивъ. Дѣла Мин. Юстиціи 1812 г. № 6.

моему попеченію блюсти благо народовъ моихъ и покровительствомъ Россіи защищаемыхъ".

Кушниковъ, пріѣхавши въ Бухарестъ съ наилучшими намѣреніями, встрѣтился тамъ съ непосильной задачей видоизмѣнить характеръ дѣятельности государственныхъ органовъ въ княжествахъ и обновить личный составъ чиновниковъ. Впрочемъ фельдмаршалъ Прозоровскій въ своемъ письмѣ отъ 26 іюня могъ очень быстро разсѣять всѣ иллюзіи. „Низкое порабощеніе, въ которомъ обыватели сихъ княжествъ всегда содержались, причиною тому, что они научились всѣмъ хитростямъ и интригамъ. Единый предметъ ихъ дѣяній есть корысть и личное обогащеніе, почитаемое у нихъ умомъ, честью и добродѣтельностью" [1]). Измѣненіе же самаго образа правленія не входило въ обязанности Кушникова, и главнымъ результатомъ его дѣятельности было то, что къ существовавшимъ тогда въ княжествахъ должностямъ прибавились еще новые штаты его канцеляріи въ Бухарестѣ и канцеляріи его замѣстителя въ Яссахъ [2]). Между тѣмъ, невзирая на отсутствіе князей въ двухъ княжествахъ, ихъ придворныя должности продолжали замѣщаться, что только увеличивало расходы по управленію [3]).

Но главнымъ зломъ было неимовѣрное количество повинностей, которыя налагались на населеніе изъ-за оккупаціи княжествъ русскими войсками: починка дорогъ и мостовъ, транспортированіе хлѣба и фуража, кошеніе казеннаго сѣна отвлекали крестьянъ отъ полевыхъ работъ и доводили ихъ до разоренія. Кушниковъ создалъ слѣдственныя комиссіи [4]) для отмѣны противозаконныхъ поборовъ, несоотвѣтствующихъ нашимъ потребностямъ и вызывавшихся только жадностью молдавскихъ чиновниковъ. Послѣднихъ онъ сталъ увольнять въ большомъ количествѣ, замѣняя ихъ новыми, но назначенія его не оказались удачными по мѣрѣ того, какъ онъ попадалъ подъ вліяніе опредѣленныхъ лицъ боярскаго класса [5]) Изслѣдователи исторіи Бессарабіи, пораженные огромнымъ количествомъ дѣлъ, содержимыхъ въ Кишиневѣ, въ такъ называемомъ Архивѣ г.г. Сенаторовъ, выводятъ изъ этого, что благосостояніе населенія при немъ, какъ и при его преемникѣ Красно-Милашевичѣ, сравни-

---

[1]) Нап. въ Запискахъ Бессарабскаго статист комитета, III, стр. 143.
[2]) См Архивъ г.г. Сенаторовъ въ Трудахъ Бессарабской арх ком., I,379 и сл.
[3]) Тамъ же, II, стр. 352 сл.
[4]) Тамъ же, II. стр 343.
[5]) Объ одномъ изъ нихъ, сыгравшемъ потомъ видную роль въ управленіи Бессарабіею, см. Langeron, Journal, стр. 151.

тельно увеличилось [1]). Но впечатлѣніе, получаемое отъ этихъ бумагъ, повидимому, обманчиво, если сравнить его съ той картиной, которую нарисовали намъ современники. Сенаторское управленіе не могло захватить зло въ его корнѣ, не могло устранить вѣковыхъ пріемовъ господарской администраціи, не могло исцѣлить глубокихъ язвъ фанаріотскаго режима. Власть или скорѣе произволъ, исправниковъ въ уѣздахъ или цынутахъ была безгранична въ томъ смыслѣ, что они никакому серьезному контролю не подвергались со стороны центральной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не въ состояніи были защитить населеніе отъ разбоя, который, наоборотъ, учащался. Особенно страдали жители Бессарабіи отъ вооруженныхъ нападеній, которыми руководили иногда представители дворянскаго сословія, какъ тѣ два боярина, пойманные и казненные въ 1810 г.

Управленіе Кушникова, если и внесло нѣкоторыя культурныя улучшенія, то во всякомъ случаѣ очень незначительныя и то лишь для высшаго класса: имъ были выписаны танцмейстеры для баловъ въ Яссахъ, какъ при его преемникѣ были назначены учители русскаго языка для обученія боярскихъ дѣтей [2]).

Въ 1810 г. Кушниковъ подалъ въ отставку по разстроенному здоровью [3]) и предсѣдательствованіе въ Диванахъ было поручено сенатору Красно-Милашевичу, о достоинствахъ котораго современники нѣсколько расходятся въ своихъ сужденіяхъ [4]). Казна въ обоихъ княжествахъ была настолько пуста, что новому начальнику пришлось вернуться къ прежней системѣ отдачи мѣстъ на откупъ [5]), противъ которой старался бороться Кушниковъ, и оказалось даже необходимымъ вводить новые налоги [6]). Положеніе въ Молдавіи и Валахіи не могло конечно улучшаться при такихъ обстоятельствахъ; а къ этому прибавлялась все увеличивавшаяся тягость военныхъ повинностей.

Послѣ заключенія Бухарестскаго мира, хотя оба Дивана Молдавіи и Валахіи вышли изъ сферъ нашего воздѣйствія, но тѣмъ не менѣе Сенаторъ не спѣшилъ разстаться съ занимаемой имъ

---

[1]) См. Стадницкій, Гавріилъ Банулеско-Бодони, (1894), стр. 45; Накко, Очеркъ Гражд. управленія, стр. 310.

[2]) См. Накко, Очеркъ гражд. управленія Бессарабіи, стр. 292, 303.

[3]) Рескриптъ отъ 25-го февраля 1810 г. Сен. Арх. Дѣла Мин. Юст. 1812 г. № 6.

[4]) Ср. Langeron, тамъ же, стр. 217.

[5]) Ср Накко, тамъ же, стр. 285 сл.

[6]) См. Донесеніе Милашевича отъ 15 іюня 1810 г. въ Сборникѣ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива С. Е. И. В. Канцеляріи, изд. Дубровинымъ, II. стр. 231.

должностью, мечтая перенести ее въ пріобрѣтенную нами Бессарабію. По крайней мѣрѣ онъ оставался довольно долго въ предѣлахъ этой области для того, чтобы пріобрѣсти на выгодныхъ условіяхъ земли бояръ, оставшихся въ Молдавіи, говорили одни [1]), для того, чтобы занять мѣсто начальника нововозникшей области, говорили другіе [2]), а это послѣднее предположеніе подтверждалось тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ своими чиновниками занялъ въ небольшомъ тогдашнемъ Кишиневѣ тѣ немногія строенія, гдѣ могъ бы помѣститься первый бессарабскій губернаторъ съ причисленными къ нему лицами [3]) Чичагову пришлось просить Государя ускорить [4]) отозваніе Милашевича [5]).

Въ Бухарестѣ же, немедленно послѣ заключенія мира, Чичаговымъ было поручено графу Каподистріи составленіе правилъ о временномъ управленіи Бессарабіи, т е хотинской ран, молдавскихъ уѣздовъ запрутской части княжества, крѣпостныхъ районовъ Бендеръ, Аккермана, Килін и Измаила, а также буджакскихъ степей, объединенныхъ теперь общимъ названіемъ Бессарабской [6]) области.

Выборъ Каподистріи [7]) объяснялся его знаніемъ востока, близостью его къ интересамъ христіанъ Балканскаго полуострова, такъ какъ организація этого края должна была преслѣдовать двоякую цѣль: упроченіе благосостоянія мѣстнаго населенія и, кромѣ того, привлеченіе тѣхъ изъ подданныхъ Оттоманской имперіи, которымъ жизнь въ предѣлахъ европейской Турціи стала бы не вмоготу Уже Кутузовъ [8]) обѣщалъ Болгарамъ, переселившимся съ праваго берега Дуная на лѣвый [9]), особую защиту и организацію, независимую отъ господарскаго Дивана

---

[1]) Такъ Stourdza, Souvenirs et Portraits (1859 г.), стр. 123.

[2]) См. письма Чичагова къ Красно-Милашевичу, сент. 1812 г. Главный Архивъ, II, р. 25 разд. № 3. л. 39.

[3]) Донесеніе Стурдзы Чичагову 12 сент. 1812 г. Г. Арх. у Горяинова 10300.

[4]) См письмо Чичагова къ Государю 22 сент. 1812 г. Сборн. И. Р. Ист. Общ , VI, стр 32.

[5]) „... Je dois prier instamment Votre Majesté de faire revenir le Sénateur pour délivrer le pays de tout ce qu'il peut y avoir de plus pernicieux. Il s'est fait abhorrer par sa conduite et il avait fait, je crois, le projet d'y établir sa domination". Письмо 4 окт. 1812 г., тамъ же.

[6]) О происхожденіи фамиліи „Бассараба" или „бассарамъ-банъ", давшей свое имя этой территоріи, см. Stourdza, La lutte pour la couronne dans les pays roumains (1912), стр. 17 сл.; у Яцимирскаго, Этнограф. обозрѣніе 1896, 2—3, стр. 228 сл., фамилія названа „Банъ-Сараба".

[7]) См Біографію Каподистріи, написанную Александромъ Стурдзой въ Correspondance du comte J Capodistrias, Genève, 1839 г., т. I, стр. 20.

[8]) См. его донесеніе отъ 26 апр. 1811 г. у Дубровина. Сборникъ ист. матер., VII, стр 300.

[9]) О необходимости заселенія Буджака послѣ усиленной эмиграціи Татаръ съ конца XVIII вѣка см. Скальковскій, Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1846 г., XIII, стр. 191 сл.

и молдавскихъ исправниковъ. Теперь предстояло въ предѣлахъ Имперіи создать такой порядокъ управленія Бессарабской областью, который не только вызвалъ бы переселеніе къ намъ отдѣльныхъ группъ оттоманскихъ христіанъ, но явился бы вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ показателемъ той помощи, которую могли ожидать отъ Россіи народности, томившіяся еще подъ турецкимъ игомъ, и усилилъ бы въ нихъ желаніе раздѣлить впослѣдствіи участь бессарабскихъ христіанъ. Эта болѣе отдаленная цѣль очень ярко подчеркивается въ письмѣ Чичагова къ первому губернатору новой области, молдаванину Скарлату Стурдзѣ, принявшему русское подданство одновременно съ окончательнымъ переѣздомъ въ Россію [1]) послѣ Ясскаго мира 1792 г. Чичаговъ настаивалъ на широкихъ задачахъ, возлагаемыхъ на бессарабскаго губернатора [2]), когда онъ писалъ ему: „Надобно дать возчувствовать жителямъ Бессарабіи выгоды отеческаго и щедраго правленія, искуснымъ образомъ обратить на Область сію вниманіе пограничныхъ народовъ. Послѣдняя война занимала умы и надежды Молдаванъ, Валаховъ, Грековъ, Болгаръ, Сербовъ и всѣхъ народовъ, привязанныхъ къ Россіи. ...Надобно сохранить привязанность сихъ народовъ и охранить ихъ отъ вліянія нашихъ враговъ".

А для достиженія этой цѣли Чичаговъ предписываетъ Стурдзѣ распространить свѣдѣнія о дѣятельности русской власти въ новомъ краѣ среди восточныхъ христіанъ: „Прославивъ просвѣщенностью свое управленіе, приведите въ движеніе переписку съ людьми, коихъ изберете Вы въ земляхъ, опредѣленныхъ къ принятію Вашего вліянія; они будутъ о томъ говорить, заставятъ говорить другихъ, и вотъ средства къ утвержденію добраго мнѣнія". Имѣлись несомнѣнно въ виду княжества дунайскія и Сербія, которыя должны были ожидать отъ Россіи улучшенія своей участи въ недалекомъ будущемъ, что и подтвердилось въ запискѣ, поданной впослѣдствіи Государю графомъ Каподистріею [3]).

Работа послѣдняго была вскорѣ окончена [4]) и проектъ

---

[1]) Гдѣ онъ былъ надѣленъ землею въ очаковской степи вмѣстѣ съ другими (Катаржи, Бальшъ, Макареско); см объ этомъ статью Скальковскаго, Румынскія доблести, въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., XX, стр. 37.

[2]) Инструкція напечатана въ русскомъ переводѣ въ Запискахъ Бес. Стат. Комитета, III, стр. 110 сл.

[3]) „... Les Moldaves et les Valaques obtinrent l'assurance, que dans des temps plus heureux leur sort serait enfin décidé d'après leurs voeux légitimes et l'organisation provisoire de la Bessarabie leur donna un premier gage de la sincérité de ces intentions". (Сборн. И Р. Ист. Общ., т. III, стр 172.

[4]) 23 іюля 1812 г. Нап. впервые въ Зап. Бес. Стат. Комитета, III, стр. 109,

временнаго правленія былъ представленъ на утвержденіе Государя 2 августа Чичаговымъ, который настаивалъ на сохраненіи за Бессарабской областью обособленнаго характера, опасаясь, что приравниваніе ея къ остальнымъ нашимъ губерніямъ могло пагубно отозваться на интересахъ населенія [1]). Александръ I съ видимымъ удовлетвореніемъ[2]) пошелъ навстрѣчу этой мысли, и первый органическій законъ для Бессарабіи вступилъ въ силу съ нѣкоторыми послѣдующими дополненіями, изданными въ 1813 г. Главная особенность этого строя, съ точки зрѣнія общерусской администраціи, заключалась въ исключительномъ подчиненіи бессарабскаго губернатора командующему дунайскою арміею, который замѣнялъ для него органы центральнаго управленія Имперіи. Сохраненіе этого остатка военнаго положенія, установленнаго въ княжествахъ съ 1808 г., когда предсѣдательствующіе въ Диванахъ должны были считаться съ верховной властью главнокомандующаго, объясняется желаніемъ Чичагова удержать существенное вліяніе въ устройствѣ новой области, но по мѣрѣ того, какъ Молдавская армія удалялась отъ береговъ Днѣстра, это руководство становилось труднѣе и иллюзорнѣе, пока въ началѣ 1813 г. Чичаговъ не былъ уволенъ. Его функціи по отношенію къ Бессарабіи тогда временно и чисто номинально перешли къ Кутузову [3]), а вскорѣ послѣ этого бессарабскій губернаторъ подчиненъ былъ центральной власти на общемъ основаніи [4]).

Всѣ части внутренняго управленія областью ввѣрялись ему, за исключеніемъ крѣпостей и военныхъ частей, которыми вѣдалъ особый военный начальникъ. Дѣлопроизводство по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія принадлежало областному правительству, состоявшему изъ двухъ департаментовъ и напоминавшему старый княжескій диванъ по многочисленности своихъ обязанностей, судебныхъ и административныхъ. Каждый изъ департаментовъ раздѣлялся на экспедиціи, въ которыхъ

а потомъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. при Моск. Унив. 1875 г. I. Опись. стр. 145.

[1]) „Je mets sous les yeux de Votre Majesté l'organisation d'un gouvernement provisoire que j'institue en Bessarabie. J'espère que vous ne souffrirez point pour le moment, Sire, que votre administration s'en mêle, si non elle saura déranger tous nos plan futurs"... (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., VI, стр. 13).

[2]) „L'organisation, que vous avez donnée à la Bessarabie est excellente, et je n'ai absolument aucun changement à y faire; j'espère que, grâce à vos soins et à ceux de Mr. Stourdza, ce pays se ressentira du changement de domination et sera heureux". Письмо Александра къ Чичагову. Воен. Уч. Архивъ, отд. II, № 28828.

[3]) См. предложеніе Чичагова изъ Бромберга отъ 2 января 1813 г. Струдзѣ. Гл. Архивъ, II, р. 25, разд. № 3, 49 л.

[4]) Именной указъ 31 мая 1813 г. (П. С. З. 25393).

засѣдали совѣтники, выбираемые изъ русскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ съ такимъ расчетомъ, что въ общемъ собраніи департаментовъ мѣстный элементъ имѣлъ большинство, въ соотношеніи 7 къ 5. Губернаторъ, кромѣ того, получалъ право разработать дальнѣйшее устройство судебной и хозяйственной части въ краѣ, что конечно, какъ и составленіе самаго положенія 1812 г., шло въ разрѣзъ съ устройствомъ особаго комитета по молдо-влахійскимъ дѣламъ, возникшаго въ Петербургѣ въ февралѣ 1812 г. [1]). Комитетъ этотъ долженъ былъ, между прочимъ, установить новый планъ для управленія княжествъ, когда надежда на сохраненіе Валахіи и Молдавіи была въ сущности уже потеряна. Въ расширеніи же компетенціи мѣстныхъ органовъ Бессарабіи нужно усмотрѣть еще лишнее проявленіе воли Чичагова, стремившагося соединить въ своихъ рукахъ всю власть надъ новой областью: онъ даже хотѣлъ передать духовныя дѣла департаменту областнаго правительства, но эта мысль не была осуществлена и церковное управленіе было ввѣрено кишиневскому епархіальному начальству особымъ законодательнымъ актомъ [2]).

Если областное правительство, засѣдающее въ новомъ административномъ центрѣ, напоминало по своему составу и по своей компетенціи молдавскій диванъ [3]), то еще съ большимъ основаніемъ нужно подчеркнуть сохраненіе стараго порядка въ уѣздномъ управленіи двѣнадцати цынутовъ или уѣздовъ новой области; исправникамъ была предоставлена прежняя власть, административная и судебная, съ прежнимъ неограниченнымъ произволомъ, и такимъ образомъ оставалась незалѣченной главная язва въ жизни края.

Понятно, что самымъ необходимымъ для тогдашней Бессарабіи была твердая власть начальника края. Къ сожалѣнію, назначеніе молдавскаго боярина Скарлата Стурдзы, вызвавшее всеобщее одобреніе его единоплеменниковъ [4]) не только въ Бессарабіи, но и за Прутомъ [5]), не дало желанныхъ результатовъ. Восьмидесятилѣтній, малоопытный въ администраціи [6]), старикъ вскорѣ заболѣлъ и къ концу 1812 г. параличъ уже не позволялъ ему

---

[1]) Сен. Архивъ. Дѣла Мин. Юст. 1812 г. № 6. Дѣло 2 апрѣля.

[2]) Высочайше утвержденный докладъ Св. Синода 21 августа 1813 г.

[3]) Его такъ и называлъ митр. Гавріилъ въ своемъ посланіи 1812 г. См. Стадницкій, тамъ же, стр. 274.

[4]) Ср. M. Stourdza, Souvenirs et portraits, стр. 114.

[5]) См адресъ молдавскаго Дивана Чичагову отъ 8 августа 1812 г. (Гл. Архивъ, II, р. 25, раз. № 3, листъ 32).

[6]) „Мистикъ Стурдза“—говоритъ про него Вигель въ Замѣчаніяхъ на нынѣшнее положеніе Бессарабіи. (Прил. къ „Русскому Архиву“ 1892 г., стр. 34).

подписывать официальныя донесенія, на которыхъ руку прикладывали за него военный начальникъ Гартингъ и митрополитъ кишиневскій Гавріилъ [1])

Личность послѣдняго невольно приковываетъ вниманіе изслѣдователя этого перваго періода бессарабской исторіи послѣ присоединенія.

Его значеніе при устройствѣ Кишиневской епархіи [2]) и его заслуги по управленію Кіевской митрополіи [3]) были уже подробно изучены, но его роль, какъ защитника румынской національности не только противъ Турокъ, но главнымъ образомъ противъ Грековъ, нуждается еще въ выясненіи, тѣмъ болѣе, что нынѣшніе румынскіе историки [4]) охотно называютъ его слѣпымъ орудіемъ русской политики, и только его современники въ Молдавіи [5]) правильно оцѣнили глубокую привязанность Гавріила къ своимъ единоплеменникамъ. Гавріилъ Банулеско-Бодони, родомъ изъ Трансильваніи [6]), въ теченіе своей жизни неоднократно содѣйствовалъ видамъ нашего правительства, принявъ избраніе на Ясскую митрополичью каѳедру въ 1791 г., занявъ молдо-влахійскій экзархатъ послѣ оккупаціи княжествъ въ 1806 г. и приступивъ къ организаціи Кишиневской епархіи въ 1812 г.; но онъ былъ при этомъ глубоко убѣжденъ, что только съ помощью Россіи можетъ быть облегчена участь Румынъ, страдавшихъ, по его мнѣнію, отъ нашествія баши-бузуковъ и отъ набѣговъ турецкихъ гарнизоновъ меньше, чѣмъ отъ фанаріотскаго режима и отъ стяжательствъ греческихъ іерарховъ, гнетъ которыхъ Гавріилъ испыталъ на самомъ себѣ. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи одинъ моментъ въ жизни Банулеско-Бодони: онъ безъ явной причины въ 1803 г. покинулъ предоставленную ему взамѣнъ Ясской каѳедры митрополичью каѳедру въ Кіевѣ, чтобы поселиться на границѣ Молдавіи въ Дубосарахъ и ожидать тамъ новыхъ событій въ жизни родного ему народа [7]), а впослѣдствіи, ставъ во главѣ новаго молдо-влахійскаго экзархата, онъ продолжалъ прежнюю борьбу съ Константинопольскимъ

---

[1]) См. донесеніе Стурдзы отъ 12 мая 1813 г. См. Архивъ Мин. Вн. Дѣлъ № 49, Дѣла Деп. Полиціи (1813—1816).

[2]) См. Стадницкій, Гавріилъ Банулеско, экзархъ молдовлахійскій и митрополитъ кишиневскій (1894 г.).

[3]) См. Чеховскій, Кіевскій митрополитъ Гавріилъ (1905 г.).

[4]) Ср. Erbiceanu, Istoria Mitropoliei Moldoviei (1888 г.), стр. 350.

[5]) Ср. разсказъ лѣтописца Зилота въ Ultima croniса româna din epoca Fanariotilor cu o introducere de Hasdeu (1884), стр. 89.

[6]) О происхожденіи его см. Труды бес. церковнаго истор. археол. общ., V.

[7]) О торжественной встрѣчѣ его со стороны молдавскаго населенія Бессарабіи, см. Бантышъ-Каменскій, Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію. Стр. 69.

патріархатомъ въ защиту національнаго клира обоихъ княжествъ.

Но на этомъ новомъ поприщѣ Гавріилъ не ограничивался одной только работой въ области духовной организаціи, онъ близко принималъ интересы населенія Валахіи и Молдавіи и, убѣдившись, что русская оккупація съ предсѣдательствованіемъ русскаго сенатора въ Диванахъ не улучшала, а скорѣе ухудшила состояніе родного края, онъ писалъ въ Петербургъ Сперанскому[1]), излагая ему страданія своей паствы и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагая схему новой системы управленія княжествомъ, къ разработкѣ котораго долженъ былъ быть призванъ выше упомянутый особый комитетъ по молдо-влахійскимъ дѣламъ. Желаніе Гавріила исполнилось: комитетъ былъ созданъ и во главѣ стало то лицо, которое рекомендовалъ экзархъ. Послѣдній былъ тоже предназначенъ въ составъ этого комитета, что несомнѣнно соотвѣтствовало его желанію. Онъ даже успѣлъ составить нѣчто въ родѣ инструкціи для работъ комитета, гдѣ онъ предлагалъ вводить въ органы административной и судебной власти одинаковое количество русскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ жителей [2]), когда подписаніе Бухарестскаго мира отняло у насъ заботы о благосостояніи княжествъ Молдавіи и Валахіи и сосредоточило умъ, энергію, а можетъ быть и честолюбіе Гавріила на одной только Бессарабіи.

Первая же встрѣча румынскаго владыки съ Чичаговымъ не оставила въ послѣднемъ благопріятнаго впечатлѣнія. Было ли это вызвано стремленіемъ Гавріила въ только что упомянутой инструкціи умалить значеніе главнокомандующаго дунайскою арміею установленіемъ особаго генералъ-губернаторства для княжествъ, или нужно искать это отрицательное отношеніе адмирала въ заботахъ Гавріила оградить самостоятельность церковнаго управленія въ Бессарабской области отъ подчиненія мѣстной свѣтской власти? Скорѣе всего нужно полагать, что на Чичагова повліяла часть бояръ въ княжествѣ и главнымъ образомъ высшее духовенство, крайне раздраженное противъ Гавріила, когда адмиралъ, тотчасъ же по своемъ пріѣздѣ въ Бухарестъ, далъ въ письмѣ къ Государю [3]) такой отзывъ о Гавріилѣ: „Здѣсь экзарха не любятъ: считаютъ его пристрастнымъ и несправедливымъ. Я буду уважать его согласно при-

[1]) Письмо къ Сперанскому 8 февраля 1812 г., у Дубровина, Сборникъ Ист. Матер., III, стр. 235.

[2]) Письмо Гавріила къ тому же отъ 6 марта, тамъ же, стр. 239, и приложенная къ нему записка.

[3]) 27 мая 1812 г. Нап. у Горяинова 1812 г. стр. 56.

казанію Вашего Величества, но изъ всего, что я здѣсь слышу, я вывожу, что онъ этого не заслуживаетъ". А черезъ два мѣсяца, познакомившись ближе съ Гавріиломъ, онъ такъ его характеризовалъ въ письмѣ [1]) къ Государю: „Экзархъ малымъ довольствуется; онъ слишкомъ скроменъ и угодливъ".

Нужно полагать, что Чичаговъ ошибался въ томъ и другомъ случаѣ, не понявъ ни характера безсребреннаго владыки, ни его стремленія участвовать въ упорядоченіи гражданскаго быта своей паствы, значительно уменьшенной послѣ Бухарестскаго мира, но состоявшей тогда почти исключительно изъ близкихъ его сердцу румынъ.

Случай выступить активно въ роли защитника народности, только что вошедшей въ составъ нашей Имперіи, скоро наступилъ, когда въ концѣ 1812 г. началась эмиграція бессарабцевъ въ княжество Молдавію. Ни слабый губернаторъ [2]), ни генералъ Гартингъ, которому чисто военныя функціи не давали прямого основанія принимать какія либо мѣры противъ этого повальнаго бѣгства, не были въ состояніи противодѣйствовать этому злу. Главнымъ образомъ бросали свою осѣдлость крестьяне: они поспѣшно складывали свои пожитки на повозки и направлялись къ Пруту, чтобы переправиться на правый берегъ, оставшійся подъ сюзеренитетомъ блестящей Порты [3]). Единственный въ новой области человѣкъ съ нравственнымъ авторитетомъ, Гавріилъ не могъ не противодѣйствовать этому пагубному для Бессарабіи, а также и для престижа русской власти движенію: онъ поспѣшно составилъ посланіе, разосланное немедленно всѣмъ благочиннымъ, которое читалось въ церквахъ и заставало во многихъ селахъ цѣлые десятки семей, готовыхъ къ отъѣзду. Митрополитъ увѣщевалъ населеніе не поддаваться этому повальному бѣгству, бороться съ этой внезапной паникой, перечисляя всѣ мѣры нашего правительства, направленныя къ благу населенія, и убѣждая бессарабцевъ вооружиться терпѣніемъ [4]).

Чѣмъ было вызвано такое отношеніе, совершенно неожиданное для органовъ нашего государственнаго управленія и столь мало соотвѣтствовавшее высказаннымъ нашими сановниками надеждамъ привлечь, наоборотъ, въ Бессарабію, для уси-

---

[1]) Письмо 18 августа 1812 г. изъ Яссъ (Сборникъ И. Р. Ист. Общ., VI, стр. 29).

[2]) Ср его донесеніе отъ 19 марта 1813 г. Архивъ Мин. Вн. Дѣлъ, Дѣла Деп. Полиціи, № 49.

[3]) Ср. разсказъ очевидца прот. Куницкаго въ Херс. Епарх Вѣд. 1861 г., № 18, стр. 88.

[4]) Нап. у Стадницкаго, Митрополитъ Гавріилъ Банулеско-Бодони, стр. 273.

ленія ея народонаселенія, иноземныхъ эмигрантовъ? А теперь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ аннексіи Бессарабіи грозила опасность еще бо́льшаго опустѣнія!

Обыкновенно это бѣгство объясняется появленіемъ чумы [1]) и слухами о введеніи крѣпостного права [2]) въ бессарабскихъ вотчинахъ. Эпидеміи и раньше появлялись въ Бессарабіи, а, кромѣ того, бѣглецы рисковали встрѣтиться съ этой болѣзнью и за Прутомъ. Что касается второй причины, то она несомнѣнно сыграла нѣкоторую роль: были получены въ Кишиневѣ запросы изъ коренной Россіи о возможности переселять крѣпостныхъ крестьянъ въ Бессарабію; предполагалось, что если у русскихъ помѣщиковъ окажутся имѣнія въ Бессарабіи, то они вольны отправлять туда своихъ людей, но покупка имѣній въ новоприсоединенномъ краѣ для водворенія туда крѣпостныхъ казалась недопустимой и противорѣчащей строю Молдавскаго княжества, гдѣ крестьяне пользовались личной свободой [3]), такъ что впослѣдствіи былъ изданъ даже указъ, воспрещающій русскимъ вотчинникамъ отыскивать своихъ бѣглыхъ крѣпостныхъ въ Бессарабіи [4]).

Эти слухи, впрочемъ, были опровергнуты въ посланіи митрополита Гавріила самымъ категорическимъ образомъ, но эмиграція бессарабцевъ продолжалась. Ея объясненіе нужно скорѣй искать въ крайне удрученномъ состояніи населенія за предыдущіе годы военной оккупаціи, въ экономическомъ разстройствѣ крестьянства вслѣдствіе безконечныхъ поборовъ и, можетъ быть, еще въ томъ, что это населеніе разувѣрилось въ возможности для нашей администраціи умалить его страданія. Извѣстіе о вступленіи Наполеона въ Москву могло также умалить упованіе бессарабскихъ молдаванъ на мощь Русскаго государства.

Русскій очевидецъ протоіерей Куницкій [5]) оставилъ намъ описаніе этого стихійнаго движенія среди крестьянъ новообразованной области, и на разстояніи цѣлаго вѣка остается тяжелое впечатлѣніе отъ чувства отчаянія, охватившаго тысячи мирныхъ обывателей. Впрочемъ, въ исторіи другихъ странъ встрѣчаются такое-же ничѣмъ необъяснимое проявленіе стаднаго

---

[1]) Объ этомъ см. рапортъ Стурдзы и врачебнаго инспектора въ Гл. Архивѣ, по описи Горяинова 13980 и 13870.

[2]) Ср. Куницкій, Краткое статистическое описаніе заднѣстровской области (1813), стр 21.

[3]) См. письмо Чичагова отъ 18 янв. 1813 г. (Гл. Архивъ, II р. 25 разр. № 3) и донесеніе Стурдзы отъ 4 декабря 1812 г. (по описи Горяинова № 14230).

[4]) Ук. 31 окт 1817 г. (П. С. З. 27122).

[5]) См. вышеприведенную статью Херс. Епарх. Вѣд.

чувства, подобное же представленіе какихъ-то мнимыхъ ужасовъ, неожиданно терроризующіе цѣлыя соціальныя группы и побуждающіе ихъ къ самымъ крайнимъ дѣйствіямъ. „La grande peur“ называютъ Французы такой вихрь человѣческаго безумія, проявлявшійся въ старину и у нихъ.

Бессарабская администрація была безсильна бороться противъ этого зла, какъ она была безсильна искоренять разбойничьи шайки въ краѣ [1]). Съ другой стороны отмѣна на три года всѣхъ податей, установленныхъ въ Молдавскомъ княжествѣ, не принесла желаннаго облегченія жителямъ, такъ какъ, по отзыву безпристрастныхъ свидѣтелей, исправники продолжали собирать ихъ, но не въ пользу казны [2]); а также и потому, что жизнь значительно вздорожала вслѣдствіе отдачи на откупъ нѣкоторыхъ важныхъ для обывателей съѣстныхъ припасовъ [3]).

На ряду съ этими экономическими бѣдствіями нужно указать на крайнюю шаткость понятія о закономѣрности въ новоприсоединенной Бессарабіи или потому, что вовсе законовъ не было для цѣлаго ряда случаевъ, или потому, что неизвѣстно было, какой законъ долженъ былъ быть примѣненъ. Въ актѣ о временномъ управленіи области было написано, что „жителямъ Бессарабской области предоставляются ихъ Законы“ [4]), при чемъ самъ Чичаговъ большихъ иллюзій относительно полноты и стройности молдавскаго законодательства, повидимому, не имѣлъ, когда онъ писалъ губернатору Стурдзѣ: „Приложите старанія, чтобы правота правителей заставила бессарабскихъ жителей забыть отсутствіе законовъ, приведенныхъ въ систему“ [5]).

На самомъ дѣлѣ то, что называется административнымъ правомъ, не существовало въ Молдавскомъ княжествѣ, и не могло конечно оказаться и въ Бессарабіи: право и обязанности мѣстной администраціи не были опредѣлены ни однимъ закономъ: исправникамъ и ихъ помощникамъ „окалашамъ“ въ уѣздѣ и „капитанамъ“ въ мѣстечкахъ предоставлялся полнѣйшій произволъ [6]), и только лишеніе ихъ мѣстъ могло ввести вре-

---

[1]) О разбоѣ въ Бессарабіи послѣ присоединенія ея къ Россіи см. Яцимирскій, Этнограф. Обозрѣніе 1896 г., № 1, стр. 54 сл.

[2]) Зап. Байкова въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, XXII, стр. 121.

[3]) Куницкій, Краткое стат. описаніе, стр. 27.

[4]) Записки бессарабскаго стат. комитета, III, стр. 109, § 6.

[5]) § 4 Инстр. Стурдзѣ.

[6]) „Образъ сего управленія, въ цынутахъ, писалъ Бахметевъ въ 1816 г., мало измѣнился и послѣ присоединенія здѣшней области къ Россіи; власть исправниковъ простиралась и до сего времени съ такимъ же отягощеніемъ поселянъ, какъ и прежде“ (Дубровинъ, Сборникъ, VIII, стр. 323).

менный коррективъ: служебная же отвѣтственность должностныхъ лицъ, не существовавшая въ княжествѣ, была также неизвѣстна въ Бессарабіи, пока имперскіе законы не были распространены [1]) на эту область.

Карательныя нормы вообще были крайне немногочисленны и слишкомъ пестраго происхожденія, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ молдавскій законъ оказывался строже русскаго, и мѣстныя власти въ Бессарабіи колебались, напр., приводить въ исполненіе по приговорамъ кишиневскаго суда смертную казнь, не признанную нашимъ общерусскимъ законодательствомъ [2]).

Источниками для бессарабскаго права какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго являлись старые земскіе обычаи, нигдѣ не записанные и рѣдко провѣренные, и рядомъ съ ними отдѣльныя постановленія византійскихъ компиляцій, навязываемыя населенію фанаріотскими чиновниками и не всегда соотвѣтствующія правовому сознанію румынскаго населенія. „Греческими хитростями“ называлъ эти законы не безъ раздраженія Гавріилъ въ своемъ письмѣ къ Сперанскому [3]). Суды въ княжествахъ одинаково мало знали обычаи и законъ: „Имѣется для сего въ судебномъ Диванѣ такъ называемый номикосъ или законоискусникъ на особомъ жалованьи, къ которому въ такихъ случаяхъ Диванъ адресуется“.

Этими словами аттестуетъ господарское судоговореніе русскій чиновникъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, Байковъ [4]), посланный изъ Петербурга для провѣрки неблагопріятныхъ слуховъ, полученныхъ тамъ объ управленіи Бессарабіей. На мѣстѣ онъ констатировалъ только что указанное беззаконіе и кромѣ того убѣдился, что эмиграція изъ Бессарабіи, невзирая на успокоительныя донесенія Стурдзы [5]), всѣ еще продолжалась. Онъ въ своей запискѣ подтверждалъ, что „всѣ сборы, въ прежнее время существовавшіе, и теперь существуютъ, даже доходы исправничьи прежняго обычая не только не отмѣнены, но еще увеличены въ совершенное отягощеніе поселянъ“. И онъ находилъ для этого явленія особое объясненіе: „Можетъ быть тутъ сверхъ корысти есть еще и виды ясскихъ бояръ, въ большой и преимущественно родственной связи съ Бессарабскимъ правительствомъ находящихся, заставить тѣхъ перебѣжать на противную сторону Прута для посе-

[1]) См представленіе Гартинга въ Сенат. Архивѣ, Дѣла Мин. Юст. 1813 г. № 114.
[2]) См. Сенатскій Архивъ. Дѣла Мин. Юст. 1813 г. № 73.
[3]) У Дубровина, Сборникъ истор. матеріал., III, стр 243.
[4]) Въ запискѣ, напечат. въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., XXII.
[5]) См. донесеніе его отъ 19 марта 1813 г.

ленія въ ихъ владѣніяхъ. А перебѣжчиковъ о сю пору есть уже довольно".

Записка Байкова и личныя его впечатлѣнія не могли не обратить вниманія нашей власти. Князь Куракинъ послѣ разговора съ Байковымъ на обратномъ его пути изъ Кишинева писалъ Вязьмитинову про Бессарабію: „По истинѣ весьма будетъ сожалительно, ежели страна сія, доселѣ столь изобильная населеніемъ и произведеніями своими, и пріобрѣтеніе коей дорого стоило государству, должна [1]) будетъ наконецъ опустѣть".

Въ серединѣ 1813 года Стурдза, фактически уже не управлявшій областью, былъ уволенъ по болѣзни, и губернаторомъ былъ назначенъ бывшій до того времени военнымъ начальникомъ генералъ-маіоръ Гартингъ, принявшій участіе въ войнѣ съ Турціей и приведшій тогда въ боевое положеніе нѣкоторыя изъ бессарабскихъ крѣпостей. Назначеніе человѣка, стоявшаго дальше отъ молдавскихъ бояръ, чѣмъ Стурдза, было вызвано не только желаніемъ правительства имѣть болѣе энергичнаго представителя въ Кишиневѣ, но и явнымъ стремленіемъ приблизить управленіе Бессарабіей къ общегосударственному строю.

Положеніе этой области оставалось во многихъ отношеніяхъ невыясненнымъ; напр., рѣшенія общаго собранія департаментовъ областнаго правительства почитались окончательными, но тѣмъ не менѣе возникали сомнѣнія [2]) о правѣ той или другой стороны въ гражданскомъ процессѣ подавать апелляціонную жалобу въ Сенатъ, какъ это допускалось на другой окраинѣ, сохранившей также самоуправленіе, въ Грузіи, гдѣ рѣшенія верховнаго грузинскаго правительства подлежали обжалованію [3]). Гартингъ задался мыслью сократить льготы, признанныя за бессарабскими жителями въ 1812 г., и въ своихъ донесеніяхъ онъ неоднократно подчеркивалъ невозможность водворять порядокъ въ области при шаткости или даже отсутствіи правовыхъ нормъ. „Нужны значительныя и самоскорѣйшія мѣры, писалъ онъ, къ удовлетворенію государственныхъ видовъ въ отношеніи къ тамошнему краю, гдѣ не оказывается не только мѣстныхъ законовъ, коимъ велѣно образованіемъ временнаго управленія слѣдовать, но даже нѣтъ и твердыхъ земскихъ положеній, кромѣ однихъ обычаевъ молдавскихъ, случайно объ-

[1]) Нап. въ Зап. Од Общ., XXII, стр. 118.

[2]) См. представленіе Министра Полиціи въ Комитетѣ Министровъ отъ 6 февр. 1814 г. Архивъ Мин. Внутр. Дѣлъ. Тамъ же.

[3]) Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ законодательнымъ путемъ (Ук. 26 ноября 1815 г. П С. З 26000) и до 1818 г. дѣла бессарабскія подлежали апелляціи 4 Департамента Прав. Сената.

являемыхъ жителями, которые не имѣютъ общаго соображенія и въ извѣстность еще не приведены“ [1]). Своему правителю канцеляріи Сомову онъ поручилъ составленіе новаго плана гражданскаго управленія Бессарабіи [2]). И съ самаго начала вступленія своего въ должность Гартингъ намѣчалъ въ докладѣ Министру Юстиціи, какой обликъ должна была получить администрація Бессарабіи: общерусскую губернскую организацію съ допущеніемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, какъ это было признано цѣлесообразнымъ въ Таврической губерніи [3]). Одновременно съ этимъ Гартингъ жаловался [4]) на личный составъ областного правительства, главнымъ образомъ на молдавскихъ совѣтниковъ, прося разрѣшенія смѣщать ежегодно представителей бессарабскаго дворянства, которыхъ онъ характеризовалъ слѣдующимъ образомъ: „Не бывъ никогда въ подобныхъ должностяхъ и не привыкши къ порядку не токмо россійской службы, но даже и молдавской, пренебрегаютъ всякимъ благоустройствомъ; пользуясь большинствомъ голосовъ, они содѣйствуютъ больше къ нарушенію, нежели къ соблюденію правосудія. Я нахожу себя, заканчивалъ онъ, въ большомъ затрудненіи исчислить всѣ ни съ чѣмъ несообразные поступки и дѣянія ихъ, противные даже и здравому смыслу“ [5]).

Понятно, что эти отзывы и предполагаемыя мѣры не могли не волновать, если не все населеніе, то во всякомъ случаѣ помѣщиковъ Бессарабскихъ, внушая имъ опасеніе за дарованное, хотя и довольно первобытное, но несомнѣнно выгодное для нихъ самоуправленіе. Недовѣріе бессарабскихъ бояръ къ нашему правительству могло отъ этого увеличиться; но оно существовало уже раньше, и Сомовъ въ своей запискѣ описываетъ ихъ образъ дѣйствія въ такомъ смыслѣ, что они всемѣрно скрывали отъ русскихъ „настоящее положеніе и мѣстныя обстоятельства“, а съ другой стороны способствовали, „чтобы русскіе какъ можно менѣе имѣли должностей въ области и, напротивъ, дабы молдаванъ на службѣ было бы сколько можно болѣе“ [6]).

---

[1]) Отношеніе управляющаго Бессарабскою областью ген.-маіора Гартинга, заслушанное въ Комитетѣ Министровъ 20 марта 1815 г. Сенатскій Архивъ. Дѣла Мин. Юстиціи № 714.

[2]) Объ этомъ въ Бессараб. Губ. Вѣд. 1881 г., № 80.

[3]) Представленіе Гартинга Министру Юстиціи отъ 10 дек 1813 г. нап. въ Зап. Одес Общ. Ист. и Древностей, XXII, стр. 126.

[4]) См. донесенія отъ 30 янв. 1814 г. и 23 дек. 1814 г., 25 февр. 1815 г. Архивъ Мин. Внутр. Дѣлъ, тамъ же.

[5]) Докладъ къ управ. Мин. Полиціи отъ 23 дек. 1814 г. (Зап. Бессараб. Ст. Комитета, I, стр 117).

[6]) Записка Сомова въ Трудахъ Бесс. Стат. Комитета, III, стр. 126.

Одновременно распространялись слухи, что боярскій классъ въ Бессарабіи будетъ лишенъ своихъ привилегій и будетъ подлежать тѣлеснымъ наказаніямъ. А между тѣмъ экономическое положеніе края становилось еще тяжелѣе Бессарабія, отрѣзанная нашимъ пограничнымъ кордономъ отъ Молдавіи, лишена была своихъ прежнихъ рынковъ, а новыхъ она не находила въ Россіи: лишь въ 1815 г. былъ разрѣшенъ вывозъ хлѣба черезъ Измаилъ въ Турцію и черезъ Новоселицу въ Австрію, но молдавская граница въ Скулянахъ оставалась нами закрытой, что оказывалось одинаково вреднымъ для жителей Молдавіи, нуждавшихся въ бессарабскомъ хлѣбѣ, и для бессарабцевъ, лишенныхъ прежняго сбыта.

Среди этого общаго волненія и безпокойства, охватившихъ всѣ слои населенія настолько, что всенародную присягу о вѣрности Россіи въ Бессарабской области приходилось откладывать съ года на годъ [1]), раздался опять голосъ архипастыря Гавріила. Уже въ 1813 г онъ писалъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода князю Голицыну о необходимости назначить на мѣсто Сгурдзы опять молдавскаго боярина, владѣющаго мѣстнымъ языкомъ, а именно генерала русской службы И. Ф. Катаржи, переселившагося въ Россію также въ 1792 г. [2]). Гавріилъ въ этомъ письмѣ подчеркивалъ всю важность хорошаго управленія Бессарабіи, которое могло бы привлечь другихъ молдаванъ, живущихъ за Прутомъ, тогда какъ противоположное содѣйствовало бы усиленію эмиграціи: „Здѣшніе обыватели имѣютъ родныхъ и знакомыхъ, готовыхъ или послѣдовать имъ вступленіемъ въ россійское подданство, когда усмотрятъ преимущественныя выгоды здѣшняго обитанія, или привлекать ихъ къ себѣ за границу, когда услышатъ отъ нихъ какія нибудь насчетъ правительства жалобы“ [3]). Черезъ годъ послѣ состоявшагося уже назначенія Гартинга вопреки желанію Гавріила, когда новый губернаторъ своими донесеніями въ Петербургъ колебалъ вѣру въ существованіе какихъ-либо бессарабскихъ законовъ и предлагалъ преобразованіе бессарабской области въ русскую губернію общаго типа, бессарабцы рѣшили обратиться къ самому Монарху съ жалобой на Гартинга и съ просьбой сохранить дарованныя имъ льготы: посредникомъ они избрали Гавріила, прося его представить на Высочайшее усмо-

---

[1]) Она состоялась въ 1816 г.
[2]) Нап. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893 г, № 10.
[3]) Тамъ же, стр. 493.

трѣніе ихъ ходатайство [1]). Оно заключалось вновь въ назначеніи Катаржи вмѣсто Гартинга, которому ставилось въ вину незнаніе мѣстныхъ условій жизни.

„Даруй намъ, писали они, гражданскаго правителя для области сей изъ природныхъ молдаванъ, мужа, которому были бы извѣстны здѣшнія дворянскія фамиліи, обычаи и законы наши и смежныхъ намъ странъ, поелику, не имѣя нынѣ такого правителя, будемъ отчуждены со дня на день отъ обычаевъ и законовъ нашихъ". Въ доказательство существованія послѣднихъ бояре ссылались на то, что и подъ турецкимъ владычествомъ четырехсотлѣтнее [2]) пользованіе обычаями и правами мѣстными не подвергалось сомнѣнію. А для сохраненія въ области такого строя, который предоставилъ бы жителямъ Бессарабіи это наслѣдіе, бояре, вѣроятно, не безъ участія самого Гавріила, писали въ той же челобитной: „Соблаговоли, Великій Государь, чтобы Митрополитъ и Архипастырь нашъ былъ и нынѣ, какъ и прежде съ самаго начала Молдавіи, и начальникомъ церкви, и первоприсутствующимъ въ первомъ судебномъ мѣстѣ, потому что сіе есть коренной и естественный законъ Молдавіи".

Эта послѣдняя просьба не была уважена, какъ и осталось безъ удовлетворенія желаніе бессарабскихъ бояръ избрать начальника области изъ своей среды: послѣ Стурдзы въ Бессарабіи не было уже губернатора изъ молдаванъ. Но на остальную часть ходатайствъ о сохраненіи источниковъ мѣстнаго права было обращено вниманіе въ Петербургѣ и былъ снова командированъ туда чиновникъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, извѣстный Свиньинъ, оставившій слѣдъ и въ исторіи нашей литературы. Ему было поручено изслѣдовать вопросъ о дѣйствіи и примѣненіи нормъ мѣстнаго права въ Бессарабіи и кромѣ того собираніе свѣдѣній объ общемъ состояніи Области.

Интересны инструкціи [3]), составленныя для него передъ отъѣздомъ, ибо онѣ свидѣтельствуютъ, какое неясное представленіе имѣлось въ правительственныхъ сферахъ о Бессарабіи черезъ три года послѣ ея присоединенія къ Россіи. О населеніи Бессарабіи очевидно еще не было точныхъ свѣдѣній, разъ Свиньину было поручено установить, къ какому вѣроисповѣданію оно принадлежало. Спрашивалось тоже относительно земскихъ сборовъ,

---

[1]) Прошеніе бояръ напечатано у Щеглова въ Киш. Епарх. Вѣд. 1902 г., стр 368—369.

[2]) Намекъ на присылку Василикъ изъ Константинополя молдавскому князю Александру Доброму въ началѣ XV вѣка. Объ этой легендѣ см. Кассо, Византійское право въ Бессарабіи, стр. 18 сл

[3]) Онѣ находятся въ Архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ 1813—1816 гг. № 49.

„денежной суммой или натурою отправляются“, а также изъ какихъ статей составляются „доходы“ и „до какихъ суммъ простираются расходы“.

Но главные вопросы касались именно источниковъ мѣстнаго бессарабскаго права и ихъ соотношенія къ общерусскому законодательству: „Въ чемъ состоятъ тамошніе постановленія и обычаи“, долженъ былъ выяснить Свиньинъ, „письменныя или словесныя, и на чемъ утверждается непреложность оныхъ? Существуетъ ли какое либо собраніе или составъ сихъ постановленій“? И наконецъ самый существенный вопросъ: „Какія собственно дѣла производятся и оканчиваются по тамошнимъ законамъ и обычаямъ и какія по россійскимъ узаконеніямъ“.

Снабженный подобными инструкціями, Свиньинъ пріѣхалъ лѣтомъ 1815 г. въ Кишиневъ и былъ принятъ весьма сочувственно бессарабскими дворянами, которые разсчитывали на его содѣйствіе, чтобы убѣдить центральное правительство въ необоснованности донесеній Гартинга объ отсутствіи закона и законности въ Области. Они изъ своей среды образовали дворянскій комитетъ, который долженъ былъ собирать и доставлять Свиньину нужныя справки о строѣ и управленіи Молдавскаго княжества, а нужныя дополнительныя свѣдѣнія предполагалось доставить изъ Яссъ[1]). Но Свиньинъ нѣсколько расширилъ предѣлы своей миссіи, увѣряя своихъ собесѣдниковъ въ Кишиневѣ, что ему дано право сноситься непосредственно съ Государемъ и съ нашимъ Константинопольскимъ посломъ, и что отъ него будетъ зависѣть дальнѣйшее расширеніе мѣстныхъ привилегій въ Бессарабіи. Онъ, кромѣ того, для изученія молдавскаго законодательства самъ отправился въ столицу Молдавіи и имѣлъ тамъ общеніе съ господаремъ и съ ясскимъ митрополитомъ, помимо русскихъ консульскихъ агентовъ. Наше вѣдомство иностранныхъ дѣлъ во избѣжаніе осложненій съ Портой отозвало Свиньина въ началѣ 1816 г.[2]), привезшаго съ собой пространное описаніе Бессарабской области[3]), весьма благопріятно настроенное къ желаніямъ и мечтамъ бессарабскихъ бояръ.

Оптимизмъ Свиньина по отношенію къ новоприсоединенному краю доходитъ до того, что онъ восхваляетъ бессарабскія грунтовыя дороги[4]), которыя почти одновременно разрисованы были другими

[1]) См. его письма къ свѣтл. кн. Салтыкову изъ Кишинева 24 дек. 1815 г. и 27 февр. 1816 г. въ бумагахъ кн. Салтыкова, Архивъ Мин. Вн. Дѣлъ, № 340

[2]) Выписки изъ Журналовъ Комитета Министровъ 21 марта и 8 іюня 1816 г. Архивъ Мин. Вн Дѣлъ 1813—1816 г., № 49.

[3]) Нап. въ Запискахъ Од. Общ. Ист. и Древностей, VI. стр. 175 сл

[4]) Малоутѣшительныя свѣдѣнія о нихъ до 1812 г. въ Архивѣ гг. Сенаторовъ № 495 и 499 (Труды Бессар. Архивной Комиссіи, III, стр. 507 и и 508).

путешествующими въ совершенно иномъ видѣ[1]), весьма сходномъ съ ихъ настоящимъ состояніемъ въ началѣ XX вѣка. О происхожденіи бессарабскихъ законовъ Свиньинъ даетъ объясненія довольно фантастическія и очевидно подсказанныя къ Кишиневѣ или въ Яссахъ. Непорядки въ областномъ правительствѣ Свиньинъ, находясь также подъ вліяніемъ бояръ, объясняетъ не погрѣшностями молдавскихъ бояръ, а скорѣе виною губернатора[2]).

Однако больше всего въ его запискѣ должны были поражать нѣкоторыя цифровыя данныя объ эмиграціи изъ Бессарабіи: Свиньинъ подсчитывалъ, что въ истекшіе годы изъ Хотарничанскаго уѣзда выбыло только девятьсотъ душъ, но изъ Кодрскаго 290 семействъ, а изъ Хотинскаго—невѣроятная цифра—3359 семействъ!

Грустныя эти вѣсти подтверждались и Киселевымъ, который послѣ военной командировки по нашей юго-западной границѣ докладывалъ Государю о состояніи Бессарабіи „Я желалъ бы, говорилъ онъ Александру, чтобы Ваше Величество приказали сдѣлать справку, сколько было жителей въ 1812 г. при заключеніи мира, сколько тогда къ намъ перешло Болгаръ, и затѣмъ сколько осталось и сколько изъ сихъ послѣднихъ возвратились назадъ, предпочитая тягостное для нихъ турецкое правленіе нашему“[3]).

Эти факты больше повредили Гартингу, чѣмъ жалобы бояръ на нарушеніе ихъ привилегій[4]). Страданія жителей въ уѣздахъ, о которыхъ крестьяне, по отзыву самой администраціи[5]), боялись говорить, опасаясь еще большихъ поборовъ исправниковъ, стали извѣстными въ Петербургѣ послѣ того, какъ Киселевъ докладывалъ Государю[6]): „все тамъ на откупу, все имѣетъ цѣну и исправники обязаны еще болѣе другихъ быть грабителями, платя за мѣсто свое отъ 20 т. до 30 тысячъ рублей“.

„Я хочу, чтобы сія плодородная страна оживилась новою жизнью“, писалъ незадолго до этого Александръ Га-

---

[1]) Въ 1816 г Киселевъ докладывалъ Александру: ...„До Радзивилова ѣхалъ я на двухъ и трехъ лошадяхъ; кой часъ попалъ въ Россію, заложили мнѣ шесть, потомъ восемь и наконецъ въ Бессарабіи 14, и съ курьерской подорожной нерѣдко въ сутки могъ отъѣхать не болѣе 40 верстъ, ломая коляску и падая безпрестанно“. Заблоцкій. Киселевъ. I, стр. 31.

[2]) Описаніе Бессараб. губ., стр. 223, 228.

[3]) У Заблоцкаго, тамъ же, I, стр. 33.

[4]) „Renvoyez net de la Bessarabie tous les employés qui ont servi sous le général Harting“, писалъ впослѣдствіи Каподистрія Бахметеву (Арх. М. В. Д. № 1175).

[5]) Ср. Записку Сомова въ Зап. Бесс. Стат. Комитета, III, стр. 136.

[6]) У Заблоцкаго, тамъ же.

врiилу[1]), а между тѣмъ Бессарабiя, въ которой уже не разсчитывали прокормиться сыны ея, переплывшiе Прутъ и искавшiе убѣжища въ предѣлахъ владѣнiй падишаха, не давала никакихъ доходовъ казнѣ: приходилось возстанавливать[2]) всѣ тяжелые и неравномѣрно распредѣленные сборы, существовавшiе въ княжествѣ Молдавскомъ: *Биръ* и *вистерiю*, поголовную подать; *рассоуръ*, особый сборъ на жалованье чиновникамъ; *даждiй*— сборъ съ бояръ; десятину или *дежму*; *ведраритъ* и *корнаритъ*, сборъ съ вина и съ рогатаго скота, и другiе. Одновременно съ этимъ были продолжены откупы казенныхъ сборовъ на тѣхъ же основанiяхъ, на какихъ они до тѣхъ поръ существовали[3]). Наконецъ, чтобы дать понятiе объ обѣдненiи Бессарабiи, можно привести и то обстоятельство, что область, освобожденная въ 1815 г.[4]) отъ рекрутскаго набора, съ трудомъ могла перенести тяжесть воинскаго постоя немногочисленныхъ русскихъ гарнизоновъ, оставленныхъ въ этомъ краѣ послѣ 1812 г.[5])

Въ началѣ 1816 г. губернаторъ Гартингъ былъ уволенъ по болѣзни[6]) и замѣщенъ екатеринославскимъ губернаторомъ Грекомъ Калагеоргiемъ, послѣ котораго черезъ годъ былъ назначенъ другой Грекъ, Катакази, родственникъ Испланти. Но съ 1816 г. роль гражданскаго губернатора Бессарабiи значительно сокращается, такъ какъ онъ подчиняется полномочному намѣстнику, должность котораго была создана въ Бессарабiи въ 1816 г. для подольскаго генералъ-губернатора Бахметева.

За годъ до этого возникла въ Петербургѣ мысль объ учрежденiи особаго комитета для составленiя правилъ объ управленiи Бессарабской области[7]). Но Государь предпочелъ возложить дѣло реорганизацiи Бессарабiи и обновленiя личнаго состава мѣстной администрацiи на человѣка, поставленнаго по своей должности въ близкое общенiе съ многострадальнымъ краемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственно подчиненнаго Монарху. И объ этомъ

---

[1]) Рескриптъ 1 апрѣля 1816 г. у Стадницкаго, тамъ же, стр. 289.
[2]) Законъ 4 сент. 1815 г (П. С. З. 25935).
[3]) Положенiе Комитета Министровъ 21 апр. 1815 г (П. С. З. 25825).
[4]) Ук. 12 сент. 1815 г. (25942).
[5]) „Ce qui ecrase encore cette malheurcuse province ce sont les quartiers militaires et les podvods", писалъ Киселевъ Воронцову 11 iюня 1833 г. (Архивъ кн. Воронцова, XXXVIII, стр 210).
[6]) Онъ временно управлялъ еще областью до прибытiя Бахметева. Въ рескриптѣ объ увольненiи (Гл. Архивъ, II р 25 раз 1812—1817 г. № 3, листъ 54) было сказано: „зная, что здоровье ваше разстроено, предупреждаю ваши желанiя и увольняю васъ..... До прибытiя комиссара управленiе останется на вашей отвѣтственности и я надѣюсь, что вы усугубите ваши старанiя, дабы остановить распространившееся зло нынѣ свирѣпствующихъ безпорядковъ".. ...
[7]) См. выписки изъ Журналовъ Комитета Министровъ 23 янв. 1815 г. и 31 марта 1816 г. (Сен. Архивъ. Дѣла Мин. Юст. 1813—1816 г. № 114).

своемъ намѣреніи онъ уже объявилъ въ рескриптѣ митрополиту Гавріилу, для успокоенія населенія, еще за мѣсяцъ до назначенія Бахметева полномочнымъ намѣстникомъ. Въ названномъ актѣ Государь открыто признавалъ неудачу четырехлѣтней работы нашей государственной власти въ Бессарабіи и обѣщалъ ея жителямъ болѣе свѣтлое будущее [1]).

Этотъ поворотъ въ дѣлѣ управленія Бессарабіей объясняется главнымъ образомъ вліяніемъ Каподистріи. Послѣ возвращенія съ вѣнскаго конгресса, назначенный статсъ-секретаремъ, а черезъ годъ получившій отъ Государя особое порученіе слѣдить за бессарабскими дѣлами [2]), не только по тому, что они близко прикасались къ восточной политикѣ нашего вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, но потому что первыя правила объ устройствѣ этой области были составлены графомъ Иваномъ Антоновичемъ. Послѣдній въ разговорахъ съ Государемъ [3]) докладывалъ объ угнетенномъ состояніи новоприсоединеннаго края и указывалъ на необходимость подчинить его власти намѣстника, который могъ бы искоренить злоупотребленія. Назначенъ былъ съ возложеніемъ на него этой миссіи боевой генералъ, прославившійся въ кампаніяхъ 1808—1811 г г. на Дунаѣ и потерявшій ногу при Бородинѣ [4]), Бахметевъ, въ надеждѣ, что личнымъ примѣромъ строгости и честности новый правитель края подниметъ общій уровень этики въ личномъ составѣ бессарабской администраціи [5]).

Рескриптъ на имя Бахметева упоминалъ о неудачномъ предшествовавшемъ управленіи [6]) и о необходимости дать въ

---

[1]) „.....Къ крайнему моему прискорбію извѣстился я самымъ достовѣрнымъ образомъ, что намѣренія Мои не исполнены и что безпорядки, особливо съ нѣкотораго времени, дошли до высочайшей степени, такъ что многія невинныя семейства смиренныхъ поселянъ, оставя жилища свои, ищутъ убѣжища за границей.....“ Рескриптъ 1 апр. 1816 г. у Стадницкаго, тамъ же, стр 289.

[2]) Записка гр. Каподистріи. Сборникъ И. Р. И. Общ., т. III, стр 208.

[3]) Объ этомъ въ письмѣ графа Каподистріи къ Бахметеву 4 іюня 1816 г. Архивъ Мин. Вн. Дѣлъ. № 341 (о бытіи ген.-лейт. Бахметеву полномочнымъ намѣстникомъ).

[4]) „Вы отличились въ глазахъ отечества на благородномъ поприщѣ оружія; теперь предстоитъ вамъ случай снискать новое право на его признательность и на Мое къ вамъ благоволеніе“. Рескриптъ Бахметеву 21 мая 1816 г. (Архивъ Мин. Вн Дѣлъ № 341).

[5]) „En vous donnant la préférence . ..sur toutes les personnes, qui étaient dans le cas d'aspirer à ce poste, l'Empereur s'est fondé sur les preuves non équivoques, que vous lui avez données de la justice de votre esprit dans les affaires administratives et surtout de la moralité de vos principes“. Вышеприведенное письмо Каподистріи къ Бахметеву.

[6]) „.... Съ перемѣною перваго въ томъ краѣ начальника, сдѣлавшагося въ 1813 г. необходимымъ, возникли всѣ пороки управленія, оставленнаго на произволъ, съ одной стороны, людей безопытныхъ, а съ другой—корыстолюбивыхъ нижнихъ чиновниковъ“.

будущемъ „Бессарабіи особое областное образованіе, согласное съ коренными ея законами, и ея нравомъ, и обычаями, достаточное къ обезпеченію правъ и преимуществъ, принадлежащихъ каждому сословію жителей; и наконецъ способное къ постепенному раскрытію этихъ обильныхъ источниковъ, коими природа столь щедро одарила сію землю". А въ приложенныхъ къ рескрипту Высочайше утвержденныхъ инструкціяхъ[1]) Бахметеву, для обоснованія особенности строя Бессарабской области, проводилась аналогія съ той автономіей, которая тогда была сохранена за другими окраинами, вошедшими въ составъ имперіи при Александрѣ I, какъ Финляндія, Царство Польское и Грузія: „Ибо дѣйствительно, читаемъ мы въ этомъ знаменательномъ актѣ, можно ли надѣяться, чтобы счастіе какого бы то ни было народа устроилось черезъ принужденіе, чтобы онъ перемѣнилъ свойство свое? а подчинить его образу правленія, совсѣмъ для него чуждому, не значитъ ли то же самое?"

Первой задачей намѣстника должно было быть сохраненіе и даже возстановленіе порядка, предусмотрѣннаго въ инструкціи Чичагова Стурдзѣ съ соблюденіемъ мѣстнаго языка и мѣстнаго права, и на этой почвѣ предполагалось предложить бессарабскимъ боярамъ начертаніе дальнѣйшаго развитія областного самоуправленія. Главной язвой считается въ рескриптѣ, какъ и въ инструкціи, неудовлетворительность чиновничьяго персонала, состоявшаго отчасти изъ нежелательныхъ русскихъ, „набранныхъ по необходимости тогдашняго времени съ великою поспѣшностью", отчасти изъ сравнительно небольшой группы молдавскихъ служилыхъ людей, оставшихся въ Бессарабіи послѣ 1812 г. и примѣнявшихъ попрежнему пріемы фанаріотскаго режима[2]). Бахметеву, подчиненному, въ качествѣ намѣстника[3]), Государю непосредственно, поручалось управленіе всею Бессарабіей, включая туда и крѣпостные районы[4]), подвѣдомственные дотолѣ военной власти, и ставилась въ обязанность основательная чистка административнаго персонала для успокоенія коренного населенія.

---

[1]) Архивъ Мин. Вн. Дѣлъ. № 341.

[2]) „Le pays n'a qu'une éducation moldave, c'est à dire turque. Ce sont donc des magistrats habitués à vexer le peuple et à s'enrichir à ses dépens. En ajoutant à ces dispositions la vénalité du gouvernement provisoire que V. Exellence trouvera sur les lieux, il n'est plus difficile d'expliquer les calamités dont la Bessarabie est la victime". Каподистрія Бахметеву, тамъ же.

[3]) „.. ..Чтобы донесенія свои адресовалъ онъ на Высочайшее имя, надписывая на конвертахъ: по Бессарабіи—дабы конверты сіи не могли поступать къ министрамъ.. ...." (Журналъ Комитета Министровъ 26 мая 1816 г. Сенат. Архивъ, Дѣла Мин. Юст. 1813—1816 г г. № 114).

[4]) Высоч. конфирм. Записка 21 мая 1816 г. (П. С. З. 26271).

„Умножающіеся же побѣги изъ Бессарабіи, ежедневно опустошая ее, становятся столь опасными для будущаго ея благосостоянія, что Государь Императоръ, извѣстясь о семъ печальномъ признакѣ, извлекъ изъ того безошибочное заключеніе о мѣрѣ тѣхъ притѣсненій всякаго рода, коимъ подвержены сіи новые его подданные".

Кромѣ мѣръ общаго административнаго характера, кромѣ составленія гражданскаго уложенія для Бессарабіи, инструкція содержала цѣлый рядъ указаній экономическаго характера: она предписывала открытіе границы Бессарабіи для экспорта рогатаго скота, улучшеніе дунайскихъ портовъ [1]) для вывоза хлѣба и предусматривала правильное развитіе виноградарства на югѣ Россіи. Каподистрія могъ съ полнымъ основаніемъ писать Бахметеву, что исполненіе столь широкой программы являлось бы для всѣхъ явнымъ доказательствомъ, что сохраненіе мѣстныхъ и національныхъ особенностей за Бессарабіей могло только приблизить эту провинцію къ достиженію подобающаго ей значенія среди остальныхъ русскихъ губерній[2]).

Бахметевъ, снабженный подобными инструкціями, выѣхалъ въ Кишиневъ и извѣстилъ бессарабское населеніе о своемъ назначеніи въ объявленіи, гдѣ подтверждалась льгота по рекрутскому набору, установленная въ предыдущемъ году, и кромѣ того оповѣщалась дальнѣйшая до 1817 г. отсрочка взиманія прямыхъ налоговъ, возстановленныхъ въ 1815 г. [3]).

Новый намѣстникъ, согласно полученнымъ указаніямъ, сталъ замѣнять чиновниковъ, назначенныхъ прежними лицами, тѣми, которые его окружали въ Каменецъ-Подольскѣ и которые послѣдовали за нимъ въ Кишиневъ; но не всѣ назначенія были удачны, и особенно много нареканій вызывала дѣятельность его правителя канцеляріи Криницкаго [4]). Однако послѣднему принадлежитъ редакція устава образованія Бессарабской области, распубликованнаго въ 1818 г., такъ какъ комиссія, составленная

---

[1]) Въ связи съ этими планами былъ открытъ впослѣдствіи коммерческій судъ въ Рени (ук. 1 апр. 1819 г.), но присоединеніе области къ Новороссійскому краю отвлекло отъ Дуная въ пользу Одессы почти весь бессарабскій экспортъ.

[2]) „Il s'agit d'assurer la prospérité d'une province nouvellement acquise..... il s'agit de démontrer par le fait que, tout en conservant à cette province son caractère distinctif et national, on peut réussir à la rendre utile à l'Empire..." Каподистрія Бахметеву, тамъ же.

[3]) См. Гл. Архивъ, II р. 25 раз. 1812—1817 г.г. № 3, листъ 60.

[4]) „Vous avez auprès de vous un Polonais, chef de chancellerie, qui n'est pas en odeur de sainteté", писалъ про него Каподистрія Бахметеву (Арх. Мин. Вн. Дѣлъ 1175).

изъ дворянъ для этой работы, относилась крайне безразлично къ названной задачѣ и фактически почти не собиралась [1]).

Вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность Бахметевъ сообщалъ въ Петербургъ [2]), что крестьянская эмиграція за Прутъ прекратилась и что, наоборотъ, наблюдалось желаніе многихъ жителей княжества Молдавіи переѣхать въ предѣлы русской Бессарабіи Но эти донесенія повидимому не пользовались полнымъ довѣріемъ въ Петербургѣ, и Каподистрія, которому, невзирая на непосредственное подчиненіе намѣстника Государю [3]), было поручено и впредь руководить бессарабскими дѣлами, писалъ Бахметеву о необходимости принять мѣры для успокоенія населенія [4]). „Постарайтесь, твердилъ онъ ему, посылать намъ утѣшительныя извѣстія, которыхъ Государь ждетъ съ нетерпѣніемъ". И онъ заканчивалъ письмо повтореніемъ основной мысли нашего правительства, господствовавшей въ Петербургѣ послѣ присоединенія Бессарабіи: „Эта область по желанію Государя должна въ глазахъ жителей сосѣднихъ странъ казаться мѣстомъ отдохновенія и благополучія" [5]).

Бахметевъ возражалъ [6]) противъ выражаемыхъ сомнѣній въ цѣлесообразности его управленія и доносилъ послѣ этого о наступившемъ улучшеніи экономическаго положенія крестьянскаго населенія.

Между тѣмъ редакціонныя работы въ Кишиневѣ двигались довольно быстро и участіе бояръ обнаруживалось только въ ихъ ходатайствѣ о сохраненіи молдавскаго языка въ областномъ дѣлопроизводствѣ [7]). Въ 1817 г. проектъ органическаго закона объ управленіи Бессарабіи съ установленіемъ Областного Верховнаго Совѣта, согласно инструкціямъ 1816 г., былъ изготовленъ и

---

[1]) См. Накко, Очеркъ гражд. устройства Бесс. области въ Зап. Од. Общ., XXII, стр. 158.

[2]) Письмо Бахметева къ графу Каподистріи 23 дек. 1816 г. (У Дубровина, Сборникъ Ист. Матеріаловъ, VII, стр 347).

[3]) Высочайшее повелѣніе 26 мая 1816 г.

[4]) „Tout ce qui nous revient de vos environs, c'est à dire des provinces russes et des Principautés, ne dipose pas favorablement pour l'administration actuelle de la Bessarabie. Les émigrations continuent, les paysans sont vexés et le désordre, qui avait signalé d'une manière aussi affligeante le gouvernement du général Harting, paraît encore subsister". Письмо Каподистріи къ Бахметеву 30 апр. 1817 г. Арх. Мин Вн. Дѣлъ № 1175.

[5]) Тамъ же.

[6]) Письмо его къ графу Каподистріи отъ 16 сент. 1817 г. Общ. Архивъ Мин. Вн. Дѣлъ № 1175.

[7]) „Les boyards réclament de la clémence inépuisable de leur auguste Souverain la conservation de la langue des leurs ancétres dans l'administration intérieure de la Bessarabie". Письмо Матвѣя Крупенскаго къ Каподистріи 18 іюня 1817 г. (Общ. Архивъ Мин. Вн. Д. № 1170).

отправленъ въ Петербургъ [1]), гдѣ онъ былъ утвержденъ послѣ нѣкоторыхъ поправокъ [2]) и дополненій, а опубликованіе его было пріурочено къ пріѣзду Александра I въ Кишиневъ въ концѣ апрѣля 1818 г. Проѣзжая изъ Варшавы, гдѣ онъ открылъ сеймъ, черезъ Каменецъ-Подольскъ на югъ, Государь хотѣлъ взглянуть вблизи на ту часть Молдавіи, которая осталась за Россіей и должна была ему напомнить широкіе замыслы и неосуществившіеся планы 1806 г.

Сопровождавшія его тогда лица оставили намъ описаніе того нетерпѣнія, которое ихъ охватило при переѣздѣ черезъ Днѣстръ, когда они увидали впервые на правомъ берегу этой рѣки [3]) невѣдомый край, отторгнутый изъ-подъ турецкаго владычества. И по мѣрѣ того, какъ они проѣзжали черезъ Бѣльцы въ Кишиневъ, по долинѣ Реута, ихъ смущали безлюдіе и пустынность пейзажа [4]), а также и первобытность мѣстнаго гостепріимства. Въ новой областной столицѣ, которую инструкція 1816 г. называла еще „громадой хижинъ“ и куда Государь пріѣхалъ съ Каподистріею 28 апрѣля, на дворянскомъ балѣ Александра поразили безмолвствующіе бояре въ барашковыхъ высокихъ шапкахъ и мало подвижныя ихъ жены, закутанныя въ шали. На другой день, однако, стало извѣстно, что Монархъ назвалъ Бессарабію „золотымъ краемъ“ [5]). А на третій онъ выѣхалъ въ Тирасполь, выразивъ Бахметеву желаніе [6]) вернуться еще разъ въ Кишиневъ [7]).

Изданный 29 апрѣля вмѣстѣ съ рескриптомъ намѣстнику [8]) уставъ образованія Бессарабской области [9]) становился на почву обособленности названнаго края и создавалъ органы власти для

---

[1]) См. отношеніе Бахметева 20 января 1818 г. (Общ. Архивъ Мин. Вн. Дѣлъ № 84).

[2]) См. отношеніе къ Бахметеву отъ 17 ноября 1817 г. (Гл. Архивъ, II, р. 25 раз. 1812—1817 г.г. № 3, листъ 61).

[3]) Михайловскій-Данилевскій. Записки 1829 г. „Русская Старина“, т. 79, стр. 182.

[4]) ...„На всемъ пространствѣ до Кишинева.... я видѣлъ тоже, что и наканунѣ, ни природа, ни люди не измѣнились: тѣ же степи, на которыхъ нѣтъ ни одного дерева, все вокругъ было пустынно, не встрѣчалось ни одного проѣзжающаго. Я обѣдалъ въ деревушкѣ Капрешты отъ дороги верстахъ въ двухъ, гдѣ у моего полудикаго хозяина кромѣ жареной баранины и т. н. полынковаго вина ничего не было“. Михайловскій-Данилевскій, „Русск. Старина“, томъ 91, стр. 77.

[5]) Изъ воспоминаній Вельтмана о Кишиневѣ, перепеч. въ Трудахъ Бес. Архивной Ком., I, стр. 112 сл.

[6]) „Я видѣлъ сію страну... я еще ее увижу, если Всевышнему сіе угодно будетъ“. (П. С. З. 27337).

[7]) Александръ былъ еще разъ проѣздомъ въ Новоселицахъ по возвращеніи изъ Черновецъ въ окт. 1823 г. Объ этомъ у Kaindl, Geschichte von Czernowitz., стр. 48 сл.

[8]) „Вы оправдали вполнѣ ожиданія наши. Составленный вами проектъ образованія... умножаетъ цѣну заслугъ вашихъ“. (Архивъ Мин. Вн. Д. № 84).

[9]) Напечатано въ П. С. З. № 27337.

сохраненія за всѣми сословіями края принадлежащихъ имъ правъ и привилегій и для обезпеченія дальнѣйшаго развитія этого строя Но активную роль въ этомъ самоуправленіи уставъ предоставлялъ одному только сословію—дворянству.

Главный органъ въ краѣ, которому принадлежала высшая административная и судебная власть, Совѣтъ, называемый верховнымъ, потому что онъ не былъ подчиненъ высшимъ государственнымъ установленіямъ, потому что рѣшенія его почитались окончательными и на нихъ можно было приносить жалобы только въ Государственный Совѣтъ, состоялъ изъ 11 членовъ; пять по назначенію: намѣстникъ, гражданскій губернаторъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель гражданскаго, предсѣдатель уголовнаго суда, и шесть по выборамъ отъ дворянства. Однимъ словомъ въ этомъ коллегіальномъ органѣ, гдѣ намѣстникъ имѣлъ только одинъ голосъ, большинство было обезпечено за мѣстными представителями.

Другое коллегіальное учрежденіе, областное правительство, состояло изъ двухъ экспедицій съ двумя совѣтниками, изъ которыхъ одинъ избирался дворянствомъ. Въ уголовномъ и гражданскомъ судѣ, кромѣ предсѣдателя по назначенію, изъ трехъ совѣтниковъ, а въ гражданскомъ изъ четырехъ, одинъ только опредѣлялся изъ должностныхъ лицъ, остальные же избирались дворянствомъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ по всѣмъ дѣламъ допускалось производство на двухъ языкахъ, а по гражданскимъ на одномъ только молдавскомъ.

Въ уѣздахъ исправники и ихъ засѣдатели должны были также избираться дворянами: судебныя функціи этихъ должностныхъ лицъ были теперь перенесены на вновь создаваемые уѣздные суды, составъ которыхъ тоже пополнялся выборами отъ дворянства.

Такимъ образомъ названное сословіе получало возможность на всѣхъ ступеняхъ губернской администраціи проявлять свою дѣятельность и охранять примѣненіе мѣстнаго права, которое подтверждалось также Уставомъ 1818 г.

Для такой роли предполагалось существованіе сорганизованной и замкнутой корпораціи, какой однако на самомъ дѣлѣ не было въ Бессарабіи. Въ Молдавскомъ княжествѣ боярскаго сословія, въ смыслѣ общественной группы съ сословными представителями, не было, а существовалъ, какъ и въ нашемъ Московскомъ государствѣ, служилый классъ, постоянно пополняемый назначеніями на должности. Послѣ присоединенія области было приступлено къ составленію списковъ бояръ, оставшихся

въ Бессарабіи, но провѣрка длилась довольно долго и къ 1818 г., т.-е. ко времени введенія въ дѣйствіе Устава, родословная книга бессарабскаго дворянства еще не была закончена [1]). Кромѣ того замѣчался антагонизмъ между представителями болѣе древнихъ родовъ и бывшими мелкими молдавскими чиновниками, стремившимися получить права россійскаго дворянства. На первыхъ дворянскихъ выборахъ эта распря обнаружилась довольно рельефно и довела представителей обѣихъ партій до драки и даже кровопролитія [2])

Были можетъ быть и другія причины, которыя мѣшали правильному дѣйствію этого self government; главная, пожалуй, лежала въ самихъ боярахъ и въ отношеніи высшаго класса къ возложеннымъ на него обязанностямъ по бессарабскому самоуправленію.

Современники сосчитали, что изъ 200 дѣлъ, поступающихъ ежегодно въ Верховный Совѣтъ, этой коллегіей рѣшались не болѣе 13 въ теченіе одного года; и такое явленіе легко объясняется ходомъ занятій и слабой работоспособностью молдавскихъ совѣтниковъ [3]), какъ описываетъ ихъ лицо, близко къ нимъ стоящее, вице-губернаторъ Вигель: „обыкновенно собираются въ десять часовъ съ видомъ неудовольствія, потомъ, слушая дѣло съ видомъ скуки и равнодушія, болѣе шести разъ въ часъ каждый зѣваетъ; когда же пробьетъ двѣнадцать часовъ, то всѣ взоры поминутно устремляются на стѣнные часы... когда наконецъ ударитъ часъ, то все съ шумомъ подымается, хотя бы одну страницу оставалось дослушать изъ начатаго дѣла“ [4]).

Кромѣ того, частая манкировка выборныхъ совѣтниковъ, изъ-за которыхъ засѣданія неоднократно не состоялись, заставили черезъ два года внести нѣкоторыя видоизмѣненія въ составѣ Верховнаго Совѣта: внесены были еще два члена по назначенію, что конечно переносило большинство въ сторону коронныхъ представителей; а кромѣ того, согласно представленію Бахметева [5]), голосу предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ намѣстника по всѣмъ дѣламъ, кромѣ судебныхъ, было придано значеніе veto: въ случаѣ его

---

[1]) Ср. Крупенскій, Краткій очеркъ о бессарабскомъ дворянствѣ (1912), стр. II сл.

[2]) Вигель, Замѣчанія на нынѣшнее состояніе Бессарабіи. Приложеніе къ „Русскому Архиву“, 1892 г., стр. 12.

[3]) Изъ которыхъ болѣе предпріимчивые пріобрѣтали не всегда заслуженное вліяніе. См. письмо Воронцова 17 мая 1824 г. Архивъ кн. Воронцова, XXXVIII, стр. 307.

[4]) Вигель, Замѣчанія, стр. 10.

[5]) См. Дѣло о преобразованіи Верховнаго Совѣта въ Архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ № 33. Высочайшее утвержденіе послѣдовало 16 марта 1820 г.

несогласія съ мнѣніемъ большинства, онъ могъ пріостановить рѣшеніе Совѣта и представить его вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ на благовоззрѣніе Монарха.

Если такимъ образомъ неудобства, вытекающія изъ пассивности мѣстныхъ элементовъ, а также изъ возможности нежелательнаго перевѣса ихъ въ активномъ смыслѣ, значительно смягчались, нужно съ другой стороны признать, что и назначенныя Бахметевымъ лица [1]) вызывали не меньше нареканій, чѣмъ чиновники, получившіе должности при Гартингѣ, и неизбѣжныя тренія между мѣстными жителями, поступившими на службу въ Бессарабіи, и прибывшими изъ Россіи должностными лицами не могли содѣйствовать улучшенію положенія [2]). Служебная атмосфера такъ сгустилась въ новоприсоединенномъ краѣ, что подозрѣніе касалось и лучшихъ людей, призванныхъ подавать примѣръ гражданскаго долга, обвиненія коснулись и самого Бахметева [3]): по доносу одного изъ своихъ подчиненныхъ онъ былъ заподозрѣнъ въ выпискѣ для своихъ надобностей контра. бандныхъ товаровъ, но Сенатомъ оправданъ [4]). Однако въ 1820 г. онъ былъ уволенъ по болѣзни.

Назначенъ былъ на его мѣсто Инзовъ [5]), бывшій тогда попечителемъ колоній на югѣ Россіи. Разслабленный и безхарактерный старикъ не могъ бороться противъ злоупотребленій; его прозвали тогда „мягкимъ садоводомъ“, можетъ быть потому, что при немъ были посажены вдоль бессарабскихъ дорогъ деревья [6]), отъ которыхъ давно уже ничего не осталось. Эмиграція крестьянъ къ тому времени наконецъ прекратилась, и были приняты обширныя мѣры къ привлеченію колонистовъ славянскихъ [7]) и германскихъ [8]) для заселенія громадныхъ пустопорожнихъ пространствъ, особенно въ южной Бессарабіи.

Тѣмъ не менѣе общій видъ страны мало измѣнился; русскіе путешественники, объѣхавшіе ее въ концѣ 20-хъ го-

---

[1]) „La Bessarabie a été une province infortunée, abandonnée au pillage de toute une horrible séquelle amenée par Bakhmetief de Kamieniez, le rebut de la Podolie“, писалъ Лонгиновъ Воронцову 7 іюня 1823 г. (Архивъ Воронцова, XXIII, стр. 497).

[2]) См. Записки Вигеля, ч. VI, стр. 179

[3]) „...Un homme aussi faible comme (sic) Bakhmetief était devenu presque criminel complice de sa femme et de tous ces Polonais, Grecs, Arméniens et Juifs dont il a peuplé la ville et les tribunaux de son gouvernement“... (Лонгиновъ тамъ же).

[4]) См Сен Архивъ, Дѣла Мин. Юст. 1820 г. № 27.

[5]) Біографія его у Потоцкаго, П. И. Инзовъ (Бендеры 1904).

[6]) См Накко, Очеркъ, стр. 188 сл.

[7]) Именной указъ 19 дек. 1819 г. (П. С. З. 28054).

[8]) Положеніе Комитета Министровъ 28 авг. 1817 г.

довъ и знавшіе ее раньше, не находили перемѣнъ къ лучшему[1]); они даже утверждали, что благосостояніе Бессарабіи[2]) стояло выше при господаряхъ, чѣмъ послѣ 15-лѣтняго управленія этой области подъ русскимъ скипетромъ Инзовъ былъ безсиленъ противъ избираемыхъ дворянствомъ исправниковъ, которые оказались не менѣе вредными для населенія, чѣмъ въ эпоху назначенія ихъ губернаторомъ Отзывы о нѣкоторыхъ изъ нихъ, доложенные въ свое время Комитету Министровъ, могли бы быть приписаны Собакевичу, если бы они не были напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ[3]). „Измаильскій исправникъ, читаемъ мы тамъ, самъ былъ содержатель почтовыхъ лошадей въ своемъ уѣздѣ; бендерскій не что иное, какъ повѣренный Бальша, и вѣроятно печется единственно о помѣстьяхъ г. Бальша, въ томъ уѣздѣ находящихся; аккерманскій покровительствуетъ разбойникамъ, а ясскій, хотя изъ всѣхъ лучшій, но также за нѣкоторые поступки отданъ подъ слѣдствіе".

Трудно было даже рѣшить, какая категорія служащихъ лицъ была опаснѣе для интересовъ края: мѣстные ли молдаване[4]), занявшіе цѣлый рядъ должностей въ Бессарабіи, или пришлые изъ внутреннихъ русскихъ губерній чиновники[5]).

Въ 1823 г. Инзовъ былъ возвращенъ къ исключительному завѣдыванію колоній, а новороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ Воронцовъ, получилъ вдобавокъ бессарабское намѣстничество. Это назначеніе первоначально привѣтствовалось въ Кишиневѣ среди мѣстнаго дворянства, ожидавшаго отъ просвѣщеннаго вельможи, воспитаннаго въ культѣ англійской конституціи, поддержки и развитія бессарабскаго самоуправленія[6]). Однако очень скоро выяснилось, что новый намѣстникъ, наоборотъ, считалъ источникомъ всѣхъ бѣдъ въ Бессарабіи это самоуправле-

---

[1]) „Я 11 лѣтъ тому назадъ былъ въ Бессарабіи, но съ тѣхъ поръ не нашелъ никакого усовершенствованія. ", писалъ въ 1829 г. Михайловскій-Данилевскій („Русская Старина", т 79, стр. 182).

[2]) „Не видно, писалъ Стороженко въ 1829 г., чтобы благосостояніе жителей подвигалось впередъ: напротивъ того, когда въ 1806 г. войска наши заняли Бессарабію, она была гораздо въ цвѣтущемъ состояніи" (Чтенія въ Моск. Общ. Ист и Др. 1871, кн. IV. См. стр. 46.

[3]) Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Министровъ 2 сентября 1824 г. 30.048.

[4]) Объ одномъ изъ нихъ см. письма Сабанѣева къ Воронцову отъ 4 дек. 1823 г. (Архивъ кн. Воронцова, XXXIX, стр 472) и письма гр Блудова къ Воронцову 8 октября 1823 г. (тамъ же, т. 38, стр. 284—285)

[5]) Вигель (Записки, VI, стр 167) рѣшалъ его въ пользу вторыхъ. „Не знаю, право, русскіе исправники менѣе ли молдаванъ сдѣлались падки на наживу. Можетъ быть я грѣшу, но я смотрю всегда снисходительнѣе на нашихъ бѣдныхъ земляковъ, которые, ничего не имѣя въ родномъ краю, въ завоеванномъ стараются нажить небольшое имущество".

[6]) См. Вигель, Записки, VI, стр. 112—113.

ніе, созданное въ 1812 г. и расширенное въ 1816 г.[1]). И онъ въ этой точкѣ зрѣнія находилъ поддержку у тѣхъ изъ нашихъ сановниковъ, которымъ удалось познакомиться съ глубокими язвами областного управленія.

„Эта варварская еще сторона, писалъ про Бессарабію Лонгиновъ изъ Кишинева, гдѣ людей душатъ безъ вины въ тюрьмахъ, грабятъ, бьютъ и жгутъ“[2]). То же самое приблизительно писалъ Воронцову Блудовъ, которому было поручено составленіе докладной записки объ упорядоченіи бессарабской администраціи: онъ убѣждалъ[3]) Воронцова не останавливаться передъ рѣшительными мѣрами, чтобы удалить оттуда нежелательныя должностныя лица, и кромѣ того высказывался противъ существованія Верховнаго Совѣта[4]), дѣятельность котораго онъ считалъ и зловредной, потому что первенствующую роль въ его рѣшеніяхъ игралъ личный интересъ нѣкоторыхъ членовъ[5]), и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточной, потому что къ пониманію настоящихъ потребностей края молдавскіе совѣтники не были подготовлены. Въ самомъ же министерствѣ внутреннихъ дѣлъ преобладало такое же отрицательное отношеніе къ первенствующей роли дворянства въ управленіи Бессарабіей, навязанной нашимъ законодательствомъ сословію слишкомъ малочисленному и не вполнѣ еще сформировавшемуся.

Понятно поэтому, что представленіе Воронцова о постепенномъ сокращеніи правъ дворянства въ управленіи области находило благопріятную почву въ Петербургѣ. Прежде всего по его иниціативѣ избраніе исправниковъ было замѣнено назначеніемъ ихъ губернаторомъ. Черезъ два года, въ 1825 г. были отмѣнены судебныя функціи Верховнаго Совѣта[6]). Нужно замѣтить, что уже въ 1822 г. обнаружилось недовѣріе къ су-

---

[1]) „Ces habitudes, ces moeurs, ces coutumes que le C-te Capodistria et Mr de Stourdza ont si généreusement voulu leur (бессарабцамъ) conserver à tout jamais comme lois fondamentales“, писалъ Воронцовъ Блудову („Русскій Архивъ“, 1905 г. III, стр 130).—„Le ministre n'a point l'intention de faire cause commune avec les malversations ni sciement, ni pas esprit de systeme; ce dernier a été malheureusement celui de Stourdza pendant toute la durée de son règne“. (Письмо М. С. Воронцова 17 мая 1824 г. Архивъ Воронцова, XXXVIII, стр. 307).

[2]) Письмо 4 августа изъ Кишинева („Русскій Архивъ“, 1905г., III, стр. 568).

[3]) „Je ne puis resister au desir d'allonger ma lettre de quelques lignes pour réclamer la continuation de votre sollicitude en faveur de notre pauvre Bessarabie ... Au nom de Dieu, monsieur le comte, et aussi au nom de l'humanité souffrante, que les difficultés ne vous rebutent pas!“ (Письмо 8 окт. 1823 г. Архивъ кн. Воронцова, т. XXXVIII, стр 286).

[4]) Тамъ же, стр. 288.

[5]) „Кто же верховный судья, отъ котораго зависитъ участіе и мнѣніе жителей Бессарабіи? Тотъ же самый Прункулъ“. (Вигель, Замѣчанія, стр. 9).

[6]) Ук. 3 авг. 1825 г. (П. С. З. 30439).

дебнымъ рѣшеніямъ Верховнаго Совѣта учрежденіемъ особаго комитета, въ который разрѣшено было подавать апелляціонныя жалобы на рѣшенія высшаго бессарабскаго судилища, сначала только по дѣламъ Бальша, а черезъ годъ по всѣмъ процессамъ[1]).

Если эти жалобы не сразу были направлены въ Сенатъ апелляціоннымъ порядкомъ[2]), то потому, что для Сената казалось затруднительнымъ разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ бессарабскихъ до приведенія въ порядокъ источниковъ мѣстнаго гражданскаго права. Комиссія изъ мѣстныхъ бояръ, учрежденная въ 1816 г. для составленія бессарабскаго уложенія, съ разрѣшеніемъ копировать молдавское уложеніе или валашскій кодексъ Караджи, не дошла до цѣли; и работа ея, переданная впослѣдствіи юристамъ, получившимъ научное образованіе на Западѣ, барону Бруннову и Манегѣ[3]), также не увѣнчалась успѣхомъ.

Тѣмъ не менѣе комитетъ по разсмотрѣнію жалобъ на судебныя рѣшенія Верховнаго Совѣта былъ закрытъ въ 1825 г. и замѣненъ 4 департаментомъ Сената, какъ высшей инстанціей по бессарабскимъ тяжебнымъ дѣламъ. Между тѣмъ графъ Воронцовъ писалъ, что сохраненіе судебнымъ функцій создавало бы лишнюю апелляціонную инстанцію между областными судами, гражданскими и уголовными съ одной стороны, и Сенатомъ съ другой, а кромѣ того участіе совѣтскихъ бояръ въ судебныхъ дѣлахъ никакой пользы не приносило, ибо, какъ писалъ Воронцовъ[4]), они „по недостаточному образованію чужды познанія судопроизводства и далеки отъ дѣятельности“.

Послѣ этого Воронцовымъ составленъ былъ проектъ[5]), который возвращался къ предположенію Гартинга о введеніи въ Бессарабіи общаго управленія русскихъ губерній[6]) съ сохраненіемъ лишь немногочисленныхъ особенностей, вызванныхъ мѣстными особенностями. Одобренныя комитетомъ министровъ начер-

---

[1]) Сенат. Архивъ, Дѣла Мин. Юст. 1823 г. № 80.

[2]) См. Сен. Арх., Дѣла Мин Юст. 1825 г. № 19.

[3]) О немъ см. Pompiliu Eliade, Histoire de l'esprit public en Roumanie (1905), стр. 249 253

[4]) Сен. Архивъ. Дѣла Мин. Юст. 1825 г. № 106.

[5]) См Сен. Архивъ. Дѣла Мин. Юст. 1825 г. № 61.

[6]) Блудовъ въ этомъ смыслѣ писалъ Воронцову (Архивъ, XXVIII, стр. 289): „Les nombreux défauts de l'organisation (Бессарабіи) ont été aperçus tant par M. Kotchoubey, que par ses successeurs; mais c'est à vous, Mr. le comte, d'en provoquer la réforme.... en nous rapprochant des institutions qui régissent l'intérieur de l'Empire pour effaces peu à peu toute dissemblance entre les provinces et tâcher de parvenir à cette unité dans le système des lois qui finit par produire l'unité de moeurs et qui, désirable partout, l'est encore plus en Russie, précisément à cause de son incommensurable étendue“.

танія Воронцова были облечены въ законопроектъ, внесенный въ Государственный Совѣтъ въ 1826 г., а два года спустя [1]) было опубликовано новое учрежденіе для управленія Бессарабской областью Этотъ законъ отмѣнялъ намѣстничество, вводя Бессарабію на общихъ основаніяхъ въ составъ новороссійскаго генералъ-губернаторства: онъ вводилъ въ эту область общерусскія губернскія учрежденія и обще-имперскую налоговую систему съ подчиненіемъ всѣхъ ея присутственныхъ мѣстъ органамъ центральнаго управленія. Верховный Совѣтъ переименовался въ областной съ возложеніемъ на него немногочисленныхъ функцій по раскладкѣ нѣкоторыхъ сборовъ и регулированію продовольственныхъ дѣлъ, съ разрѣшеніемъ собираться лишь два раза въ годъ. Весь составъ его, за исключеніемъ областного предводителя, назначался органами государственной власти Молдавскій языкъ исключался изъ дѣлопроизводства всѣхъ областныхъ учрежденій [2]).

Съ этимъ новымъ закономъ заканчивается исторія своеобразнаго самоуправленія на новой окраинѣ, заканчивается также исторія Бессарабіи, какъ обособленной административной единицы въ составѣ великой Имперіи. Графъ Воронцовъ еще долго послѣ этого сохранялъ высшій надзоръ надъ ней и имѣлъ много времени, чтобы осуществить вторую часть программы, а именно доказать, что безъ Верховнаго Совѣта личный составъ бессарабскаго чиновничества долженъ былъ улучшиться въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Повидимому ему это не удалось и безуспѣшность своихъ стараній онъ самъ признавалъ въ частной своей перепискѣ съ Киселевымъ, который могъ отвѣтить ему 11-го іюня 1833 г.: „Вы рисуете мнѣ крайне грустную картину Бессарабіи. Запрутскіе молдаване спѣшатъ сбыть свои имѣнія, находящіяся въ нашей области... Въ австрійской же Буковинѣ помѣщики платятъ 30% налоговъ, но восхваляютъ порядокъ и честность администраціи. Вамъ плохо помогали губернаторы, которые чередовались въ Кишиневѣ, и тѣ чиновники, которые являются подонками Россіи и Молдавіи [3])“.

Отмѣна этого недолговѣчнаго самоуправленія не вызвала среди бессарабскихъ дворянъ, оставшихся въ русскомъ подданствѣ, того раздраженія, о которомъ охотно доносили ино-

---

[1]) Учрежденіе для управленія Бессарабской области 29 февр. 1828 г. (П. С. З. 1834).

[2]) § 62.

[3]) Письмо 11 іюня 1833 г. (Архивъ кн. Воронцова, XXXVIII, стр. 209).

странные консулы [1]) въ дунайскихъ княжествахъ. Лояльность этого сословія никогда не была поколеблена и слезы радости, которыя проливалъ областной предводитель Башотъ, возлагая на себя аннинскій крестъ [2]), пожалованный ему послѣ перваго трехлѣтія, никого не удивили среди дворянъ. Раздраженія не было, но долго оставалась грусть о правахъ, случайно полученныхъ и случайно потерянныхъ.

И никого уже не было, какъ раньше въ 1814 и 1816 гг., чтобы заступиться за призракъ испарившагося бессарабскаго self government. Старый румынскій патріотъ Гавріилъ, послѣ тяжелой и продолжительной жизни, нашелъ уже въ 1821 г. (30 марта) мѣсто вѣчнаго упокоенія въ любимомъ кипріановскомъ монастырѣ; но до конца онъ оставался поборникомъ интересовъ своего родного народа, продолжая въ Бессарабіи борьбу, начатую имъ еще въ дни юности, противъ константинопольскаго патріархата и греческихъ монастырей.

И Каподистрія въ 1822 г. разстался съ бессарабскими дѣлами, одновременно съ руководительствомъ нашей иностранной политикой, но, живя въ Женевѣ, онъ издали слѣдилъ за жизнью области, устройство которой онъ хотѣлъ поднять какъ можно выше, во славу русскаго имени. Въ письмѣ къ Воронцову [3]) онъ сознавалъ, что выборъ неподходящихъ людей можетъ погубить наилучшія намѣренія.

И забытъ теперь Каподистрія въ этой Бессарабіи [4]), о благосостояніи которой онъ такъ заботился и гдѣ онъ,—въ отличіе отъ многихъ его современниковъ, имѣвшихъ отношеніе къ управленію этого края [5]),—не пріобрѣлъ, ни для себя, ни для своихъ родичей, ни одной пяди земли [6]).

---

[1]) „La Bessarabie se déplait du joug moscovite. La noblesse s'y voit méprisée, maltraitée et peu à peu privée de ses prérogatives et écartée des charges qui se confèrent à des nationaux russes". (Донесеніе прусскаго вице-консула изъ Яссъ 10 окт. 1825 г., Hurmuzaki, т. X, стр. 330 сл.).

[2]) См. Вигель, Записки, VI, стр. 52.

[3]) „Le bonheur de cette province me tient particulièrement à coeur, à raison de la responsabilité morale qui pèse toujours sur le ministre, qui a travaillé à son organisation. Plus je suis prêt à vous garantir les principes sur lesquels elle est basée, et moins je suis disposé à vous répondre des employés, à l'égard desquels vous avez la complaisance de me parler" Письмо Каподистріи изъ Женевы 10 янв. 1824 г. (Арх. кн. Воронцова, XXXVII).

[4]) Дольше сохранилась тамъ память о другомъ дѣятелѣ этого времени, о ген. Тучковѣ, имя котораго было дано форштату Измаила. Про него Чичаговъ писалъ 18 авг. 1812 г.: „Le général Tutchkof est très aimé en Bessarabie... Il a des sentiments nobles, du désintéressement..." (Сборн. И. Р. Ист. Общ., VI, стр. 29).

[5]) Списокъ именъ у Флоровскаго, Собраніе Высочайшихъ Грамотъ и указовъ въ Архивѣ Новор. ген. губ. управленія (1912 г.), стр. 28.

[6]) Notice biographique sur le c-te Capodistrias, въ его Correspondance (1834) I, стр. 39.

Но кто помнитъ Верховный Совѣтъ въ Бессарабіи? Если была грусть по немъ у бессарабскихъ дворянъ, то она давно канула въ прошлое и неизвѣстна нынѣшнему поколѣнію дворянъ, отпраздновавшему столѣтіе 1812 г. Верховный Совѣтъ забытъ потому, что онъ для края ничего не сдѣлалъ.

Послѣ него въ теченіе всего XIX вѣка всѣ перемѣны во внутреннемъ управленіи Россіи коснулись и Бессарабіи. Крестьянская, земская, судебная реформы ее сблизили еще тѣснѣе съ Имперіею. На нее распространились и правовые институты, чуждые быту ея населенія: такъ, напр., въ нашихъ высшихъ государственныхъ установленіяхъ землевладѣніе мелкихъ собственниковъ, но потомковъ крупныхъ бессарабскихъ вотчинниковъ, называемыхъ р е з е ш а м и, приравнивалось къ великорусскому общинному владѣнію, и искусное юридическое построеніе „крестьянскаго двора“, выработанное сенатской практикой, навязывалось бессарабскимъ ц а р а н а м ъ, наперекоръ ихъ глубокому сознанію единоличной собственности.

Но все-таки сельское населеніе этой окраины мало измѣнилось за истекшее столѣтіе и оно жило въ Бессарабіи въ тѣхъ же экономическихъ условіяхъ, съ преобладаніемъ того же иородческаго вопроса [1]), какъ и молдаване [2]), жительствующіе внѣ предѣловъ нашей Имперіи. Въ немъ можно найти и понынѣ тѣ черты національнаго характера, которые отмѣчались русскими [3]) и иностранцами [4]), познакомившимися съ Бессарабіею вскорѣ послѣ ея присоединенія: они хвалили его простодушіе, преданность его отеческой вѣрѣ, мужество передъ смертью и послушаніе къ начальству [5]).

Этому послѣднему качеству легла, можетъ быть, въ основу нѣкоторая доля скептицизма, которая еще недавно подчеркивалась французскимъ изслѣдователемъ [6]) валашскихъ крестьянъ, близко стоящихъ къ единоплеменнымъ молдаванамъ: румынскій мужикъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относится ко всякому проявленію государственной власти. Видѣлъ онъ много различныхъ правителей съ тѣхъ поръ, что его прародители, рома-

[1]) Ср. Gougenot des Mousseaux. Le Juif, le judaïsme et la judaïsation des peuples chrétiens (1886), стр. 441 сл.

[2]) „...Cette partie de la Roumanie, qui est l'ancienne Moldavie, a été surtout malmenée par le sort. Les éléments étrangers ont accaparé toute la vie matérielle ..“ Рѣчь проф. Ксенополя (въ 1907 г.), Revue Intern. de l'Enseignement supérieur 15 дек. 1907 г.

[3]) Куницкій, Краткое описаніе, стр. 18.

[4]) Zucker, Bessarabien (1834), стр. 13 сл.

[5]) Ср. еще отзывы Палена и Киселева у Скальковскаго, Румынскія доблести (Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XX, стр. 36).

[6]) De Martonne, La Valachie, стр. 276—277.

низованные Даки, заселили между Карпатами и Днѣстромъ мѣста, называемыя въ старину „solitudo Getarum“, много перетерпѣлъ онъ сравнительно еще недавно отъ набѣговъ баши-бузуковъ, отъ притѣсненій господарскаго исправника, отъ грека-откупщика и отъ еврея-шинкаря.

Но помнитъ ли этотъ народъ превратности своей политической судьбы? Помнитъ ли онъ, какъ въ 1410 г. вмѣстѣ съ Поляками побѣждалъ германскихъ меченосцевъ подъ Танненбергомъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ молдавскій князь Стефанъ Великій уничтожалъ тѣхъ же Поляковъ подъ Сучавой? Помнитъ ли онъ, какъ въ концѣ XVI вѣка валашскій князь Михаилъ Храбрый оттѣснилъ Турокъ за Дунай, а черезъ сто лѣтъ князь Шербанъ-Кантакузенъ вмѣстѣ съ Турками осаждалъ Вѣну, но по соглашенію съ осажденными заряжалъ свои пушки соломою? Помнитъ ли онъ эти постоянныя столкновенія между сосѣдними государствами, въ которыхъ онъ долженъ былъ участвовать, когда, напр., подъ Рымникомъ въ 1789 г, Румыны, сражавшіеся одновременно въ турецкой и австрійской арміи, проливали братскую кровь? Можетъ быть легче вспомнить этому мужику, какъ онъ еще недавно на своей „арабѣ“ слѣдовалъ въ обозѣ за русскими арміями черезъ Дунай и Балканы и купалъ своихъ бѣлыхъ воловъ въ Мраморномъ морѣ?

Но старые народы, какъ старые люди, плохо помнятъ болѣе близкое время и больше любятъ останавливаться въ своихъ мысляхъ на воспоминаніяхъ молодости. Такъ и въ народныхъ сказкахъ, въ былинахъ Молдавіи и Валахіи, пѣвецъ уходитъ въ глубь вѣковъ и въ часы печали, въ часы угнетенія охотно призываетъ всемогущаго кудесника, стараго царя, безсмертнаго Траяна.

Бессарабская Область, переименованная впослѣдствіи въ губернію, мало обращала на себя вниманіе русскаго общества въ теченіе XIX вѣка, благодаря мирному развитію и отсутствію острыхъ конфликтовъ на этой нашей окраинѣ. Какъ-то мало замѣтной прошла для большинства русскихъ потеря южной части Бессарабіи въ силу Парижскаго мира 1856 г., какъ и мало было обращено вниманія на ея возвращеніе къ намъ послѣ берлинскаго трактата: и до сихъ поръ у насъ въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ висятъ карты Россіи съ границей по рѣкѣ Ялпукъ, отрѣзавшей насъ отъ Дуная въ теченіе 22 лѣтъ, какъ это предлагалъ Галибъ-эфенди на мирномъ конгрессѣ въ Журжевѣ.

Мало изслѣдована также Бессарабія въ географическомъ и въ историческомъ отношеніи не только бессарабцами [1]), но и научными силами Имперіи: со времени изданія [2]) обширной монографіи Защукомъ не было уже отдѣльнаго [3]) и всесторонняго описанія этого края [4]). Конечно, прошло то время, когда у насъ относили Бессарабію къ Азіи и смѣшивали ее порой съ Грузіей [5]); прошло то время, когда наше вѣдомство иностранныхъ дѣлъ затруднялось опредѣлить мѣстоположеніе Кишинева [6]).

Но и теперь свѣдѣнія, получаемыя объ этой далекой окраинѣ въ центральныхъ управленіяхъ, не всегда точны: напр., „Ежегодникъ Россіи", издаваемый центральнымъ статистическимъ комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, за 1910 г., перечисляя народности, заселяющія Бессарабію, не называетъ молдавскую, хотя она составляетъ больше половины всего населенія Бессарабской губерніи; а нѣсколько лѣтъ тому назадъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ [7]) призналъ Бессарабію вмѣстѣ съ Молдавіею бывшими составными частями Византійской имперіи, не взирая на то, что власть константинопольскихъ императоровъ никогда не простиралась сѣвернѣе Дуная.

Какъ бы то ни было, Бессарабія въ теченіе XIX вѣка не сыграла роли, къ которой она казалась призванной послѣ Бухарестскаго мира и о которой мечталъ, повидимому, Каподистрія. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ея присоединенія ясно было, что она не будетъ предварительной ступенью для дальнѣйшихъ завоеваній на Балканскомъ полуостровѣ, что она не послужитъ переходнымъ этапомъ въ нашемъ наступательномъ движеніи къ Босфору. Притомъ за это время произошла нѣкоторая перемѣна въ общемъ направленіи нашей восточной политики: стала выдвигаться не столько забота о всѣхъ хри-

---

[1]) Отраднымъ явленіемъ можно было бы назвать библіографическій сборникъ „Bessarabiana", изданный въ 1912 г. бессарабскимъ земствомъ, если бы онъ не страдалъ крупными пробѣлами, въ которыхъ однако нельзя винить составителя П. Д. Драганова.

[2]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Бес. Область, I, II, 1862 г.

[3]) У Семенова Тянь-Шанскаго и Ламанскаго (Россія, полное описаніе), Бессарабія разсматривается, какъ часть Новороссійскаго края, т. XVI.

[4]) Самое подробное описаніе пожалуй въ Dictionarul Geografic al Basarabiei (Bucuresti, 1904 г.), издаваемомъ румынскимъ географическимъ Обществомъ (Societatea Geografica Romina).

[5]) См. Замѣчанія Вигеля, стр. 35.

[6]) См. разсказъ у Скальковскаго. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1846 г., XIII, стр. 411.

[7]) Сборникъ за 1909 г. № 35.

стіанскихъ подданныхъ Порты, сколько защита славянскихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ: съ этой послѣдней точки зрѣнія романское населеніе обѣихъ половинъ Молдавіи и также Валахіи какъ будто отдѣляло сѣверныхъ отъ южныхъ славянъ и могло только помѣшать ихъ братскому сліянію въ будущемъ. Эту мысль высказывалъ между прочимъ одинъ изъ нашихъ дипломатовъ [1]): „Этотъ народъ—Румыны—имѣетъ особенный отпечатокъ и не могу скрыть, писалъ онъ, что, глядя на карту, меня досада беретъ, что эти восемь милліоновъ чуждаго славянамъ племени поселились здѣсь на прелестныхъ скатахъ Карпатскихъ горъ, составляя какъ будто клинъ между славянскими племенами и препятствуя ихъ соединенію". И онъ дальше восклицалъ: „Если бы на мѣстѣ этихъ Румынъ жили бы Сербы или Болгары, какъ просто тогда рѣшился бы восточный или славянскій вопросъ",—не предчувствуя конечно тѣхъ затрудненій, съ которыми нашей дипломатіи суждено было встрѣтиться впослѣдствіи въ отношеніяхъ къ славянскимъ государствамъ Балканскаго государства [2]).

Это романское происхожденіе повидимому смущало не только дипломатовъ, но и славянофиловъ: нѣкоторые изъ нихъ, какъ Батюшковъ [3]), его отрицали, стараясь доказать, что первоначальные жители Бессарабіи были Славяне, принявшіе впослѣдствіи латинскую рѣчь; другіе, какъ Данилевскій, не рѣшались идти такъ далеко въ своихъ гипотезахъ, но, предпочитая безусловное проведеніе принципа національности, совѣтовали русскому правительству отдать Бессарабію Румыніи [4]).

И недавно одинъ изъ русскихъ военныхъ писателей [5]), подводя итоги нашимъ войнамъ на Балканскомъ полуостровѣ, нашелъ, что Россія достигла на юго-западѣ своихъ естественныхъ границъ уже въ 1792 г., послѣ Ясскаго мира, давшаго ей лѣвый берегъ Днѣстра, тогда какъ всѣ послѣдующія кровопролитныя кампаніи противъ Турціи прибавили къ этому только „полоску земли", какъ онъ называетъ территорію между

---

[1]) Ф. П. Фонтонъ, Воспоминанія изъ главной квартиры Дунайской арміи, т. I, стр. 37.

[2]) О перепискѣ русскихъ представителей съ болгарскимъ правительствомъ послѣ войны 1877—1878 г. интересныя записи у Queillé, Les commencements de l'indépendance bulgare. Souvenir d'un Français de Sophia (Paris, 1910 г.).

[3]) Въ книгѣ „Бессарабія" (1892 г.), стр. 2.

[4]) „Россія и Европа" (1888 г.), стр. 442.

[5]) А. П. Куропаткинъ. Задачи русской арміи, I, стр. 492—494; II, стр. 502

Днѣстромъ и Прутомъ, хотя она по площади въ три раза больше Эльзасъ-Лотарингіи.

Не лучше ли дорожить этой „полоской“, напоминающей намъ и понынѣ боевые подвиги русскаго оружія, не лучше ли любить въ ней все, что у насъ осталось отъ восточныхъ грёзъ и несбыточныхъ мечтаній?

